

Новая
Университетская
Библиотека

Книги – это корабли мысли,
странствующие по волнам времени
и бережно несущие свой драгоценный груз
от поколения к поколению.

Ф. Бэкон

И.Б. Голуб
В.Д. Неклюдов

РУССКАЯ РИТОРИКА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Москва
Логос
2011

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-923
Г62

Серия основана в 2003 году

Рецензент

Т.В. Маркелова, доктор филологических наук, профессор

Голуб И.Б., Неклюдов В.Д.

Г62 Русская риторика и культура речи: учеб. пособие / И.Б. Голуб, В.Д. Неклюдов. — М.: Логос, 2011. — 328 с. — (Новая университетская библиотека).
ISBN 978-5-98704-603-6

Изложены наиболее важные сведения о классической риторике. Освещена история риторических учений. Раскрыто понятие ораторской речи. Рассмотрены риторические каноны. Проанализированы составляющие культуры речи оратора: словесное выражение мысли, лексические и фонетические средства выразительности речи, синтаксические средства экспрессии, использование фразеологизмов, литературное произношение и ударение.

Для учащихся общеобразовательных учреждений, студентов высших учебных заведений. Представляет интерес для широкого круга читателей, желающих научиться говорить правильно и убедительно.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-923

ISBN 978-5-98704-603-6

© Голуб И.Б., Неклюдов В.Д., 2011
© Логос, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	8
Список условных сокращений	11
Введение.....	13

Часть I РИТОРИКА

Глава 1. История риторических учений	16
Античная риторика.....	16
Развитие риторики в Средние века и эпоху Возрождения.....	25
Развитие риторических идей в России.....	27
Древнерусское красноречие. Истоки и традиции	27
Учение о красноречии М.В. Ломоносова	30
Риторическая школа российских академиков.....	32
Судебное красноречие в России.....	37
Кризис русской риторики. Институт живого слова.....	38
Глава 2. Ораторская речь	40
Важнейшие особенности ораторской речи.....	40
Роды и виды ораторских речей	43
Глава 3. Риторические каноны	56
Как готовиться к выступлению. Изобретение (инвенция)	56
Топика. Виды общих мест.....	64
Аргументация. Виды, методы и правила аргументации	73
Расположение материала (диспозиция)	82
Композиция публичного выступления	82
Особенности построения главной части выступления	88
Завершение ораторской речи	94
Словесное выражение мысли (элокуция)	98
Тактики речевого воздействия	98
Тропы (цветы красноречия)	102
Запоминание (меморио)	118
Память – сложный психический процесс	118
Методы запоминания речи	122
Типы памяти	130

Произнесение (акцию).....	132
Типы дыхания	133
Голос и его качества	134
Дикция	138
Интонация	141
Мимика и жесты	149
Глава 4. Искусство спора	156
Что такое спор.....	156
Классификация споров	159
Способы ведения спора.....	162
Культура ведения спора.....	165
Приемы защиты в споре.....	169
Искусство задавать вопросы в споре	173

Часть II

КУЛЬТУРА РЕЧИ ОРАТОРА

Глава 5. Словесное выражение мысли	176
Точность словоупотребления.....	176
Речевая избыточность	178
Речевая недостаточность	180
Логические ошибки как следствие неточного слово- употребления	181
Стилистическая оценка слова.....	183
Слова книжные и разговорные	183
Слова высокие, торжественные и сниженные, пренебрежительные	186
Жаргонная лексика	189
Иноязычная лексика	191
Новые слова	194
Глава 6. Лексические средства выразительности речи	195
Синонимия	195
Стилистические функции синонимов	197
Ошибка при употреблении синонимов	200
Антонимия	201
Стилистические функции антонимов	202
Ошибки при употреблении антонимов	205
Паронимия и паронимазия	206
Стилистические функции паронимов	208
Смещение паронимов	210
Искажение смысла высказывания вследствие паронимазии	211
Полисемия и омонимия	212
Многозначные слова	212

Омонимия и смежные с ней явления	213
Стилистические функции многозначных слов и омонимов	214
Неоправданные каламбуры из-за полисемии и омонимии ...	215
Глава 7. Достижение образности речи лексическими средствами	218
Металогическая речь	218
Речевые ошибки при употреблении тропов	221
Глава 8. Стилистическая оценка фразеологии	226
Отличие фразеологизмов от свободных словосочетаний	226
Стилистическая окраска фразеологизмов	227
Выразительные возможности фразеологии	228
Стилистическое использование фразеологизмов	232
Ошибки при употреблении фразеологизмов	237
Глава 9. Стилистические функции частей речи	241
Имена существительные	241
Прилагательные и наречия	248
Числительные	256
Местоимения	259
Глаголы	262
Глава 10. Понятие текста	272
Функционально-смысловые типы речи	273
Описание	273
Повествование	276
Рассуждение	278
Объяснение	280
Глава 11. Синтаксические средства экспрессивной речи	281
Эмфатическая интонация оратора	281
Риторические восклицания и риторические вопросы	282
Смещение синтаксической конструкции и ее незавершенность	283
Фигуры прибавления	286
Период и другие риторические фигуры	295
Глава 12. Фонетические средства выразительности речи	303
Звукопись	303
Звукоподражание	307
Недочеты в звуковой организации речи	311
Глава 13. Литературное произношение и ударение	313
Стили произношения	313
Произношение безударных гласных звуков	314
Произношение согласных звуков	314
Особенности произношения иностранных слов	315
Особенности произношения имен и отчеств	315
Литературное ударение	317
Краткий словарь ударений и литературного произношения	319
Рекомендуемая литература	327

Предисловие

Современные филологи часто не разграничивают термины *риторика* и *красноречие*, однако для нас важно уточнить эти понятия. Слово «красноречие» в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля объясняется как *умение говорить и писать красиво, убедительно и увлекательно*. В современных словарях приводится еще одно значение этого термина: красноречие — это и *теория ораторского искусства*. Второе значение совпадает со значением термина «риторика»¹.

Античную, классическую, риторику называют еще канонической, потому что в основе ее были *риторические каноны*, т.е. правила, которыми должен был руководствоваться оратор при подготовке речи (греческое слово *канон* означает «образец»).

В создании ораторской речи выделялось пять канонов.

1. Инвенция (лат. *inventio*) — изобретение, или «нахождение» мыслей при подготовке содержания речи.

2. Диспозиция (лат. *dispositio*) — расположение, или размещение, последовательность изобретенного.

3. Элокуция (лат. *elocutio*) орнаменто — словесное выражение мысли и украшение речи.

4. Меморио (лат. *memorio*) — запоминание подготовленного текста.

5. Акцио (лат. *aktio hypocrisis*) — актерское исполнение речи.

Написанная автором речь могла быть передана заказчику, который ее заучивал и произносил. Выступление оратора предполагало не только его высокую культуру речи, но и мастерство устного произнесения текста, что требовало известного артистизма: оратору нужно было иметь хорошие голосовые данные, он должен был использовать мимику, уметь красиво жестикулировать, приковывая к себе внимание слушателей.

Содержание античной риторики не ограничивалось разъяснением указанных канонов: давалась еще классификация ораторских речей, описывались их жанры; исследовалась психология общения, аргументация речи оратора, логическая структура его выступления, особенности ведения спора, речевой этикет и т.д. Эти важнейшие аспекты риторических знаний представлены в русской риторике в современном толковании.

¹ Кроме основного значения слово «риторика» имеет и другое, негативное значение, указывая на напыщенные высказывания, пронизанные ложным пафосом, за которым скрывается бессодержательность речи. В современных словарях приводится это значение слова «риторика» с пометой «пренебрежительное».

Основа риторической культуры — свободное владение литературно-языковой нормой. В русской риторике проблемы культуры речи занимают важнейшее место. Словесное выражение мысли теперь не укладывается в один лишь канон «Элокуция», этому посвящена большая часть книги. При этом важно не только изучение выразительных возможностей русского языка на всех его уровнях, но и предупреждение речевых ошибок, которые часто встречаются в выступлениях ораторов и в письменной речи авторов, не знающих требований практической стилистики.

Только в совершенстве владея родным языком, ритор может достичь успеха. Риторический идеал формировался в IV—III вв. до н.э., его становление обязано деятельности великих мыслителей и ораторов, среди которых Аристотель, Сократ, Платон, Квинтилиан, Цицерон. Цицерон черпал выразительные средства публичной речи из художественной литературы, благодаря чему произошло сближение риторики с поэтикой, просодией, стилистикой. В эпоху Цицерона латынь, по убеждению некоторых филологов, достигла совершенства и не нуждалась в дальнейшем обогащении и развитии.

Этого нельзя сказать о современном состоянии русского языка, риторические возможности которого далеко не исчерпаны. Еще в начале XIX в. замечательный писатель Н.М. Карамзин, сделавший много для развития русского литературного языка, указывал: «В шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но всю жизнь надобно учиться своему природному. Нам, русским, еще более труда, нежели другим». Это пожелание не утратило своей актуальности и в наши дни.

Античная риторика создала идеальный образ оратора как личности: это активный, общительный, высокообразованный и высококравственный человек, который уважительно относится к аудитории. Считалось, что успех речи зависит не только от ратора, но и от слушателей. Оратор должен искать у них поддержки, ориентируясь на сильные личности. Обе стороны заинтересованы в достижении взаимопонимания. Поэтому во время выступления оратора должна устанавливаться атмосфера взаимного уважения. Высокий духовный уровень общения обязывает оратора искусно выбирать выражения, владеть интонацией, голосом, чтобы добиться предельного внимания слушателей.

Классическая риторика учила говорить правду и отстаивать свои убеждения до конца. Выдающиеся античные ораторы отстаивали истинность своих постулатов с героической последовательностью. Сократ предпочел смерть, выпив чашу с ядом на глазах у судей, но не отрекся от своего учения и от выстраданной им позиции наставника молодежи. Демосфен, прославившийся своими филиппиками (обвинительными речами против македонского царя Филиппа), свел счеты с жизнью, когда этот царь восторжествовал в борьбе за власть над Афинами.

В то же время античная риторика признавала и необходимость компромиссов: если из соображений высшей справедливости необходимо было солгать (например, для сохранения военной тайны или из сострадания), то допускалась «ложь во спасение».

«Красноречие, — указывал Цицерон, — это искусство думать. Оратор — прежде всего мыслитель». Главное, к чему должен стремиться оратор, по мнению античных философов, — это объяснить людям силой убеждения, в чем смысл жизни, что такое счастье и как его достигнуть. Цель риторики как науки, цель ораторского искусства античные авторы видели в служении добру. Современные авторы, расширившие границы классической риторики учением о культуре речи, включили эту дисциплину в систему филологических наук, призванных формировать богатый духовный мир учащихся, их коммуникативность и высокую культуру.

Предлагаемая книга восполнит пробел в филологической подготовке подрастающего поколения: она может быть использована на уроках русского языка в старших классах общеобразовательных школ, гимназий, лицеев, а также в вузах при изучении курса русского языка и культуры речи.

Книга будет интересна всем, кто стремится овладеть ораторским искусством, она поможет старшеклассникам подготовиться к единому государственному экзамену, а абитуриентам — к вступительным экзаменам и тестированию по русскому языку.

В.Д. Неклюдов, которому принадлежит ряд пособий по красноречию, написал первую часть данной книги — «Риторика».

Часть вторая — «Культура речи оратора» — глава «Словесное выражение мысли (Элокуция)» — представлены профессором И.Б. Голуб.

Список условных сокращений

А.Б.	– А. Белый	Вяз.	– П.А. Вяземский
Абр.	– Ф.А. Абрамов	Г.	– Н.В. Гоголь
АиФ	– «Аргументы и факты»	Гайд.	– А.П. Гайдар
Айт.	– Ч. Айтматов	Галл.	– М.Л. Галлай
Акс.	– С.Т. Аксаков	Гарш.	– В.М. Гаршин
А.К.	– А.Ю. Кривицкий	Герм.	– Ю.П. Герман
А.К.Т.	– А.К. Толстой	Герц.	– А.И. Герцен
Ал.	– М.Н. Алексеев	Г.-М.	– Н.Г. Гарин-Михайловский
Ан.	– А.А. Ананьев	Г. Ник.	– Г.Н. Николаева
Андр.	– Л.Н. Андреев	Гонч.	– И.А. Гончаров
Ант.	– П.Г. Антокольский	Гр.	– А.С. Грибоедов
А. Пол.	– А.И. Полежаев	Гран.	– Д.А. Гранин
Арс.	– В.К. Арсеньев	Грин	– А.С. Грин
Аст.	– В.П. Астафьев	Гум.	– Н.С. Гумилев
А.Т.	– А.Н. Толстой	Дв.	– И. Дворецкий
Ахм.	– А.А. Ахматова	Держ.	– Г.Р. Державин
Баб.	– И.А. Бабель	Добр.	– Н.А. Добролюбов
Багр.	– Э.Г. Багрицкий	Дост.	– Ф.М. Достоевский
Баж.	– П.П. Бажов	Е.В.	– Е. Винокур
Бальм.	– К.Д. Бальмонт	Евт.	– Е.А. Евтушенко
Бар.	– Е.А. Баратынский	Е.Н.	– Е. Носов
Барто	– А.Л. Барто	Ес.	– С.А. Есенин
Бат.	– К.Н. Батюшков	Жук.	– В.А. Жуковский
Бел.	– В.Г. Белинский	З.	– Н.А. Заболоцкий
Белк.	– М. Белкина	Зал.	– С.П. Залыгин
Бер.	– Г.С. Березко	из газ.	– из газеты
Берг.	– О.Ф. Берггольц	из журн.	– из журналов
Бл.	– А.А. Блок	И. и П.	– И.А. Ильф и Е.П. Петров
Богом.	– В. Богомол	Инб.	– В.М. Инбер
Бонд.	– Ю.В. Бондарев	Кав.	– В.А. Каверин
Брод.	– И. Бродский	Каз.	– Э.Г. Казакевич
Брюс.	– В.Я. Брюсов	Кар.	– А.А. Караваева
Буб.	– М.С. Бубенцов	Карамз.	– Н.М. Карамзин
Булг.	– М.А. Булгаков	Кат.	– В.П. Катаев
Бун.	– И.А. Бунин	Кетл.	– В.К. Кетлинская
Вас.	– Б.Л. Васильев	Кож.	– А.Б. Кожевников
В.Б.	– В.В. Быков	Кольц.	– А.В. Кольцов
В. Бел.	– В.И. Белов	Комр.	– Г. Комраков
Вер.	– В.В. Вересаев	Корол.	– В.Г. Короленко
Вик.	– С.В. Викулов	К. П.	– Козьма Прутков
Вишн.	– Вс.В. Вишневский	Кр.	– И.А. Крылов
В.К.	– В. Козько	«Кр.»	– «Крокодил»
Возн.	– А.А. Вознесенский	Крив.	– Ф.Д. Кривин
Вс. Ив.	– Вс. Иванов	Купр.	– А.И. Куприн
Выс.	– В.С. Высоцкий	Л.	– М.Ю. Лермонтов

Лавр.	– Б.А. Лавренев	Рек.	– А.Е. Рекемчук
Лап.	– М.А. Лаптев	Роз.	– В. Розов
ЛГ	– «Литературная газета»	Рос. газ.	– «Российская газета»
Леон.	– Л.М. Леонов	Рыл.	– Н. Рыленков
Леск.	– Н.С. Лесков	Св.	– М.А. Светлов
Лид.	– В. Лидин	Сев.	– Игорь Северянин
Лип.	– В.В. Липатов	Сейф.	– Л.Н. Сейфуллина
Лихон.	– В.И. Лихоносов	Сем.	– В. Семин
Л.-К.	– В. Лебедев-Кумач	Сераф.	– А.С. Серафимович
Лом.	– М.В. Ломоносов	Сим.	– К.М. Симонов
Лонд.	– Л. Лондон	С.-К.	– Н.И. Сухово-Кобылин
Л. Т.	– Л.Н. Толстой	Сл.	– Б.А. Слуцкий
Луг.	– В.А. Луговский	Снег.	– С. Снегов
Ляш.	– Н.Н. Ляшко	Сол.	– В.А. Солоухин
Майк.	– А.Н. Майков	Стан.	– К.С. Станиславский
Мак.	– А.С. Макаренко	Сур.	– И.З. Суриков
Марк.	– А.Я. Марков	Сурк.	– А.Н. Сурков
Март.	– Л.Н. Мартынов	С.-Ц.	– С.Н. Сергеев-Ценский
Марш.	– С.Я. Маршак	С.-Щ.	– М.Е. Салтыков-Щедрин
Матв.	– Н.Н. Матвеева	Т.	– И.С. Тургенев
Маяк.	– В.В. Маяковский	ТВ	– телевидение
М. Г.	– А.М. Горький	Твард.	– А.Т. Твардовский
Мих.	– С.В. Михалков	Тендр.	– В.Ф. Тендряков
МК	– Московский комсомолец	Тим.	– К.А. Тимирязев
М. Мар.	– Мария Марич	Тих	– Н.С. Тихонов
М.-П.	– П.И. Мельников-Печерский	Тр.	– В.К. Третьяковский
М.-С.	– Д.Н. Мамин-Сибиряк	Триф.	– Ю. Трифонов
Мст.	– С. Мстиславский	Троеп.	– Г.Н. Троепольский
М. Шаг.	– М. Шагинян	Тютч.	– Ф.И. Тютчев
Н.	– Н.А. Некрасов	Усп.	– Г.И. Успенский
Наг.	– Ю.М. Нагибин	Фад.	– А.А. Фадеев
Н.Г.	– Н.М. Грибачев	Фед.	– К.А. Федин
Н.Д.	– Н. Дубов	Ферсм.	– А.Е. Ферсман
Н.О.	– Н.А. Островский	Фет	– А.А. Фет
Н.Ч.	– Н.А. Черкасов	Ф.К.	– Ф. Кнорре
О.Б.	– О.Ф. Берггольц	Фом.	– В. Фоменко
Ог.	– Н.П. Огарев	Фонв.	– Д.И. Фонвизин
Ок.	– Б.Ш. Окуджава	Фурм.	– Д.А. Фурманов
Остр.	– А.Н. Островский	Хл.	– В. Хлебников
Ош.	– Л.Н. Ошанин	Цв.	– М.И. Цветаева
П.	– А.С. Пушкин	Ч.	– А.П. Чехов
Пан.	– П.Ф. Панова	Чак.	– А. Чаковский
Паст.	– Б.Л. Пастернак	Черн.	– Н.Г. Чернышевский
Пауст.	– К.Г. Паустовский	Чук.	– К.И. Чуковский
Песк.	– В.М. Песков	Шат.	– И.М. Шатуновский
Пис.	– А.Ф. Писемский	Шенг.	– Г. Шенгели
погов.	– поговорка	Шефн.	– В.С. Шефнер
Пол.	– Я.П. Полонский	Шол.	– М.А. Шолохов
посл.	– пословица	Э.Кр.	– Эмиль Кроткий
Пришв.	– М.М. Пришвин	Эрен.	– И.Г. Эренбург
Р.	– Р.И. Рождественский	Эрт.	– А. Эргель
Расп.	– В.Г. Распутин	Я. Остр.	– Я. Островский

Введение

Риторика как учебная дисциплина охватывает широкий круг вопросов — от возникновения этой науки в античном мире и описания взглядов древнегреческих и римских философов до практических рекомендаций и советов ораторам, как завоевывать внимание слушателей.

Изучение риторики неразрывно связано с требованием повышения культуры речи оратора. Античные риторы уделяли этому большое внимание, а дальнейшее развитие филологии привело к тому, что в системе гуманитарных наук сформировалась специальная дисциплина — «Культура речи», изучение которой, по нашему убеждению, должно дополнить риторическую подготовку.

Умение говорить правильно и красиво — отличительная черта образованного, интеллигентного человека. Красноречивые люди вызывают симпатию, с ними приятно вести беседу, их выступления охотно слушает аудитория. Заботясь о культуре русской речи, мы стремимся к сохранению культуры нашего народа, духовности, национального самосознания.

В наш прагматический век особое значение придается эффективности коммуникативных связей между людьми. Слову *коммуникация* в русском языке соответствует синоним *общение*. От латинского термина образованы широко используемые теперь слова — такие, как *коммуникабельность* (способность к общению, общительность), *коммуникабельный* (общительный), а также *коммуникативный* — относящийся к коммуникации, например «коммуникативный тип высказывания», т.е. приспособленный для общения, удобный для восприятия информации. Мы будем стараться по возможности не злоупотреблять нерусскими терминами, хотя порой они незаменимы.

Необходимость точной и своевременной передачи информации несомненна, причем для этого используются разные средства: люди общаются с помощью речи (вербальная коммуникация) и с помощью различных несловесных символов и знаков (невербальная коммуникация). К невербальной коммуникации относятся и рефлексорные — плохо контролируемые — способы передачи информации от человека к человеку: жесты, взгляд, мимика, различные движения и т.д. в риторике изучаются и эти разнообразные средства общения, но главное внимание уделяется речи. В данном пособии также рассматривается вербальная и невербальная коммуникация, но словесное общение, получающее устную или письменную форму, находится в центре внимания.

От того, как человек владеет словом, зависит не только его успех в общественной и профессиональной деятельности, но и жизнь его, и судьба. Состоятельные и практичные американцы тратят большие деньги на обучение своих детей различным формам устного и письменного общения. Учащиеся обязаны выступать публично «без бумажки», составлять письменные отчеты о проведенных экспериментах, оценивать прочитанные книги, аргументированно излагать свои суждения о просмотренных фильмах, спектаклях, о проведенных спортивных соревнованиях. Школьникам поручают писать не только сочинения, но и эссе, тематически доступные их возрасту. Государственное признание важности риторической подготовки молодежи получило в США отражение и в деятельности Дейла Карнеги (1888—1955), основавшего Институт ораторского искусства и человеческих взаимоотношений. По убеждению Карнеги, коммуникабельность помогла ему состояться как личности, найти свое место в жизни, потому что благодаря овладению искусством общения он поборол в себе робость, неуверенность в своих силах, приобрел смелость и умение общаться с людьми, руководить ими, отстаивая свою точку зрения. Написанные Дейлом Карнеги книги популярны не только на его родине, но и во всем мире. В наше время, считают психологи, людей, строящих свою жизнь «по Карнеги», больше, чем тех, кто стремится жить «по Толстому» или «по Руссо», потому что коммуникативная культура помогает людям избавиться от волнений, говорить уверенно в любой аудитории, убеждая слушателей в своей правоте. Хочется верить этому замечательному автору, популярному и в нашей стране, что *при желании любой может развить свои природные речевые способности и приобрести важные коммуникативные навыки, изучая риторику.*

В XIX в. в России было создано немало учебников, по которым велось преподавание красноречия в гимназиях. Эта дисциплина считалась одной из первых среди «изящных искусств». Один из любимейших учителей А.С. Пушкина в Царскосельском лицее А.И. Галич написал пособие «Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений», которое, несомненно, изучал великий поэт. Умнейшие люди XIX в. учились красноречию по книге «Краткая риторика» А.Ф. Мерзлякова (1778—1830), занимавшего кафедру русского красноречия в Московском университетском пансионе. Его лекции слушали А.С. Грибоедов, Ф.И. Тютчев; Мерзляков давал домашние уроки М.Ю. Лермонтову и многим высокообразованным людям России.

На протяжении всего XIX в. риторика интересовала наших передовых педагогов и общественных деятелей. «Правила высшего красноречия» составил выдающийся государственный деятель эпохи Александра I М.М. Сперанский (1772—1839). Русские ученые конца XIX — начала XX столетия Д.И. Менделеев, К.А. Тимирязев и другие

выступали с публичными лекциями, восхищая современников своим красноречием. В начале XX в. успешно развивалось и судебное красноречие в России.

Однако при советской власти, в условиях тоталитарного режима, риторика и проблемы красноречия утратили свою актуальность, так как оратор не имел возможности говорить свободно: он читал текст, прошедший строгую цензуру, не рассчитывая на живой отклик слушателей. Несмотря на успехи в ликвидации безграмотности населения за годы первых пятилеток, культура устной речи пришла в упадок: в школах не преподавали красноречие.

В наши дни в связи с изменениями в структуре общественно-политического строя, с появлением новых социальных слоев населения (с одной стороны, коммерсантов, «новых русских», а с другой — маргиналов, т.е. людей, не имеющих устойчивого социального статуса), распространяется вседозволенность в выборе языковых средств, что резко снижает культуру речи. Увлечение просторечием, пренебрежение традициями русского красноречия вызывает озабоченность лингвистов и педагогов, писателей и общественных деятелей — всех, кому дорога отечественная культура. В связи с этим прилагаются усилия к возрождению риторики, на долгие годы исключенной из числа учебных дисциплин в наших школах и вузах.

В новой России риторика заняла свое законное место в системе гуманитарных наук. Чем же объясняется такая популярность риторики в наше время?

Во-первых, риторика возможна только в условиях демократического государства, во-вторых, она формирует личность: человек, обладающий риторическими навыками и умениями, чувствует себя уверенно в самых различных ситуациях социального, бытового, делового и профессионального общения. Риторика помогает увидеть пути от мысли к слову; яркая речь оказывает большое влияние на людей, их взгляды и убеждения, дела и поступки.

Часть I РИТОРИКА

Глава 1 История риторических учений

АНТИЧНАЯ РИТОРИКА

Родина красноречия — Древняя Греция, хотя ораторское искусство с древнейших времен знали и в Египте, Ассирии, Индии, Вавилоне.

Риторика является духовным детищем демократии. Именно демократические формы правления в Элладе V в. до н.э. стали причиной стремительного взлета ораторского искусства. Народное собрание в Древней Греции — верховный орган власти — выносило на всенародное обсуждение вопросы войны и мира, избрание высших должностных лиц, трактовку законов, по которым должно жить государство. Публично решались и судебные дела. Суд присяжных (гелиэя) был довольно представительным (в нем было около шести тысяч присяжных заседателей). Любой свободный гражданин Афин мог выступить обвинителем; прокуроров и защитников не было, подсудимый защищался сам, доказывая судьям свою невиновность. Так что «правосудие» оказывалось на стороне того, кто, обладая даром слова, умел убедить судей и присяжных в своей невиновности.

Ораторское искусство в Древней Греции играло важную роль, потому что политику приходилось выступать на народных собраниях, полководцу — перед войском, частному лицу — перед судом, а также на празднествах, дружеских встречах, поминках, которые обычно бывали многолюдными. Владеть словом было жизненной необходимостью для каждого гражданина Эллады.

Различные сферы жизни породили три основных типа красноречия: политическое (совещательное), эпидейктическое (торжественное, парадное) и судебное. Родоначальниками красноречия стали софисты, представители афинской школы философов-просветителей.

Ораторское искусство вначале существовало лишь в устной форме, образцы речей, даже самых интересных, не записывались. Во второй

половине V в. до н.э. софистика вводит письменную фиксацию речи. Софисты, «наставники мудрости», считали своей задачей привить ученикам искусство хорошо и убедительно говорить на политические и моральные темы. Для этого их заставляли заучивать наизусть тексты выступлений, считавшиеся образцами красноречия, эталонами для подражания.

На основе практического красноречия софисты развивали и теорию ораторского искусства — риторику. Открытие первых риторических школ, создание первых учебников по риторике связывают с именами софистов **Коракса** и **Лисия** из Сиракуз (середина V в. до н.э.). Получил признание и вклад в теорию красноречия софиста **Горгия Леонтийского** (485—380 гг. до н.э.). Этот ритор главное внимание уделял вопросам стиля. Для усиления психологического воздействия речи он применял стилистические средства украшения, известные под названием **Г о р г и е в ы ф и г у р ы**. Среди них такие, как антитеза, оксюморон, членение предложений на симметричные части, рифмованные концовки, аллитерации, ассонансы и др. Горгий придавал очень большое значение слову и его воздействию на слушателей, так как считал, что «слово есть великий властелин, который ... может и страх нагнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание пробудить»¹. Силою своего убеждения Горгий заставлял больных пить такие горькие лекарства и переносить такие операции, принудить к которым их не могли даже врачи.

Современники Горгия, софисты **Фразимах**, **Протагор** и другие, развивают, обогащают теорию красноречия. **Фразимах** разработал **п е р и о д** — значительное по своей протяженности сложноподчиненное предложение, включающее второстепенные предложения, которые в разных аспектах раскрывают смысл главного. **Протагор** назвал ситуативно обусловленные виды речи (просьбу, вопрос, ответ, приказание) и дал их подробную характеристику. Благодаря трудам софистов риторика получает большее признание и входит в круг наук, обязательных для образования граждан.

Необходимо отметить, что отношение к софистам было двойственным. Сначала их деятельность не вызывала критических оценок: софистом именовали человека, который посвящал себя умственной деятельности, искусного в какой-то премудрости, в том числе учения. Софисты учили приемам доказательства и опровержения, правилам логического мышления. Они знакомили учеников не только с техникой политической и юридической деятельности, но и обучали философии. Софисты сосредоточили свое внимание на социальных вопросах, на человеке и на проблемах коммуникации,

¹ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: софисты. Сократ. Платон. М., 1969. С. 30.

обучая ораторскому искусству. Однако со временем софисты изменили направление своей деятельности. Главной их задачей становится подбор и применение логических и психологических уловок, с помощью которых можно добиться победы в полемике. Используя диалектику как искусство рассуждения, софисты стали утверждать, что можно доказать все, что угодно. Главное при этом — выбрать правильные средства для доказательства (цель оправдывает средства). Например, утверждая, что сделать необразованного человека образованным — значит убить его, софист рассуждал следующим образом: «Став образованным, он не будет тем, чем был». Если софиста уличали во лжи, он выворачивался примерно так: «Кто лжет, говорит то, чего нет. Но того, чего нет, нельзя сказать, следовательно, никто не может лгать». В основе всех софистических утверждений лежит единый прием: доведение до абсурда положения об относительности всякого человеческого знания. Не случайно слово «софист» теперь понимается как *лжец, обманщик*.

Оценивая вклад софистики в развитие риторики, отметим, что, с одной стороны, софисты нужны были афинским гражданам, так как учили их искусству слова, умению убеждать и спорить; но, с другой стороны, манипулирование сознанием, применение ложных, обманчивых доводов требуют объективного осуждения. Эти методы не случайно и в древности вызывали к софистам недоверие, порою враждебность, с чем нельзя не согласиться и нам.

Первый вызов софистам был брошен великим древнегреческим философом **Сократом** (ок. 470—399 гг. до н.э.). В отличие от софистов, изучавших преимущественно психологическое воздействие речи на слушателей, Сократ на первое место ставит логическое доказательство. Сократ прославился как один из родоначальников диалектики: он искал истину при помощи бесед и споров.

Выяснение истины в споре называлось *э р и с т и к о й*. Составными частями сократовской эристики были и *р о н и я* и *м а й е в т и к а* (в пер. с греч. — искусство повивальной бабки). Ирония выражалась в умении философа остроумной системой вопросов и ответов завести противника в логический тупик. Майевтика способствовала формированию правильной мысли. Сократ остроумно подметил, что он своим вопросно-ответным методом и логикой способствовал рождению в беседе правильной мысли подобно тому, как повивальная бабка помогает родиться человеку.

Ученик Сократа **Платон** (427—348 гг. до н.э.) изложил свою теорию красноречия в знаменитых диалогах «Федр» и «Горгий». Центральным персонажем платоновских диалогов является Сократ. Подлинное красноречие, основанное на знании истины, а потому доступное только философу, противопоставлено риторике софистов. В диалоге «Федр»

в беседе философа Сократа с юношей Федром представлен идеал истинного красноречия. Только четко определив какой-либо предмет, можно начинать речь о данном предмете. Сократ советует Федру: «Во всяком деле, юноша, надо для правильного его обсуждения начинать с одного и того же: требуется знать, что же именно подвергается обсуждению, иначе неизбежны сплошные ошибки». Следующая задача оратора — познать истину, т.е. сущность предмета: «Прежде всего, надо познать истину о любом предмете, о котором говоришь или пишешь»¹.

Платон подчеркнул важность композиции в ораторской речи. Порядок в речи проявляется, по мнению автора, в ее построении: «По-моему, сперва, в самом начале речи, должно быть вступление, — говорит Сократ. — а на втором месте — изложение, и за ним — свидетельства, на третьем месте — доказательства, на четвертом — выводы». Сократ подробно описывает построение речи, опираясь на сложившиеся риторические традиции.

Будущему оратору следует прислушаться к размышлению Платона о воздействии речи на душу. Оно звучит так, словно произнесено нашим современником: «Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу, тому, кто собирается стать оратором, необходимо знать, сколько видов имеет душа...»².

Оратору необходимо соотносить виды речей и «виды души», учитывать состояние человека, понимать, какую душу и какими речами можно убедить. Главная задача ратора — найти, отыскать вид речи, который соответствует каждому характеру. Следовательно, «так и строить и располагать свою речь, т.е. к сложной душе обращаться со сложными, охватывающими все лады речами, а к простой душе — с речами простыми».

По убеждению Платона, подлинного красноречия не существует без знания истины. Ведь истина — это и цель науки, и цель искусства, и идеал нравственных побуждений. Познавая сущность вещей, человек создает правильное о них представление. Оратор, познав природу людских душ, способен внушать свое мнение слушателям. Диалог, в котором участники при помощи искусно поставленных вопросов ищут истину, оказал огромное влияние на становление риторики.

Идеал Платона — не только убеждение, но и поиск истины. Не познав истины, нельзя овладеть искусством красноречия. Это утверждение Платона имеет важную практическую значимость для риторики: слушатель вместе с оратором «проходит» путь поиска истины. Так рождаются ассоциации, сомнения, размышления, т.е. начинается путь от мысли к слову.

Крупнейшим теоретиком античной риторики является древнегреческий философ и ученый **Аристотель** (384—322 гг. до н.э.). Он был учеником философа Платона и за двадцать лет, проведенные

¹ Платон. Соч. Т. 1—3. М., 1968—1971; Энциклопедия ума. СПб., 1878. С. 219.

² Платон. Собр. соч.: в 3 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и др. М., 1970. Т. 1. С. 212.

в Академии учителя, приобрел высочайший авторитет. Сочинения Аристотеля охватывают весь спектр наук и искусств, существовавших в то время. Известны его трактаты по логике, физике, биологии, философии, этике и политике. В области филологии популярны два сочинения Аристотеля — «Поэтика» и «Риторика», заложившие основы европейского понимания литературного творчества и художественной речи. В «Риторике» (335 г. до н.э.) автор подробно излагает свои взгляды на основы ораторского искусства. Сочинение состоит из трех книг. Первая книга содержит общие положения, характеризующие предмет риторики и виды ораторской речи. По мнению Аристотеля, риторика и логика занимаются изучением таких вопросов, которые в какой-то мере близки каждому человеку; кроме того, сведения, получаемые этими науками, являются междисциплинарными, ибо служат предметом изучения не только для логики и риторики. Поэтому все люди так или иначе обращаются к обоим искусствам, так как каждому приходится поддерживать определенное мнение, обвинять, защищаться.

Р и т о р и к а определяется Аристотелем как искусство убеждать, находить возможные способы убеждения в каждом конкретном случае. Далее рассматриваются виды ораторских речей: совещательные, судебные и эпидейктические (торжественные).

Вторая книга «Риторики» знакомит нас со «способами убеждения». Главное для Аристотеля — это убедительность речи, при этом важна достоверность того, о чем говорит ритор. Аристотель делит способы убеждения на три вида: одни из них зависят от характера говорящего, другие — от настроения слушателя, третьи — от самой речи. Аристотель высоко ценил «доказательство, основанное на добродетелях говорящего», потому что мы верим людям хорошим¹.

Затем автор рассказывает о том, как убеждать слушателей. Убеждение, зависящее от настроения слушателя, состоит в умении вызывать у него определенную страсть. Аристотель считал, что оратору следует быть хорошим психологом: он должен знать, как и когда человеком овладевают различные чувства — гнев или смирение, любовь или ненависть, зависть, страх. Эти страсти необходимо учитывать, чтобы в процессе речи не спровоцировать у публики нежелательные эмоции. Ритору не следует забывать о возрасте слушателей, их происхождении, общественном положении и психологическом состоянии.

Выбор способов доказательства зависит от назначения речи. Так, в политической речи уместны примеры, факты или притчи, басни; в судебной — силлогизмы (умозаключения), а также законы, свидетельские показания, договоры и т.д.; в торжественной — сравнения, преувеличения («оратор облакает предмет своей речи величиим и красотой»).

¹ *Аристотель*. Риторика. СПб., 1794. С. 78.

Аристотель большую роль отводит логическим доказательствам, но при этом не рекомендует составлять умозаключения, заимствуя посылки из далекой истории или используя очень широкие либо абстрактные понятия. В первом случае слушателям трудно уловить смысл без специальных пояснений, во втором — силлогизм получается длинным. В этом причина того, почему люди необразованные в глазах толпы могут заслужить больше доверия, чем образованные, так как говорят о вещах, близких слушателям и понятных им. Аристотель считал, что, выступая перед толпой, оратор должен вести доказательства и рассуждения общедоступным способом. Во второй книге «Риторики» Аристотель изложил свое учение о принципах построения ораторской речи, о создании образа оратора.

Третья книга «Риторики» содержит учение о стиле с анализом тропов и фигур, а также композиции речи. Важнейшим условием успеха оратора Аристотель считал ясность его речи. Он указывал, что речь не должна быть обыденной, состоящей из слишком простых слов; она должна отличаться красотой и благородством. Оратору необходимо избегать двух крайностей: его стиль не может быть неоправданно высоким, однако нельзя допустить, чтобы стиль был слишком сниженным, грубовато-простым; он должен, прежде всего, соответствовать предмету речи и отвечать правилу золотой середины.

Основу стиля, указывал Аристотель, составляет умение говорить правильно. А это требует мастерства оратора. «Стиль полон чувства, если он представляется языком человека гневающегося, раз дело идет об оскорблении, и языком человека негодующего и сдерживающегося, когда дело касается вещей безбожных и позорных; о вещах похвальных говорится с восхищением, а о вещах, возбуждающих сострадание, — скромно». Но при этом, предупреждал автор «Риторики», не следует в один прием давать все возможные средства языка ради «уловления слушателя». В такой воздержанности он видел одно из условий благородства ораторской речи. Притягательную силу красноречию придают «изящные и удачные выражения», создаваемые искусным ритором.

Обязательными структурными частями речи Аристотель считал предисловие, обвинение и способы его опровержения, изложение фактов, доказательства, заключение. Свои рассуждения он подтверждал ссылками на классических ораторов, на гомеровский эпос, на трагиков.

Труды Аристотеля по риторике оказали огромное влияние на дальнейшее развитие этой науки.

Самым известным политическим оратором в эпоху независимости Греции был **Демосфен** (ок. 384—322 гг. до н.э.). Знаменитым он стал не сразу. Ораторские успехи Демосфена — результат его огромной работы над собой. От природы он был шепеляв, имел слабый голос и нервное подергивание плеча. В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха рассказывается о том, как Демосфен избавился от этих

недостатков. Чтобы улучшить дикцию и развить силу голосовых связок, он отправлялся на берег моря, набирал морских камешков в рот и говорил, стараясь перекричать шум прибоя. Чтобы ничто не отвлекало его от овладения необходимыми знаниями, Демосфен добровольно заточал себя на долгие месяцы в подземелье, где штудировал труды своих предшественников, отработывал сценические приемы. Чтобы лишить себя соблазна покинуть место добровольного заточения, он выбривал себе половину головы.

Приложив титанические усилия, Демосфен преодолел природные недостатки и стал оратором, посвятив жизнь борьбе за независимость Афин. Он начинал ораторскую практику в качестве адвоката, но особенно прославился своими политическими выступлениями, направленными против македонского царя Филиппа II, проводившего политику захвата Греции. Демосфен называл эти речи «филиппиками» (впоследствии так стали называть все обличительные речи). В этих речах Демосфен не просто обвинитель, он, прежде всего, гражданин, мечтающий о благоденствии своей родины и своего народа, он мудрый политик.

Речи Демосфена отличались силой аргументации, страстностью, они производили огромное впечатление на аудиторию. Сохранилось любопытное предание: когда Филипп II получил текст речи Демосфена, то сказал, что если бы он слышал эту речь, то голосовал бы за войну против себя.

Римское ораторское искусство было связано, прежде всего, с практическими сторонами жизни — с частным и государственным правом, с общественной и политической борьбой в республиканском Риме.

Первым римским оратором и писателем считается Аппий Клавдий Цек (Слепой). Он был цензором, а впоследствии консулом, прославился речью против перемирия римлян с эфирским царем Пирром в 70-х годах до н.э. Известен как выдающийся оратор и полководец Марк Порций Катон (II в. до н.э.). Прекрасными ораторами были братья Гракхи, Гай и Тиберий. На рубеже II и I вв. до н.э. роль публичного слова в Риме особенно возрастает в связи с обострившейся политической борьбой, которая приводит к гражданской войне. В это время знаменитыми политическими выступлениями прославились Марк Антоний, Люциний Красс, Квинт Гортензий.

Достижения римской теории красноречия были обобщены в анонимной «Риторике к Гереннию» (ок. 89 г. до н.э.). Она содержала рекомендации о композиции речи, о «крепости» и гибкости голоса, о приспособлении тона речи к ситуации высказывания. Давались рекомендации по запоминанию текста выступления, словесному выражению мысли.

Самым ярким римским оратором признан **Марк Туллий Цицерон** (106—43 г. до н.э.), древнеримский политический деятель, оратор, писатель. В политическую жизнь Древнего Рима Цицерон вошел как

«новый человек», всем обязанный своему ораторскому дару. Большой успех принесли ему уже первые речи, но вершина успехов Цицерона — это открытие заговора Катилины и четыре речи, произнесенные против него в сенате. Политическим идеалом Цицерона была римская республика, согласие всех сословий; его называли «умиротворителем», «блюстителем и попечителем» в эпохи кризисов.

Из сочинений Цицерона сохранилось 58 политических и судебных речей, 19 трактатов по риторике, политике и философии, свыше 300 писем, которые рассматриваются как психологический документ, памятник латинского разговорного языка.

Древнегреческий писатель Плутарх в «Биографии Цицерона» подчеркивает, что «именно этот человек ... доказал римлянам, как много прелести привносит красноречие к делам чести и что правдивое дело, раз оно правильно изложено, несокруσιμο...»¹.

В риторических работах Цицерона «Об ораторе», «Брут», «Оратор» описана программа подготовки оратора, интересная и современному читателю.

В трактате «Об ораторе» Цицерон подробно излагает теорию ораторского искусства в виде диалога между Люцинием Крассом и Марком Антонием. Участие в обсуждении принимают и другие видные ораторы Древнего Рима. По мнению Цицерона, оратором в истинном понимании этого слова может стать лишь тот, кто всесторонне образован: «Речь должна расцветать и разворачиваться только на основе полного знания предмета»².

История римского красноречия с древних времен до современной автору эпохи изложена Цицероном в трактате «Брут». Идеалом для Цицерона является древний ритор Марк Порций Катон Старший — историк и автор трудов по медицине, сельскому хозяйству, военному делу, юриспруденции; им было написано и первое руководство по ораторскому искусству. Основная заповедь Катона для молодых ораторов состоит в формуле: *Знай дело — слова придут*.

Идеал оратора предстает в трактате «Оратор». По Цицерону, существуют три основных назначения ораторского искусства: *docere* — учить, *delectare* — услаждать и *movere* — побуждать. Идеальным будет тот оратор, кто в своих речах учит слушателей, доставляет им наслаждение, подчиняет себе их волю.

Сочинения Цицерона стали фундаментом европейского риторического образования. Его ораторские трактаты впервые максимально полно представили классические разделы риторики:

¹ Заговор Катилины / под общ. ред. Д.А. Горбова, В.О. Нилендера, П.Ф. Преображенского. М.; Л., 1934. С. 285. (Античная литература).

² Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве: пер. с лат. / под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1972. С. 81.

изобретение, расположение слов, выражение, память, произношение, телодвижение. Кроме того, они содержат интересные советы по практическому овладению искусством риторики. По убеждению Цицерона, «красноречие есть нечто такое, что дается труднее, чем это кажется, и рождается из очень многих знаний и стараний»¹.

Марк Фабий Квинтилиан (ок. 96—36 гг. до н.э.) — знаменитый ритор, адвокат, автор содержательных, хорошо систематизированных трудов по ораторскому искусству. В сочинении «Образование оратора» Квинтилиан призывает к всестороннему развитию ритора, который должен быть мудрецом, высоконравственным и гармоничным человеком. Главное его требование к оратору и писателю — «чистая, ясная, красивая и уместная речь».

Стилистический идеал Квинтилиана весьма близок к идеалу Цицерона, и это не случайно: нормы красноречия Цицерона служили критерием для Квинтилиана. У них много общего во взглядах на ораторское искусство. Оба различают три стиля красноречия: высокий, средний и простой; оба делят работу над речью на пять этапов согласно древней риторической традиции; оба утверждают, что риторика — это и наука, и искусство.

Однако по Цицерону, оратор должен быть мыслителем, так как основа риторики — философия, а Квинтилиан на первое место ставил стилистику речи². Практическое образование оратора, считает Цицерон, происходит на форуме (площади, центре политической и культурной жизни римского города); для Квинтилиана центр образовательной системы — риторическая школа. Речи Цицерона предназначены для народа, собирающегося на форуме, а Квинтилиан ориентируется на узкий круг образованных слушателей.

В работе Квинтилиана «Двенадцать книг риторических наставлений» представлена стройная система воспитания гражданского и судебного ритора.

Воспитание оратора делится на телесное и духовное, включая физическую культуру и языковое образование; изучение философии и права; тренировку в изобретении речи и анализ ее по частям, фигурам речи и фигурам мысли. Никто из риторов древности так многосторонне не подходил к вопросам обучения, воспитания и развития оратора.

«Наставления» Квинтилиана создали педагогическую систему, в которой были разработаны также основы и общего образования. Воспитание ораторских навыков мыслилось как венец подготовки по всему комплексу предметов.

¹ Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве: пер. с лат. / под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1972. С. 80.

² Квинтилиан. Правила ораторского искусства. СПб., 1896. С. 74.

Воспитание оратора по Квинтилиану заложило основы педагогической психологии, предвосхитило учебную методiku, разделенную по ступеням обучения, включило в себя воспитание языкового творчества. Учение Квинтилиана сохраняет свое значение и для современной науки.

РАЗВИТИЕ РИТОРИКИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

В Средние века церковь становится законодательницей во всех сферах жизни: в идеологии, политике, экономике. Идеи, положения, не подходящие под церковные каноны, не имели права на жизнь. В таких условиях не могла развиваться живая, свободная мысль. Духовная жизнь общества пришла в упадок, что сказалось и на развитии риторики. В Средние века в ней ведущим становится искусство церковной проповеди (гомилетика). Если сравнить античное красноречие с ораторским искусством в Средние века, то можно увидеть существенную разницу между ними. Античная риторика связана с искусством убеждения, доказательством спорных идей. В Средневековье сохраняется лишь внешняя форма риторики. Гомилетика обладает искусством убеждения, но проповедь никогда не предполагает противоположные точки зрения на предмет высказывания, она связана со знанием и постижением церковных постулатов, с внушением, а не с убеждением. Толкование библейских мифов, религиозных догматов, канонов священной истории — главные задачи гомилетики как науки о христианском церковном проповедничестве. Всемирно известны имена знаменитых религиозных проповедников Средневековья Василия Великого, Иоанна Златоуста, Августина Блаженного. Одновременно с ними выступали Исидор Севильский, Беда Достопочтенный — автор сочинения «Книга о тропах и фигурах».

Следует отметить, что и поэзия в Средние века развивалась под влиянием этого произведения. В XIV в. популярной была школа поэтов-риториков. Они осознанно вводили фигуры и тропы в свои поэтические тексты. Эстетическая и смысловая сторона стихотворения не мыслилась без «цветов красноречия».

С появлением средневековых университетов в XI—XII вв. зарождается у н и в е р с и т е т с к о е к р а с н о р е ч и е. Именно в этот период возникло само слово *лекция*. Латинское слово *legere* означает «читать», *lectio* — «чтение». Профессора читали лекции по большим рукописным книгам в тяжелых переплетах. Книги были редкими и дорогими, они часто приковывались к кафедре цепями. Читать книги имел право только профессор. Задача ученого состояла в комментировании прочитанного текста.

Конечно, и университетское красноречие не было свободным от церковного влияния. Религиозная философия, схоластика (от греч. *scholastikos* — школьный, ученый) занимала ведущее положение в науке. Надежной опорой для схоластики служили церковные авторитеты. «Священное писание» — вот источник, из которого схоласты черпали свои доказательства. При этом они пренебрегали опытными данными, фактами. Достаточно познакомиться с сочинениями богослова XIII в. Фомы Аквинского, чтобы представить сущность схоластики. Всякое познание, по мнению Фомы Аквинского, является грехом, если только оно не имеет своей целью познание Бога.

Наука Средневековья не могла освободиться от богословских постулатов. Отсюда своеобразные критерии эрудиции ученого: знание большого числа цитат, умение изъясняться на латинском языке. Схоластическая риторика также оказалась в заколдованном кругу догматизма, начетничества, церковных канонов. Риторика «вырождается», становится школьной дисциплиной, оторванной от реального общения.

Эпоха Возрождения стала временем открытия человека как личности. Гуманисты Ренессанса провозгласили «универсальность человека» — идеал, отличающий это время от средневекового с его идеалом «праведника», «аскета» или «рыцаря». Достаточно сравнить названия сочинений разных эпох: средневекового трактата «Об убожестве состояния человеческого» (1195) кардинала Лотаря и трактатов «О достоинстве и великолепии человека» (1452) Д. Манетти или «Речи о достоинстве человека» (1487) Пико делла Мирандола. Эти заглавия убедительно говорят о совершенно разной оценке человеческих возможностей. В речи «О достоинстве человека» мыслитель обосновывает учение о свободе воли. Свобода воли есть не что иное, как проявление свободы мыслительно-словесной способности человека. Автор утверждает, что философия и красноречие, как и в античные времена, составляют неразрывное единство.

Под знаком идей Платона, Аристотеля, Цицерона формируются гуманистические взгляды Ренессанса. Гуманисты Возрождения были убеждены, что возможности человеческого познания беспредельны, что разум человека «сопричастен божественному разуму», а сам человек «является как бы смертным богом».

Успехи наук, естествознания, техники, искусства, великие научные открытия эпохи и изобретения были причиной такого гуманистического оптимизма. В эпоху Возрождения ценятся такие качества человека, как честь, достоинство, добродетель, знание. Гуманитарные науки становятся главным «знанием». Итальянские гуманисты прославляли владение греческим и латинским языками, знакомили с сочинениями античных авторов. Литературным языком Запада и интернациональным языком науки в XV—XVI вв. становится латынь.

Идея обновления словесности, предложенная гуманистами Возрождения, побуждала ораторов найти в своем языке риторические возможности, усвоить богатый опыт античных авторов. Это было время становления национальных языков. Начиная с трактата Данте «О народном красноречии», стали появляться манифесты в защиту родного языка.

Античные жанры — ода, гимн, элегия и эпическая поэма — надолго воцарятся в поэзии Возрождения. Общим источником, питающим все многообразие поэзии Возрождения, можно считать риторику. Классическими образцами риторического искусства являются монологи Гамлета, Джульетты, короля Лира.

Важно, что художественная проза и поэзия способствовали повышению речевой культуры, усиливали чуткость к звучащему слову, содействовали разработке ораторского стиля.

РАЗВИТИЕ РИТОРИЧЕСКИХ ИДЕЙ В РОССИИ

Древнерусское красноречие. Истоки и традиции

Становление риторики в Древней Руси связано с принятием христианства и с приобщением к лучшим традициям античной риторической культуры.

Во второй половине X в. на Руси появляются первые училища; после крещения (988—989) Владимир строит храмы. Это стало благодатной почвой для развития красноречия. Распространение книг духовного содержания способствовало совершенствованию речевой культуры; проповеди священников были образцами ораторских речей.

Расцвет жанров ораторского искусства приходится на XII в. Из речей-поучений выделяется «Поучение» Владимира Мономаха; «Моление Даниила Заточника» — образец «послания» с жалобами на свои невзгоды и просьбами о милости; «Слово о полку Игореве» — художественное произведение и страстный патриотический призыв к единению. Эти произведения свидетельствуют о расцвете красноречия в Киевской Руси.

Образцами риторически изощренной, искусной проповеднической речи являются сочинения митрополита Иллариона, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского. Например, «Слово в новую неделю по пасхе» Кирилла, епископа Туровского, деятельность которого относится ко второй половине XII в., насыщено символами, сравнениями и другими тропами, восходящими к Библии и проповедям «отцов церкви». В то же время «Слову» свойствен некоторый лиризм, в нем используются образы родной природы в аллегориях и метафорах: «Ныне зима греховная покаянием престала есть, и лед неверия богоразумием растаяся... Днесь весна красуется, оживляючи земное естество... Весна убо красная есть Вера Христова, яже крещением

поражает человеческое паки естество; бурнии же ветри — греховнии помыслы...»¹. В этом фрагменте воссоздана картина весеннего обновления природы, и в то же время ее образы несут в себе аллегорический смысл: зима — язычество, весна — христианская вера, искореняющая язычество; бурные ветры — грешные помыслы.

Изучение таких памятников свидетельствует об очень высоком уровне риторических приемов у риториков Древней Руси. Эти традиции укреплялись и обогащались в эпоху Московской Руси (XIV — середина XVII в.). Однако учебные книги по риторике появились у нас только в начале XVII в.

Первая русская «Риторика» (предполагается, что ее автором был митрополит Новгородский и Великолуцкий Макарий) представляет собой перевод учебника немецкого гуманиста Филиппа Меланхтона (1497—1560). Эта «Риторика» была написана на латинском языке и издана в 1577 г. во Франкфурте. В древнерусском переводе был сделан ряд отступлений от оригинала: снята фамилия автора, латинские имена заменены русскими, в отдельных случаях введены новые примеры. Русский переводчик к самым трудным и недоступным статьям оригинала добавлял свои пояснения. До наших дней дошло 34 экземпляра этого рукописного учебника. Современные историко-филологические исследования помогли тщательно изучить и перевести его на русский язык.

«Риторика» Макария состоит из двух книг. Первая написана в форме диалога «ради скорого и доброго научения». Автор рассказывает о риторике, которая представлена как «краснословие, или сладкогласие», и о пяти ее частях: «изобретение дела», «чиновное различие» (расположение), «соединение слов», «память» и «гласомерное и вежливое слово» (произношение). «Изобретение применительно к речи определялось как «способность помыслы рождать», излагать все «существо дела ясно и правдоподобно»². Эта книга, раскрывающая сущность самой науки риторики, была написана для русского читателя, которому неизвестны были ни название, ни содержание этой науки.

Во второй книге — «Об украшении слова» — излагалось учение о риторических тропах и фигурах. Автор спрашивает: «Что есть троп?» — и объясняет: «Троп есть перемена или обращение слова от истинной свойственной ему природы к вещи подобной или ближней. Например, Демосфен говорит: "Филипп, царь Македонский, величеством и высотой совершенных им дел опьянен был". Но здесь нет истинного значения пьянства».

¹ Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. / сост. Н.К. Гудзий. М., 2004. С. 56.

² *Аннушкин В.И.* Первая русская «Риторика». (Из истории риторической мысли). М., 1989. С. 25.

Интересно, что Макарий выделил в русской речи «три рода глаголения»: «смиранный», который относится к разговорной, обиходной речи; «высокий», представляющий собой образную речь; «мерный», который характерен для письменной и деловой речи. Он представляет собой сплав «смиранныго» и «высокого». Сочинение Макария изучали во многих монастырях в Москве, Новгороде, Ярославле, это был основной учебник риторики в России.

В 1699 г. появляется новая «Риторика». Предполагают, что ее издателем был Михаил Иванович Усачев. В этой книге каждый из «родов глаголения» наделяется особой функцией («должностью»). Смиранный род выполняет задачу «научити», средний — «усладити», высокий — «возбудити», — указывает Н.Н. Кохтев¹.

В начале XVIII в. было создано риторическое сочинение «De officium oratore» Феофаном Прокоповичем (1681—1736), крупнейшим общественным и церковным деятелем эпохи Петра I, поддерживавшим его реформы. Это сочинение представляет собой запись лекционного курса, прочитанного Феофаном Прокоповичем на латыни в 1706—1707 гг. в Киево-Могилянской академии. При жизни ученого его работы были широко известны по рукописным спискам в Украине, России, Белоруссии. Они сыграли большую роль в формировании науки о языке и литературе славянских народов.

В «Риторике» Феофана Прокоповича рассматривается общая теория словесности, ее ораторский и поэтический жанры, их языковые средства. Он подробно пишет о требованиях к оратору; рассматривает природу и назначение трех стилей литературного языка — высокого, среднего, низкого; останавливается на подборе доказательств, на композиции произведений исторической и ораторской прозы, их языковых особенностях.

Очень важно, что теоретические положения Ф. Прокопович создавал на основе своего ораторского и писательского опыта. Он всегда стремился стать понятным слушателю, поэтому использовал конкретные живые образы, был против «высокопарных» и «гремящих» слов. Современники считали Прокоповича великим ритором, в учебниках XVIII в. цитировалось его «Слово на погребение Петра» как образец ораторского искусства: «Что се есть? До чего мы дожили, о Россияне? Что видим, что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привиделось? Ах, какая истинная печаль!»

В истории русской культуры старинные риторики сыграли значительную роль, представляя собой «своеобразные энциклопедии лингвистических и стилистических знаний своего времени»².

¹ Кохтев Н.Н. Риторика. М., 1994. С.25.

² Волперский В.П. Риторика в России XVII—XVIII вв. М., 1988. С. 5.

Учение о красноречии М.В. Ломоносова

Развитие риторики в России получило мощное ускорение благодаря трудам великого русского ученого М.В. Ломоносова (1711—1765). Н.М. Карамзин в «Пантеоне российских авторов» назвал его «отцом российского красноречия». Ломоносовский период (середина и последняя треть XVIII в.) представляет собой новый этап в развитии отечественной риторики. Именно в это время сложился канонический тип русской риторики, в которой отражалась и обобщалась практика двуязычия (имеются в виду русский и церковнославянский языки), которая характеризовалась особым сплавом языковых элементов в рамках трихотомии (теории трех «штилей» М.В. Ломоносова).

Первое пособие по риторике было названо М.В. Ломоносовым «Кратким руководством к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1743). Но это сочинение было раскритиковано учеными немцами. При обсуждении рукописи академик Миллер заявил, что необходимо написать книгу на латинском языке и представить ее Академии вместе с русским переводом. Однако Ломоносов «ослушался» и свою вторую риторику написал на русском языке в 1748 г.

«Риторика» Ломоносова представляет собой фундаментальное научное исследование, которое определило развитие красноречия в России в XVIII в. и в последующие периоды. В книге раскрывается история возникновения и развития риторики, анализируется мастерство лучших ораторов античности, формулируется система правил и требований к оратору. Ломоносов определил красноречие как «искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению». В «Риторике» использован опыт античных теоретиков красноречия — Аристотеля, Горация, Квинтилиана и риторические знания европейской культуры, а также труды его современников.

Ученый взял для своей пространной «Риторики» три части классического античного канона: 1) изобретение; 2) украшение; 3) расположение, назвав их «правилами трех родов».

Особенно интересна та часть книги, которая посвящена учению об изобретении и сочинении речи: «Изобретение риторическое есть собрание разных идей, пристойных предлагаемой материи». Идеями автор называет «представления вещей или действий в уме нашем» и пишет: «Все идеи изобретены бывают из общих мест», выделяя род и вид, целое и части, место, время, причину и т.д.¹

М.В. Ломоносов, давая собственные примеры изобретения речи, считал, что «места риторические» являются важными для творческого развития мысли.

¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 19.

Вторая часть книги — «Об украшении» — включает традиционные для риторик и поэтик положения. Украшение определяется Ломоносовым как преобразование мыслей оратора («изобретенных идей») подходящими («пристойными и избранными») словами. Оно зависит от владения языком и складывается из чтения хороших книг и общения с людьми образованными, а также из изучения грамматических правил. «Течение слова» предполагает подкрепление сказанного примерами («хорошими речениями... пословицами»). «Сила великолепия» стиля зависит от чистоты выговора при произнесении речи.

В этой части рассмотрены образные средства языка: метафора, метонимия, синекдоха, гиперболa, ирония и др. В главах о стилистических фигурах автор знакомит читателя с синтаксической стилистикой. Рассматриваются такие приемы, как повторение, усугубление, восхождение, бессоюзие и др. Ученый приводит примеры эмоциональных оборотов из разговорной речи, народной речи. Вот примеры кратких образных изречений: *Счастье сильных боится; Что трудно терпеть, то сладко вспоминать.*

М.В. Ломоносов поднял и такие вопросы, как теория предложения, деление речи на периоды, композиция и компоновка текста. Впервые это стало объектом изучения и привлекло внимание автора именно в процессе работы над «Риторикой».

Третья часть «Риторики» называется «О расположении». Расположение «есть изобретенных идей соединение в пристойный порядок». Главные правила, которых следует придерживаться, автор сформулировал так.

1. Предложенную тему «должно изъяснить довольно, ежели она того требует, и чему служат распространения из мест риторических».

2. Тему нужно доказать доводами, которые располагаются таким образом, «чтобы сильные были наперед, которые послабее, те в середине, а самые сильные на конце».

3. К доказательствам присовокупить возбуждение или утоление страсти, какой материя требует...

Ученый подробно излагает эту тему в шести главах. По свидетельству современников, автор «Риторики» особенно гордился главой, которая раскрывает понятие хрии. «Хрия есть слово, которое изъясняет и доказывает краткую нравоучительную речь или действие какого великого человека и посему разделяется на действительную, словесную и смешанную». Хрия состоит из «осьми частей, которые суть: 1) приступ; 2) парафразис; 3) причина; 4) противное; 5) подобие; 6) пример; 7) свидетельство; 8) заключение». Первая часть — это похвала человеку или делу, о котором будет говорить оратор. Вторая представляет собой углубление и распространение первой. Третья включает в себя доказательства. Четвертая опровергает возможные возражения оппонентов. Пятая часть содержит подтверждающие основную мысль примеры и сравнения. Шестая часть обращается за доказательствами к историческим

примерам. Ссылки на авторитеты древних мыслителей придают убедительность седьмой части. Суждения мудрецов прошлого совпадают с мнением, которое высказывает оратор. В восьмой части подводятся итоги сказанному, делается нравственный вывод из речи оратора. Таким образом, речь становится завершенным, логически убедительным рассуждением.

Хрия определяла композицию краткой нравоучительной речи, в XVIII в. этот жанр был особенно популярен.

Интересны части «Риторики», показывающие воздействие речи оратора на слушателей. Ломоносов предлагает принимать во внимание их возраст, воспитание и образование. Ритору важно помнить о жестах, интонации, манере говорить. «Телесные дарования, громкий и приятный голос, долгий дух... особливо в произношении слова упражняющимся очень надобны; также дородство и осанковатый вид приличны, ежели слово перед народом говорить должно»¹.

Основные теоретические положения риторики в книге М.В. Ломоносова сопровождалась цитатами из сочинений знаменитых писателей Древней Греции и Древнего Рима, Средневековья, Возрождения и Нового времени, данными в авторском переводе. Многие примеры написаны самим автором. Все позднейшие русские риторики основывались на этом труде Ломоносова.

Риторическая школа российских академиков

В России конца XVIII — начала XIX в. складывается риторическая школа российских академиков, давшая импульс развитию университетской школы красноречия. Среди риторических сочинений особое место занимают «Правила высшего красноречия» М.М. Сперанского, написанные в 1792 г. При жизни автора рукопись не была напечатана, и только через пять лет после смерти Сперанского, в 1844 г., «Правила» подготовил к публикации профессор Санкт-Петербургской духовной академии И.Я. Ветринский.

Первым условием успеха оратора Сперанский считает природное дарование: красноречие «есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий». Природному дару помочь в этом может наука. Сравнивая хорошую речь с драгоценными камнями, Сперанский говорит, что необходимо изучать, каким образом усилить сияние этих камней, очищая, отделявая их и располагая в наиболее удачном месте.

Для возбуждения страстей, считает Сперанский, «оратор должен быть сам пронзен страстью». Но при этом не умаляется значение мысли как неотъемлемой стороны истинного словесного мастерства.

¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 93.

Исходя из древнего афоризма *Поэтами рождаются, ораторами становятся*, Сперанский советовал усиливать собственное красноречие чтением правил, изучением образцов и упражнениями в сочинении. Сам автор, бесспорно, владел тайнами слова.

На рубеже XVIII—XIX вв. в развитии риторической науки в России одно из видных мест занимают труды академика И.С. Рижского. Славу ему принесли «Логика», «Опыт риторики», «Политическое состояние Древнего Рима». Книги Рижского были признаны классическими. Первый ректор Харьковского университета и первый профессор красноречия, стиховорства и языка российского в этом университете, он читал курсы по теории красноречия, истории российской словесности. Продолжая работать над риторикой, автор внес немало исправлений и дополнений, так что третье издание книги вышло под названием: «Опыт риторики, сочиненный и ныне вновь исправленный и пополненный Иваном Рижским» (1809). Это издание риторики оказалось самым популярным.

Книга начинается с главы, посвященной вопросам чистоты языка, отношению к двуязычию — смешению славянской и русской речи. Это было продиктовано необходимостью нормализации и усовершенствования литературного языка. Оратор должен в совершенстве владеть родным языком, для чего необходимо, считает Рижский, чтение книг, общение с просвещенными людьми и частое обращение к Словарю российского языка.

Необычно построение риторики: книга содержит четыре части, материал в них расположен по-новому. Наиболее традиционной является вторая часть — «О совершенствах слова, которые происходят от мыслей, или О изобретении» (главой об изобретении обычно начинались другие риторики). Третья часть — «О расположении и о различных родах прозаических сочинений» — представляет собой изложение теории жанров прозаической литературы XVIII в. (от жанра писем до исторических сочинений). Четвертая часть называется «О слоге, или О совершенствах слога». Авторы риторик обычно включали раздел о слоге в главу об украшениях, но И.С. Рижский выделил тему о слоге в отдельную часть, и тому были весомые основания. Теория слога в истории русского литературного языка конца XVIII в. была чрезвычайно актуальна в связи с проблемой двуязычия.

Риторика Рижского близка по содержанию к практической стилистике. Свидетельство тому — параграфы о пристойности слов и выражений, о точности слов, о ясности сочинения, о плавности и благозвучии речи. Вот один из советов для «витий»: «Должно остерегаться стечения многих согласных или гласных букв, например, “Приношение жертв в страхе” или “Знание философии и истории”»¹. Обучение красноречию

¹ Цит. по кн.: Русская риторика: хрестоматия / авт.-сост. Л.К. Граудина. М., 1996. С. 95.

имело практическую направленность и считалось обязательным в высших учебных заведениях того времени. По мнению Рижского, внимательное упражнение в русском слове способствует задаче «хорошо изъяснять свои мысли и здраво рассуждать».

Благодаря трудам Рижского культура русской речи стала одной из центральных проблем эпохи.

А.С. Никольский в истории риторики известен как ученый-словесник и переводчик. Самым популярным был его перевод Квинтилиана «Двенадцать книг риторических наставлений». В 1802 г. ученый был удостоен звания академика.

Особенность трудов Никольского в том, что грамматика и риторика у него дополняли одна другую. Автор рассматривал их как фундаментальные основы курса словесности. Он поставил во главу угла анализ текста и его синтаксических компонентов, стараясь дать системное представление о разных, но взаимообусловленных частях произведения.

Отличительная черта риторики Никольского — обостренное внимание к проблемам жанров. Автор характеризует прозаическую, ораторскую и стихотворную речи, что определило специфику всего теоретического курса. Рассуждая о сходстве «слога с родом сочинений», автор классифицировал слог в зависимости от жанра: философский трактат, история, басня, роман, театральная пьеса должны быть написаны по-разному.

В последней главе риторики «О произношении» автор показывает преимущества звучащей речи, рассуждая о правильности выговора «речений и периодов», о темпе речи, интонации, о повышении и понижении голоса, его напряжении и ослаблении. Это обращает внимание на особенности публично произнесенного слова.

А.Ф. Мерзляков (1778—1830) — профессор Московского университета, один из самых видных представителей филологической науки в первой половине XIX в. Он был в свое время известным поэтом, переводчиком, литературным критиком. Его риторика, предназначенная учащимся светских учебных заведений, пользовалась большой популярностью. Первое издание книги вышло в Москве в 1809 г. под названием «Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. В пользу благородных воспитанников университетского пансиона». В пособии детально разработана теория слога.

О своеобразии слога можно рассуждать, учитывая характер писателя; «сущность материи, которую избрал, и цель, которую он поставил»¹. К существенным признакам хорошего слога автор относит «правильность, ясность, пристойность и приличие, благородство, живость, красоту и благозвучие»².

¹ Мерзляков А.Ф. Краткая риторика. 3-е изд. М., 1821. С. 11.

² Там же. С. 15.

Ясность является важнейшим свойством слога. Автор перечислил основные погрешности «против чистоты и правильности языка». Во-первых, не следует использовать слова, «которые необыкновенны, т.е. или слишком стары, или слишком новы, или образованы не свойственно гению языка»¹. Во-вторых, необходимо соблюдать правила синтаксиса. В-третьих, не следует употреблять слова в несвойственном им значении или вводить «провинциализмы», которые не известны широкому кругу людей.

Отдельные главы учебника посвящены правилам сочинения писем, диалогов, ораторских речей.

К разряду учебных риторик принадлежит и книга «Основания красноречия, преподаваемые учителем Малиновским». Интересно, что с правилами красноречия автор знакомит, используя метод Сократа. Родоначальник диалектики, Сократ учил молодежь постигать истины в споре, в столкновении мнений. Малиновский по его примеру в основу изложения материала положил метод вопросов и ответов. Центральное место в пособии отводится культуре речи. Автор убежден, что речь должна быть ясной, чистой, правдивой, одушевленной по мысли, разнообразной и полной по содержанию. В книге Малиновского прослеживается связь с античной риторикой, теорией ораторского искусства Древнего Рима.

На разработку риторических знаний в России оказал влияние новый этап развития литературного языка и художественной литературы, связанный с деятельностью Н.М. Карамзина. В центре внимания писателей и филологов, принявших активное участие в лингвистической полемике начала XIX в., **оказалось учение о слоге, которое предусматривало «рассмотрение эстетического совершенства мыслей и языка».** Наиболее яркое отражение идеи этого направления нашли в сочинениях по риторике Н.Ф. Кошанского.

Н.Ф. Кошанский — доктор философии и свободных искусств, профессор русской и латинской словесности в Царскосельском лицее. Его учебники «Общая риторика» и «Частная риторика» были широко известны в России.

«Общая риторика» состоит из трех традиционных разделов: «Изобретение», «Расположение», «Выражение мыслей». По Кошанскому, изобретение — это умение с разных сторон во множестве аспектов увидеть и понять избранный предмет описания. Автор называет «источники изобретения», которые развивают мысли, рождают ассоциации. «Они укажут вам, с какой точки зрения должно смотреть на предмет, или на мысль; вы взглянете, и в юном уме вашем пробудятся новые мысли, согласные с вашею, близкие к ней, соседние, знакомые, дружественные, родные»². В этой части

¹ Мерзляков А.Ф. Краткая риторика. 3-е изд. М., 1821. С. 17.

² Здесь и далее цит. по кн.: Кошанский Н.Ф. Общая риторика. 2-е изд. СПб., 1830. С. 9, 37, 38, 41, 84, 85, 86.

риторики анализируются также способы соединения мыслей, или предложений, в периодах. Раздел «Изобретение» завершается размышлением автора о свойствах изящной прозы, которая требует особого подхода. Автор формулирует правила создания прозаических произведений.

Вторая часть «Общей риторики» учит, как создавать ораторское сочинение. Важно, чтобы все было на своем месте, естественно, занимательно.

Третья часть — «Выражение мыслей» — посвящена проблеме слога, он должен соответствовать предмету изложения и быть закреплён за определенным жанром. Например, отличительные особенности простого слога — «простота в мыслях, в чувствах, в словах и выражениях». По мнению Кошанского, простым слогом следует писать письма, романы, «ученые сочинения», басни, сказки, комедии, стихотворные произведения «пастушеской поэзии» и мелкие стихотворения. Средним слогом обычно пишут «о простых предметах с некоторым достоинством и благородством и о важных с некоторой умеренностью». Сфера применения этого слога — деловые бумаги, исторические сочинения, послания. В ораторских речах, в похвальных и надгробных словах, в поэмах и трагедиях звучит возвышенный слог. Он помогает выразить высокие мысли и чувства. Автор настаивает на соответствии стиля изображаемому предмету. Слог должен соответствовать предмету: простой предмет описывается простым слогом, важный — высоким. Если же простое описывается высоким слогом, а важное — простым, то произведение получается шуточным.

Другая книга Н.Ф. Кошанского — «Частная риторика», в ней представлены пять видов красноречия: «письма», «разговоры», «повествование», «ораторство» и «ученость». Труды этого автора внимательно изучались современниками, вызывая среди них споры. В.Г. Белинский отнесся к риторическим сочинениям Кошанского критически.

Автор сочинений по риторике в первой четверти XIX в. А.И. Галич — один из самых ярких представителей русского просветительства. Он преподавал в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга и в Царскосельском лицее, был любимым учителем А.С. Пушкина. А.И. Галичу принадлежали широко известные работы по философии, эстетике («История философских систем», «Всеобщее право», «Черты умозрительной философии» и др.). Книга Галича «Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений» (1830) представляет собой фундаментальное теоретическое исследование по риторике. Автор показывает общие свойства «совершенного, или... ораторского языка». Это чистота, правильность, ясность, определенность и точность, единство, сила и выразительность, благозвучие.

А.И. Галичем была предложена оригинальная классификация стилей («родов слога»): 1) сухой; 2) простодушный, безыскусственный; 3) цветущий, щеголеватый, кудрявый; 4) растянутый, обильный;

5) сжатый; 6) пылкий, страстный (патетический), увлекающий, стремительный. Автор учитывал своеобразные формы общения, выделяя монологи, разговоры, письма, деловые бумаги, исторические сочинения, сочинения поучительные, ораторские речи.

Вызывает интерес специальная глава книги, в которой Галич рассматривает особенности деловой прозы («деловых бумаг»). К числу «деловых» автор относил широкий круг текстов. Это государственные договоры, манифесты, министерские документы, грамоты, прошения, жалобы, указы, завещания, заявления и т.п.

А.И. Галич отказался от традиционного деления на «фигуры слов» и «фигуры мыслей». Он выделил три типа фигур по их функции и характеру образования — грамматические, ораторские и поэтические. Различие между ними автор видит в следующем: «Если грамматик в своих фигурах играет словами, а оратор мыслями, то поэт играет картинами»¹.

Интересным учебным пособием для гимназий и университетов стал учебник профессора К.П. Зеленецкого, вышедший в Одессе в 1849 г. под названием «Курс русской словесности для учащихся». Первую часть книги составила «Общая риторика», а вторую — «Частная риторика».

Особенность первой книги в том, что автор отказался от традиционного учения об «изобретении» и «распространении», а подробно разработал вопросы, связанные с логической основой речи и с ее языковыми особенностями. Автор считает, что необходимыми «условиями любой письменной речи являются ясность, естественность и благородство». Наиболее значимая часть этого пособия К.П. Зеленецкого — раздел «О чистоте письменной речи русской “в лексическом отношении”». Здесь дана оценка заимствованиям, архаизмам, областным словам, неологизмам и т.д.

В «Частной риторике» Зеленецкий охарактеризовал жанры повествований разного рода — истории, летописи, жизнеописания, анекдоты и т.д. Частная риторика показывала, как в пределах определенного жанра можно удачно выразить мысль и чувство. При этом нужно помнить о тех этических, эстетических и языковых нормах, без соблюдения которых сочинение не может получить одобрения и автор не достигнет своих целей.

Судебное красноречие в России

После проведения в жизнь судебной реформы 1864 г. в России начинается бурный расцвет судебного красноречия. Широкую известность приобрели речи выдающихся юристов — П.А. Александрова, С.А. Андреевского, А.Ф. Кони, Н.П. Карабчевского, Ф.Н. Плева-

¹ Галич А.И. Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений. СПб., 1830. С. 40.

ко, В.Д. Спасовича, которые производили огромное впечатление на слушателей, вызывали сильный общественный отклик.

Среди большого количества работ по теории и практике судебного красноречия выделяется книга «Искусство речи на суде» (1910 г.), написанная П.С. Пороховщиковым, выступившим под псевдонимом «Сергеич». Вот как определяет специфику судебной речи автор: «В чем заключается ближайшая, непосредственная цель всякой судебной речи? — в том, чтобы ее поняли те, к кому она обращена... Мало сказать: нужна яркая речь; на суде нужна необыкновенная, исключительная ясность. Слушатели должны понимать без усилий. Оратор может рассчитывать не только на их воображение, но на их ум и проницательность»¹.

Основное требование судебного красноречия — знание предмета и знание языка. В книге выделяются главы: «О слоге», «Цветы красноречия», «Meditatio», «О психологии в речи», «Предварительная обработка речи», «Судебное следствие», «Искусство спора на суде», «О пафосе», «Заключительные замечания». В них представлена целая программа действий судебного оратора, описаны приемы создания речи. Языковое мастерство оратора — вот ключ к успеху. Ведь судебная речь должна не только донести до слушателей определенное содержание, она должна подчинить себе слушателей, заставить их принять позицию, которую предлагает оратор. Создать определенную эмоциональную атмосферу — это значит «пленить», доказать, убедить.

Кризис русской риторики. Институт Живого Слова

Однако несмотря на расцвет судебного красноречия, с 60-х годов XIX в. в России начинает падать престиж риторики. Заметно изменились эстетические вкусы художественной интеллигенции, риторика показалась многим ненужной и устаревшей. Известные филологи А.А. Потебня и А.Н. Веселовский провозглашают основным видом словесности художественную литературу.

Согласно новым этическим и эстетическим принципам литературы, исключительное значение придавалось психологическому анализу души и страстей человека. С 70-х годов XIX в. до 20-х годов XX в. вместо риторики изучается новая дисциплина, получившая название «Теория словесности». Из риторики в новую дисциплину вошло учение о композиции, о стилях речи, о риторических фигурах. Но классическая трехчастная основа риторики не выдерживалась, испытанные в теории и на практике ее каноны не рассматривались. Как самостоятельная научная дисциплина риторика с 60-х годов XIX в. теряет право на существование.

¹ *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М., 1960. С. 34—35.

В это время значительное распространение получили риторики, посвященные отдельным родам и видам красноречия: судебному, военному, социально-бытовому. Однако в конце XIX в. в гимназиях, где особое внимание уделялось классическому обучению, читались курсы по общей риторике.

Печальная участь постигла в начале XX в. теорию словесности. Этот курс, обучающий искусству художественной речи, был исключен из состава учебных дисциплин. В центре внимания филологов оказались проблемы стилистики. Это направление филологической науки было представлено именами С.П. Обнорского, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова и др.

В начале XX в. в России была сделана попытка возродить риторику как науку об ораторском искусстве. В 1918 г. в Петрограде был открыт первый в мире Институт живого слова. Крупнейшие научные и общественные деятели страны стояли у истоков создания этого необычного вуза. Преподавателями института в 1918 г. были А.В. Луначарский, С.М. Бонди, А.Ф. Кони, Л.В. Щерба, Н.А. Энгельгардт, В.Э. Мейерхольд, Б.М. Эйхенбаум и др. Разработкой вопросов, связанных с искусством речи, с культурой устного слова, занимался Л.В. Щерба. В рукописном отделе Пушкинского дома хранится машинописный текст «Проекта Щербы»¹. В нем сформулировано «Положение об Институте Живого Слова»: «Институт Живого Слова есть высшее учебное заведение, имеющее целью: 1) научно-практическую разработку вопросов, относящихся к области Живого Слова и связанных с нею дисциплин; 2) подготовку мастеров Живого Слова в областях: педагогической, общественно-политической и художественной; 3) распространение и популяризацию знаний и мастерства в области Живого Слова».

Институт имел три отделения: научное, учебное, просветительное. Специальные программы курса лекций по теории красноречия, теории спора, теории словесности были разработаны преподавателями института. И в наши дни звучат актуально проблемы, предложенные специалистами в 20-е годы прошлого века. Так, «Программа курса лекций по теории красноречия» (риторики) была предложена Н.А. Энгельгардтом. Известный в свое время историк, преподаватель словесности, он занимался проблемами красноречия, фольклора, писал о роли народного слова в истории национальной культуры.

Начало программы — это заголовки, отражающие наиболее важные части курса: «Ораторское слово. Могущество слова. Внушение. Заражение идеями. Слово — импровизация. Вещное слово. Искусственное красноречие». В программе Энгельгардта изложены традиционные части риторических сочинений, но автор по-своему определил роды красноречия. Он предложил свое видение истории ораторской прозы в России.

¹ Русская риторика: хрестоматия / авт.-сост. Л.К. Граудина. М., 1996. С. 53.

А.Ф. Кони разработал программу курса «Живое слово и приемы обращения с ним в различных областях». Все программы института и теперь представляют большой интерес. Однако в конце 20-х годов XX в. риторику исключили из школьного и вузовского обучения, в 1924 г. был закрыт Институт Живого Слова. Умение самостоятельно мыслить, отстаивать свои убеждения было нежелательно в условиях тоталитарного режима, более того, это каралось в судебном порядке.

Риторическая теория в наше время развивается под влиянием таких наук, как прагматика, лингвистика текста, теория речевой деятельности, теория массовой коммуникации. Риторика в России XX—XXI вв. переживает новейший этап в своем развитии. Выходят учебные пособия различной теоретической и практической направленности, начинается разворачиваться исследовательская работа по теории ораторского искусства. Среди фундаментальной отечественной научной, учебной литературы по риторике выделяются книги Л.К. Граудиной, Н.Н. Кохтева, А.К. Михальской, Г.Г. Хазагерова и др. Мы с полным правом можем говорить о «Русской риторике и культуре речи» как учебном предмете, который занял свое законное место в системе гуманитарных наук.

Глава 2

Ораторская речь

ВАЖНЕЙШИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

Классическая риторика создала идеальный образ оратора. Для разных эпох он видоизменялся: для древних греков это — философ, учитель (как Сократ); для римлян — трибун, политик (как Цицерон); в эпоху Средневековья — богослов; позднее — еще и красноречивый адвокат, способный вызвать сочувствие у суровых судей; ученый, выступающий с блестящими лекциями... И только докладчика, читающего текст выступления по бумажке и навязывающего аудитории директивы, утвержденные в высших инстанциях, мы не можем назвать оратором.

В новой, демократической России формируется современный образ оратора. В его становлении русская риторика призвана сыграть важную роль. Для того чтобы понять, какие требования к оратору предъявляет наше общество, охарактеризуем ораторскую речь.

Современная русская риторика дает такое определение: **о р а т о р с к а я р е ч ь** — это подготовленное речевое произведение, имеющее стройную композицию, завершенное в смысловом отношении, отличающееся определенным отбором языковых средств с целью воздействия на аудиторию.

Профессор Н.Н. Кохтев указал важнейшие отличительные особенности ораторской речи, мы расширим ее описание применительно к новому времени¹.

1. *Нормативная оформленность*. Речь оратора должна отвечать нормам русского литературного языка. Оратору приходится выступать перед слушателями, имеющими различный уровень речевой культуры, но в любом случае выступающий воспринимается как человек, владеющий литературно-языковой нормой.

2. *Тематическая заданность и подготовленность*. Обычно тема ораторской речи предлагается и обдумывается задолго до выступления. Выступающий имеет возможность отобрать материал, создать программу своего выступления, придать ему композиционную стройность и логичность.

3. *Связность*. Целевая установка помогает оратору составить план речи и построить ее в соответствии с целью. Все части ораторской речи (вступление, основная часть, заключение) должны быть связаны по смыслу. Это создает прочность и целостность композиции.

4. *Целесообразность*. Выбор языковых средств, построение выступления требует знания видов и родов ораторской речи и оправданного к ним обращения. В этом проявляется целесообразность публичного выступления. Кроме того, оратор должен учитывать и экстралингвистические факторы (время, место выступления, состав слушателей и др.).

5. *Ориентированность*. Оратору приходится выступать перед различными слушателями — учителями и летчиками, инженерами и врачами. Он должен учитывать их профессиональный статус, их интересы. Стиль и структуру речи следует «подстроить» под определенную аудиторию, предусмотреть при этом возможные вопросы, возражения, сомнения слушателей.

6. *Однонаправленность*. Ораторская речь имеет монологический характер, но однонаправленность речи, обращенной к слушателям, имеет свои особенности. Речь оратора может выглядеть как скрытый диалог с воображаемым оппонентом или со слушателями. Оратор имеет возможность говорить от имени и противников, и защитников определенной позиции.

7. *Диалогичность*. Специфика ораторской речи в том, что, будучи монологом, «речевым произведением одного действующего лица», она немыслима без контакта с аудиторией, без взаимной связи «оратор — слушатели». Следовательно, ораторское выступление необходимо диалогизировать. В ораторской речи главная установка делается на слушателя. Это условие создает сходство между монологом и диалогом. Чтобы заставить работать аудиторию, держать ее в заданном ритме, оратор нередко прерывает свою речь вопросами-репликами: «Вы со-

¹ Кохтев Н.Н. Ораторская речь: стиль и композиция. М., 1992. С. 9.

гласны с этой точкой зрения?»; «Можно против этого возразить?» и т.д. Эти реплики — призывы к сотрудничеству с оратором. Обычно они имеют форму риторического вопроса, но рассчитаны на оценивающую реакцию аудитории либо на молчаливое сопереживание слушателей. Важно, что контакт имеет двусторонний характер.

8. *Развернутость*. Ораторская речь представляет собой завершенное в композиционном и смысловом отношении произведение. Мысли должны быть изложены точно, логично, полно в соответствии с предложенными темой и целью.

9. *Непосредственность*. Ораторская речь передается без использования какого-либо промежуточного звена между оратором и слушателями. В эпоху античной древности эта особенность ораторской речи реализовалась только в живом общении. В наше время выступления ораторов могут быть показаны по телевидению, переданы по радио. Однако оратор обращается непосредственно к слушателям (реальным или воображаемым), стремясь воздействовать на их поведение, на мысли и чувства людей.

10. *Контактность*. В психологии контакт понимается как общность психического состояния оратора и аудитории, как взаимопонимание между выступающими и слушателями. Межличностное отношение оратора и аудитории проявляется только при непосредственном общении. В этом случае во время выступления он видит аудиторию, определяет ее реакцию и может направлять эту реакцию. Под контролем ратора находится внимание, интерес слушателей. Несомненно, умение поддерживать контакт со слушателями — важнейшее условие успешного публичного выступления. В этом отношении оратор имеет несомненное преимущество перед представителями средств массовой информации. Опытный оратор использует уникальную возможность непосредственного психологического воздействия на слушателей.

11. *Временная протяженность и необратимость*. Ораторская речь протекает в определенном отрезке времени и является необратимой. Эти признаки позволяют считать ее стройным и цельным произведением. Протяженность публичной речи во времени зависит от вида речи. Юбилейная речь должна быть короткой, а лекция занимает большой промежуток времени.

12. *Динамичность*. В ораторской речи предстают события, которые связаны с прошлым и настоящим временем, в ней может быть и прогноз на будущее. Следовательно, речь ратора динамична, в ней показаны действия, события, состояния в их развитии.

13. *Модальная оценочность и фактуальность*. Модальность — это категория, которая помогает выразить отношение говорящего к высказываемому сообщению, а фактуальность позволяет оценить, в какой степени описанные в речи события, факты соотносятся с объективной реальностью. В за-

висимости от рода речи один из этих аспектов является преобладающим. Например, в агитационной речи преобладает модальность, а в лекции важна фактуальная информация. Фактуальность помогает уяснить смысл сообщения — научного, политического характера, и потому ей сопутствуют объяснение и конкретизация материала. Неотделима от модальности речи ее оценочность. Оратор оценивает действия, явления, мнения участников событий. Оценка может быть положительной или отрицательной.

14. *Прагматичность*. Под прагматичностью понимается определенная направленность ораторской речи. Она продиктована целью вызвать у слушателей необходимые оратору чувства, мысли. Важно настроить аудиторию психологически к определенному образу действий. Скажем, речь защитника в суде влияет на слушателей, организуя их реакцию в нужном для оратора направлении. Аудитория для оратора как податливая глина в руках умелого скульптора. Оратор должен умело вносить коррективы в свою речь с учетом характера восприятия его выступления и внимания слушателей.

15. *Индивидуальность*. Личность оратора, его индивидуальность, наглядно проявляется в речи. Вспомните знаменитое сократовское изречение: «Заговори, чтобы я тебя увидел». Речь оратора является отражением его «Я», которое воздействует словом на аудиторию. Ораторская речь принципиально отличается от других видов речей тем, что ее нельзя представить без создателя, оратора, который говорит, чтобы вызвать ответные чувства у слушателей.

16. *Эмоциональность*. Современную ораторскую речь невозможно представить без проявления чувств говорящего. Аристотель тонко подметил, что слушатели всегда сочувствуют оратору, выступающему вдохновенно, если даже он не говорит ничего основательного. Если оратор сам не одержим страстью, он не сможет вызвать ее у других. «Плачь сам, ежели хочешь, чтоб я плакал», — писал Гораций¹. Цицерон подчеркивал, что самое важное в выступлении — это склонить аудиторию на сторону оратора, и «для этого слушатель должен быть так потрясен, чтобы им больше руководило сильное душевное волнение или экстаз, чем сила разумного суждения». По убеждению Цицерона, люди судят чаще под влиянием чувств: любви, ненависти, скорби, радости, надежды, страха. Причем душевное движение оказывается сильнее истины, правовых норм и законов.

РОДЫ И ВИДЫ ОРАТОРСКИХ РЕЧЕЙ

Проблема разделения ораторской речи на роды и виды имеет давние исторические традиции. Уже в «Риторике» Аристотеля

¹ Русская риторика: хрестоматия / авт.-сост. Л.К. Граудина. М., 1996. С. 79.

выделены совещательные, судебные и эпидейктические (хвалебные) речи. Назначение первых — обсуждение важнейших государственных вопросов: войны и мира, финансов, охраны страны, законодательства, продовольствия и т.п. Главной задачей судебных речей является выяснение истины, защита прав человека, его личного достоинства. Эпидейктические речи произносили на юбилеях и торжествах. Эта классификация Аристотеля не утратила своей значимости до нынешнего времени, так как любое выступление можно отнести к одному из этих трех родов речей.

Авторы отечественных риторик XVII—XVIII вв. называли пять основных родов красноречия. При царском дворе, в дворянских салонах развивается церемониальное светское п р и д в о р н о е красноречие. В армейской среде, в обстановке военного времени, создается в о е н н о е красноречие. Общее признание получает в Европе российское д и п л о м а т и ч е с к о е красноречие. Н а р о д н о е красноречие представлено призывными речами вожаков крестьянских восстаний. Многовековые церковные традиции хранит в себе д у х о в н о е (церковно-богословское) красноречие.

Приведем родовую и видовую классификацию ораторских речей, одобренную современной русской риторикой¹.

А. Род красноречия	Б. Вид красноречия
I. Социально-политическое красноречие	<ul style="list-style-type: none"> • Доклад на социально-политические и экономические темы • Отчетный доклад на собрании (конференции, съезде) • Политическая речь • Дипломатическая речь • Военно-патриотическая речь. Митинговая речь • Агитационная речь
II. Академическое красноречие	<ul style="list-style-type: none"> • Лекция вузовская (цикловая, эпизодическая)
III. Судебное красноречие	<ul style="list-style-type: none"> • Прокурорская, или обвинительная, речь • Общественно-обвинительная речь • Адвокатская, или защитительная, речь • Общественно-защитительная речь • Самозащитительная речь обвиняемого
IV. Социально-бытовое красноречие	<ul style="list-style-type: none"> • Юбилейная, или похвальная, речь • Застольная речь — тост • Надгробное слово, или поминальная речь
V. Церковно-богословское красноречие	<ul style="list-style-type: none"> • Проповедь • Речь на соборе

В этой типологии отражено влияние античной риторики, когда предметом внимания была только устная ораторская речь. Современ-

¹ Апресян Г.З. Ораторское искусство. М., 1978. С. 82—83.

ная риторика изучает такие виды красноречия, которые требуют письменного изложения материала в рамках академического и социально-политического красноречия. К ним относятся научный доклад, научное сообщение, научная информация, политическое обозрение и другие жанры письменной речи.

Покажем особенности названных ораторских речей.

Социально-политическое красноречие — это род речи, призванный отражать общественную жизнь страны с ее необходимыми политическими, хозяйственными, бытовыми проблемами. Эта речь требует четкой аргументации, ясного политического мышления. В ней должна быть заложена огромная мобилизационная сила, чтобы призвать народ к большим свершениям.

Рассмотрим виды красноречия, входящие в этот род.

Д о к л а д — это публичное выступление на социально-политические, политико-экономические, социально-бытовые, этико-нравственные темы, а также выступление по вопросам научно-технического прогресса. В докладе ставятся и решаются актуальные проблемы, возникшие в политической жизни страны (края, региона). За докладчиком остается право давать рекомендации, предлагать решения определенно сформулированных задач. Нередко доклад становится своеобразным руководством к действию или предметом всеобщего обсуждения.

В качестве примера приведем фрагмент доклада министра экономического развития и торговли Российской Федерации Германа Грефа, произнесенного в Государственной Думе в октябре 2006 г.

Я хотел бы условно разделить свой доклад на три части. Первая — состояние дел с вступлением в ВТО; вторая — какое значение имеет для страны членство в этой организации; и третья — меры, необходимые для того, чтобы хорошо подготовиться к вхождению в эту структуру. В ВТО сегодня сто сорок девять стран... Переговоры о нашем членстве завершены практически со всеми странами, кроме трех. Одна из них — Соединенные Штаты Америки... Есть хорошие шансы до конца года «закрыть» все вопросы с США¹.

Доклад, посвященный вопросу подготовки России к вступлению во Всемирную торговую организацию (ВТО), вызвал бурное обсуждение парламентариев.

В отчетном докладе делается отчет о проделанной работе, дается анализ и оценка ее результатов, ставятся новые задачи. Сошлемся на отчетный доклад председателя Государственной Думы Бориса Грызлова «В центре внимания — социально-экономическое развитие страны». Это выступление состоялось на закрытии осенней сессии 2005 г.

Главным для осенней сессии стало рассмотрение законопроектов, определяющих социально-экономическое развитие страны. Для нас важно, что уже на стадии

¹ Российская Федерация сегодня. 2006. № 19. С. 18.

определения макроэкономических показателей бюджета была учтена позиция депутатов. В результате нашей настойчивости Правительство уточнило макроэкономический прогноз на 2006 год, что позволило увеличить как доходную, так и расходную части федерального бюджета. Мы существенно повысили инвестиционную составляющую и обеспечили финансирование выдвинутых Президентом приоритетных национальных проектов...

Повышается значение контроля за расходованием бюджетных средств. Общество через законодательный орган вправе не только влиять на определение приоритетных бюджетных задач, но и контролировать их достижение.

...Мы расширили поле для совместной деятельности палат нашего парламента. Мы и в дальнейшем будем ориентироваться на повышение его роли в жизни страны. Это, безусловно, будет способствовать повышению ответственности всех органов власти перед гражданами¹.

Как видим, отчетный доклад отражает результаты коллективного творчества. Так, в ходе осенней сессии 2005 г. Государственная Дума приняла два федеральных конституционных закона и 114 федеральных законов. Содержание этих документов позволяет говорить о выходе Думы на качественно новый уровень законодательного регулирования.

П о л и т и ч е с к а я р е ч ь (например, обращение президента к народу), как правило, произносится руководителем страны и является программной. Образцом устной публичной речи является выступление Президента России В.В. Путина по решению национальных проектов. В октябре 2005 г. Президент заявил о том, что начиная с 2006 г. В России будут реализовываться четыре национальных проекта: в области медицины, образования, жилья и сельского хозяйства. На реализацию этих проектов предполагается истратить большие средства. Приведем фрагмент из текста выступления В.В. Путина.

Сегодня хотел бы особо остановиться на практических шагах в реализации приоритетных национальных проектов в таких областях, как здравоохранение, образование, жилье. Мы много раз возвращались к этой теме. Считаю необходимым вернуться к этой проблеме еще раз.

Во-первых, именно эти сферы определяют качество жизни людей и социальное самочувствие общества. И, во-вторых, в конечном счете, решение именно этих вопросов прямо влияет на демографическую ситуацию в стране и, что крайне важно, создает необходимые стартовые условия для развития так называемого человеческого капитала².

Оратор подчеркнул, что создан Совет по реализации приоритетных национальных проектов, чтобы они не остались только благими намерениями. Данные проекты — это курс на инвестиции в человека, а значит, и в будущее России.

Д и п л о м а т и ч е с к а я р е ч ь — это официальное выступление представителя того или иного государства по назревшим проблемам

¹ Российская Федерация сегодня. 2006. № 1. С. 21.

² Российская газета. 8 сентября 2005 г. № 199. С. 1—2.

международной политики. Следовательно, дипломатическая речь — разновидность политической речи, в которой официальное лицо (представитель) ясно и четко излагает позицию своего государства. Дипломаты России придерживаются политики создания системы международной безопасности в самых различных сферах: политической, экономической, военной, экологической и т.д. Российская дипломатическая речь весомо звучит с трибуны ООН, с представительных совещаний и конференций.

Перед вами фрагмент выступления министра иностранных дел Российской Федерации С. Лаврова «Сравнительные преимущества ОБСЕ подвергаются эрозии». Это выступление состоялось на 12-м заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Софии 7 декабря 2004 г.

Этот год был для всех нас непростым, нашим странам пришлось вынести немало тяжелых испытаний. Самые драматичные были связаны с новыми атаками международного терроризма в Испании, Турции, Узбекистане, России, а также в ряде стран за пределами ОБСЕ (Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе). Чудовищной катастрофой стала трагедия в Беслане, где террор перешел крайнюю черту подлости и трусости, направив свои действия против невинных и беззащитных детей.

Сегодня мы принимаем Заявление министров, осуждающее эти акты насилия, и солидный пакет конкретных антитеррористических решений. Мы за дальнейшее наращивание антитеррористического потенциала ОБСЕ и расширение сотрудничества государств в противодействии современным угрозам... с сожалением приходится констатировать, что «сравнительные преимущества ОБСЕ подвергаются эрозии». Организация не только перестает быть форумом, который объединял бы государства и народы, но и, наоборот, начинает работать на разъединение. В Заявлении стран СНГ от 3 июля 2004 года и в их Обращении к коллегам по ОБСЕ от 15 сентября 2004 года прозвучали предложения выправить ситуацию. (Имеются в виду региональные конфликтные ситуации в Молдавии, Грузии, Южной Осетии.) в Обращении стран СНГ содержится конструктивная концепция развития ОБСЕ в интересах всех 55 государств-участников. Будущее за такой организацией, которая реально помогала бы всем государствам решать общие для них проблемы и была бы готова оказывать практическое содействие в реализации жизненно важных проектов. При этом необходимо учитывать культурные, исторические, национальные отличия всех стран¹.

Военно - патриотическая речь — это речь, которую произносит полководец перед решающим сражением. В этой краткой призывной речи командир напоминает воинам о прежних их победах, показывает преимущества своих бойцов перед неприятелем, воодушевляет на битву. Читая летописи России, можно встретить редкие образцы военного красноречия. Перед сражением с греками князь Святослав произнес речь, крылатые слова из которой остались в памяти народа:

Да не посраим земли Русския, но ляжем костью ту; мертвыи бо срама не имут.

Во время сражения, в грохоте боя, командир не только ободряет воинов, иногда он одним словом соединяет рассеянные полки, возвращая их к битве. Можно сказать, что военно-патриотическая речь —

¹ Международная жизнь. 2005. № 1. С. 41—45.

это и призыв к личному подвигу, и приказ, который не подлежит обсуждению. Особое значение эта речь приобретает в устах человека, известного своим мужеством, воинскими доблестями.

Митинговая речь имеет богатые исторические традиции. Она рождалась в обстановке острых политических событий, классовых схваток. Эту речь всегда отличали призывный характер, быстрая мобилизация сил для совершения конкретных действий. Многообразие форм и видов митинговой речи поистине впечатляет: это митинги протеста, солидарности, поддержки, траурные и торжественные митинги. Нередко атрибутами митинга являются плакаты, лозунги, знамена и портреты.

Современная русская риторика под митинговой речью понимает публичную речь, посвященную знаменательной дате или международному событию. Так, 12 января 2007 г. Россия отмечала 100-летие со дня рождения основоположника практической космонавтики, главного конструктора ракетно-космических систем академика С.П. Королева. В подмосковном городе, который был назван в честь Королева, состоялся торжественный митинг, посвященный памяти гениального конструктора. Советник Президента Российской Федерации Александр Бурутин сказал:

В этом году мы отметим также 150 лет со дня рождения Константина Циолковского, 110 лет со дня рождения Александра Чижевского, 50 лет со дня запуска первого искусственного спутника Земли. Но 100-летие со дня рождения Сергея Королева — первая дата в этой череде праздников, это знаменательное событие в жизни нашего государства — истинного лидера в освоении космического пространства не только в истории, но и сегодня. Действительно, трудно переоценить тот вклад, который внес Сергей Павлович Королев в развитие космонавтики, поставившей в свою очередь на новую ступень развития все человечество.

В 1964 году, будучи назначенным первым руководителем вновь созданного ОКБ-1, Сергей Королев за короткий срок создал мощное предприятие, ставшее лидером мировой космонавтики, сплотил коллектив единомышленников, способный решать самые сложные задачи в ограниченные сроки.

Достижения Сергея Королева и его команды известны всем: ракета-носитель Р-7 (первая межконтинентальная баллистическая ракета), ставшая основным средством выведения космических аппаратов, первый искусственный спутник Земли, первый полет человека в космос, первые автоматические аппараты, запущенные к Луне и планетам Солнечной системы, первые спутники для научных исследований, первые пилотируемые космические аппараты «Восток»... Сегодня идеи Королева нашли достойное продолжение...

Согласно закону жанра, митинговая речь должна быть яркой, эмоциональной. Пафосная по сути, с четкой дикцией оратора, с богатыми интонациями в своем рисунке, она должна вызвать психологический отклик. Очень важно подобрать новые факты, представить события так, чтобы они выглядели в новом свете.

А г и т а ц и о н н а я р е ч ь — это публичная речь, которая содержит призывы к новому действию или отказу от ранее принятых решений. В агитационных речах ставятся предельно конкретные

задачи: проголосовать, например, за какого-то кандидата, поддержать экономическую инициативу, откликнуться на рекламное выступление. Агитационные речи обычно заканчиваются призывами: *Россияне! Ведите здоровый образ жизни!*; *Принимайте участие в благотворительной акции!*; *Голосуйте за партию «Единая Россия!»*. Успех агитационной речи зависит от умения оратора психологически воздействовать на слушателей. Достичь этого помогают убедительные примеры, искренность говорящего.

В агитационных речах нашего времени не содержатся призывы к борьбе с врагами внутренними и внешними, с инакомыслием и религиозными обычаями и традициями. Демократическая Россия занимает достойное место в цивилизованном мире, так что содержание агитационных речей современных ораторов отличает их от «трибунов революционных переворотов» начала XX в. девизом: «Агитационные речи, которые служат укреплению и процветанию нашей державы, всегда находят широкую поддержку у россиян».

Академическое красноречие способствует формированию научного мировоззрения, созданию научной картины мира. Для него характерны строгая научность изложения, глубокая доказательность, логическая культура. Термин «академическое красноречие» весьма условен, но именно так стали называть вузовские лекции, научные доклады, обзоры, сообщения, научно-популярные лекции. Передовые отечественные ученые XIX в. блестяще развили этот вид красноречия. По словам Н.И. Пирогова, лекция все чаще становилась «подмогой умственной работы слушателей, незаменимым средством усваивать знание, почерпаемое из природы и книг»¹. Профессор Т.Н. Грановский считал наиважнейшим достоинством лектора «умение шевелить и возбуждать игру ума». Его речь никогда не теряла ясности, не пестрела непонятными терминами, ее отличала особая художественная выразительность. «Так свет, проходя через прозрачный кристалл, не изменяясь в существе своем, играет живыми красками», — характеризовал его речь И.С. Тургенев².

Лекции русского ученого-дарвиниста М.А. Мензбира сравнивали со стилем постановок Художественного театра. Вот фрагмент одной из его лекций.

Где же все то разнообразие морских форм, спрашивает себя неопытный наблюдатель, о котором нам пишут и рассказывают? Где медузы, пузырьники, ребровики, поражающие на рисунках своим изяществом? Куда скрылись крабы, где искать рыб? Как старик в русской сказке, закидываю я невод, жду богатой добычи, и ничего не приносит он мне, кроме обрывков водорослей. Не только золотой рыбки, ничего похожего на какое-либо животное... Да, не сразу дается золотая рыбка натуралисту; громадное большинство морских животных обладает прозрачным телом и такой

¹ Пирогов Н.И. Избр. пед. соч. М., 1952. С. 488.

² Грановский Т. Избр. соч. М., 1905. С. 14.

окраской, что нужен очень опытный глаз, чтобы разглядеть их в морской синеве... на всех этих животных сказался закон покровительствующей окраски и покровительствующего сходства, только немногие жители моря не подчинены ему¹.

Своеобразна специфика этого отрывка лекции: сплав научных и разговорных элементов создает выразительность речи, делает ее привлекательной для слушателей.

Актуальность идей, гражданственность, глубокий научный анализ каждой темы и эмоциональность, выразительность речи — все это было характерно для лекций ученых XIX в. Благодаря усилиям ведущих русских профессоров лекцию перестали рассматривать лишь как способ устной передачи научной и учебной информации. Утверждается принцип понимания лекции как метода развития самостоятельного мышления слушателей.

Один из древнейших родов ораторского искусства — с у д е б н о е к р а с н о р е ч и е. Судебная монологическая речь, произносимая прокурором и адвокатом в судебных прениях, является разновидностью публичной речи, которая призвана оказывать целенаправленное и эффективное воздействие на суд, формировать убеждения судей и граждан, находящихся в зале суда. Необходимо учесть тот факт, что прокурор выполняет свои обязанности на уровне служебного долга и субъективно не заинтересован в исходе дела. Защитник лично заинтересован в результатах следствия, так как подзащитный его «нанимает». В принципе, прокурор и адвокат должны соответствовать друг другу по интеллекту, общественному положению, уровню образованности.

Адвокат имеет ряд преимуществ по сравнению с прокурором. Прокурор утверждает лишь то, что доказано, подтверждено следствием. Адвокат может отрицать все то, что фактически не установлено и поэтому рождает сомнения. Опытный адвокат, избегая эффектных сцен, предлагает свой подход к оценке событий, дает свое понимание содеянного.

В судебной практике правильно начатая речь уже наполовину определяет успех дела. Так, убедительно начал свою речь Н.П. Карбачевский, выступая в защиту К.К. Криуна, капитана затонувшего парохода «Владимир». Трагедия на Черном море произошла в ночь на 27 июля 1894 г. в результате столкновения парохода «Владимир» с итальянским теплоходом «Колумбия» на русском судне погибли семьдесят пассажиров, два матроса и четыре человека из пароходной прислуги. Во вступлении адвокат заявил следующее.

Господа судьи! Общественное значение и интерес процесса о гибели «Владимира» выходит далеко за тесные пределы этой судебной залы. Картина исследуемого нами события так глубока по своему содержанию и так печальна по последствиям, что да позволено мне будет хотя бы на минуту забыть о тех практических

¹ Мензбир М. Дарвинизм в биологии и близких к ней науках. М., 1886. С. 140—141.

целях, которые преследует каждая из сторон в настоящем процессе. Вам предстоит не легкая и притом не механическая, а чисто творческая работа — воссоздать происшествие в том виде, в каком оно отвечает действительности, а не воображаемым обстоятельствам дела¹.

Здесь же, во вступлении, оратор призвал суд считаться с исторической и бытовой правдой, которую раскрыло следствие, а не заботиться «только о грубых эффектах и терзающих нервы впечатлениях».

Основное содержание защитительной речи требует подробного анализа фактического материала, оценки всех доводов за и против, характеристики самого обвиняемого. Опытный адвокат Карабчевский учел все это и выиграл дело. Для опытного юриста были важны не столько факты, сколько их взаимосвязь. В этом всегда находится центр тяжести при судебной защите.

Для судебной речи характерно сочетание стандартных и эмоционально-экспрессивных средств выражения: употребление стандартных юридических терминов и формул, аргументированность, убедительность и эмоциональность.

Русское судебное красноречие второй половины XIX в. было значительным явлением в общественной жизни России. Благодаря усилиям многих замечательных судебных деятелей России была создана особая теория судебного красноречия.

Социально-бытовое красноречие неотделимо от сложившихся народных традиций и обычаев, как правило, оно проникнуто высокими идеями и чувствами. К нему относятся речи: юбилейные, застольные, надгробные.

Юбилейная речь обычно связана со знаменательными датами в жизни страны, трудового коллектива, отдельной личности. Застольная речь, которую произносят на официальных, например, дипломатических приемах, носит строгий статус и близка по стилю социально-политическому красноречию.

Юбилейная речь может быть посвящена отдельному человеку, например в связи с его 50-летием со дня рождения и 30-летием научной или художественной деятельности. Такая речь должна быть короткой, изящной, легкой: ведь она произносится в торжественной и дружеской атмосфере.

В качестве примера приведем отрывок из речи поэта Е.А. Евтушенко на юбилее композитора А.Я. Эшпая, произнесенной в мае 2005 г.

Андрей Эшпай принадлежит к редкому типу людей, которые совершенно не старятся с годами. Во всем его облике есть нечто вечно юношеское, взволнованное, озаренное завтрашним больше, чем сегодняшним, к нему не привилась тяжеловесная «солидность» многих его ровесников и даже людей помоложе его. Почему? Да потому, что, несмотря на нужную и ненужную общественную занятость, главным для него была и есть музыка — поэзия его жизни.

¹ *Карабчевский Н.П.* Речи. СПб.; М., 1916. С. 135—136.

Трудно представить, глядя на его изменчивое, подвижное, в чем-то мальчишески беззащитное лицо, что он прошел по страшным фронтовым дорогам. Он сумел не состариться ни под пулями, ни под тяжестью многих наград, отягощавших его лацканы. Для него характерна порывистая мозаичность поступков, нервная, но хваткая мозаичность творчества — от сложных симфонических построений до сложнейшей простоты запоминающихся сразу песенных мелодий. Широта творческого диапазона композитора-юбиляра впечатляет.

Во внушительном списке его сочинений самые разнообразные жанры: балеты «Ангара» и «Круг», симфонии, концерты практически для всех инструментов с оркестром, оперетты, «Венгерские напевы» для скрипки с оркестром, программные оркестровые пьесы, камерные ансамбли, фортепианные циклы, песни, музыка к фильмам и спектаклям...¹

В речи Евтушенко, создавшего в сотворчестве с Эшпаем немало популярных песен, преобладает высокий оценочный текст, что отвечает требованиям жанра.

Торжественным речам не свойственны строгий план изложения и всесторонняя характеристика личности. Подчеркиваются только положительные, лучшие стороны. Это типичный панегирик. Особенно ценятся экспромты, импровизированные речи. Юбилейные речи, похожие на отчетные доклады, вызывают у слушателей чувство недоумения и досады.

З а с т о л ь н а я р е ч ь, произносимая на официальных приемах, нередко носит деловой и политический характер и мало чем отличается от социально-политического красноречия. Но в непринужденной дружеской обстановке ее преподносят в ином плане: образцом такого похвального слова является тост. Краткость, афористичность, изящество слога отличают этот жанр. Для тоста уместны преувеличения в оценках, восхваления, но «запрещены» критические намеки, сатирические нотки. Тост всегда полон юмора, исполнен веселья и сердечных пожеланий добра и успехов.

Тема хорошего тоста должна раскрываться в заключительной фразе, что позволит удержать внимание публики. Вот что сказал актер Александр Ширвиндт, приветствуя своего коллегу в день его юбилея.

Друзья! Разрешите поднять, в данном случае умозрительно, этот символический бокал за очаровательное украшение нашей жизни — за Зиновия Гердта.

В эпоху великой победы дилетантизма всякое проявление высокого профессионализма выглядит архаично и неправдоподобно. Гердт — воинствующий профессионал-универсал. Я иногда думаю, наблюдая за ним: кем бы был Гердт, не стань он артистом?

Не будь он артистом, он был бы гениальным плотником или хирургом. Гердтовские руки, держащие рубанок или топор, умелые, сильные, мужские — археологическая редкость в наш инфантильный век. Красивые гердтовские руки — руки мастера, руки артиста.

Не будь он артистом, он был бы поэтом, потому что он не только глубоко поэтическая натура, но один из немногих знакомых мне людей, которые не учат стихи, а выпитывают их в себя, как некий нектар...

¹ Музыкальная жизнь. 2005. № 5. С. 22.

Не будь он артистом, он был бы замечательным эстрадным пародистом, тонким, доброжелательным, точным. Недаром из миллиона «своих» двойников Л.О. Утесов обожал Гердта. <...>

Не будь он артистом... Но он Артист! Артист, Богом данный, и слава богу, что при всех профессиональных «совмещениях» этой бурной натуры ему (богу) было угодно отдать Гердта Мельпомене и другим сопутствующим искусству богам. <...>

Наивно желать Гердту творческих успехов — он воплощение успеха. Пошло ратовать за вечную молодость — он моложе тридцатилетних. Надо пожелать нам всем помогать ему, не раздражать его, беречь его, чтобы он, не дай бог, не огорчился, разочаровавшись в нас, тех, ради которых он живет и творит¹.

В кругах отечественной интеллигенции всегда придавалось серьезное значение формам речи, принятым в семье и в обществе. Рассуждения о «хорошем тоне» выглядят как исторический факт семейно-общественной жизни человека ушедшего времени. Вот как дается определение хорошего тона: «Подобно тому, как в музыке все приятные и ласкающие слух звуки, сливаясь в одно, образуют гармонию, чарующему влиянию которой мы невольно поддаемся, точно так же безотчетно влечет нас симпатия к той личности, у которой во всех движениях, разговоре, манере держать себя господствует полнейшая гармония. Это-то и есть тот хороший тон, к усвоению и достижению которого должен стремиться всякий образованный человек»². Хороший тон связан с такими качествами человека, как вежливость, такт, предупредительность и деликатность в общении, умение слушать и отвечать. Следовательно, в риторике высоко ценится строгая этикетность речи, чего так не хватает нашему современному обществу.

Надгробная, или поминальная, речь произносится в память о человеке, который ушел из жизни. Умершего принято «добром помянуть». В надгробном слове всегда содержится печаль и краткая характеристика ушедшего из жизни человека. Приведем пример такой речи известного ученого-философа В.Ф. Асмуса, выступившего на похоронах поэта Бориса Пастернака, который жил всегда по законам правды и творчество которого стало частью культурного наследия России.

От нас ушел Борис Леонидович Пастернак, один из крупнейших писателей русских. Его отличало огромное поэтическое дарование, мастерство русской поэтической речи, редкая не только по широте охвата, но и по точности, по пронизательности художественная восприимчивость ко всем видам искусства: к музыке, скульптуре, живописи, искусству сцены.

Большим писателем его делала не только эта одаренность. Большим писателем его сделало стремление и умение говорить на языке своего искусства о том, что он считал самым важным для человека и для художника: он требовал и от самого себя, и от товарищей по искусству, чтобы искусство было не забавой, не услаждением, не оттачиванием мастер-

¹ Цит. по кн.: *Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г.* Современная деловая риторика. М., 2002. С. 159—160.

² Русская риторика: хрестоматия / авт.-сост. Л.К. Граудина. М., 1996. С. 269.

ства ради мастерства, а уяснением — себе и через свое искусство — другим людям открывшегося писателю особого понимания явлений жизни.

Свое дарование и мастерство он с непреклонной волей подчинил этой задаче. Он не требовал от других ничего, чего он не требовал для самого себя... Эта черта ставит Пастернака рядом с самыми замечательными русскими писателями, с такими, как Лермонтов, Достоевский, Лев Толстой...

Пастернак спорил с современностью никогда не был спором озлобившегося консерватора. Это был, конечно, не спор с нашей властью и даже не спор со всей нашей эпохой. Это был спор с целой чередой эпох, люди которых и деятели которых полагали, будто к лучшему будущему человечество может прийти только через борьбу и насилие. Пастернак не мог принять эту мысль. Он стал в ряду писателей-утопистов, отрицателей насилия, каким был, например, Лев Толстой. Можно считать эту мысль глубоко ошибочной, но это было заблуждение человека, в котором билось огромное горячее сердце, который деятельно любил страдающее человечество и который — на беду свою — не мог понять, как из обострения борьбы, из моря крови, из нравственного одичания, огрубления и отупения, которыми до сих пор сопровождались великие исторические перевороты, может родиться гармоническое, преодолевшее противоречия, высшее состояние человеческой нравственности и высшее цветение культуры. <...>

Он любил свою родину — ее природу, ее великую духовную культуру, ее больших людей: художников, писателей, музыкантов. В автобиографических сочинениях он написал — как всегда сжато, скупое, целеустремленно — немногие по числу страницы о Льве Толстом, о Скрябине, о Блоке. Не скоро появятся образы этих художников, равные пастернаковским по способности запечатления.

Это понимание и это видение должны были ранить, породить ощущение какого-то несоответствия, неблагополучия в том, что так близко касалось не только его лично, но — через него — искусства. Тем удивительнее мужество, скромность, достоинство, терпение, с каким он встретил и перенес свою нелегкую судьбу в литературе. Он не навязывал себя современности, не спорил с нею, так как уважал ее и твердо знал, что придет время, когда современность к нему вновь обратится. Это время не за горами¹.

Духовное красноречие иногда называют и церковно-богословским, поскольку в основе этого рода красноречия лежит изложение и разработка религиозно-нравственных тем. Первое название для современной риторики более оправдано: словосочетание *духовное красноречие* подчеркивает высокую направленность тематики (о милосердии и о спасении души, раздумья о вечном, о добре и зле, любви и ненависти, чести и низости). В истории России этот род красноречия имеет давние и богатые традиции. Именно введение христианства на Руси послужило основой для формирования этого риторического типа словесности.

В церковных речах, по существу, всегда давалась нравственная установка на правильный образ жизни. Гордыня, гнев, сребролюбие, лицемерие, болтливость считались пороками, «грехами»; прославлялись милосердие, трудолюбие, чувство любви к Родине, чувство национального самосознания. Церковь на Руси не только несла в себе

¹ Речь В.Ф. Асмуса на похоронах Б.Л. Пастернака, произнесенная на кладбище в писательском поселке Переделькино 2 июня 1960 г. Цит. по кн.: Таранов П.С. Искусство риторики: универсальное пособие для умения говорить красиво и убедительно. М., 2002. С. 100—101.

высокий духовный заряд, она сформировала «своеобразную школу» богоугодной (праведной) жизни. Наука о христианском церковном проповедничестве — г о м и л е т и к а — изучает духовное красноречие. К талантливым образцам духовного красноречия принадлежат: «Слово о законе и благодати» Иллариона (XI в.), проповеди Кирилла Туровского (XII в.), а также Патриарха Московского и всея Руси Пимена (XX в.), Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго (XXI в.), священника Александра Меня (XX в.). Сегодня, когда утрачиваются нравственные ориентиры в обществе, слово проповедника приобретает исключительную силу и значимость.

В качестве примера приведем фрагмент из проповеди православного священника и писателя Дмитрия Дудко «О воскресении наших душ», произнесенной им перед учащимися одной из школ города Москвы.

Чтобы вера наша была предметом воскресения наших душ, надо верить и делать добрые дела.

Преподобный Сергей, обретение мощей которого мы сегодня совершаем, веровал. Когда в монастыре не хватало пропитания и братия начала роптать, требуя нарушить закон монастыря (а закон монастыря был, чтобы не просить, а ждать милости Божией), преподобный Сергей молился, и Господь послал благодетеля для монастыря.

Живя в монастыре, преподобный Сергей не просто уходил ото всех, а он в своем сердце чувствовал нужду всех людей, нужду общества. В то время Россия переживала иноплеменное иго, и он благословил Дмитрия Донского на победу над Мамаем.

Вот он — живой пример, как надо воскрешать души!¹

Речь на соборе — это другой вид духовного красноречия, адресованный только служителям церкви. Предметом таких речей являются внутрицерковные проблемы, связанные с религией.

Вы заметили, что каждый род красноречия отличается своими специфическими языковыми чертами. Выступление оратора строится с учетом ситуации, состава аудитории. Необходимо отметить, что ораторское искусство никогда не было однородным. Различные роды и виды ораторской речи исторически выделялись в зависимости от конкретной сферы применения.

Для успеха публичного выступления оратору необходимо, прежде всего, овладеть вниманием аудитории, заставить слушать себя. Однако достичь этого не просто, причем успех зависит не только от самого оратора (его способностей, профессионализма, подготовленности), но и от объективных факторов, на которые выступающий не может воздействовать.

В демократическом обществе оратор может говорить свободно и раскрыть в полной мере свой дар красноречия. Но при тоталитарном режиме главная причина отсутствия контакта выступающего и слушателей заключается в социальной структуре общества. Оратор превращается в резонера, который озвучивает директивы вышестоящих

¹ Дудко, о. Дмитрий. Воскресные проповеди. М., 1992. С. 43.

инстанций, а слушатели — в пассивную толпу, обреченную на беспрекословное следование указаниям руководящих органов.

Речь оратора и власть — проблема, которая рассматривалась в риторике еще со времен античности. Формы речи, принятые в обществе, напрямую зависят от форм власти. Тоталитарное государство насаждает монолог (от греч. *monos* — один, *logos* — речь) как форму речи, отвечающую его собственной структуре. «Монолог в речи, — пишет А.К. Михальская, — есть не только проявление власти говорящего над слушающим, обладание адресатом как вещью, как объектом воздействия. Это еще и претензия на обладание истиной, стремление овладеть истиной единолично. Таковы были монологи людей, вставших у власти, таковы были их речи, в формах которых отражалась власть»¹. Риторика власти порождает категоричные, авторитарные заявления, не допускающие возражений, обязательные для всех. Риторика власти не нуждается в разъяснении своих постулатов, они должны приниматься безоговорочно. Всеобщая обязательность суждений, высказываемых оратором, рассчитана на догматическое их восприятие слушателями, которое исключает интеллектуальное и эмоциональное сопереживание. Живое общение с аудиторией для оратора становится нереальным, он должен выступать по заранее подготовленному и утвержденному соответствующими органами тексту, отступления от него недопустимы. Это обезличивает оратора, точнее чтеца, «докладчика», который лишен возможности самовыражения и любого проявления неконтролируемого свободомыслия.

Иначе складываются взаимоотношения оратора и аудитории в демократическом обществе, гарантирующем свободу слова и предоставляющем оратору возможность творчески подойти к подготовке своего выступления, подумать о том, как его сделать интересным для слушателей, как завоевать их внимание.

Глава 3 Риторические каноны

КАК ГОТОВИТЬСЯ К ВЫСТУПЛЕНИЮ. ИЗОБРЕТЕНИЕ (ИНВЕНЦИЯ)

В античной риторике выделялось пять канонов (правил), и самый первый — и н в е н ц и я (в переводе с греческого — *изобретение*). Это начальный этап подготовки к выступлению: определение темы, подбор и предварительная систематизация материала. Оратор думает: «О чем говорить?».

¹ Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово. М., 1996. С. 314.

Удачный выбор темы во многом определяет успех выступления. Правильно сформулированная тема обычно (в явном или скрытом виде) содержит в себе вопрос, на который нужно ответить. Например, «Что следует знать выпускнику средней школы?». Лектор должен дать ответ на этот вопрос. Однако каждая тема имеет широкий аспект проблем, поэтому ее необходимо конкретизировать и выделить круг актуальных вопросов, которые выступающий будет освещать в лекции. Так, в нашей теме могут быть выделены вопросы: «Как готовиться к вступительным экзаменам в вуз?»; «Можно ли совмещать учебу и работу?»; «Кто из абитуриентов имеет право на бесплатное обучение?»; «Обеспечит ли вуз студентов общежитием?» и т.д. Эти вопросы станут каркасом выступления на данную тему.

Другой пример: тема «Ораторское искусство в европейской культуре». При подготовке к лекции оратор должен выделить такие конкретные темы:

1. Ораторское искусство в период античности.
2. Место риторики в культуре Ренессанса.
3. Риторика и классическое образование в Западной Европе в XIX в.

Каждый исторический период потребует серьезного изучения материала и значительного времени для описания. Важно осознать это и не стремиться в одном выступлении «объять необъятное».

Какими же критериями руководствоваться при выборе темы? Желательно учитывать рекомендации, сложившиеся в риторике на протяжении ее многовекового развития. Следует выбирать тему, которая соответствует знаниям и интересам оратора; знание темы оратором должно значительно превышать осведомленность аудитории; тема должна быть интересной и актуальной для слушателей.

Оратору необходимо учитывать конкретную обстановку, в которой он будет выступать. Перед людьми, собравшимися на банкет, юбилей, не имеет смысла произносить серьезные или нравоучительные речи, они неуместны в торжественной обстановке. Но если тема вызывает отклик у слушателей, то они будут внимательны. Интерес аудитории обычно вызывают проблемы здоровья и материального благополучия, улучшения семейных отношений и социального престижа. С пониманием воспринимаются темы, рассчитанные на профессиональные интересы слушателей, так как повышение квалификации весьма значимо для многих: в наше время люди хотят иметь хорошую, высокооплачиваемую работу. Необходимо, чтобы оратор, определяя тему выступления, знал, что волнует его будущих слушателей.

Очень важно сформулировать тему ярко, выразительно, чтобы она запомнилась. Лучше всего определить тему выступления одной фразой. Название может привлечь или оттолкнуть слушателей, и об этом должен помнить оратор. Непонятные слова, иностранные термины раздражают людей. Например, недоумение у многих жителей маленького

городка N вызвала лекция «Гидропоника в вашем доме». *Гидропоника* — это способ выращивания растений в воде без использования земли. Неудачная формулировка темы отпугнула слушателей, а если бы тему назвали иначе — скажем, так: «Домашние растения можно вырастить и без горшочной земли», она заинтересовала бы многих.

Тема выступления отражает его суть, передавая в лаконичной форме основную идею. Кроме того, она нередко носит рекламный характер, чем привлекает внимание слушателей, заставляет работать их воображение. Хорошо, если тема пробуждает любопытство; для этого можно сформулировать ее в виде вопроса или прибегнуть к острой постановке проблемы. Сравните два названия одного и того же выступления: «Оздоровительный бег как эффективное средство долголетия» и «Как убежать от старости». Второй вариант сразу вызовет интерес и создаст положительный настрой аудитории.

Необходимое условие успешной подготовки речи — четкое определение цели выступления. Оратор должен ясно представлять себе, с какой целью он делает сообщение, причем он определяет цель не только для себя, но и для слушателей. Это мобилизует аудиторию, облегчает понимание речи. При этом оратору нужно указать общую цель речи и частные цели. Общая цель может состоять в том, чтобы сообщать, разъяснять что-то слушателям, убеждать их, побуждать к тем или иным действиям. В зависимости от этого определяется тип речи, которая должна быть произнесена. Частные цели носят конкретный характер, они связаны с тезисом речи. Частная цель может состоять, например, в том, чтобы побудить присутствующих проголосовать за депутата Якушева. Порой слушателей надо убеждать в том, что следует принимать участие в выборах органов власти и т.п.

В зависимости от основной цели выступления различают типы ораторских речей:

- 1) информационные (повествовательные, описательные, объяснительные);
- 2) агитационные (воодушевляющие, убеждающие, побуждающие к действию);
- 3) развлекательные.

Примером информационного выступления может быть лекция известного историка профессора В.О. Ключевского (приведем отрывок из нее).

Елизавета царствовала 20 лет, с 1741 по 1761 год, и царствование ее было не без славы. Это была веселая и набожная царица: от вечерни ездила на бал и с бала к заутрене... Воспитанная французом Рамбуром, по принуждению царствуя в национальном духе, она до страсти любила французов и до тонкости знала таинства русской кухни, не имела соперниц в изготовлении русских блюд...¹

¹ Ключевский В.О. Соч.: в 8 т. Т. V. М., 1958. С. 32.

Задача информационной речи не только пробудить любознательность, но и дать новое представление о предмете. Для таких речей подходят названия: «Это интересно», «В мире интересного», «Интересные факты».

Цель убеждающей речи — заставить слушателей поверить в правильность точки зрения оратора, логическими доводами доказать истинность или ложность какой-либо идеи, мировоззрения. Убеждение — это интеллектуальное воздействие на сознание человека. Убедить в чем-то одного человека или группу людей оратор сможет лишь в том случае, если приведет весомые аргументы в поддержку определенной идеи (тезиса). Пример убеждающей речи — Нобелевская лекция академика А. Сахарова.

Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими. Такова главная мысль, которую я хочу отразить в этой лекции.

...Я убежден, что международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немислимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания. Я убежден также, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым — основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав. Таким образом, я защищаю тезис о первичном, определяющем значении гражданских и политических прав в формировании судеб человечества...

Побуждающая речь — это призыв к конкретному, активному действию. Назовем типичные примеры таких речей: политические призывы голосовать за то или иное предложение в Думе, призывы оказать поддержку школам, организациям по борьбе с терроризмом и т.д. К сожалению, жизнь убеждает, что нередко побуждение предполагает императивное (силовое, насильственное) воздействие. Речевая агрессия не одобряется риторикой как наукой этической.

Развлекательная речь должна доставить слушателям удовольствие. Эту речь произносят на юбилейных вечерах, банкетах, по случаю дня рождения. В ней уместны шутка и серьезная мысль, правда и вымысел.

Речь любого типа должна отвечать основной целевой установке оратора.

Успех выступления зависит от того, насколько оратор учел состав слушателей. Лучше иметь перед собой партнеров и собеседников, чем слушателей-экзаменаторов. Требования будущих слушателей оратор пытается представить себе задолго до выступления. Необходимо учитывать ряд существенных факторов, например повод собрания. Ведь люди обычно собираются по какому-то поводу: школьники

приходят на уроки, представители политических партий выходят на митинги, книголюбов объединяют юбилейные вечера писателей, их выступления. Конкретный повод сбора слушателей снимает неопределенность для оратора. В студенческой среде, например, следует говорить по существу предложенной лекции; на производственном совещании в автоколонне — о проблемах обновления автобусного парка и повышения качества обслуживания пассажиров. В таких случаях у людей есть общий интерес, он объединяет слушателей как единомышленников.

В более сложной ситуации оказывается оратор, когда перед ним группы людей, не имеющих общих интересов. Такие скопления людей называются т о л п а м и. Толпы, как порождение тоталитарных режимов, всегда легко управляемы, поскольку они безлики. На призывы вождей, неприемлемые в цивилизованном мире (коллективное вынесение смертных приговоров, массовые репрессии), толпа реагирует в заданном курсе, она игрушка в руках вождя.

Идеальной для оратора является однородная аудитория — люди одного возраста, одного социального положения или уровня образования. В молодежной аудитории предпочтительны темы профессиональной карьеры, современной эстрадной музыки, проблемы любви и долга. В неоднородной аудитории нужно обсуждать только нейтральные темы, чтобы не вызвать смущения или раздражения присутствующих.

Как неоднородная массовая аудитория рассматриваются слушатели средств массовой информации. Миллионы людей с различными интересами, запросами воспринимают каждый день информацию, идущую по каналам телевидения, радио. Внимание такой аудитории к сообщению неоднородно: то, что привлекает одного, может вызвать апатию у другого. Вспомните призыв популярных телеведущих: «Не переключайтесь на другой канал! Оставайтесь с нами!». Хотя право выбора остается за телезрителем.

Оратору необходимо считаться с такими понятиями, как национальность, возраст, пол, вероисповедание, социальное положение слушателей. У каждой национальности есть свои культурные традиции, обычаи и стереотипы поведения. Южанину импонирует ускоренный темп речи, а северянину — спокойный. Публику подкупает галантность в обращении, некий «аристократизм» оратора — его хорошие манеры, чувство меры в слове, действии и жесте. К сожалению, далеко не всегда мы можем наблюдать это с экрана и в повседневной жизни.

Образовательный уровень аудитории определяет специфику материала. Аристотель выделял три типа слушателей: «просто зритель», «судья», «государственный муж» или «политик». «Просто зрители» — это студенты, обращающие внимание только на достоинства оратора и содержательность речи. Они могут высказывать свое одобрение

аплодисментами, что, естественно, влияет на эмоциональное состояние оратора. «Судья» — это преподаватель, выносящий решение и оценивающий выступление. Сначала оратор не может определить степень воздействия своей речи на такого слушателя, однако со временем его реакция становится ясной, и выступающий может на нее соответственно реагировать. «Государственный муж» — декан, ректор, оценивающие действия и достоинства как выступающего, так и слушателей. Мнение «простого зрителя» для «судьи» — самый важный аргумент при оценке. Из этого следует вывод о необходимости адресовать свою речь наиболее массовому слушателю в аудитории — «простому зрителю». Мнение аудитории необходимо анализировать для того, чтобы речь не выглядела безликой, чтобы она не оказалась «адресованной никому».

Обдумывая содержание предстоящего выступления, оратор, подобно художнику слова, в непрерывном поиске сюжетов и фактов. Источники пополнения материала для оратора — его личный опыт, размышления и наблюдения, беседы со знающими людьми и чтение. Сегодня незаменимыми помощниками в работе становятся компьютер и Интернет, но все-таки значение книги трудно переоценить: *Чтение — вот лучшее учение.*

Подготовка оратора к речи начинается в библиотеке, где он должен уметь работать с алфавитным и систематическим каталогом, быстро ориентироваться в поисках нужной литературы. Какие методы работы с книгой должен освоить оратор? Охарактеризуем их.

Ч т е н и е - п р о с м о т р введения (предисловия, аннотации) дает представление об основном содержании книги. С него обычно начинается знакомство с источником, им пользуются для «освежения» в памяти прочитанного. Беглый просмотр книги вырабатывает навык цепкого фрагментарного удержания текста и помогает определить способы его дальнейшего изучения.

Методика чтения различна. **В ы б о р о ч н о е ч т е н и е** применяется в том случае, если необходимо изучить отдельные главы, определенные разделы исследуемого материала. Такое чтение позволяет акцентировать внимание в рамках заданной темы. **С п л о ш н о е ч т е н и е** всего текста требуется при углубленном изучении книги. Нередко этот процесс сопровождается перечитыванием отдельных страниц, абзацев; рекомендуется выписывать отдельные фразы или составлять конспекты по всему тексту, книге.

Ч т е н и е - с к а н и р о в а н и е является удобным способом накопления необходимого материала: можно быстро выбирать из текста цифры, факты, примеры. Материал сканируется, ксерокопируется и сортируется в соответствии с намеченным планом выступления по разделам, главам, параграфам, папкам, файлам. Отбираемый материал обязательно снабжается пометками о том, откуда он заимствован.

Никогда нельзя полагаться на свою память. Великий русский ученый Д.И. Менделеев говорил, что найденная, но не записанная мысль — это найденный и потерянный клад. Бытует мнение, что лучше прочесть тысячу слов и затем записать пятьдесят, «подытоживающих прочитанное», чем прочесть десять тысяч слов и не записать ни одного.

Удобнее всего делать записи на карточках; желательно, чтобы карточки были одинакового размера, на каждой должно быть не более одной записи. В верхней части карточки следует указать тему, к которой относится запись, а в нижней — подробно и в определенной последовательности записать выходные данные источника. На карточке следует писать только с одной стороны, это облегчит поисковую работу. Собранный материал вы сможете сразу осмотреть и разложить по темам на столе.

Подготовка к выступлению — это непрерывный творческий процесс. Среди лекторов, ораторов встречаются скептики, не сохраняющие свои записи, конспекты, вырезки, считая, что следует к каждому выступлению готовиться заново. Это неправильно. Оратор без своего «архива» как музыкант без инструмента. Он лишен возможности быстро подготовиться к выступлению. Можно сказать, что архив оратора — это его творческая биография, молчаливый свидетель большого труда.

Как создается архив? Оратор должен всегда находиться в состоянии мобилизационной готовности, даже в часы отдыха. Вы смотрите спектакль, кинофильм, читаете газету и невольно все интересное, важное, нужное берете на заметку. Если это афоризм, интересный факт, вы записываете их! Все мы знаем, какую большую роль играет записная книжка в творчестве писателя. Это источник вдохновения, основа сюжета, откуда иногда рождаются замечательные художественные произведения. Не меньшее значение имеет записная книжка и в работе оратора.

Целесообразно делать вырезки из газет и журналов, систематизировать вопросы, которые задают во время выступлений, и краткие ответы на них. В. Маяковский, например, собрал огромное количество вопросов, заданных ему, и хотел написать книгу ответов на эти вопросы. Полезно записывать и сохранять пословицы, поговорки, афоризмы, короткие юмористические рассказы, эпизоды из жизни. Все это пригодится в те минуты, когда нужно «освежить» утомленные головы слушателей.

В подготовке к выступлению есть две основные фазы. Первая фаза заключается в том, что материал владеет оратором, а вторая приводит к тому, что оратор начинает овладевать материалом. На первой фазе происходит сопротивление материала, а на второй фазе — овладение им, считают опытные ораторы.

Виды подготовки в процессе инвенции были описаны античными риториками, что весьма поучительно и для нас.

Нужно ли предварительно составлять письменный текст речи? Со времен античности на этот вопрос был единственный — утвердительный ответ. Сверх того, кто вступает на ораторское поприще с привычкой к письменным работам, тот приносит с собой способность даже без подготовки говорить «как по писаному». А если ему случится захватить с собой какие-нибудь заметки, то он и отступить от них сможет, не меняя характера речи. Цицерон утверждал: «Как движущийся корабль, даже по прекращении гребли, продолжает плыть ходом, хотя напора весел уже нет, так и речь в своем течении, получив толчок от письменных заметок, продолжает идти тем же ходом, даже когда заметки уже иссякли»¹. Это утверждение не потеряло своей значимости и в наше время.

Как бы мастерски не владел оратор словом, текст речи необходимо готовить заранее. Создание заранее написанного текста имеет много преимуществ. Его можно проверить, исправить ошибки, внести дополнения и изменения, можно показать кому-либо для проверки. Кроме того, когда оратор работает над речью, он еще раз тщательно продумывает все детали выступления.

Речь нужно писать всю, от начала до конца, причем первая запись представляет собой черновой вариант. Затем начинается его отделка: исправляются неточные выражения, стилистические шероховатости, уточняются факты, примеры.

Написав текст и придав ему литературно обработанную форму, оратор не должен считать, что готов выйти к микрофону. Мастерство требует постоянного, упорного, целеустремленного труда. Рузвельт долго работал над знаменитой речью о преодолении экономического кризиса. Окончательный вариант он прочитал вслух одному маляру из Белого дома с просьбой его прервать, если что-то будет непонятно. Этот человек прервал его в трех местах, и президент быстро исправил формулировки. Черчилль тщательно готовил свои парламентские речи, обдумывая каждое слово, а важнейшие части выступления заучивал наизусть. Кто-то ехидно заметил, что Черчилль «лучшие годы своей жизни потратил на *подготовку импровизированных речей*»².

Одно дело — подготовить речь, другое — произнести ее перед аудиторией. Текст речи, прочитанный по рукописи, плохо воспринимается слушателями. Запись представляет некий «барьер» между оратором и слушателями: речь звучит как чтение, а не как живое слово. Античные авторы советовали заучивать речь. Это необходимо выступающим на митинге, на торжественном собрании, на банкете. Однако выучить

¹ Об ораторском искусстве: хрестоматия / авт.-сост. А.В. Толмачев. М., 1973. С. 45.

² Примеры из кн.: Леммерман Х. Учебник риторики. М., 1997. С. 49.

текст лекции, доклада совсем не просто. Опытные лекторы знают, как, имея перед глазами написанный текст, создавать видимость свободного обращения с материалом.

Топика. Виды общих мест

Важнейшее место в инвенции отводится подготовке содержания и развертыванию темы выступления. Древние риторы разработали универсальную методику этого этапа инвенции, на чем следует остановиться подробно.

Как немыслимо вести строительство дома без прочного связующего материала (цемента), так и невозможно «выстроить» сильную публичную речь без опоры на смысловые модели. Обдумывая содержание будущей речи, оратор должен опираться на свой опыт, на знания и сведения, известные не только ему, но и аудитории. Наполнив текст выступления таким конкретным материалом, оратор может рассчитывать на поддержку слушателей.

Например, заведующий кафедрой должен выступить с речью на вечере, посвященном 50-летию трудовой деятельности старейшего сотрудника университета. Что говорить в таком случае? Конечно, придется лестно отзываться о педагогической деятельности коллеги, о ценности его учебных пособий, научных статей; нужно сказать и об участии ученого в общественной жизни вуза, наконец, о добром отношении к студентам, которые любят своего наставника, и т.д. Все это не ново, но именно эти «прописные истины» станут основой приветственной речи.

По терминологии античных раторов, эти аспекты выступления оратора называются т о п о с а м и (от греч. *topoi* — общее место). Наука о топосах получила название т о п и к и. Риторика разработала множество топосов, которые дают возможность оратору развивать разнообразные темы, опираясь на известные «прописные истины». Авторы риторического учения видели в топике методику «размножения идей» при подготовке содержательной стороны выступления.

В современном понимании выражение «общие места» имеет негативно-оценочное значение, указывая на банальность. Расхожие фразы, «избитые истины» (*Лошади едят овес; Волга впадает в Каспийское море*) не вызывают интереса у нас, не будят воображение. Однако это отрицательное отношение к «общим местам» сформировалось во времена кризиса риторики. Для античных же теоретиков топосы были важнейшим источником инвенции, они позволяли развернуть тему, отразить ее разные аспекты, развить мысль, являясь как бы «аккумулятором», заряжающим речь, придающим ей динамичность и стремительность.

В риторике известно множество топосов, мы сгруппируем их, опираясь на их сходство и различие.

ОБЩИЕ МЕСТА, СВЯЗАННЫЕ С СУЩНОСТЬЮ ОБЪЕКТА РЕЧИ

Топосы, раскрывающие существенные признаки людей и явлений

О п р е д е л е н и е, как заметил Аристотель, — это «высказывание, объясняющее, что есть данная вещь»¹. Определяют предмет обычно «через ближайший род и видовое отличие»: определяемое включается в состав некоторого множества (это родовое понятие) и затем выделяются его специфические признаки (видовое отличие). Проиллюстрируем структуру одного из античных примеров-определений.

Античный ритор Горгий в «Похвальном слове Елене» дает такое определение: «Слово — величайший владыка: видом малое и незаметное, а дела творит чудесные — может страх прекратить и печаль отворотить, вызвать радость, усилить жалость». Ближайший род (родовое понятие) в этом определении — «владыка»; видовые отличия ораторского слова — малое, незаметное, но способное страх прекратить, печаль отворотить, вызвать радость и т.д.

В практике ораторских выступлений речь, посвященную конкретному предмету или человеческому свойству, было принято начинать именно с определения. Например: *Оратор — драматург, режиссер, актер. Профессиональный оратор всегда выступает в трех лицах: сочинителя («драматурга»), постановщика («режиссера») и исполнителя своих публичных выступлений.* Вначале дано определение понятию «оратор», а затем дается разъяснение.

Риторическое определение может не отвечать требованиям, которые предъявляются к научному определению. Сравним два определения. *Компьютер — уникальное устройство (род), которое используют для введения необходимой информации, сохранения документов, набора текстов различного содержания (видовая характеристика).* Данное определение — научное, оно фиксирует объективные признаки предмета, раскрывает его специфические свойства. В этом случае не требуется указывать на субъективно-оценочное отношение к предмету. Иным будет бытовое определение: *Для меня компьютер — это мой главный помощник: он позволяет мне записывать мои мысли и сохраняет их в своей памяти.* В этом определении оратор выразил свое отношение к предмету, восприятие его и эмоциональное состояние от соприкосновения с ним.

Риторическое определение может быть специально создано с учетом целей, стоящих перед оратором. Например, в поздравительной речи «С Днем книголюбца» студент-филолог приводит риторическое определение: «Книга — самое удивительное создание человечества». Здесь также можно выделить указание на род («книга») и видовую характеристику, отличающую определяемое от других «созданий» (самое удивительное). Видовую характеристику в этом случае нельзя считать

¹ Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика. Ростов н/Д, 2004. С. 77.

объективной. Она является оценкой, с которой можно соглашаться или не соглашаться, она слишком субъективна. Такое определение в научной речи неуместно, однако оратор имеет все основания на него опираться.

Научиться творчески применять риторические определения — одна из главных задач оратора. Яркие определения украшают беседу, деловой разговор.

Традиционно выделяется в риторике общее место — и м я. В соответствии с этим топосом оратор сочиняет речь, учитывая название предмета речи. И действительно, имя (точнее, название) реки, города, человека — часто ключ к раздумьям, ассоциациям. Например, река Уж, на которой стоит Ужгород, была названа так за извилистый характер русла. Если мы говорим о городе, также логично обратиться к его названию: Ужгород — на реке Уж, Петербург — город Петра.

При работе с топосом «имя» необходимо определить значение слова и его происхождение, подумать, как можно это использовать. При этом лучшие помощники — толковые и этимологические словари. Этимологическое значение слова — надежное средство определить понятие, которое этим словом обозначено.

Для художественной литературы топос «имя» приобрел особое значение: фамилии Молчалин, Скалозуб, Хлестаков, Плюшкин, Манилов красноречиво говорят о чертах характера персонажей.

Род и вид — весьма распространенная смысловая модель. По Ломоносову, родом называется «общее подобие особенных вещей». Так, слово «река» обозначает родовое понятие, а Нева, Двина, Днепр, Волга — видовые. По тому же принципу построены смысловые модели: дерево — род, дуб, береза, ель — виды; роза — род, дикий шиповник, садовая роза, алая, белая роза — виды. Все это примеры того, как могут размножаться «идеи», как изобретается содержание речи о деревьях, цветах и т.п. Однако следует иметь в виду, что одно и то же понятие в отношении к обширнейшему может быть видом, а к теснейшему — родом. Например, птица в отношении к животному есть вид, а в отношении к орлу, соловью, павлину — род.

Риторическое изобретение через применение топоса «род и вид» позволяет оратору сделать речь более доступной, понятной и, следовательно, более эффективной. Топос «род и вид» применяется в научной, учебной практике и активно используется в повседневной речи. Нередко этот топос применяют для сопоставления видов, принадлежащих к одному роду, и в адвокатской практике, и в медицинской деятельности.

Целое — части. Так назван топос, который предполагает рассмотрение предметов и явлений, связанных пространственной или временной смежностью. Например, река состоит из истока, русла, берегов, поймы; архитектурный ансамбль — Церковь Покрова на Нерли —

из высокого цокольного фундамента, резных колонн с диковинными рисунками в камне, легкого купола, похожего на воинский шлем древнерусского богатыря; животное имеет голову, лапы, хвост и другие части тела. Практически все предметы, любые объекты действительности состоят из частей, а части, взятые вместе, составляют единое целое.

Нередко в ораторском выступлении выделяется только та часть объекта, которая является его отличительной особенностью. Например, академик Д.С. Лихачев, делая доклад на съезде народных депутатов о состоянии культуры в нашей стране, «выделил» роль библиотек как важнейшей составной части культуры.

Библиотеки важнее всего в культуре. Может не быть университетов, институтов, научных учреждений, но если библиотеки есть, если они не горят, не заливаются водой, имеют помещения, оснащенные современной техникой, возглавляются не случайными людьми, а профессионалами, — культура не погибнет в такой стране. Между тем наши важнейшие библиотеки в Москве, в Ленинграде и других городах горят, как свечки... Что же говорить о сельских библиотеках?¹

В художественном тексте важно умение автора найти, выделить характерную часть — деталь, за которой предстанут портреты, пейзажи. Вспомните у Чехова: «Например, у тебя получится лунная ночь, если напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки или волка и т.д.»².

С о б с т в е н н о е и п р и в х о д я щ е е — еще одна смысловая модель, заслуживающая внимания оратора. Его задача — выделить в объекте признаки, которые можно назвать обязательными (постоянными) и случайными. Обязательными называются такие особенности предмета или группы однородных предметов, которые отличаются постоянством. Без них существование предмета представляется невозможным. Случайные признаки рассматриваются как переменные или необязательные особенности предмета. Например, глобус всегда имеет форму земного шара (постоянный признак), а размер глобуса может быть миниатюрным, средним и большим. Глобус в данном случае — собственное, а конкретный размер (т.е. характеристика, которую имеет «глобус вообще») — это привходящее. С помощью этого топоса обычно показывают существенные и несущественные признаки предмета.

Приведем простой пример. Всякая профессиональная деятельность требует от человека определенной склонности, необходимых физических и психических данных, а также соответствующего личностного развития. Например, при отборе юношей к летному делу проверяют зрение, слух, реактивность нервной системы, способность переносить большие

¹ Советская культура. 1989. 1 июня.

² Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. XIII. М., 1948. С. 214—215.

физические нагрузки и т.д. Это обязательные свойства человека, мечтающего стать пилотом. Не зачисляют в морскую службу юношу, если он не в состоянии переносить качку. При назначении на многие руководящие должности учитывают организаторские способности человека. При отсутствии милосердия и высокой нравственности не в состоянии как следует исполнять свои обязанности врач. Рассказывая об этих профессиях, лектор воспользуется топосом «собственное и приходящее».

ОБЩИЕ МЕСТА, ОСНОВАННЫЕ НА СОПОСТАВЛЕНИИ

В эту группу входят топосы, в основе которых лежит сравнение нескольких сходных объектов, явлений. При этом следует учитывать, что объекты эти должны быть сопоставимы: в них нужно находить общие основания для выявления сходства или различия.

С р а в н е н и е — один из самых универсальных способов познания мира.

В качестве примера, который показывает сущность этой смысловой модели, приведем отрывок из речи митрополита Крутицкого и Коломенского Николая «Чистое сердце», произнесенной им в церкви Даниловского кладбища города Москвы.

Чистое сердце — это наше богатство, наша слава, наша красота... С чем можно сравнить чистое сердце? Его можно сравнить с плодоносной Землей: на земле растут деревья, богатые своими плодами, золотые злаки, благоухающие цветы. И в сердце христианина произрастают украшающие его добродетели: смирение, кротость, милосердие, терпение. Мы любимся цветущим садом и нам приятно вдыхать аромат цветов. Еще более мы любимся духовной красотой носителя чистого сердца¹.

К сравнению близок следующий топос — **с х о д с т в о и р а з л и ч и е**, который учит оратора при сопоставлении предметов, явлений обращать внимание не только на их сходство, но и на различия между ними. Действительно, глубоко познать вещь и представить ее в речи можно, сопоставляя с другой вещью, обладающей противоположными свойствами. В «Риторике» Аристотеля подчеркивается, что «противоположности чрезвычайно доступны пониманию, а если они стоят рядом, они еще понятнее»².

Возьмем в качестве примера отрывок из «Слова при открытии памятника Вандейскому восстанию» А.И. Солженицына, который ярко охарактеризовал сходство и различие Французской революции и Октябрьского переворота 1917 г. в России.

...Всякая революция выпускает из людей темные инстинкты первобытного варварства, темную стихию зависти, жадности и ненависти... Революции разваливают

¹ *Митрополит Николай*. Слова и речи.: в 2 т. Т. 2 / Московская Патриархия. 1950. С. 156.

² *Аристотель*. Риторика. Книга третья. М., 2000. С. 19.

органичность общества; разоряют естественность жизни; уничтожают лучшие элементы населения и открывают простор худшим... Своей стране в целом несет она многие смерти, широкое обнищание, а в самых тяжелых случаях и долговременное вырождение народа...

Никакой стране не пожелаю «великой революции». Революция XVIII в. лишь потому не погубила Францию, что в ней состоялся Термидор. А вот в российской революции не было останавливающего Термидора, и она без излома докатила наш народ до конца, до пропасти, до пучины гибели...¹

Эта речь Солженицына целиком построена на смысловых моделях, основанных на сопоставлении, что придало ей убедительность и экспрессивность.

Степень (большее или меньшее) — также смысловая модель описываемой группы общих мест. Этот топос исходит из следующего: если двум или более предметам или явлениям присуще одно и то же свойство, то отличия между ними определяются тем, в какой степени оно проявляется в каждом из них. Например, рассказывая о манере поведения какого-то человека (допустим, его тактичности), ритор имеет возможность сопоставить поступки этого человека с поступками другого и показать превосходство первого.

Заметим, что степень проявления сравниваемого качества в предметах может оцениваться положительно или отрицательно. Вот пример рассуждения, построенного на топосе «степень».

Можно говорить о доброте А.П. **Чехова как человека, но гораздо важнее то обстоятельство**, что Чехов был добр и гуманен как писатель. Пожалуй, нет в нашей литературе другого человека, который бы с большим доброжелательством относился к людям, страдал за них и стремился им помочь... Он знал глубину человеческого горя и ужас людского несчастья, знал, как врач и писатель, и требовал от людей милосердия друг к другу... Этой чеховской доброты, его взыскательного гуманизма не хватает некоторым произведениям нашей литературы².

Автор категоричен, определяя степень человеческой доброты к людям: нет в русской литературе другого человека, который мог бы сравниться с **Чеховым-гуманистом**. Обобщение, которое делает **К. Паустовский**, звучит как призыв к литераторам-современникам. Нужно усваивать уроки человеческой доброты, если хотим воздействовать на душу человека.

ОБЩИЕ МЕСТА, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА СВЯЗИ МЕЖДУ ОБЪЕКТАМИ И ЯВЛЕНИЯМИ

Топос причина и следствие используется при рассуждении. Вот отрывок из речи оратора, посвященной проблемам экологии.

В нашу эпоху людей волнуют проблемы охраны окружающей среды. В природе ничего не существует обособленно, все тесно связано между собой, и ущерб, нанесен-

¹ Цит. по кн.: *Михальская А.К.* Основы риторики. Мысль и слово. М., 1996. С. 201.

² *Паустовский К.* Золотая роза. М., 1983. С. 209.

ный одному из природных ресурсов, немедленно отзывается на других: происходит нарушение природных закономерностей, что приводит к пагубным последствиям.

Приведем пример. Фермер, занимающийся животноводством, использовал пойму реки, которая давала хорошие урожаи трав. Он решил избавиться от сорных трав с помощью гербицидов. Но вместе с сорняком погиб и лес вдоль реки. В реке водились бобры, которым деревья служили кормом и материалом для постройки плотин. Оставшись без леса, бобры переселились в другие места. Бобровые плотины, которые стали разрушаться, раньше поддерживали высокий уровень воды, но во время наводнения они были уничтожены. Уровень воды в реке стал резко снижаться, пропала рыба, которой здесь было очень много, корни трав перестали получать достаточное количество влаги, погибли и луга. Так человек, не желая того, нанес непоправимый ущерб окружающей среде и навредил самому себе.

Установив причинно-следственные отношения описанных явлений, оратор показал, как не следует поступать человеку, если он не хочет оказаться виновником природных катаклизмов. Применение данного топоса придало речи оратора наглядность и убедительность.

Топос предыдущее — последующее помогает установить отношение состояний, предметов мысли, которые расположены в последовательном порядке. Предыдущее не всегда является причиной последующего, но замысел предшествует поступку, юность — зрелости, опыт — мудрости. Смысловой порядок отделяется от времени. Аристотель предлагает разные способы толкования этого топоса. Возможно понимание предыдущего и последующего как причины и следствия, но можно осмыслить «предыдущее — последующее» как «старшее и младшее» для одушевленных предметов и более или менее древнее — для неодушевленных¹.

В современной риторике топос «предыдущее — последующее» может быть представлен как линейный порядок, например порядок букв в алфавите, как иерархия (сначала Введение, потом Предисловие, затем основной текст, в котором может быть Пролог — в начале его — и Эпилог — в конце). Приоритет может отдаваться как предыдущему, так и последующему.

Топос качества выделяет особенности предмета с учетом цельности, стройности. По Аристотелю, качество — это «то, благодаря чему предметы называются такими-то». Качества делятся на постоянные и привходящие. Сравните, доброта и здоровье: первое качество постоянное, а второе нет, на него влияют разные факторы. Здоровье подрывают болезни, травмы и т.д. Качественная характеристика предмета очень важна в речи оратора. Охарактеризовать предмет, придать ему привлекательность помогают качественные прилагательные и другие оценочные слова, лексические средства образности. Приведем яркий пример из речи замечательного оратора времен русской революции Н.И. Бухарина.

¹ Аристотель. Метафизика. Соч.: в 4 т. Т. I. М., 1976. С. 307.

Гейне настолько блестящ и ярк, так многогранен и прихотлив, что из драгоценного ларца его поэтического творчества можно выбрать кинжал тираномаха и брильянтовый перстень аристократа; весеннюю свирель и меч революции; жемчужины слез и циничную иронию; средневековый амулет и пурпурное знамя пролетарского переворота. Гейне — король видений и снов, сказочный принц романтической грезы. И в то же время великий насмешник, земное воплощение богини Иронии, гениальный «свистун». Вождь «партии цветов и соловьев». А на другой странице — лихой барабанщик революции¹.

В этом фрагменте, наряду с существительными, выступающими как метафоры, используется немало прилагательных с качественно-оценочным значением. Это помогает создать эмоциональную, образную речь.

ОБЩИЕ МЕСТА — ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

В эту группу входят топосы, связанные с такими понятиями, как время, место, условия и характеризующие события с точки зрения дополнительных признаков, которые им сопутствовали.

В р е м я — категория многих наук: философии, логики, физики, истории. Риторическое время, пожалуй, ближе всего к историческому пониманию времени. Если публичная речь посвящена исторической личности (например, художнику), то необходимо подчеркнуть, в какую эпоху он жил и как эта эпоха повлияла на его творчество. Сегодня мы наконец-то открываем новые, точнее, неизвестные нам имена талантливых писателей, ученых, музыкантов, которых в советское время старались вычеркнуть из памяти народа. У оратора, рассказывающего о жизни и творчестве таких людей, широкий аспект выбора временных «шкал». Это времена года, время суток и целые периоды человеческой жизни.

Человек всегда зависит от времени, в котором он живет. Народная мудрость, отраженная в пословицах и поговорках, подчеркивает эту зависимость: *Время — лучший лекарь; Время нас рассудит; Утро вечера мудренее* и др. Время выступает порой в качестве героя литературного произведения: В.П. Катаев назвал свой роман «Время, вперед!», а повесть В.А. Солоухина озаглавлена так: «Время собирать камни». В основе речи оратора также может быть топос «время», что позволит сделать экскурс в прошлое или будущее, рассказывая о том или ином явлении, событии.

Топос м е с т о обычно связывают с пространственной и географической локализацией (например, «Это произошло в Великом Новгороде»). Конкретное использование этого топоса видно из следующего примера.

Исторически сложилось, что Сибирь во все времена была для нашего Отечества силой про «черный день». И не только природно-сырьевыми запасами. Осенью сорок первого, в самые напряженные дни войны, подспели к московскому сражению

¹ Бухарин Н.И. Этюды. М., 1988. С. 177.

резервные сибирские полки. Впоследствии с сибиряков началась история советской гвардии. Это была дань Сибири великому делу Победы, и слава о надежности сибиряков, думаю, окрепла в те дни, лихие и тяжкие¹.

В широком смысле данный топос соотносят с социальным местом (положением, занимаемым человеком в обществе). Такое место по традиции неотделимо от понятия социальный статус. Статус — фактор социальной жизни, который активно воздействует на характер личности, связан с понятием авторитета. Например, человек, наделенный статусом учителя, обретает подобающий ему авторитет.

Топос цель и средство связывает замысел или действие с целью. Средство при этом рассматривается как приемлемое или заслуживающее осуждения. «Цель и средство» по существу характеризует лицо, которое совершает действие. Для достижения цели выбирают наиболее приемлемые средства, и выбор их зависит от намерений человека.

С нравственной точки зрения осуждается положение «цель оправдывает средства». Здоровая моральная позиция опирается на другой афоризм: «Достойные цели не могут достигаться недостойными действиями». Как оценить, например, речь В.В. Жириновского, согласиться с которым мы не можем?

Я клянусь вам, что я честен перед вами, что у меня есть лишь один замысел — спасти мою нацию, спасти мой народ... Я вижу, как гибнет наша нация... Это может вызвать взрыв возмущения русских, которые, наконец, встрепенутся и скажут: «Хватит этого маразма, начнем все по-другому».

<...> С чего начать? Что можно и нужно сделать немедленно? Нужно объединиться, но не для военных действий, а для законной последовательной борьбы за право участия в управлении страной.

<...> Вы будете вместе с нами в самом тесном контакте добиваться включения во все выборные органы — местные, региональные, верховные — членов ЛДПР, молодых, активных членов нашей с вами партии. Мы с вами будем управлять страной сами, без «помощи извне», без «благих советов» зарубежных «друзей». Успех ЛДПР зависит от вашей активности, от вашей организованности и решительности, от ваших энергичных действий.

Давайте бороться вместе! Нас много честных россиян, цели наши ясны и борьба наша справедлива: Россия должна вновь стать сверхдержавой! Молодые русские, судьба России в ваших руках!²

Цель, поставленная перед молодежью, — сделать Россию сверхдержавой. Выступающий утверждает, что спасти Россию можно лишь став членом ЛДПР, и навязывает аудитории одностороннее решение. Речь построена по принципу: цель оправдывает средства.

Мы рассмотрели самые главные и, на наш взгляд, наиболее интересные топосы. У некоторых авторов их больше, и сгруппировать

¹ Дали отчие, неоглядные / сост. М. Вострышев. М., 1988. С. 142.

² Речь В.В. Жириновского (в сокращении) цит. по кн.: *Купина Н.А.* Риторика в играх и упражнениях. М., 2002. С. 96.

общие места можно по-разному. Однако для практического применения инвенции при подготовке к выступлению оратор может ограничиться приведенными здесь риторическими смысловыми моделями. Топосы, созданные в античности, не утратили своей актуальности до наших дней, так что топики — это не только надежная, проверенная временем, но и весьма убедительная методика «изобретения идей» в ораторской речи.

В классической риторике в составе «Инвенции» рассматривалась еще одна важная тема — «Аргументация». По примеру античных авторов мы также включаем ее в данную главу.

Аргументация. Виды, методы и правила аргументации

А р г у м е н т а ц и я (от лат. *argumentatio* — приведение аргумента) — логический процесс, в ходе которого истинность какого-либо положения выводится из истинности аргумента. Аргумент является составной частью всякого доказательства.

Логическая структура доказательства складывается из трех взаимосвязанных элементов: 1) тезиса; 2) аргументов; 3) демонстрации.

При выдвигании тезиса нужно придерживаться следующих правил:

- 1) тезис должен быть четко сформулирован;
- 2) тезис должен оставаться неизменным в ходе всего доказательства;
- 3) тезис не должен содержать в себе логического противоречия.

ВИДЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В ораторском искусстве применяются прямое и косвенное доказательства.

П р я м ы м называется доказательство, в котором истинность тезиса обосновывается аргументами без помощи дополнительных построений. Например, датировку старинной русской рукописи X—XII вв. можно доказать указанием на то, что она написана ранним уставом (этот вид письма в другое время не применялся); присутствие подозреваемого лица на месте преступления доказывается отпечатками пальцев.

К о с в е н н о е доказательство реализуется обычно в **а п а г о г и ч е с к о м** варианте, что означает «доказательство от противного» в этом случае, кроме доводов в защиту выдвинутого тезиса, приводится и антитезис: доказательство «осуществляется путем установления ложности противоречащего тезису суждения»¹. В публичной речи косвенное доказательство имеет больший эффект, чем прямое доказательство в «люб».

¹ Гетманова А.Д. Логика. М., 1986. С. 204.

В полемике применяется еще и такая разновидность апагогического доказательства, как *reductio absurdum* — сведение к абсурду. Это доказательство невозможности, нелепости предположения чего-либо. Известный философ И. Кант считал, что упрек в абсурдности всегда является личным порицанием, которого нужно избегать, особенно при опровержении заблуждений.

В процессе доказательства оратор использует различные а р г у м е н т ы — доводы, приводимые в поддержку тезиса.

Важно учитывать требования логики к аргументам:

1) аргументы должны быть истинными (ложными доводами нельзя доказать основную мысль);

2) аргументы должны быть достаточными для данного тезиса;

3) истинность аргументов должна быть доказана независимо от тезиса.

Если тезис доказывают ложными аргументами, выдавая их за истинные, возникает логическая ошибка — «ложное основание». Эта ошибка может быть непреднамеренной, но часто ее умышленно используют недобросовестные политики, экономисты. Тогда в ход идет подтасовка цифр, искажение статистических данных, ссылка на несуществующие документы. Ошибка «ложного основания» имеет непосредственную связь с другой логической ошибкой — «предвосхищением основания». В качестве аргумента берется недоказанное суждение, его используют как основание для вывода. Это положение нельзя считать заведомо ложным, но оно само нуждается в доказательстве для выяснения истины.

Ошибка, которая называется «недостаточность основания», ведет к нарушению второго правила аргументации. Доводы, приводимые для доказательства, не выглядят достаточно убедительными. Так, для решения экологических проблем предлагается не комплекс продуманных мер, а очередной «спасательный круг» (например, замена руководителей проекта).

Логическая ошибка, получившая название «порочный круг», возникает, если тезис доказывается аргументами, которые выводятся из этого же тезиса. Вот убедительная иллюстрация такой ошибки.

В Российской академии наук Ломоносов задал вопрос Шумахеру о том, почему в академии мало русских студентов. Шумахер это объяснил малым количеством профессоров, говорящих по-русски. Когда Ломоносов возмущился тем, что в академии мало русских профессоров, Шумахер сослался на малое количество русских студентов.

Аргументы принято делить на две группы: л о г и ч е с к и е (в древности их называли «аргументы к делу») и п с и х о л о г и ч е с к и е («аргументы к человеку»). Традиционным для риторики является также выделение искусственных и естественных доказательств. И с к у с т в е н н ы е доказательства относятся к логическим, они требуют умения рассуждать. К ним прибегают при отсутствии свидетелей. Е с т е с т в е н н ы е доказательства — это факты, документы,

свидетельские показания, которые убеждают сами по себе. Естественные доказательства наиболее весомые, так как опираются на свидетельства очевидцев, документы (судебная экспертиза, справка врача, протокольная запись свидетелей). Эти доказательства неопровержимы при восстановлении событий и вызывают горячий эмоциональный отклик у слушателей.

Косвенно документы могут быть представлены в виде улики. И тогда факты, отраженные в документах, применяются в составе рассуждений, которые используются в искусственных доказательствах.

В разработке теории логической аргументации большую роль сыграла аристотелевская с и л л о г и с т и к а — наука о выведении умозаключений.

Силлогизм — вид дедуктивного умозаключения. Он состоит из двух категорических суждений. Первое из них — это «большая посылка», второе — «меньшая посылка». Из этих двух суждений выводится новое суждение, которое называется умозаключением. Например: *Каждый опытный оратор умеет убедить слушателей, а митрополит Кирилл владеет даром убеждения, следовательно, его можно считать опытным оратором.* Если записать силлогизм, то первые два суждения располагаются одно под другим, а новое — умозаключение — отделяется от них чертой и записывается под ними:

Опытный оратор умеет убедить слушателей (большая посылка).

Митрополит Кирилл умеет убедить слушателей (меньшая посылка).

Митрополит Кирилл — опытный оратор (умозаключение).

Горизонтальная черта между второй и третьей строчками силлогизма — это «сигнал» перехода от посылок к умозаключению. Обе посылки служат основаниями, опираясь на которые можно утверждать, что заключение является истинным.

Простой категорический силлогизм можно нередко встретить в бытовой и деловой речи. Мы используем силлогизмы, не замечая этого и не задумываясь над этим явлением. Вот убедительный пример из теледебатов.

Ведущий заявляет: «Каждый профессиональный менеджер имеет право руководить предприятием. Сергей Петров — профессиональный менеджер, следовательно, имеет право возглавить крупное предприятие».

В этой деловой речи мы видим четкое построение простого категорического силлогизма.

Простые умозаключения Аристотель называл э н т и м е м а м. Энтимема — это категорический силлогизм, в котором пропущена одна из посылок или умозаключение. По Аристотелю, энтимемы составляют основу убеждения. Они более характерны для риторического доказательства, так как люди обычно не говорят полными силлогизмами. Речь, насыщенная ими, была бы трудной для восприятия, однообразной и невыразительной, а рассуждение, построенное на энтимеме, делает речь живой и динамичной. Так, вместо полного силлогизма об

ораторе митрополите Кирилле, можно построить энтимему: *Митрополит Кирилл — опытный оратор и поэтому может убедить слушателей.* Сравнивая полный силлогизм с этой энтимемой, заметим, что пропущена большая посылка: нет строчки о том, что опытный (думающий) оратор умеет убедить слушателей. Если пропустить меньшую посылку, то получится такой вариант: *Думающий оратор умеет убедить слушателей, а митрополит Кирилл — опытный оратор.* Энтимема может читаться и без заключения; опустим его: *Опытный оратор умеет убедить слушателей, и митрополит Кирилл тоже умеет убеждать.*

Энтимема — это сокращенный силлогизм. Опускать любую из его составных частей можно при условии, если содержание высказывания не изменилось и понятно для слушателей.

Обычно энтимема представляет собой всем известное положение, которое не требует доказательств и комментариев. Именно этим объясняется использование сокращенных силлогизмов в повседневной речи. Для убедительности сказанного обратимся к суждению из теледебатов. Представим его в виде ряда отдельных энтимем.

1. Сергей Петров — менеджер-профессионал, имеет право руководить предприятием. (Пропущена большая посылка.)

2. Каждый менеджер-профессионал имеет право руководить предприятием, и Сергей Петров имеет право руководить. (Пропущена меньшая посылка.)

3. Каждый менеджер-профессионал имеет право руководить предприятием, а Сергей Петров — менеджер-профессионал. (Пропущено умозаключение.)

Подобные предложения — энтимемы мы постоянно слышим в деловой, совещательной речи, в бытовой обстановке¹.

Логический порядок аргументации основан на том, что доказательство строится в виде цепочки умозаключений, приводящих к единому выводу.

МЕТОДЫ АРГУМЕНТАЦИИ

Логические методы изложения материала можно классифицировать как индуктивные и дедуктивные. Д е д у к т и в н ы м мы называем такое развертывание сообщения, когда от общего идут к частному. В философии и риторике этот метод рассматривается как метод поиска подтверждений высказанному ранее обобщению. Оратор имеет возможность пригласить аудиторию проделать путь познания некоего частного через общее. Дедукция как метод изложения предполагает такое построение, которое ведет от следствия к причине (принцип

¹ Заметим, что в теории логики и риторики, кроме простых силлогизмов, представлены сложные, развернутые силлогизмы. Их классификация и способы их применения описаны в учебниках формальной логики.

композиции детективного романа). В этом ее привлекательность для аудитории.

И н д у к т и в н ы й метод изложения предполагает движение мысли от частного к общему. Путь к обобщению пролегает через серию единичных или частных факторов. Индукция как форма умозаключения также зародилась в древности. Как подчеркивал Аристотель, «индукция убедительна и проста и с точки зрения чувственного познания более выгодна и доступна». В риторике и философии индукцию называют методом **п р е д в о с х и щ е н и я о с н о в а н и я**. Это значит, что частные случаи, отдельные факты приводят к определенной закономерности (логическому основанию). Индуктивный метод изложения от фактов к обобщению активизирует внимание слушателей, поэтому он незаменим в условиях устной пропаганды, митинговой речи. Эффективна индукция для выступлений в недостаточно подготовленной аудитории.

Умозаключением, очень близким к индукции, является **а н а л о г и я**. Аналогия переводится с греческого как «сходство, подобие». Метод аналогии предполагает сопоставление фактов, явлений, событий. Новое может быть осмыслено, понято только через образы старого, известного. Аналогии играют огромную роль в познании, так как ведут к образованию гипотез, т.е. научных предположений и догадок. Аналогия с тем, что уже известно, помогает понять то, что неизвестно. Аналогия позволяет порой больше сообщить об объекте, чем самое длинное его описание.

Классический пример аналогии — рассуждения о жизни на Марсе.

Между Марсом и Землей много общего: это планеты Солнечной системы, на обеих есть вода и атмосфера, почти одинаковая температура на их поверхности и т.д. Поскольку Марс похож на Землю с точки зрения условий, необходимых для жизни, значит, и на Марсе возможна жизнь.

Однако умозаключение по аналогии все-таки не дает достоверного знания.

Используя аналогии в речи, необходимо соблюдать следующие правила:

- 1) аналогия должна основываться не на поверхностных признаках, а на существенных свойствах объектов, явлений;
- 2) общие свойства должны характеризовать явления с различных сторон;
- 3) следует устанавливать не только сходство, но и черты различия явлений.

ПРАВИЛА ЭФФЕКТИВНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Для убедительности аргументации оратору следует оперировать фактами. «Надежнейший вид аргументов — именно факты»¹.

¹ Михальская А.К. Основы риторики. 2-е изд., с изм. М., 2001. С. 417.

Факты, близкие и понятные людям, воспринимаются ими как достоверная информация. Опытный оратор умеет подать фактический материал. Какие условия эффективности факта необходимо учитывать в публичном выступлении? Прежде всего — это достоверность фактического материала. Ритор должен воспитать в себе привычку тщательно проверять и перепроверять истинность фактов. Использование непроверенных, неточных или ложных сведений подрывает доверие к оратору и его выступлению. Второе важное условие профессионального использования фактов — их системность. Факты только в их совокупности помогают раскрыть то или иное явление, показать его органическую связь с реальной действительностью. Обратимся к печальному опыту пропаганды в СССР.

Средства массовой информации рапортовали об успехах сельского хозяйства, а колхозники бежали из сел в город. Самые необходимые товары становились дефицитом, все тяжелее решалась жилищная проблема, а народу рассказывали о росте потребления мяса, молока, приводили «дутые» цифры о введении в эксплуатацию квадратных метров жилья. Все эти ложные сведения, приводимые в СМИ, не могли убедить людей.

Необходимо учитывать уместность использования фактического материала, т.е. его соответствие интересам, образовательному уровню слушателей, связи с житейской практикой. Аудитория всегда испытывает особый интерес к выступлению, в котором говорится о местном предприятии, знакомых людях, проблемах. Уместность факта проявляется в его логической связи с обсуждаемой проблемой.

Полнота и доказательность фактов — это основная задача оратора, который заботится о том, чтобы его речь была убедительна. Использование наглядных примеров помогает активизировать сознание слушателей и придает речи убедительность, потому что часто люди помнят, о чем шла речь, только по примерам, забывая другие фрагменты выступления.

Ссылаясь на факты, оратор нередко оперирует цифрами: они тоже используются как веские доказательства. Современная аудитория привыкла к языку цифр, так что статистические данные следует признать одними из важнейших средств доказательства. Но оратору надо вводить в речь цифры умело, не злоупотреблять ими. Статистические таблицы не следует приводить в выступлениях, потому что любая таблица рассчитана на зрительное восприятие. Опытные ораторы предлагают округлять цифры, тогда они лучше воспринимаются на слух. Не следует просто называть или перечислять цифры, нужно преподнести их ярче, убедительнее. Для этого цифры нужно анализировать, сопоставлять, взвешивать.

Роль убедительных аргументов могут выполнять диаграммы, иллюстрации, фотографии, плакаты, таблицы. Хорошо составленная диаграмма или таблица поможет оратору в течение нескольких минут

пояснить то, на что пришлось бы затратить час времени и большое количество слов. Наглядные пособия помогут аудитории «увидеть» стоящие за цифрами явления и процессы.

ВАЖНЕЙШИЕ АРГУМЕНТЫ, ОПИСАННЫЕ В АНТИЧНОЙ РИТОРИКЕ

Одним из самых эффективных приемов в аргументации является а р г у м е н т к ч е л о в е к у. Этот аргумент представляет собой убеждение или сомнение в честности человека, познавательной способности, компетентности, в моральных сторонах, в положительных человеческих качествах. Уместность этих аргументов зависит от ситуации. Нередко аргумент к человеку может указывать на достоинство кого-либо с целью вызвать к данному лицу симпатию, доверие и тем самым отвести от него подозрение в совершении отрицательных поступков. Например, такой аргумент использовал Цицерон, защищая Публия Корнелия Суллу.

И вы, судьи, поверите, что при этом чувстве собственного достоинства, при этом образе жизни можно было задумать такое страшное злодеяние? Взгляните на самого Суллу, посмотрите ему в лицо: сопоставьте его обвинение с его жизнью. Но неужели он мог желать, чтобы эти вот друзья его, такие мужи, столь ему преданные, которые в дни его счастья когда-то украшали жизнь его, а теперь поддерживают его в дни несчастья, погибли в жестких мучениях для того, чтобы он... мог вести самую мерзкую и самую жалкую жизнь в ожидании позорнейшей смерти? Не может пасть, повторяю я, на человека таких нравов, такой добросовестности, ведущего такой образ жизни, столь позорное подозрение¹.

С с ы л к а н а а в т о р и т е т ы, или «аргумент к авторитету», как его называли в классической риторике, заслуживает нашего пристального внимания. Прибегнувшему к этому аргументу оратору не требуется убеждать слушателей, опираясь на логические законы, приводя убедительные факты. Достаточно указать на мнение авторитетного лица.

Примером этого аргумента служат традиционные выражения, вроде «как заметил Цицерон», «по мнению Президента». Следует учитывать, однако, соблюдение двух условий:

- 1) недопустимо высказывание, вырванное из контекста с искажением смысла;
- 2) источник должен быть авторитетным для тех, к кому обращен аргумент. Приведем поучительный пример.

В политических выступлениях советских ораторов нередко цитировались слова Карла Маркса «Религия — опиум для народа». Источник казался весьма авторитетным, и это высказывание преподносилось как доказательство вреда религиозных убеждений. Однако цитата была вырвана из контекста: в эпоху Карла Маркса опиум оценивался как спасительное средство — единственно известный наркотик, избавляющий страдальца от страшной боли. Именно в этом, положительном значении, вспомнил о нем классик, которому так доверяли советские люди.

¹ Цицерон. В защиту Публия Корнелия Суллы. Основы искусства речи. М., 1995. С. 129.

Ссылка на авторитет сведущих лиц предполагает обращение к мнению экспертов, знаменитых ученых, писателей. При этом необходимо указывать точное название источника. Нельзя делать неопределенных ссылок: «Все экономисты придерживаются единого мнения», «Лучшие умы полагают» и т.д.

Если оратор является авторитетным для аудитории, то выглядят значимыми и убедительными его ссылки на собственное мнение, полученные результаты экспериментальной работы. Ссылка на общественное мнение может иметь разные формы: ссылка на официальные данные об итогах голосования, данные социологического опроса; народная мудрость, поговорки, обычаи; мнения людей (соседа, человека с улицы); прецедент (сообщение не ново, давно известно).

А р г у м е н т к м о д е л и связан с представлением о личности, достойной подражания. Поступки такого человека, его образ жизни создают ему положительную репутацию. Так, многим поколениям советских школьников ставился в пример литературный герой Павел Корчагин; «моделью» для подражания был и сам автор романа «Как закалялась сталь». С этих же позиций рассматривался и Алексей Мерецьев — герой «Повести о настоящем человеке». В устах оратора подобными моделями могут становиться и реальные люди: летчик Николай Гастелло, шахтер Алексей Стаханов, партизанка Зоя Космодемьянская и др. Попытки историков и журналистов развенчать героев, избранных для роли моделей, пресекаются официальной пропагандой.

А р г у м е н т к л и ч н о с т и указывает на несостоятельность оппонента, выдвигающего неубедительные доводы. Внушить недоверие к позиции оппонента по какому-то вопросу и склонить слушателей к своей точке зрения — такова цель этого аргумента. Прибегая к нему, оратор стремится воздействовать на эмоции слушателей. В публичных выступлениях это действует не менее убедительно, чем логические доказательства. Мы предлагаем вспомнить аргумент к личности, который использовал Цицерон, защищая Публия Корнелия Суллу и стараясь вызвать к нему уважение, доверие, симпатию.

И вы, судьи, поверите, что при этом чувстве собственного достоинства, при этом образе жизни можно было задумать такое страшное злодеяние? Взгляните на самого Суллу, посмотрите ему в лицо: сопоставьте его обвинения с его жизнью. Но неужели он ... мог вести самую мерзкую и самую жалкую жизнь в ожидании позорнейшей смерти? Не может пасть, повторяю я, на человека таких нравов, такой добросовестности, ведущего такой образ жизни, столь позорное подозрение¹.

А р г у м е н т к п у б л и к е. Оратор, взывая к чувствам, настроениям, предубеждениям слушателей, старается привлечь аудиторию на свою сторону и так противостоять мнению оппонентов. Этот аргу-

¹ Цицерон М.Т. В защиту Публия Корнелия Суллы. Основы искусства речи. М., 1995. С. 129.

мент является нередко убедительным, эффективным на митингах и в судебных речах. Прочитируем речь Виктора Гюго в Законодательном собрании Франции.

Господа, в момент, когда вы будете принимать решение, голосовать ли за этот безрассудный новый закон или отвергнуть его, примите во внимание следующее: ныне решительно все — наука, искусство, литература, философия, публика, нации, стремящиеся стать семьями, люди, живущие чувством, люди, живущие верой, гениальные одиночки и широкие массы — решительно все движется сейчас в одном и том же направлении, к одной и той же цели, одним и тем же путем с непрерывно возрастающей скоростью, являя собой изумительное гармоническое единство, которое свидетельствует, что первоначальный толчок этому движению дан самим Богом. Движение девятнадцатого века, великого девятнадцатого века, не есть движение только одного народа: это движение всех народов. Франция идет впереди, другие народы идут за нею следом. Провидение говорит нам: «Идите!» — и оно знает, куда мы идем¹.

А р г у м е н т к т щ е с л а в и ю предполагает чрезмерные похвалы оппонентам, чтобы смягчить их противостояние. Для примера сошлемся на эпизод, описанный Диккенсом.

Пиквик все еще поднимает голову с бесстыдной наглостью и взирает без единого вздоха на произведенное им разрушение. Возмещение убытков — вот единственное наказание, какое вы можете на него возложить, единственная компенсация, какую вы можете предоставить моей клиентке. И с просьбой о возмещении убытков она обращается теперь к *просвещенному, высоко нравственному, справедливому, добросовестному, беспристрастному, сочувствующему, вдумчивому жюри, составленному из ее цивилизованных соотечественников*².

А р г у м е н т к ж а л о с т и рассчитан на то, чтобы вызвать у оппонента чувство сострадания, жалости. К этому аргументу обратился в суде защитник, о чем свидетельствует такой эпизод.

Знаменитый адвокат А.Ф. Кони должен был вопреки всякой логике заставить расчувствоваться присяжных заседателей и спасти от виселицы преступника. Что делать? Защитник приходит и начинает говорить: «Ведь вот, господа, конечно, мы имеем дело с преступником. Но ведь когда было сделано это преступление? Оно было сделано шесть лет назад. А ведь физиология, медицина говорят, что человек за пять лет полностью обновляется: у него и кости состав свой меняют, и кровь, и ткани... Собственно, мы имеем дело уже не с тем человеком, который совершил преступление шесть лет назад, а совсем с другим... Он уже и мыслит совсем по-другому... Согласитесь, это уже другой человек».

То есть Кони начинает действовать на чувства... в это время солнце из-за туч вышло и осветило обвиняемого. Кони говорит: «Даже солнце осветило его, чтобы вы задумались. Ведь вы судьбу человека решаете. А может быть, он сможет принести много пользы. Как сияют его волосы, какие у него чудесные глаза. Вы подумайте, ведь это же судьба человека».

Все!.. Преступника не казнили, его спасло от виселицы ораторское искусство адвоката³.

¹ Цит. по кн.: *Филиппов А.В., Романова Н.Н.* Публичная речь в понятиях и упражнениях. М., 2002. С. 24.

² Там же. С. 25.

³ *Таранов П.С.* Искусство риторики. М., 2002. С. 371—372.

РАСПОЛОЖЕНИЕ АРГУМЕНТОВ В ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

Обдумывая речь, оратору нужно выстроить аргументы в определенном порядке. Самым неудачным способом расположения аргументов является н и с х о д я щ и й: ритор сначала приводит наиболее сильные аргументы, затем менее сильные и завершает выступление эмоциональной просьбой, обращением. В таком случае выступление обречено на провал. В о с х о д я щ и й порядок расположения аргументов является более выгодным, многие считают его единственно правильным. Оратор излагает сначала самые слабые аргументы, приберегая сильные к концу доказательства. Однако Цицерон и Квинтилиан полагали, что восходящая аргументация имеет и слабую сторону: она не дает возможности оратору повторить сильные доказательства в самом финале речи и поэтому не позволяет закрепить их в сознании слушателей.

Известен способ расположения доводов, который называют г о м е р о в с к и м. Он состоит в том, что ритор начинает доказательства с сильных доводов, затем переходит к слабым и заканчивает свою речь сильными доводами. При всей эффективности этого метода в нем просматриваются недостатки: сильные аргументы в конце доказательства могут оказаться повторением начала публичной речи.

Инвенция является надежной, испытанной временем частью риторики.

РАСПОЛОЖЕНИЕ МАТЕРИАЛА (ДИСПОЗИЦИЯ)

Композиция публичного выступления

Д и с п о з и ц и я (в переводе на русский язык — *развертывание*) определяется как искусство организации сообщения, иными словами, — и с к у с с т в о к о м п о з и ц и и. Слово *композиция* восходит к латинскому *compositio*, что означает «составление, сочинение».

Уже в древности существовало представление о композиции как о целесообразном построении речи; композиция рассматривалась как логика развития темы выступления. Самые разнообразные схемы построения включали от двух до семи частей. Замечательно о композиционном единстве речи сказал Цицерон: «Что является достоянием искусства? Создать вступление к речи, чтобы привлечь слушателя, возбудить его внимание; обосновать свою точку зрения и опровергнуть противную; и сделать это не беспорядочно, а при помощи такого построения отдельных доводов, чтобы общие следствия вытекали и из частных доказательств; наконец, замкнуть все это воспламеняющим или успокаивающим заключением»¹.

¹ Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве: пер. с лат. / под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1972. С. 355.

В российской риторике античный опыт использовали М.В. Ломоносов и Н.Ф. Кошанский. Время показало, что наиболее приемлемым является трехчастное построение речи, оно создает ощущение целостности изложения. Однако ораторскую речь не следует рассматривать как искусственное сцепление этих частей. Публичная речь — это единое целое. И все же каждая композиционная часть обладает вполне определенными, только ей присущими функциями, которые могут варьироваться в зависимости от вида речи.

В основе композиции всегда должен быть план выступления. Значимость плана в ораторской речи подчеркивают сравнения, используемые современными и античными ораторами: *Как без чертежа нельзя построить хороший дом, так без плана нельзя произнести яркую речь; Как опытный капитан не позволит себе выйти в море без компаса и карты, так и хороший оратор не выйдет на трибуну без предварительно разработанного плана.* Оратор, не продумавший плана, теряет «ось, стержень» своего выступления, не укладывается в отведенное для него время.

Планы бывают различными по цели и назначению. Вначале следует составить предварительный план. Ведь обычно каждая тема требует решения многих проблем. Например, в выступлении на тему «Об ораторском мастерстве лектора» можно говорить об ораторской этике, культуре владения словом, об умении логично и образно излагать мысли и т.д. Важно сразу определить, какие конкретно вопросы составят основу речи. Перечень этих вопросов войдет в предварительный план, который и является своего рода ориентиром для подбора литературы и фактических материалов, иллюстрацией к выступлению. Тщательное изучение материала позволяет оратору увидеть главные, самые существенные проблемы, подобрать интересные примеры, убедительные факты и цифры. Все это войдет уже в рабочий план. Его оратор составляет для себя, и «техника» оформления такого плана имеет индивидуально-авторский характер.

На основе рабочего плана составляется основной план. Он пишется для слушателей, чтобы помочь им следить за развитием мысли оратора, и обычно сообщается в лекциях, докладах, научных выступлениях. Однако в приветственных речах, в убеждающих и призывающих выступлениях план не оглашается.

Рассмотрим составные элементы композиции. Трехчастная композиция состоит из вступления, главной части и заключения. Эта композиционная схема стала универсальной на все случаи жизни, вне зависимости от того, какова конкретная тема. В то же время уместно заметить, что классический риторический канон выделял шесть-семь важнейших частей речи: 1) обращение; 2) именование темы (вступление); 3) повествование; 4) описание; 5) доказатель-

ство; б) опровержение; 7) заключение. Прокомментируем первую часть такого деления.

ВСТУПЛЕНИЕ

Публичная речь начинается с *о б р а щ е н и я*, важнейшая функция которого — установить контакт оратора с аудиторией. Надо помнить, что любую аудиторию подкупает галантное обхождение, поэтому обращению придается особое значение. Форма обращения зависит от обстановки, состава аудитории и цели речи. Среди официальных обращений мы встречаем, например, «уважаемые товарищи», «дорогие друзья», «дамы и господа», «уважаемые коллеги» и т.д. Обращение нередко отсылает к ситуации, в которой произносится речь. Чаще всего оратор обращается к аудитории, ограничиваясь только вокативным предложением. Так обычно начинаются судебные речи. Например:

Уважаемые судьи!

Если вам когда-нибудь скажут, что при рассмотрении гражданско-правовых споров не возникает детективных сюжетов, захватывающих дух ситуаций, кипения страстей, не верьте этому¹.

Представьте себе начало речи в суде без обращения. Это будет выглядеть неестественно. Обращение соответствует правилам этикета и поэтому вызывает положительное отношение аудитории к оратору.

Социальное расслоение общества, неравенство, существовавшее в России несколько веков, нашло отражение в системе официальных обращений.

Во-первых, существовала «Табель о рангах», в ней перечислялись военные (армейские и флотские), гражданские и придворные чины. Каждая категория чинов подразделялась на 14 классов. Так, к 3-му классу относились *генерал-поручик; вице-адмирал; тайный советник*; к 6-му классу — *полковник, капитан 1-го ранга*; к 12-му — *корнет, мичман* и т.д. Помимо названных чинов, которые определяли систему обращений, существовали обращения *ваше высокопревосходительство, милостивый государь* и др.

Во-вторых, в монархическом строе России до XX в. выделялись сословия: дворяне, духовенство, разночинцы, купцы, мещане, крестьяне. Отсюда обращения *господин, госпожа* по отношению к людям привилегированных социальных групп; *сударь, сударыня* — для среднего сословия или *барин, барыня* для тех и других; и отсутствие единого обращения к представителям низшего сословия.

В России XVIII—XIX вв. в качестве основных выступало несколько групп обращений — служебные, родственные (*тятенька, маменька*); обращения, отражающие титулы и фамильярно-дружеские отношения (*князь, граф, сударь, сударыня, господа, голубчик, приятель, братец*

¹ Лифшиц В.И. Слово адвокату. М., 1990. С. 155.

и т. п.). Часть из них служила для общения внутри коллектива равных (*господа* выражало отношение равенства в одной среде; *ребята* — в другой), часть — для общения людей, принадлежащих к разным общественным слоям (*барин, человек*). Основные типы обращений не были совершенно отделены друг от друга, тем более что между отношениями, которые они передавали, существовала тесная связь.

Начиная с конца 80-х годов XX в. в официальной обстановке мы стараемся вернуть дореволюционные обращения *сударь, сударыня, господин, госпожа*. История повторяется. Как в 20—30-е годы обращения *господин* и *товарищ* имели социальную окраску, так и в начале XXI в. Они вновь неоднозначны. Обращения *товарищ* продолжают использовать военные, члены партий коммунистической ориентации, рабочие в заводских коллективах. В последнее время обращения *господин, госпожа* воспринимаются как норма на заседаниях Думы, в передачах по телевидению, на различных симпозиумах, конференциях. А на встречах представителей власти, политических деятелей с народом, на митингах выступающие стали использовать обращения *россияне, сограждане, соотечественники*. Ученые, преподаватели, врачи, юристы отдают предпочтение словам *коллеги, друзья*. Обращение *уважаемый (уважаемая)* встречается в речи старшего поколения.

Несомненно, проблема общеупотребительного обращения в неофициальной обстановке остается открытой. Она будет решена только тогда, когда каждый гражданин России научится уважать себя и с уважением относиться к другим, когда станет личностью, когда неважно будет, какую должность он занимает, каков его статус, а важно то, что он гражданин Российской Федерации.

В с т у п л е н и е — начальная часть речи, в которой оратор объясняет мотивы, побудившие его выступить, стремится привлечь внимание слушателей и снискать их расположение. На это указывали и античные теоретики. «...Предисловие (*prooimion*), — писал Аристотель, — есть начало речи, то же, что в поэтическом произведении есть пролог, а в игре на флейте — прелюдия. Все эти части — начало, они как бы прокладывают путь для последующего»¹.

Ритор во вступлении стремится вызвать интерес к теме, овладеть вниманием аудитории, добиваясь при этом, чтобы первичное внимание переросло в сознательную сосредоточенность. Не менее важно установить взаимопонимание и вызвать доверие слушателей. Так создается благоприятная психологическая почва для восприятия речи.

Успешное решение этих весьма сложных задач зависит, прежде всего, от опыта, умения оратора правильно оценить сложившуюся обстановку, выбрать нужные средства и способы воздействия на аудиторию. Ритор должен приложить немало усилий, чтобы завоевать

¹ Античные риторика. М., 1978. С. 152.

внимание; бывают случаи, когда он должен заставить аудиторию слушать себя против воли собравшихся (например, если люди не имеют интереса к теме).

Выбор вступления зависит от вида публичной речи (лекция, доклад, речь на митинге), состава аудитории и состояния оратора. Древние ораторы обращали на вступление особое внимание, рекомендуя заучивать наиболее интересные и любопытные образцы. После Демосфена осталось более пятидесяти неиспользованных вступлений. В современной риторике сложились рекомендации и правила построения вступления, которые нужно учитывать.

1. Неудавшееся вступление, если оно кратко, не может охладить интерес публики к ритору. Поэтому не следует много говорить в этой части речи.

2. **Во вступлении нужно придерживаться принципа умеренности:** необычные (эффектные) вступления привлекают внимание, вызывают расположение к оратору, но речь, начатая на высоком эмоциональном подъеме, далеко не всегда имеет удачное продолжение. Оратору не хватит сил удержаться на этом же эмоциональном уровне, а в конце речи необходимо воодушевить аудиторию, создать положительный настрой. Поэтому не следует расходовать весь свой пыл в самом начале.

3. **По стилю вступление не должно существенно отличаться от основных частей речи,** выделяться экспрессией, иначе у слушателей сложится убеждение, что оратор стремится показать себя, а не предмет речи.

4. Во вступлении следует отказаться от строгих формулировок, иллюстраций, значительных фактов. Это будет уместно при доказательстве основных положений в главной части выступления, так как аудитория входит в речь постепенно.

Обычно рекомендуется написать вступление, когда основной материал речи уже готов.

Если оратор уверен, что аудитория готова его слушать и степень ее произвольного внимания высока, достаточно эффективным вступлением может быть краткое изложение конкретной цели и содержания речи. Чаще всего такое начало используется в лекциях. Так, А.В. Луначарский, выступая перед аспирантами Пушкинского дома 4 февраля 1933 г., начал свою речь с изложения плана.

Мою сегодняшнюю с вами беседу я строю таким образом: некоторые общие выводы методологии истории литературы — с каких точек зрения мы ее изучаем, для каких целей и т.д.; затем в связи с этим некоторые общие абрисы того специального предмета, на котором мы остановились, т.е. английской и германской литератур¹.

¹ Луначарский А.В. Неизданные материалы. Литературное наследство. Т. 82. М., 1970. С. 119.

А.Ф. Кони советовал найти слова, которые должны «зацепить» внимание слушателей. Во вступлении используют такие традиционные приемы привлечения внимания, как прямой вопрос к слушателям, цитата, наглядный пример, конкретный случай, юмористическое замечание, пословица, поговорка и др. Именно они позволяют «с порога» завладеть аудиторией.

В риторике выделяется несколько видов вступлений.

1. *Обычное вступление* оратор применяет в случае бесконфликтности между ним и аудиторией. Оратор называет тему, перечисляет ее отдельные проблемы. В таком вступлении нужно подчеркнуть значимость избранного предмета, его важность для данной ситуации или аудитории. В случае необходимости оратор объясняет причины, заставившие его выступить по данной теме. Таково вступление к оценке творчества Ф.М. Достоевского в речи В.С. Соловьева.

Я буду говорить только о самом главном и существенном в деятельности Достоевского. При такой богатой и сложной натуре, какая была у Достоевского, при необыкновенной его отзывчивости и впечатлительности на все явления жизни его духовный мир представлял слишком великое разнообразие чувств, мыслей и порывов, чтобы можно было воссоздать его в краткой речи. Но, отзываясь на все с таким душевным жаром, он всегда признавал только одно, как главное и, безусловно, необходимое, к чему все остальное должно приложиться. Эта центральная идея, которой служил Достоевский во всей своей деятельности, была христианская идея свободного всечеловеческого единения, всемирного братства во имя Христова¹.

2. *Вступление с ораторской предосторожностью* — самый непростой вид вступления. Его следует считать уместным в тех случаях, когда аудитория заранее не согласна с оратором. Вот вступление к речи Цицерона «В защиту Луция Мулены».

О чем я молил бессмертных богов, судьи, в тот день, когда я, по обычаю и завещанию предков... Объявил... Об избрании Луция Мулены в консулы, — а именно, чтобы это избрание для меня самого, для честного завершения мной своих должностных обязанностей, для римского народа и плебса стало залогом благоденствия и счастья, — об этом же молю я тех же бессмертных богов и теперь, когда речь идет о том, чтобы этот человек достиг консульства и вместе с тем остался цел и невредим; молю их также о том, чтобы ваши помыслы и ваш приговор совпали с волей и голосованием римского народа и чтобы это принесло вам и римскому народу мир, тишину, спокойствие и согласие...

Свою речь Цицерон начал с обращения к бессмертным богам, на высоких эмоциях. Он убедителен в аргументах: избрание Луция в консулы станет залогом благоденствия римского народа. Таким вступлением оратор исключил конфронтацию с аудиторией.

¹ Соловьев В.С. Вторая речь в память Ф.М. Достоевского. Пример из кн.: Филиппов А.В., Романова Н.Н. Публичная речь в понятиях и упражнениях. М., 2002. С. 43.

3. *Внезапное вступление* применяется в ситуации эмоционального подъема аудитории или самого оратора. Хрестоматийный пример такого вступления — начало речи Цицерона против Катилины.

До каких пор, скажи мне, Катилина, будешь злоупотреблять ты нашим терпением? Сколько может продолжаться эта опасная игра с человеком, потерявшим рассудок? Будет ли когда-нибудь предел разнузданной твоей заносчивости?.. Или ты не чувствуешь, что замыслы твои раскрыты, не видишь, что все здесь знают о твоём заговоре и тем ты связан по рукам и ногам? Что прошлой, что позапрошлой ночью ты делал, где ты был, кого собирал, какое принял решение, — думаешь, хоть кому-нибудь нам это неизвестно?¹

В этом случае оратор не стремится к объединению с аудиторией в плане целей и интересов, не начинает свою речь издалека, как это было в предыдущем эпизоде. В данном случае Цицерон сразу же переходит к делу. Поток вопросов, эмоциональных восклицаний передают возмущение ратора и заряжают публику тем же чувством. Оратор умело влияет на аудиторию.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ГЛАВНОЙ ЧАСТИ ВЫСТУПЛЕНИЯ

За вступлением следует г л а в н а я ч а с т ь композиции. Она может иметь форму описания, повествования, рассуждения. Современная теория текста дает подробную характеристику этих функционально-смысловых типов речи, которые будут рассмотрены во второй части нашей книги, а здесь охарактеризуем лишь некоторые из них.

В главной части речи важную роль играет р а с с у ж д е н и е, в котором оратор стремится доказать или опровергнуть какое-либо утверждение, развить и обосновать какую-нибудь мысль. Рассуждения, как правило, отличаются серьезным содержанием, они углубляют наши знания об окружающем мире, заставляют задуматься над важностью поставленной проблемы и подсказывают (или доказывают) правильный вывод.

Рассуждение обычно строится по такой схеме:

- 1) посылка, содержащая главную мысль;
- 2) основная часть, отражающая мыслительные операции;
- 3) вывод, логически вытекающий из хода рассуждений.

Покажем это на примере.

В нашу эпоху, в век научно-технического прогресса, людей волнуют проблемы охраны окружающей среды...

Во многие области европейской части Российской Федерации была завезена енотовидная собака. Но, как выяснилось, она оказалась очень «вредной» для фауны. Енотовидная собака разоряет гнезда уток, чаек и других птиц, расположенные на земле. А птицы поедали насекомых, вредных для растительности. Сокращение количества птиц угрожает быстрым увеличением вредных насекомых.

Вот какой вред — вольно и невольно — может принести человек своим неразумным вмешательством в сферу причинных связей природы. Поэтому необходимо разрабо-

¹ Цицерон М.Т. Первая речь против Катилины. С. 62.

тать и строго соблюдать систему государственных мероприятий по сохранению и расширенному воспроизводству природных богатств на благо ныне живущих и будущих поколений людей, с учетом интересов всего человечества. (Песк.)

Текст правильно построенного рассуждения всегда фиксирует процесс вывода нового знания. Суждения при этом располагаются в логически обусловленной последовательности: одно суждение с необходимостью вытекает из другого и развивает его. В основе суждений лежат умозаключения, построенные по всем правилам логики, например: «В природе ничего не существует обособленно, и ущерб, нанесенный одному из природных ресурсов, немедленно отзывается на других». Причем *дедуктивный метод*, применяемый в рассуждении (от общего к частному), чередуется с *индуктивным*, при котором умозаключение строится на основе отдельных, частных фактов, случаев, подводящих к обобщенному выводу.

Объяснение также принадлежит к функционально-смысловым типам, выделенным современной теорией текста. Объяснение как речевая форма неизменно присутствует в интервью: корреспондент задает вопросы, и отвечающий на них объясняет то или иное положение. Например, известный кинорежиссер Глеб Панфилов в интервью рассказывал журналисту о будущем фильме по сценарию, написанному на основе романа А.И. Солженицына «В круге первом».

— Сам Солженицын примет участие в работе над вашим фильмом?

— К сожалению, нет. Я предлагал ему вместе заняться написанием сценария еще в 96-м, но он отказался. Времени, говорит, нет, да и сил. Другие, мол, долги еще необходимо отдать. И мне показалось не слишком удобным отрывать великого писателя от дел.

— Когда планируете начать съемки?

— Все зависит от финансирования. Это же госзаказ. Надеюсь, наскребем на полноценную 2-серийную картину. При самом оптимистическом раскладе планируем начать где-то в конце ноября. Но на 100% пока не уверен.

— а как вы думаете, почему раньше в России не было попыток снимать по Солженицыну?

— Ну, когда-то это было невозможно. А сейчас молодые режиссеры больше соблазняются дешевыми эффектами. Вместо гражданской позиции — криминал, вместо настоящих поступков — мордобой и убийства, вместо любви — секс... Вот поляки и американцы уже снимали по Солженицыну, но я знаю, что Александра Исаевича не очень устроило качество этих работ¹.

Доказательство — очень ценный фрагмент главной части речи. Нам часто приходится отстаивать свои идеи, убеждения, доказывать какие-то истины. Это происходит в ходе дискуссии или полемики, при защите дипломного проекта или диссертации. Аристотель подчеркивал, что нередко в повседневной жизни, а не только в философии людям приходится что-то доказывать. Жизнь свидетельствует, что из всех способов убеждения доказательство — самый на-

¹ Московский комсомолец. 2003. 10 февраля.

дежный и приемлемый. Нельзя убеждать человека с помощью окрика, угрозы, запугивания. Искусство доказательства как раз и состоит в том, чтобы человек с благодарностью воспринял ваши идеи (или хотя бы задумался над смыслом сказанного). Человек, которого вы сумели убедить, не только воспримет ваши доказательства, но даже будет считать их своими. Но, к сожалению, немало примеров, когда юристы, менеджеры, политики не могут доказать приемлемость своей позиции. Значит, доказательству нужно учиться.

Для доказательства того или иного факта оратор обращается к аргументации.

Доказательство, как и аргументация, имеет четкую структуру, включающую тезис, аргументы, демонстрацию. **Тезис** — это основное положение, которое следует доказать. **Аргументы** — это истинные суждения, при помощи которых ведется доказательство тезиса. **Демонстрация** (способ доказательства) — форма умозаключения, которая показывает, как тезис вытекает из аргументов. Приведем пример доказательства.

Оратор выдвинул тезис «Молодежь — будущее нации» и доказывает: во-первых, молодые люди являются самой энергичной творческой силой в создании материальных благ; во-вторых, неоспорима огромная роль молодежи в политической, экономической, культурной, спортивной жизни страны; в-третьих, молодежь активно участвует в создании духовной жизни общества.

Другие примеры. Не вызовет сомнения поставленный врачом диагноз (грипп), так как налицо доказательства — характерные для данной болезни симптомы: повышенная температура, кашель, раздражение слизистой оболочки носа и т.д. В судебном следствии по отпечаткам пальцев можно установить сопричастность подозреваемого в совершении преступления. Это все примеры **прямого доказательства**.

Если нет возможности доказать какое-либо положение прямым способом, тогда используют **косвенное доказательство**. Особенность его состоит в том, что сначала доказывают ложность антитезиса, т.е. дополнительного утверждения, противоречащего тезису.

Выделяется два вида косвенного доказательства: **апагогическое** и **разделительное**. Приведем пример апагогического косвенного доказательства. В качестве тезиса выдвигается утверждение, что слово «вода» по своему происхождению общеславянское. Предполагаем, что это не так, и выдвигаем антитезис, т.е. что слово «вода» не является общеславянским. «Тогда это слово (в разных вариантах) не встречалось бы издавна во всех славянских языках. Между тем слово «вода» уже давно употребляется во всех славянских языках (белорусское *вада*, польское *woda*, чешское и словацкое *voda* и т.д.). Следовательно, предположение, что оно не общеславянское,

ошибочно»¹. Таким образом, принятие антитезиса ведет к противоречию (к абсурду), поэтому его следует признать ложным. Но тогда тезис необходимо признать истинным. Апагогическое косвенное доказательство можно принять лишь при одном условии, если тезис и антитезис находятся в отношении противоречия. Здесь срабатывает принцип — либо одно, либо другое (третьего не дано).

Совершенно по иному принципу строится разделительное доказательство. В нем антитезис является одним из членов разделительного суждения, в котором должны быть обязательно перечислены все возможные альтернативы. Например:

Преступление мог совершить либо А, либо В, либо С.
Доказано, что не совершали преступление ни А, ни В.
*Следовательно, преступление совершил С*².

Обоснование тезиса строится по методу исключения. Доказывая тезис, необходимо показать несостоятельность всех членов разделительного суждения, кроме одного. Истинность тезиса устанавливается косвенным путем. Заметим, что в разделительном доказательстве, в отличие от апагогического, применяются не два, а несколько положений. Каждое можно считать истинным, исключаяющим все другие. Предложенная схема является универсальной в судебно-следственной практике. Она необходима при проверке всех версий, касающихся лиц, виновных в совершении какого-либо преступления. Например, следователю нужно доказать, что преступление совершил некий Соловейко. Сначала следователь строит разделительное косвенное доказательство. При этом он формулирует разделительное суждение, перечисляя в нем всех подозреваемых: «Преступление могло быть совершено или Соловейко, или Ивановым, или Сидоровым». Затем, привлекая свидетелей, документы, делая очные ставки, следует показать, что ни Иванов, ни Сидоров к преступлению не причастны. Отсюда следует вывод, что преступление совершил Соловейко.

Разделительное доказательство обладает убеждающей силой, так как процесс доказательства включает не только анализ собственного тезиса, но и логичный разбор всех возможных предложений. Доказательство становится всесторонним и объективным.

В риторике и логике прямой и косвенный виды доказательства выступают как самостоятельные, но их можно применять и в сочетании. Когда в процессе доказательства используют две логические операции, обосновывая истинность тезиса и показывая неприемлемость антитезиса, убедительность доказательства существенно возрастает.

В риторике ценится не только доказательство, но и о п р о в е р ж е н и е. Умение не только доказывать, но и опровергать доводы

¹ Свинцов В.И. Логика: учеб. для вузов. М., 1987. С. 251.

² Гетманова А.Д. Логика. М., 1995. С. 191.

противника необходимо в судебной практике и в научной дискуссии, в литературной полемике и в беседе за круглым столом.

О п р о в е р ж е н и е м называется логическая операция, в которой устанавливается ложность или необоснованность положения, выдвинутого в качестве тезиса. Цель опровержения заключается в разрушении ранее состоявшегося доказательства. В связи с тем, что доказательство состоит из тезиса, аргументов и демонстрации, опровержение может быть направлено на каждый из этих трех элементов.

Опровержение тезиса может быть **п р я м ы м** и **к о с в е н н ы м**. Прямое опровержение строится по следующей схеме рассуждения. Мы условно допускаем, что выдвинутый тезис является истинным. Затем выводим из него определенные следствия. Сопоставляем полученные следствия с известными фактами, положениями. Если обнаруживаются противоречия между полученными результатами и бесспорными истинными фактами, то делается вывод, что эти следствия ложны. А значит, и тезис, из которого они получены, следует также признать несостоятельным. Такое рассуждение известно под названием «сведение к абсурду», оно используется в косвенном доказательстве.

Если в полемике обнаруживается противоречие между выведенными следствиями и последующими утверждениями противника, то условно принятый тезис следует исключить. Недопустимо, когда человек начинает противоречить самому себе.

Представим себе, что оратор выдвинул тезис: «Далеко не все писатели XX века, жившие в СССР, воспевали коммунизм». Противник предложил свой тезис: «Все писатели XX века, жившие в СССР, воспевали коммунизм». Допустим, что мы условно принимаем это утверждение. Если бы заявленное положение соответствовало истине, то в мировой литературе не были бы известны имена О.Э. Мандельштама, А.И. Солженицына, И.А. Бродского и других художников слова, смело выступивших против диктаторского режима, в котором попирались права человека, свобода слова. Об этом образно сказал О. Мандельштам:

Мы живем, под собою не чуя страны.
Наши речи за десять шагов не слышны.
А коль хватит на полразговорца,
Так припомним кремлевского горца.

Одиннадцать лет провел в исправительно-трудовых лагерях А.И. Солженицын, до сих пор неизвестно место захоронения О.Э. Мандельштама. Список убитых, казненных, замученных можно продолжить. Тезис нашего противника явно противоречит этим объективным данным. Следовательно, утверждение: «Все писатели XX в., жившие в СССР, воспевали коммунизм», — является ложным. Мы его опровергли, опираясь на факты, объективные исторические события.

Прямое опровержение применяется в науке при проверке на прочность теорий, научных гипотез. В ходе судебного процесса такое опровержение может показать ложность тезиса, который выдвинул в своей речи адвокат или прокурор.

Косвенное опровержение имеет свою специфику построения. Главное внимание оратор уделяет тщательному обоснованию собственного тезиса, который противоречит доказываемому тезису противника. Если аргументация окажется убедительной, то это подтвердит несостоятельность тезиса противника. Для аудитории это прозвучит как утверждение, которое противоречит доказанному истинному тезису.

В художественно-историческом исследовании Э. Радзинского «Николай II» **опровергается тезис оппонентов: «1913 год был самым обычным в жизни России».** Автор книги приводит свой тезис: «1913 год — вершина процветания империи».

После реформ Столыпина начинается невиданный подъем. Европа с изумлением наблюдает за поднимающимся гигантом. Правительство Франции направляет в Россию экономиста Эдмона Тэри, который в книге «Россия в 1914 году» писал: «Ни один из европейских народов не имеет подобных результатов... К середине столетия Россия будет доминировать в Европе».

В стране — интеллектуальный взрыв. Родина Толстого и Чехова становится лабораторией грядущего искусства XX века: Малевич, Кандинский, Шагал, Хлебников, Маяковский, Рахманинов, Скрябин, Стравинский, Станиславский, Мейерхольд... Дымили фабричные трубы, возводились огромные дома, и в столице московских царей правила денежные тузы с Таганки и Замоскворечья. «Манчестер ворвался в Царьград...» То же в Петербурге...¹

Э.С. Радзинский, логично обосновав свой тезис, убедительно опровергает утверждение, которое противоречит истинному положению вещей.

Можно привести другие примеры косвенного опровержения тезиса, связанные с историей нашей Родины. Так, французские историки высказали утверждение, что именно русские морозы стали основной причиной поражения армии Наполеона в 1812 г. Этот тезис можно опровергнуть, ссылаясь на философские раздумья Л.Н. Толстого об исторических событиях, о роли полководцев и царей в истории. Имеется в виду роман «Война и мир». Несомненно, что Отечественная война 1812 г. приобрела народный характер, и это стало залогом нашей победы. Обращаясь к письмам, запискам, статьям активных участников тех военных событий, можно узнать, что во время отступления армии Наполеона морозы не превышали двенадцати градусов. Такие морозы не стали причиной поражения французов в других военных кампаниях. Следовательно, не в погоде причина поражения Наполеона.

¹ Радзинский Э.С. Николай II. М., 2004. С. 168.

Правильное использование операций доказательства и опровержения помогает в научных и практических вопросах добиваться истинных, объективных результатов. Для оратора это хорошая школа выработки логического мышления.

ЗАВЕРШЕНИЕ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

Независимо от функционально-смыслового типа речи публичное выступление оратора завершает **з а к л ю ч е н и е**, которое является логическим завершением ораторской речи. Народная мудрость гласит: «Конец венчает дело». Убедительно построенное заключение надолго запоминается слушателям, способствует хорошему впечатлению от речи.

Психологами доказано, что в процессе восприятия ораторской речи «действует закон края»: «Этот закон памяти, объясняемый, в свою очередь, сложным взаимодействием физиологических механизмов возбуждения и торможения в нервной ткани, гласит, что при прочих равных условиях лучше запоминаются те стимулы, которые были предъявлены в **н а ч а л е** и **в к о н ц е** **с п и с к а**»¹. Поэтому лучше запоминается то, что дается в начале и в конце сообщения.

В заключении необходимо повторить главную мысль выступления и подчеркнуть важность для слушателей рассмотренной темы, суммировать наиболее значительные положения и те, что вызывали интерес аудитории. В заключении подводятся итоги сказанного, делаются частные и общие выводы, ставятся перед слушателями конкретные задачи.

Следует учитывать, что заключительная часть зависит от вида красноречия и особенностей обстановки. Если, например, митинговая речь призывает слушателей к немедленному действию, то академическая речь (вузовская лекция) развивает логическое мышление, знакомит с навыками исследовательской работы. Но в каждом конкретном случае необходимо вызывать положительные эмоции у слушателей. В «Общей риторике» Н.Ф. Кошанского сформулированы важные требования к завершению речи. «Выход» из речевой ситуации следует совершать на высоком эмоциональном подъеме. Вызывать добрые чувства у слушателей — благородная задача ратора, который для аудитории наставник, философ, проповедник. Правда, возможны и другие виды заключения. Если оратор выражает расхождение во мнении с оппонентом или аудиторией, то такое заключение называется **п о л е м и ч е с к и м**. Вот его яркий пример из произведения русского философа А.Ф. Лосева «Диалектика мира».

...Опасность для многих — быть последовательными диалектиками. Впрочем, читатель поймет меня очень плохо, если подумает, что я ему навязываю во что бы то ни

¹ Зимняя И.А. Психологические особенности восприятия лекции в аудитории. М., 1970. С. 29.

стало поверхностно мыслить диалектически. Я настаиваю совсем на другом. Именно я говорю, что если вы хотите мыслить чисто диалектически, то вы должны прийти к мифологии вообще и абсолютной мифологии в частности и, следовательно, ко всем только что намеченным понятиям. А нужно ли мыслить диалектически и даже нужно ли мыслить вообще, это — как вам угодно. Если вас интересует мое личное мнение, то, во-первых, это — не ваше дело, да и мнение отдельного человека ни к чему не обязывает, а, во-вторых, что чистое мышление играет весьма незначительную роль в жизни. Вы довольны? В дальнейшем нам предстоит огромная задача диалектического развертывания основных структур абсолютной мифологии и диалектика главных типов мифологии относительной¹.

Если речь по содержанию сложна, то, чтобы помочь аудитории оценить замысел оратора, используется заключение, называемое рекапитуляцией.

Р е к а п и т у л я ц и я (от лат. *recapitulatio* — повторение в основных чертах) — сжатое повторение содержания предыдущей речи (особенно в ее заключении), сведение воедино ее различных мыслей, частных фактов и подробностей. Это по сути дела вид обобщения. Например, А.И. Солженицын завершил свою Нобелевскую речь так.

Скажут нам: что же может литература против безжалостного натиска открытого насилия? а не забудем, что насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью. Между ними самая родственная, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом. Рождаясь, насилие действует открыто и даже гордится собой. Но едва оно укрепится, утвердится, — оно ощущает разрежение воздуха вокруг себя и не может существовать дальше, иначе как затуманиваясь в ложь, прикрываясь ее сладкоречием. Оно уже не всегда, не обязательно прямо души глотку, чаще оно требует от поданных только присяги лжи, только соучастия во лжи.

И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть это приходит в мир и даже царит в мире, — но не через меня. Писателям же и художникам доступно большее: победить ложь! Уж в борьбе-то с ложью искусство всегда побеждало, всегда побеждает! — зримо, неопровержимо для всех! Против многого в мире может выстоять ложь, — но только не против искусства. А едва развезана будет ложь, — отвратительно откроется нагота насилия — и насилие дряхлое падет.

Вот почему я думаю, друзья, что мы способны помочь миру в его раскаленный час. Не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни, — но выйти в бой!²

Развернутой рекапитуляции требует прежде всего вузовская учебная речь. В лекциях, научных докладах рекапитуляция строится в виде выводов. В духовной речи она помогает лучше усвоить церковную терминологию проповедника. В судебной практике этот вид заключения применяется чаще всего.

Заключение, в котором содержится призыв принять решение и предпринять какие-то действия, называется п о б у ж д е н и е м . Например:

¹ Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 559.

² Солженицын А.И. Нобелевская речь // Новый мир. 1989. № 7.

Вот, господа присяжные, все обстоятельства дела Лебедева. Я старался изложить их вам как можно проще. Я уверен, что вы пришли к убеждению в том, что векселя от имени Лебедева подложные и что в этом подлоге виновна игуменья Митрофания. Судьи праведные! Не дайте Лебедева, человека невинного, в обиду и на позор!¹

Заключение, которое представляет собой следствия, вытекающие из аргументации в основной части речи, называется в ы в о д о м. Именно так заканчивается лекция о русской культуре XVIII в., прочитанная профессором А.Н. Марковой.

Итоги историко-культурного развития России в XVIII веке весьма значительны. Продолжалось развитие русских национальных традиций во всех видах искусства, в то же время укрепление связей с зарубежными странами способствовало проникновению западного влияния на русскую культуру. Укрепление могущества Русского государства, которое стало одним из крупнейших государств мира, способствовало формированию русской нации и единого русского языка, ставшего величайшим культурным богатством русского народа. Получили развитие все направления культуры — образование, книгопечатание, архитектура, изобразительное искусство. Произошло «обмирщение», диверсификация культуры, которая способствовала появлению новых ее видов — художественной литературы, общедоступного театра, светской музыки. Значительно расширилась сфера духовной деятельности русских людей.

Развитие культуры России XVIII века подготовило блестящий расцвет русской культуры в XIX веке, ставшей неотъемлемой составной частью мировой культуры².

Завершая выступление, нужно четко выделить заключение. Нельзя оборвать речь на полуслове. Активизируя внимание аудитории, можно обратиться к ней с призывом. Косвенный итог выступлению можно подвести, цитируя важное для понимания речи высказывание или рисуя художественный образ, отражающий главную идею вашей речи. Не следует только возвращаться к сказанному (даже если осталось время), нельзя «прощаться много раз». В конце выступления (если позволяет время) можно предложить слушателям задать вопросы. Это будет способствовать всплеску нового интереса к выступлению и увеличит контакт оратора с аудиторией.

Приведем пример публичной речи, посвященной 100-летию писателя-диссидента Бориса Антоненко-Давидовича. С этой речью выступил критик и биограф юбиляра.

Оратор старается во вступлении заинтриговать аудиторию, удивить слушателей, которые готовы разойтись, так как концерт окончен, а во второй части юбилейного вечера будут только выступления читателей, друзей писателя, критиков.

— Писатель не любил своих дней рождения, более того, каждый его юбилей был для Бориса Дмитриевича тяжелым испытанием, грозящим новыми неотвратимыми ударами судьбы...

¹ Лохвицкий А.В. Речь в защиту Лебедева. Цит. по кн.: Филиппов А.В., Романова Н.Н. Публичная речь в понятиях и упражнениях: справочник. М., 2002. С. 69.

² Культурология. История мировой культуры: учеб. пособие для вузов / под ред. проф. А.Н. Марковой. М., 1995. С. 111.

Такое начало не может не заинтересовать слушателей, и они ждут разъяснения. Оратор и дает его во вступлении к речи.

— с приближением каждой «круглой даты» писатель ждал прихода «незваных гостей» (гебистов) и следующих за ними новых репрессий: у него производили обыски, забирали рукописи «Сибирских новелл», «арестовали» даже пишущую машинку и порочили имя автора публикацией пасквилей и анонимных заявлений наемных борзописцев.

Такое вступление поддержало интерес слушателей, которые теперь хотят узнать больше о гонимом писателе и готовы сопереживать ему, возмущаясь произволом властных структур. А выступающий переходит к главной части своей речи, ее содержание не должно приглушить интерес аудитории.

— Но чем более нагло власть выражала свое неуважение к Борису Антоненко-Давидовичу, тем больший интерес вызывало его творчество у читателей, тем больше друзей и поклонников сплывало вокруг писателя и тем неуязвимее становился он для карательных органов. Они уже не могли не считаться с тем, что его юбилей торжественно отмечается во всем мире, ему шлют приветствия из Америки и Австралии, из Германии и Англии, где его произведения известны в переводах. Писатель принят в Пенклуб, и ему предлагают стать членом Хельсинской группы правозащитников... Но «нет пророка в своем отечестве», на родине его имя замалчивается... Человек, переживший тюремное заключение в одиночной камере смертников, ГУЛАГ и ссылку, получивший реабилитацию лишь через 23 года и вновь преследуемый, находит в себе духовные силы не склонить голову перед репрессивными органами и работать для будущих поколений.

Все, что он писал, он писал «в стол», без малейшей надежды увидеть это опубликованным при жизни; он знал, что не доживет до торжества своих идеалов, и на папке, завешанной новым поколением, с горькой иронией написал: «Как умру, то почитайте». <...>

Оратор сумел завладеть вниманием аудитории и, посвятив содержание своей речи судьбе писателя-борца и анализу его «Сибирских новелл», достиг цели: ознакомил слушателей с жизнью и творчеством Бориса Антоненко-Давидовича, пробудил интерес к его произведениям.

Если бы речь была построена иначе (если бы выступавший начал с упоминания даты, места рождения писателя, а потом последовательно стал бы рассказывать о его нелегкой биографии и в конце обратился бы к анализу его произведений), вряд ли выступление имело бы успех: оратор не смог бы удерживать внимание аудитории, его речь показалась бы «скучной».

Многовековая риторическая практика доказала, что внимание аудитории трудно удерживать более 45 минут (именно потому такова продолжительность академического часа и школьного урока).

Поэтому не следует затягивать выступления, и если объем информации, которую вам хочется довести до слушателей, слишком велик, то лучше из множества вопросов выбрать один, наиболее важный, и всесторонне осветить его, а другие только назвать, связав их с предметом обсуждения.

Завершая выступление, оратор четко выделяет **з а к л ю ч е н и е**. Активизируя внимание аудитории, он обращается к ней с призывом:

Читайте неизвестных вам писателей, имена которых еще недавно замалчивались! Изучайте творчество авторов, у которых есть чему поучиться и которые писали для будущих поколений, для нас с вами!

Независимо от содержания речи, в которой может быть много грустных мотивов, в конце оратор должен настроить аудиторию на оптимистический лад. Последний аккорд выступления должен быть жизнеутверждающим. Поэтому, описав трагическую жизнь писателя, его биограф в конце говорит следующее.

— Он всегда верил в победу добра, он предвидел исторический ход событий и не сомневался в том, что на смену тирании придет гуманное справедливое общество. Уйдут со сцены палачи, душители свободы, и новые поколения оценят своих пророков и не предадут забвению имена тех, кто приближал торжество справедливости.

Речь оратора была встречена аплодисментами, она настолько заинтересовала слушателей, что они остались на вторую часть юбилейного вечера.

СЛОВЕСНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ МЫСЛИ (ЭЛОКУЦИЯ)

Э л о к у ц и я в античной риторике посвящалась в основном тропам и поэтическим фигурам, в которых древние видели «цветы красноречия». Античные риторы владели различными способами достижения эмоционального напряжения речи, и в дальнейшем именно элокуция послужила основой для развития таких филологических наук, как поэтика, практическая стилистика, культура речи. В современной филологии словесное выражение мысли стало в центре учения о правильной и красивой речи. В нашей книге этому посвящена вторая часть. А в этой главе, отдавая дань классическим канонам, мы рассмотрим тактики речевого воздействия, тропы и риторические фигуры, которые были предметом изучения античных авторов.

Тактики речевого воздействия

Задача оратора — подать материал определенным образом, или, как раньше говорили, соответствующим слогом. Поэтому элокуция начинается с обсуждения вопроса о том, какие тактики речевого воздействия обеспечат оратору успех.

Всю совокупность конкретных речевых тактик можно объединить в двух типах: прямые и косвенные тактики.

П р я м а я т а к т и к а р е ч е в о г о в о з д е й с т в и я, или тактика открытого типа, характеризуется тем, что говорящий сообщает

слушателю просто и непосредственно то, что имеет в виду. Риторы называют прямые тактики речевого воздействия «простейшими», так как они практически не могут быть видоизменены. Е.В. Клюев указывает: «Раз и навсегда найденная форма сохраняется не потому, что она удачна, а потому что не может быть другой: прямые значения языковых единиц не подлежат варьированию»¹. Так, вспомним лозунги советского периода нашей истории: «Родине — наш ударный труд!»; «Превратим Москву в образцовый коммунистический город!»; «Кто не работает, тот не ест».

Многие ораторы и журналисты предпочитают прямые тактики речевого воздействия, ценя не только их точность, но и присущую им искренность; в них видят показатели «честных» коммуникативных стратегий. Однако не всегда нужно использовать такие простейшие тактики речевого воздействия.

Представим такую ситуацию: *Вы приглашены в гости, стол накрыт. Хозяйка угощает вас чаем, на столе пирог, печенье, но нет сахара.*

Как выразить свое неудовольствие по этому поводу? Можно сказать: *Вы забыли поставить сахарницу!* а можно спросить: *Вы пьете чай без сахара?*

Первая фраза соответствует прямой тактике речевого воздействия, вторая — косвенной. Из соображений этикета лучше не делать прямое замечание гостеприимной хозяйке, которая может обидеться. Разумнее прибегнуть к косвенной тактике речевого воздействия.

Опыт показывает, что современный носитель языка, более или менее владеющий прямыми формами выражения мысли, часто оказывается совершенно беспомощным перед косвенными тактиками речевого воздействия, которые лежат в основе шуток, намеков, комплиментов. У нас пришло в упадок искусство комплимента, потому что реакция адресата бывает неправильной: вместо того, чтобы принять комплимент, поблагодарить за него, собеседник начинает возражать, спорить... Потому такие этикетные речевые ситуации заслуживают внимания в данном каноне риторики.

Считается, что прямые тактики речевого воздействия отвечают критерию искренности, маркируются как «честные». Они действительно дают слушателю определенное и точное представление о том, к чему склоняет его говорящий. В таких случаях не приходится гадать, правильно ли мы понимаем сказанное. Однако прямые тактики речевого воздействия нередко приводят к конфликтным отношениям, ставят под угрозу взаимодействие собеседников (достижение консенсуса). В речевых ситуациях подобного рода необходима сила доводов говорящего, в таких случаях он должен уметь доказывать свою правоту, убеждать слушателя в справедливости своих слов. Если он сумеет склонить собеседника на согласие, можно рассчитывать, что прямая форма воздействия на слушателя привела к желаемому результату.

¹ Клюев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999. С. 149—150.

Следует иметь в виду и то, что прямая тактика предполагает вертикальную модель речевого взаимодействия — по линии сверху вниз (или снизу вверх)¹. При таких отношениях между говорящим и слушающим устанавливается иерархически структурированная коммуникация. При этом более высокий уровень иерархии занимает обычно говорящий, выступая в роли «высшей инстанции», «подавляющего начала». Ясно, что о равноправии партнеров по коммуникации при таких условиях говорить не приходится. Задача слушателя — воспринять установку и начать действовать в соответствии с ней. Критическое отношение к сообщению исключается. Из этого следует, что прямая тактика речевого воздействия тем эффективнее, чем более пассивна роль слушателя.

Если слушатель адекватно реагирует на установки, данные при прямой тактике речевого воздействия, не переспрашивая и не обсуждая приказ, говорящий может считать, что действительно справился со своей задачей.

Чрезвычайно важно не просто выбрать прямую тактику речевого воздействия, но и найти действительно достойные ее средства. Если адресату непонятны обращенные к нему слова, то предпринимаемые им действия будут чисто формальными и лишены смысла. «Лобовые» формулировки приказов обязывают к их нетворческому восприятию: креативные реакции слушателей в подобных ситуациях исключаются.

Уровень эффективности прямых тактик речевого воздействия постоянно ставится под сомнение в оценке эффективности коммуникации. Причина — в их недемократичности как следствия реализации вертикальной модели речевого взаимодействия. Примером могут послужить рекламные тексты. Исследования показали, что в рекламе следует воздерживаться от любых императивов: глаголы в повелительной форме («Покупайте только у нас!»; «Воспользуйтесь нашими услугами!» и т.п.) вызывают у адресатов раздражение и приводят к негативным результатам.

Укажем ряд требований к эффективным прямым тактикам речевого воздействия, разработанным риторикой.

1. Сообщение предполагает, что коммуникативная цель говорящего не является предосудительной и не наносит ущерба адресату.

2. Сообщение формулируется предельно четко и допускает лишь одно толкование.

3. Сообщение аргументировано или подлежит аргументации в случае необходимости.

4. Языковые единицы, отбираемые для сообщения, точно отражают речевую ситуацию.

5. Языковые средства в сообщении однозначны, и выражаемые ими понятия сформулированы определенно и точно.

¹ Клюев Е. В. Указ. соч. С. 150.

Косвенные тактики речевого воздействия основаны на иных критериях.

Общий принцип их построения базируется на том, что фактически любая косвенная тактика предлагает слушателю некую загадку — большей или меньшей трудности, разгадав которую, слушатель не только получит представление о содержании сообщения, но и поймет, по какой причине сообщение строится не прямо. Слушатель словно приглашается к сотрудничеству, и от того, как он сумеет «прочитать» сообщение, зависит и смысл того, что ему говорят.

Косвенная тактика речевого воздействия — это тактика интригующая, включающая адресата в коммуникацию.

Особенностью косвенных тактик является то, что они обеспечивают слушателю «свободу действий» — свободу инициативы и свободу фантазии. Разгадать смысл информации — значит перебрать в своем сознании несколько вариантов отгадки, признав лишь один правильным, и понять, почему другие непригодны. Это позволит прийти к правильному решению.

Если прямая тактика речевого воздействия всегда предполагает правильное решение, которое может быть четко сформулировано, то косвенная тактика отнюдь не обязательно ведет слушателя исключительно к одной единственной цели. Более того, цель эта может вообще не поддаваться строгому формулированию. Кроме того, если прямая тактика гарантирует всем слушателям один и тот же результат, то косвенная в идеале приводит каждого слушателя к его собственному результату: тактика разгадана, но выводы, которые делают разные слушатели, могут быть разными. Сошлемся на пример, который привел Е.В. Ключев.

Для сравнения предлагаются два объявления одного и того же содержания, вывешенные у входа в частные парки.

1. Немецкий вариант: «Вход на территорию частного парка воспрещен».

2. Датский вариант: «Частный парк. Просим принять это к сведению».

Разная «запретительная сила» этих объявлений очевидна: в первом — строгий запрет, во втором — смягченный. Однако понятно и то, что в обоих случаях эти объявления не могут пресечь всякие поползновения войти на запрещенную территорию парка: многие проигнорируют права частных собственников и захотят прогуляться в красивом парке. Прямая тактика речевого воздействия, избранная в немецком объявлении, резко противопоставляет права владельцев парка и непрошенных гостей. Объявление понимается лишь как «Нельзя!», а нарушение запрета расценивается как прямая агрессия.

В датском варианте объявления представлена косвенная тактика речевого воздействия. Цель ее та же — оградить владельцев парка от

нежелательных гостей, однако формулировка не провоцирует пришедших в парк к агрессивным действиям.

Выражение «принять к сведению» в объявлении может означать, что в парке нужно следовать определенным правилам поведения. Таких правил немало, так что объявление можно толковать по-разному. Прочитавшему предоставляется возможность «прочитать» его так, как ему позволяет его воспитание, отношение к просьбе владельцев парка и т.д. Важно то, что, находясь на территории частного парка, пришедший объективно не нарушает никакого запрета, поскольку запрет не сформулирован. «Гость» может отвечать за свои дальнейшие действия, «разгадывая» смысл объявления и давая свободу своей фантазии.

Другой пример. Сравните такие фразы: 1) «В состоянии алкогольного опьянения запрещается управлять автомобилем!»; 2) «Садясь за руль в нетрезвом состоянии, вы подвергаете риску не только себя!». Первая, соответствующая прямой тактике речевого воздействия, исключает разночтения в толковании данного предложения. Вторая фраза, иллюстрирующая косвенную тактику речевого воздействия, *имплицитует*, т.е. подразумевает разные варианты «разгадывания» данного предупреждения (пьяный водитель может погибнуть, получить травмы, наехать на пешехода, разбить автомобиль и т.п.). Адресату, на которого направлена косвенная тактика, предоставляется возможность истолковать фразу как ему вздумается. В зависимости от этого цель речевого воздействия будет меняться. Поэтому приверженцы прямых тактик речевого воздействия на слушателей выступают против импликации, считая, что имплицитовать — это означает иметь скрытый замысел или умысел, что не поощряется в ораторской практике.

Тропы (цветы красноречия)

Аристотель писал: «Важнее всего — быть искусным в метафорах. Только этого нельзя перенять от другого; это признак таланта» (Об искусстве поэзии).

Метафоричность речи создается благодаря употреблению тропов (от греч. *tropos* — поворот, оборот, образ). Так называются слова, употребленные в образном значении.

Покажем использование тропов в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (гл. 25).

Тьма, пришедшая со Средиземного моря, *накрыла* ненавидимый прокуратором город. ...Она уже *навалилась своим брюхом* на Лысый Череп, где палачи поспешно кололи казнимых, она *навалилась на храм* в Ершалаиме, *сползла дымными потоками* с холма его и *залила* Нижний Город. Она вливалась в окошки и гнала с кривых улиц людей в дома. Она *не спешила отдавать свою влагу*... <...>, и тяжелые удары грома загоняли золотых идолов во тьму.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ТРОПОВ

Метафора

Метафора (от греч. *metaphora* — перенос) — это перенос названия одного предмета на другой на основании их сходства. Искусную метафоризацию покажем на примере отрывка из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

— Ну, уж это чересчур, — дергаясь щекой, ответил Римский, и в глазах его *горела настоящая тяжелая злоба*.

Молчание на балконе некоторое время нарушала только *песня воды в фонтане*. Пилат видел, как вздувалась над трубочкой *водяная тарелка*, как *отламывались ее края, как падали струйками*...

Говорить ему было трудно. При каждом слове *кто-то тыкал ему иголку в мозг*, причиняя адскую боль.

В основу метафоризации может быть положено сходство самых различных признаков предметов: цвета, формы, объема, назначения, положения в пространстве и времени и т.д. Аристотель заметил, что «слагать хорошие метафоры — значит подмечать сходство». Наблюдательный глаз художника находит общие черты почти во всем. Неожиданность таких сопоставлений придает метафоре особую выразительность: *Солнце ниже лучами в овес* (Фет); *И золотеющая осень... листвою плачет на песок* (Ес.); *Поседев, шелудивеет лед* (Паст.); *Ночь металась за окнами, то распахиваясь стремительным белым огнем, то сжимаясь в непроглядную тьму* (Пауст.).

Возможности создания новых переносных значений огромны, мастерство автора зависит от его способности находить новые неожиданные сопоставления. В этом плане интересны глагольные метафоры, например, у М.А. Булгакова: *Так продолжалось до вечера, и он даже не заметил, как радуга растаяла и как загрузило и полиняло небо, как почернел бор; Движение кентуриона было небрежно и легко, но связанный рухнул наземь... захлебнулся воздухом*. В последнем предложении Булгаков переносит качество воды на воздух, и таким образом нам передается тяжелое физическое состояние героя.

Необходимо разграничивать и н д и в и д у а л ь н о - а в т о р с к и е м е т а ф о р ы, которые создаются художниками слова для конкретной речевой ситуации (*Я хочу под синим взглядом слушать чувственную вьюгу*. — Ес.), и я з ы к о в ы е м е т а ф о р ы (*искра чувства, буря страстей* и т.п.). Индивидуально-авторские метафоры очень выразительны, возможности создания их неисчерпаемы, как неограниченны возможности выявления сходства различных признаков сопоставляемых предметов, действий, состояний.

Метафоры, получившие широкое распространение в языке, потускнели, стерлись, их образное значение порой не замечается в речи. Между такой метафорой и переносным значением слова не всегда можно провести четкую границу.

Употребление одной метафоры часто влечет за собой нанизывание новых метафор, связанных по смыслу с первой; в результате этого возникает развернутая метафора. Например, известный английский философ Ф. Бэкон сказал: *Одни книги можно лишь **попробовать**, другие — **проглотить** и, наконец, немногие нужно **разжевать** и **переварить**.*

Врач-физиолог И.П. Павлов с помощью развернутой метафоры показал роль фактов в науке, обращаясь к молодым ученым:

Приучите себя к сдержанности и терпению. Научитесь делать черную работу в науке. Изучайте, сопоставляйте, накапливайте факты. *Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее в высь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» — пустые потуги.* Но, изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Попытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настойчиво ищите законы, ими управляющие.

Олицетворение

Олицетворением называется надделение неодушевленных предметов признаками и свойствами человека: *Звезда с звездой **говорит**; **Спит** земля в сиянье голубом* (Л.); *Первый утренний ветерок без шороха... **пробежал** вдоль дороги* (Ч.). Художники слова сделали олицетворение важнейшим средством образной речи. Олицетворения используются при описании явлений природы, окружающих человека вещей, которые наделяются способностью чувствовать, мыслить, действовать: *Парк качался и **стонал*** (Пауст.); *Весна **бродила** вместе с легким сквозным ветром по коридорам, **дышала** в лицо девичьим своим дыханием* (Пауст.); *Забормотал **спросонок** гром...* (Пауст.).

В иных случаях «оживляются» окружающие нас предметы, как в сцене, описанной М. Булгаковым.

Мargarита ударила по клавишам рояля, и по всей квартире *пронесся первый жалобный вой. Иступленно кричал ни в чем не повинный* беккеровский кабинетный инструмент. *Инструмент выл, гудел, хрипел, звенел...*

Мargarита выплыла в окно, оказалась снаружи окна, размахнулась несильно и молотком ударила в стекло. *Окно всхлинуло*, и по облицованной мрамором стене *побежали вниз осколки.*

Олицетворение — один из наиболее распространенных тропов не только в художественной литературе. Его используют политики (*Россия от шока гайдаровских реформ **лежала в нокауте***); олицетворение часто встречается в научном стиле (*Рентген **показал**, воздух **лечит***), в публицистическом (*Заговорили наши орудия. Начался обычный поединок батарей.* — Тих.). Прием олицетворения оживляет заголовки газетных статей: *«Ледовая дорожка **ждет**», «Солнце **зажигает маяки**», «Матч **принес рекорды**».*

Олицетворение выступает в форме различных тропов, чаще всего это метафоры, например, у Б. Пастернака: *Разлука нас **обоих съест**, /*

Тоска с костями сгложет; Чахнет снег и болен малокровьем; И можно слышать в коридоре, / Что происходит на просторе, / о чем в случайном разговоре / с каплей говорит апрель. / Он знает тысячу историй / Про человеческое горе... Ветви яблоневые и вишневые / Одеваются цветом белесым. Иногда олицетворение угадывается в сравнениях, художественных определениях: В те места босоногою странницей / Пробирается ночь вдоль забора, / И за ней с подоконника тянется / След подслушанного разговора (Паст.); Весной, что внуки малые, / с румяным солнцем-дедушкой / Играют облака... / Из небольших разорванных, / Веселых облачков / Смеется солнце красное, / Как девка из снопов (Н.); Румяной зарю покрывся восток (П.).

Интересны развернутые олицетворения, благодаря которым автор создает целостный образ. Например, Пушкин писал: *Я музу резовую привел / На шум пиров и буйных споров, / Грозы полуночных дозоров; / И к ним в безумные пиры / Она несла свои дары / И, как вакханочка, ревилась, / За чашей пела для гостей, / И молодежь минувших дней / За нею буйно волочилась.* А в «Домике в Коломне» поэт даже шутя обращается к ней: — *Усядьяся, муза: ручки в рукава, / Под лавку ножки! / Не вертись, резушка! / Теперь начнем...* Полное уподобление неживого предмета человеку называется п е р с о н и ф и к а ц и е й (от лат. *persona* — лицо, *facio* — делать). Для иллюстрации этого вида олицетворения приведем (в сокращении) начало сказки-были Андрея Платонова «Неизвестный цветок».

Жил на свете маленький цветок. Он рос один на пустыре. Нечем было ему питаться в камне и в глине; капли дождя, упавшие с неба, сходили по верху земли и не проникали до его корня, а цветок все жил и жил и рос помаленьку выше. Он поднимал листья против ветра; из ветра упали на глину пылинки; и в тех пылинках находилась пища цветку. Чтобы смочить их, цветок всю ночь сторожил росу и собирал ее по каплям...

Днем цветок сторожил ветер, а ночью росу. Он трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть. Он нуждался в жизни и превозмогал терпением свою боль от голода и усталости. Лишь один раз в сутки цветок радовался: когда первый луч утреннего солнца касался его утомленных листьев.

Как видим, персонификация достигается целым рядом олицетворений: *цветок живет, превозмогая голод, боль, усталость, нуждается в жизни и радуется солнцу.* Благодаря такому сочетанию тропов создается живой художественный образ.

В публицистическом стиле персонификация может достигать высокого риторического звучания. Так, в годы Великой Отечественной войны А.Н. Толстой писал в статье «Москве угрожает враг», обращаясь к России:

Родина моя, тебе выпало трудное испытание, но ты выйдешь из него с победой, потому что ты сильна, ты молода, ты добра, добро и красоту ты несешь в своем сердце. Ты вся в надеждах на светлое будущее, его ты строишь своими большими руками, за него умирают твои лучшие сыны.

Риторика выделяет и троп, противоположный олицетворению, — о в е щ е с т в л е н и е, при котором человек наделяется свойствами неживых предметов. Например: *пуленепробиваемый лоб бандита; Сержант ГАИ с лицом, похожим на знак, запрещающий проезд; Откуда ты выкопал этого тупицу? Это же пень, бревно!* (Из газ.). Среди овеществлений много общеязыковых — *дуб, пила, тюфяк, шляпа; здоровье расклеилось.*

Писатели умеют с помощью овеществления достигать яркой выразительности речи: *Сердце его стукнуло и на мгновенье куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нем* (Булг.); *Голова роняет листву, чувствуя приближающуюся осень; Скоро уж и муха на голову без тормозов сядет: голова как поднос, а что сделано в жизни?* (Из журн.). Овеществление часто используется в юмористическом контексте, что можно подтвердить примерами из писем А.П. Чехова: *Из меня водевильные сюжеты прут, как нефть из бакинских недр; Я все сидел дома, ходил за розами... не зная, куда направить стопы свои, и склоняя стрелку сердца моего то к северу, то к югу, как вдруг — трах! Пришла телеграмма.*

Подобно олицетворениям, овеществления принимают формы метафор, сравнений, как видно из приведенных примеров. Напомним еще классические овеществления в форме сравнений Б. Пастернака: *...Когда я на глазах у всех / с тобой, как с деревом побег, / Срослась в своей тоске безмерной... Она была так дорога / Ему чертой любою, / Как морю близки берега / Всей линией прибоя. Как затопляет камыши / Волною после шторма, / Ушли на дно его души / Ее черты и формы.*

В современной стилистике описанный нами троп не выделяется, а случаи использования его рассматриваются в составе метафор, сравнений. Однако риторика придает овеществлению важное значение как тропу, уместному в устной речи ораторов.

Аллегория

А л л е г о р и е й (от греч. *allegoria* — иносказание, из *allos* — иной, *ergon* — действие) называется выражение отвлеченных понятий в конкретных художественных образах. Например, в баснях, сказках глупость, упрямство воплощаются в образе Осли, трусость — в образе Зайца, хитрость — в образе Лисы. Аллегорический смысл могут получать иносказательные выражения: *пришла осень* может означать «наступила старость», *поезд ушел* — «к прошлому нет возврата», *пусть всегда будет солнце* — «пусть неизменным будет счастье» и т.д. Такие аллегории носят общеязыковой характер и встречаются как в письменной, так и в устной речи. В то же время следует отметить, что в книжных стилях сложились свои традиции создания аллегорических образов. Так, *водная стихия* (река, море, океан) символизирует *жизнь*; *пловец*, попавший в шторм, ассоциируется с человеком, преодолевающим препятствия на своем пути. *Утлый челн, гибнущий корабль* знаменуют грозящие герою испытания

и т.д. Аллегии, основанные на этой образной системе, неоднократно обгрызались писателями, политиками, ораторами.

Вспомним «Арион» Пушкина или есенинские строки из его «Письма к женщине»: *Земля — корабль! / Но кто-то вдруг / За новой жизнью, новой славой / В прямую гуцу бурь и выюг / Ее направил величаво...*

Риторика знает немало блистательных примеров аллегорических образов в речах известных ораторов. Так, Робеспьер, замечательный трибун, один из руководителей якобинцев в период Великой французской революции (1793) создал такую аллегию:

Конституционный корабль был построен вовсе не для того, чтобы остаться постоянно в верфи; но следует ли бросить его в море во время бури и навстречу противному ветру. Это то, чего хотели тираны и их рабы, которые сопротивлялись строительству этого корабля, но французский народ повелел вам ждать, когда море успокоится; он выразил единодушное желание, чтобы вы, несмотря на вопли аристократии и сторонников федерализма, сначала освободили бы его от врагов.

Аллегорические сопоставления привлекают и наших современных политиков, журналистов. Вот какую аллегию находим у Максима Соколова:

Народное доверие для политика — что попутный ветер для морехода. Когда он есть — хорошо, когда его нет — надо лавировать, выгрести etc. Если мореход станет двигаться лишь по ветру, не сообразуясь ни с целью похода, ни с лодией, в лучшем случае его плавание будет состоять из ряда хаотических маневров, в худшем — он, повинувшись ветру, проложит курс по суше.

Метонимия

М е т о н и м и е й (от греч. *metonomadzo* — переименовывать) называется перенос названия с одного предмета на другой на основании смежности, внешней или внутренней связи между двумя предметами или явлениями: *Майдан Незалежности победил!* (люди, выразившие свою волю на Площади Независимости в Киеве); *у нас сегодня половина города; Одетый в летнюю серенькую пару* (Ч.).

Возможны самые различные ассоциации по смежности: название места употребляется для обозначения людей, которые там находятся (*Стадион ликует*); название сосуда используется в значении содержимого (*Я по случаю жары... выпил две бутылочки.* — Ч.); имя автора заменяет название его произведения (*Траурный Шопен громыхал у заката.* — Св.); название материала, из которого сделаны предметы, указывает на сами эти изделия (*Фарфор и бронза на столе.* — П.). Интерес представляет метонимия определений. Например, у Пушкина сочетание *перекрахмаленный нахал* характеризует одного из светских гостей. Безусловно, по смыслу определение *перекрахмаленный* может быть отнесено лишь к существительным, называющим какие-то детали туалета модного щеголя, но в образной речи такой перенос названия возможен. В художественной литературе встречаются

примеры подобной метонимии (*Потом приходил коротковатый старичок в изумленных очках.* — Бун.).

Метонимию ценят спортивные комментаторы: *Наши спринтеры завоевали золото; NN пришлось довольствоваться бронзой; Мировую известность фигуристке принес московский лед.*

Политические обозреватели обращаются к иной метонимии: названия столиц они употребляют в значении «правительство страны», «правлящие круги государства» — *Начались переговоры между Лондоном и Вашингтоном; Париж волнуется, Варшава и Москва подписали договор.*

Географические названия обозначают и людей, живущих в данной стране: *Беларусь* синонимично сочетанию «белорусский народ». Например: *Простые люди опасаются, что из-за нарушения этих соглашений Беларусь будет замерзать без российского газа.*

Антономазия

Особый вид метонимии — а н т о н о м а з и я (от греч. *antonomasia* — переименование) — троп, состоящий в употреблении собственного имени в значении нарицательного. Например, фамилия гоголевского персонажа *Хлестаков* получила нарицательное значение — «лгун, хвастун»; гончаровский *Обломов* олицетворяет лень, пассивность; пушкинская *Татьяна* — верность, *Ольга* — легкомыслие и т.д.

Русская классическая литература часто обращалась к антономазии. В прошлом неиссякаемым источником выразительности были имена античных богов и героев. Античные образы особенно широко использовались в русской поэзии периода классицизма и первой половины XIX в. (*Дианы грудь, ланиты Флоры прелестны, милые друзья! Однако ножка Терпсихоры прелестней чем-то для меня.* — П.). Но во второй половине XIX в. эти тропы воспринимались уже как дань уходящей поэтической традиции.

В современном литературном языке образное употребление имен героев античной мифологии возможно лишь в юмористических, сатирических текстах: «*Жрец Мельпомены на казенных харчах*» (заглавие фельетона); «*Гермес приказал долго жить*» (статья о прекращении деятельности финансовой компании «Гермес»); «*Гефест на заработках*» (о коммерческих делах оборонной промышленности).

В разговорной речи еще возможно обращение к античным образам. Так, *Геркулесом* иногда называют сильного мужчину, *Венерой* — красивую женщину. Общеязыковыми тропами стали *донкихот*, *донжуан*, *ловелас* и другие. Часто образное значение придается именам известных литературных героев (*Молчалин*, *Скалозуб*, *Манилов*, *Плюшкин*, *Отелло*, *Квазимодо*). Имена исторических деятелей могут использоваться как выразительное средство в художественной литературе (*Мы все глядим в Наполеоны.* — П.), в журналистике (*Новоявленные гитлеры и геринги хотят вновь изменить мир...*).

В современных газетах можно почерпнуть убедительные доказательства тому, что антономазия используется и в наше время в образной речи.

Рычаги военной и государственной машины США находятся в руках нынешних *морганов, рокфеллеров, меллонов, дюпонов* и им подобных; Если проводить сравнение с русской революцией 1917 года, можно сказать, что к власти в Чечне пришли современные *чапаевы, котовские и щорсы*; Кажется бы, все нормально, а счастья нет — появляются новые *чубайсы*.

Синекдоха

С и н е к д о х а представляет собой разновидность метонимии (от греч. *synekdoche* — соподраживание, соотнесение). Этот троп состоит в замене множественного числа единственным, в употреблении названия части вместо целого, частного вместо общего и наоборот. Например: *На пароходе... не с кем слова сказать, все картузы, сальные, захватанные морды, арестанты, звенящие кандалами...* (Ч.). Классический пример синекдохи приведем из поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин».

На восток, сквозь дым и копоть,
Из одной тюрьмы глухой
По домам идет *Европа*,
Пух перин над ней пургой.
И на *русского солдата*
Брат *француз*, британец *брат*,
Брат поляк и все подряд
С дружкой будто виноватой.

Здесь обобщенное наименование *Европа* употребляется вместо названий европейских народов; единственное число существительных *солдат, брат француз* и других выступает в значении множественного числа. Синекдоха усиливает экспрессию речи и придает ей глубокий обобщающий смысл.

Можно выделить несколько разновидностей этого тропа. Чаще всего используется синекдоха, состоящая в употреблении формы единственного числа вместо множественного, что придает существительным собирательное значение (*Развивается репертуар телевидения, а с ним вместе развивается и телезритель*). Название части предмета может заменять слово, обозначающее весь предмет (*Поэт, задумчивый мечтатель, убит приятельской рукой!* — П.). Наименование отвлеченного понятия нередко употребляется вместо названия конкретного (*Свободная мысль и научная дерзость ломали свои крылья о невежество и косность политического строя*).

Такая синекдоха представлена и в поэзии, вспомним, например, строчки Б. Пастернака.

...И *шествие* обходит двор
 По краю тротуара
 И вносит с улицы в притвор
 Весну, весенний разговор
 И воздух с привкусом проффор
 И вешнего угара.

Речь ораторов украшают иные синекдохи. Так, известный литератор И.Л. Андроников, выступавший с устными рассказами по телевидению в 60—70-е годы прошлого века, любил оживлять свою речь рассмотренными здесь тропами — синекдохой и метонимией. Они придавали его рассказам разговорные черты. Например:

Каким же богатым, каким понятным, простым, каким точным должно быть *слово писателя*. И как обнаруживается на телевидении сама личность его — не умо-зрительный образ *автора*, как у *читателя* книги, а доподлинный, живой, во всей фотографической достоверности, если *автор сам*, без посредников, обращается ко многим миллионам.

Все *возрасты* усаживаются возле телеэкрана.

Все *профессии* внимают слову писателя.

Все уровни восприятий и знаний слушают его слово одновременно. И, несмотря на это, нашему телевидению чуждо стремление к упрощению. С экрана к нам обращаются *лучшие силы литературы*, крупнейшие ученые, видные публицисты. Телевидение пробуждает интерес к знаниям, вкус к постижению сложных вещей. *Телевизор* учит. *Телевизор* раскрывает колоссальные культурные ценности, говорит на всех языках, выступает в качестве эталона литературной речи, связывает между собой наши народы.

Эпитет

Эп и т е т о м (от греч. *epitheton* — приложение) называется образное определение предмета или действия: *Сквозь волнистые туманы пробирается луна, на печальные поляны льет печально свет она* (П.). Большинство эпитетов характеризуют предметы, но есть и такие, которые образно описывают действия. При этом, если действие обозначено отглагольным существительным, эпитет выражен прилагательным (*тяжелое передвижение туч, усыпительный шум дождя*), если же действие названо глаголом, то эпитетом может быть наречие, которое выступает в роли обстоятельства: *Листья были напряженно вытянуты по ветру. Туго ухала земля* (Пауст.).

Самыми яркими эпитетами обычно бывают прилагательные, благодаря присущим им семантическому богатству и разнообразию. Приведем примеры этого тропа из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: *В белом плаще с кровавым подбоем шаркающей кавалерийской походкой... в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат*. Для читателя цвет подбоя на плаще прокуратора ассоциируется с цветом крови, крови осужденных им на смертную казнь, крови, которую он проливает.

Изображая устрашающие картины природы, писатель находит выразительные эпитеты-причастия: ...*Освещался **трепещущим** светом; **напоенной** черной влагой и огнем тучи; вдогонку им уже неслись **бушующие** потоки...*

Иногда высказывается ошибочное мнение, что эпитеты призваны рисовать романтические, возвышенные картины. Это не так, художественные определения могут создавать и отрицательные образы, как у М. Булгакова: ***налитые кровью** чьи-то бычьи глаза; Пилат **мертвыми** глазами поглядел на первосвященника и, **оскалившись**, изобразил улыбку.*

— *Добрый человек?* — *спросил Пилат, и **дьявольский** огонь сверкнул в его глазах.*

Современные юмористы вводят сниженные эпитеты в сатирический контекст: *После чего митрополиту **жмут** руку и целуются с ним **привычно затяжным православным трехкратным коммунистическим** поцелуем (из газ.).*

Ораторы также прибегают к иронии, характеризуя изображаемых персонажей или их действия с помощью негативно оценочных или хвалебных эпитетов, истинное значение которых определить должен слушатель. Так любит привлекать внимание аудитории известный драматург, историк и замечательный рассказчик Э.С. Радзинский. Вот как он описывает Лжедмитрия, образ которого представляется очень противоречивым.

Кто же он был? в русских источниках, в источниках, современных Григорию Отрепьеву, то бишь Лжедмитрию, его будут описывать как *лжеца, хитреца, колдуна, чернокнижника, вора*, то есть — преступника, но нам, если вспомнить наше долгое повествование, то эти эпитеты будут очень странными — для человека, о котором мы рассказываем. Ну хотя бы вот это, в Чудовом монастыре. Ну какой же это *хитрец*, который вдруг объявляет, что быть ему царем на Москве, когда знает и понимает, что донесут? — Это *безумец*, скорее.

Осталось его описание: *некрасив* был, одна рука короче, бородавки на лице, *круглолиц*, глаза — *невыразительные*. Ну как здесь завоевать-то *первую красавицу* Польши, *гордую* Марину, которая *настолько была гордой*, что на коронавание Сигизмунда-короля отказалась прийти? Завоевал, потому что от него исходило, исходило вот это... Что — «это»? *То, что они напишут: уверенность*, что он — Дмитрий! у него была, вот у этого некрасивого человека, как пишут польские источники, — *царственная осанка*.

Таким интригующим словесным портретом своего героя выступающий смог удержать зрителей у телевизоров, когда демонстрировалась эта передача.

Эпитеты исследуют с разных позиций, предлагая при этом различные их классификации.

Эпитеты можно разделить на общеязыковые (*гробовое молчание, молниеносное решение*), индивидуально-авторские (*холодный ужас, изнеженная небрежность, леденящая вежливость*. — Т.), народнопоэтические (*красна девица, добрый молодец*). Последние называют еще **п о с т о я н н ы м и**.

Сравнение

К тропам относят и с р а в н е н и е — сопоставление одного предмета, события, действия с другим с целью художественного описания первого. *Лед неокрепший на речке студеной, словно как тающий сахар лежит* (Н.); *На заре туман кудлатый, спутав дымы и дымки, в берегах сползал куда-то, как река поверх реки* (Твард.).

Сравнение представляет собой простейшую форму образной речи, потому что почти всякое образное выражение можно свести к сравнению (*золото листьев — листья желтые, как золото; дремлет камыш — камыш недвижим, как будто он дремлет*). В отличие от других тропов сравнение всегда двучленно: в нем называются оба сопоставляемых предмета (явления, качества, действия).

При сопоставлении с другими тропами сравнения выделяются благодаря *структурному разнообразию*. Обычно они выступают в форме сравнительного оборота, присоединяемого с помощью союзов *как, точно, словно, будто, как будто* и др.: *Небеса опускаются наземь, точно занавеса бахрома; Как будто бы железом, обмокнутым в сурьму, Тебя вели нарезом по сердцу моему* (Паст.).

Эти же подчинительные союзы могут присоединять и сравнительные придаточные предложения: *Закружилась листва золотая в розоватой воде на пруду, словно бабочек легкая стая с замираньем летит на звезду* (Ес.).

Часто сравнения имеют форму существительных в творительном падеже: *И воск слезами с ночника на платье капал* (Паст.). Такие сравнения выполняют функцию обстоятельств образа действия. К ним близки сравнения, выраженные формой сравнительной степени прилагательного, наречия: *Он был на голову выше самого высокого из солдат* (Булг.); *Она бежала легче серны молодой* (Бат.). Некоторые сравнения вводятся словами *похож, подобен, напоминает*, выступающими в роли сказуемого: *Кленовый лист напоминает нам янтарь* (Заб.). Иногда сравнение оформляется и как отдельное предложение, начинающееся словом *так* и по смыслу связанное с предыдущими. Такие сравнения часто замыкают развернутые художественные описания, как, например, в «Бахчисарайском фонтане» А.С. Пушкина: *Журчит во мраморе вода и каплет холодными слезами, не умолкая никогда. Так плачет мать во дни печали о сыне, павшем на войне*.

Сравнение может быть выражено в форме риторического вопроса: *О мощный властелин судьбы! Не так ли ты над самой бездной, на высоте удой железной Россию поднял на дыбы?* (П.)

В произведениях устного народного творчества распространены отрицательные сравнения. Из фольклора они перешли в русскую поэзию: *Не ветер, вея с высоты, листов коснулся ночью лунной; моей души коснулась ты — она тревожна, как листья, она, как гусли, многострунна* (А.К.Т.). В отрицательных сравнениях один предмет противопоставляется другому.

Известны и неопределенные сравнения; в них дается высшая оценка описываемого, не получающая, однако, конкретного образного выражения: *Не расскажешь, не опишешь, что за жизнь, когда в бою за чужим огнем услышишь артиллерию свою* (Твард.). К неопределенным сравнениям относится и фольклорный устойчивый оборот *ни в сказке сказать, ни пером описать*.

Сравнения, которые указывают на несколько общих признаков в сопоставляемых предметах, называются р а з в е р н у т ы м и. В развернутое сравнение включаются два параллельных образа, в которых автор находит много общего. Художественный образ, используемый для развернутого сравнения, придает описанию особую убедительность.

Возникновение замысла, пожалуй, лучше всего объяснить путем сравнения <...> Замысел — это молния. Много дней накапливается над землей электричество. Когда атмосфера насыщена им до предела, белые кучевые облака превращаются в грозные грозные тучи и в них из густого электрического настоя рождается первая искра — молния.

Почти тотчас же вслед за молнией на землю обрушивается ливень.

<...> Для появления замысла, как и для появления молнии, нужен чаще всего ничтожный толчок...

Если молния — замысел, то ливень — это воплощение замысла. Это стройные потоки образов и слов. Это книга (Пауст).

К развернутому сравнению прибегнул А.И. Солженицын в своей «Нобелевской лекции».

Как тот дикарь, подобравший странный выброс ли океана? захоронок песков? или с неба упавший непонятный предмет? — замысловатый в изгибах, отблескивающий — то смутно, то ярким ударом луча, — вертит его так и сяк, вертит, ищет, как приспособить к делу, ищет ему доступной низшей службы, никак не догадываясь о высшей.

Так и мы, держа в руках Искусство, самоуверенно почитаем себя хозяевами его, смело его направляем, обновляем, реформируем, манифестируем, продаем за деньги, угождаем сильным, обращаем то для развлечения — до эстрадных песенок и ночного бара, то — затычкой или палкою, как схватишь, для политических мимобежных нужд, для ограниченных социальных. А Искусство — не оскверняется нашими попытками, не теряет на том своего происхождения, всякий раз и во всяком употреблении уделая нам часть своего тайного внутреннего света.

В развернутом сравнении, как это видно из приведенного примера, у оратора есть возможность употребить и другие тропы — эпитеты, метафоры; усилить эмоциональность речи с помощью риторических фигур.

На развернутое сравнение похожа п а р а д и г м а, ее отличие состоит в том, что оратор не предупреждает слушателей, что он прибегнет к сравнению, а просто описывает конкретный эпизод, с которым хочет сравнить изображаемую ситуацию. К такой форме образной речи обратился Г. Бакланов в своем выступлении.

Если мы не потеряем волю, если мы не потеряем доверия народа, мы одолеем. В Австралии, когда задают тест будущему кандидату в пилоты, есть такой вопрос: вы летите в двухместном самолете. Представьте, что со второго сиденья выпала ан-

глийская королева. Ваши действия. Некоторые говорят — застрелиться или кинуться к ней и поймать в воздухе. Правильным считается ответ — выровнять самолет после потери лишнего груза и продолжать полет.

Так вот, в ходе перестройки нам не раз придется выравнивать самолет после потери лишнего груза и продолжать полет.

Гипербола

Г и п е р б о л о й (от греч. *hyperbole* — преувеличение, излишек) называется образное выражение, состоящее в преувеличении размеров, силы, красоты, значения описываемого:

Мело, мело *по всей земле*
Во все пределы...

Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрестка до угла,
И до рассвета и тепла
Еще тысячелетье.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси...

(Паст.)

Гипербола может выражаться языковыми единицами различных уровней: словом (*миллион мелочей*); словосочетанием (*вознестись до небес*); предложением (*Мою любовь, широкую, как море, вместить не могут жизни берега.* — А.К.Т.). Гипербола налагается на эпитеты, сравнения, метафоры, придающие образу черты грандиозности. В соответствии с этим выделяются гиперболические эпитеты: *Одни дома длиною до звезд, другие — длиной до луны; до небес бабабы* (Маяк.); *Пароход в стоярусных огнях* (Луг.); гиперболические сравнения: *Мужик с брюхом, похожим на тот исполинский самовар, в котором варится сбить для всего прозябнувшего рынка* (Г.); гиперболические метафоры: *Свежий ветер избранных пьятил, с ног сбивал, из мертвых воскрешал, потому что, если не любил, — значит, и не жил, и не дышал!* (Выс.)

Как и другие тропы, гиперболы бывают общеязыковыми и индивидуально-авторскими. К общеязыковым относятся гиперболы *ожидать целую вечность, задушить в объятиях, море слез, любить до безумия* и т.п.

Литота

Л и т о т о й (от греч. *litotes* — простота) называется образное выражение, преуменьшающее размеры, силу, значение описываемого: *Ваш ипиц, прелестный ипиц, не более наперстка* (Гр.). Литоту называют еще **о б р а т н о й г и п е р б о л о й**, в античной риторике для нее был специальный термин — **м е й о з и с**.

В разговорной речи мы часто прибегаем к этому тропу, используя языковые литоты: *девочка-дюймовочка, мальчик-с-пальчик, осиная та-*

лия, от горшка два вершка, море по колено, капля в море, рукой подать, выпить глоток воды и т.п. Эти тропы включаются в эмоционально-экспрессивные средства фразеологии. В художественной речи литота выступает чаще всего в форме сравнения: *Как былинку, ветер молодца качает* (Кольц.).

Гипербола и литота имеют общую основу — отклонение от объективной количественной оценки предмета, явления, качества, поэтому могут в речи совмещаться: *Андерсен знал, что можно до боли в сердце любить каждое слово женщины, каждую ее потерянную ресницу, каждую пылинку на ее платье. Он понимал это. Он думал, что такую любовь, если он даст ей разгореться, не вместит сердце* (Пауст.).

Ирония

И р о н и я (от греч. *eironeia* — притворство, насмешка) — троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле, обратном буквальному. Например, увидев огромный особняк, вы удивленно восклицаете: *Вот так домик!* о трусе скажете: *Герой!*

Вспомним строчки из «Руслана и Людмилы» Пушкина: *А голова ему вослед, как сумасшедшая, хохочет, гремит: «Ай, витязь, ай, герой! Куда ты? Тише, тише, стой!»* Журналисты заключают в кавычки слова, выражающие иронию: *Нервнопсихические расстройства преследуют практически каждого, кто выполнял «интернациональный долг» в Афганистане* (из газ.).

В постсоветской журналистике многие «высокие» слова и пропагандистская лексика подаются в ироническом плане — *развитой социализм, социализм с человеческим лицом, светлое будущее* и т.п. Например: *Вот уже десять лет, как мы должны были жить при коммунизме (если бы выполнили решения XXII съезда КПСС и положения III Программы партии). Ну да ладно, зато 17 лет прожили при брежневском «развитом социализме»¹.*

Как видно из примеров, ирония придает публицистической речи остро сатирическое звучание.

В выступлениях ораторов ирония может быть действенным средством убеждения слушателей в справедливости выдвигаемых суждений. Так, известный адвокат Ф.Н. Плевако, обладавший замечательным даром речи, прибегнул к иронии, защищая в суде бедную старушку, которую обвиняли в краже жестяного чайника. Защитник сказал:

Много бед и испытаний пришлось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Дванадцать языков обрушилось на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. *Но теперь, теперь... старушка украла старый чайник ценою в пятьдесят копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно.*

¹ Смена. 1989. 29 декабря.

Это ироническое замечание произвело такое впечатление на судей и присяжных заседателей, что старушка была оправдана.

Высшая степень иронии, злая насмешка реализуется в с а р к а з м е. Например, в самые тяжелые годы посткоммунистического режима в России, когда в магазинах нельзя было ничего купить и в некоторых регионах люди замерзали в своих домах из-за отсутствия отопления, появились расхожие «шутки»: *Вот и достигли наконец зияющих вершин!*; *Вот он, коммунизм с человеческим лицом!* Пронизаны сарказмом и высказывания журналистов: *Необходима срочная организация таможен и застав на границах с особо дружественными странами СНГ*; *Известный функционер героически погиб в очереди пенсионеров за льготами для ветеранов*; *Предприниматель получил три ранения: два, к счастью, легких, а третье — предупредительный выстрел в голову.*

К рассмотренному тропу близка и похвала в форме порицания, например:

— *Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!* — воскликнул поэт, написав трагедию «Борис Годунов».

В разговорной речи такие а с т е и з м ы встречаются часто: *Вот дурак!* *Разве можно такие деньги выбрасывать на цветы?!*; *Он, подлец, достиг вершин мастерства в своем деле!* и т.д.

Подобные тропы не могут быть использованы в ораторской речи, этому препятствует грубое звучание слов, употребляемых в качестве похвалы. А ирония способна украсить и усилить речь оратора. Примером может быть отрывок из выступления на суде адвоката П.А. Александрова, успешно защитившего террористку Веру Засулич, которую заседатели оправдали — настолько убедительно говорил защитник, иронизируя по поводу несовершенства законодательства:

Быть может, законник нашелся бы в этих недоумениях, подведя приличную статью закона, прямо оправдывающую случай с Боголюбовым: у нас ли не найти статьи закона, коли нужно ее найти? Быть может, опытный блюститель порядка доказал бы, что иначе поступить, как было поступлено с Боголюбовым, и невозможно, что иначе и порядка существовать не может. Быть может, не блюститель порядка, а просто практический человек сказал бы, с полной уверенностью в разумности своего совета: «Бросьте вы, Вера Ивановна, это самое дело: не вас ведь выпороли».

Перифраза

П е р и ф р а з о й (от греч. *periphrasis* — пересказ) называется описательный оборот, употребляемый вместо какого-либо слова или словосочетания: *Не раз сгорая дотла и восставая из пепла, Москва, — даже оставшись после Петра Великого «порфиросной вдовой», — не утратила своего значения, она продолжала быть сердцем русской национальности, сокровищницей русского языка и искусства, источником просвещения и свободомыслия даже в самые мрачные времена (А.Т.).*

Не все перифразы носят метафорический характер, есть и такие, в которых сохраняется прямое значение образующих их слов: *город на Неве, нюхательная часть тела* (нос) (Г.). Необразные перифразы представляют собой лишь переименования предметов, качеств, действий. Сравните: *солнце русской поэзии — автор «Евгения Онегина»*.

Перифразы могут быть о б щ е я з ы к о в ы м и и н д и в и д у а л ь н о - а в т о р с к и м и. Общеязыковые перифразы получают устойчивый характер, фразеологизируются или находятся на пути к фразеологизации (*наши меньшие братья, зеленый друг, страна голубых озер*). Еще более выразительны индивидуально-авторские перифразы: *Улыбкой ясною природа / Сквозь сон встречает утро года; Слыхали ль вы за роцей глас ночной певца любви, певца своей печали* (П.); *Приветствую тебя, пустынный уголок, приют спокойствия, трудов и вдохновенья* (П.). В образных перифразах часто употребляются метафоры, эпитеты, оценочная лексика. Они могут придавать речи самые различные экспрессивные оттенки — от высокой патетики: *Беги, сокройся от очей, Цитеры слабая царица! Где ты, где ты, гроза царей, свободы гордая певица?* (П.) — до непринужденного, иронического звучания: *Меж тем, как сельские циклопы перед медлительным огнем российским лечат молотком изделие легкое Европы, благословляя колеи и рвы отеческой земли...*(П.)

Высокими перифразами украшали речь знаменитые ораторы. Так, Робеспьер произнес в Конвенте пламенную речь в защиту республики, восхваляя перифразой французский народ: *у республики не оставалось другого средства, кроме усилий народа — просвещенного друга свободы, — который своим восстанием сумел подавить все заговоры аристократии*.

Перифраза *просвещенный друг свободы* дана в форме приложения к слову «народ» и изображает народ с выгодной для оратора стороны. Народ — не просто друг свободы, но е е п р о с в е щ е н н ы й друг.

В перифразах выделяется один какой-то признак, а все другие как бы затушевываются, поэтому перифразы дают возможность автору обратить внимание на те черты изображаемых предметов и явлений, которые для него особенно важны в художественном отношении (*Последнее, о чем следует не говорить, а просто кричать, — это о безобразном обращении с Окой — чудесной, второй после Волги нашей русской рекой, колыбелью нашей культуры, родиной многих великих людей, именами которых гордится с полным правом весь наш народ. — Пауст.*).

Однако следует иметь в виду, что с помощью перифраз можно дать не только положительную, но и отрицательную оценку предмету, явлению. Сравните: *серые душегубы* — санитары леса; *покорение природы* — грубое вмешательство в экологию; *белая смерть* — незаменимые продукты сахар, соль и т.д. Странники строительства АЭС не назовут его *потенциальным Чернобылем*, а предпочтут перифразу *мирный атом*.

ЗАПОМИНАНИЕ (МЕМОРИО)

Память — сложный психический процесс

Древние придавали огромное значение памяти, посвятив ей специальный канон. Опишем его в нашем пособии, сохраняя традиционный термин м е м о р и о, что в переводе означает «запоминание».

Меморио — один из важнейших этапов подготовки оратора к произнесению речи. Квинтилиан считал, что красноречие не будет иметь настоящей силы, если оратор не разовьет свою память. С этим нельзя не согласиться.

Современные исследователи называют памятью «запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидом его опыта»¹. Важно, что память позволяет человеку накапливать, сохранять и умело использовать жизненный опыт. Память — сложный психический процесс. Он состоит из нескольких частных процессов, связанных друг с другом.

Оратору необходимо иметь представление о видах памяти, знать о том, какой вид памяти преобладает у него самого и какие факторы способствуют прочному запоминанию материала. Отдельные виды памяти выделяются в соответствии с тремя основными критериями:

1) по характеру психической активности, преобладающей в деятельности, память делят на двигательную, эмоциональную, образную и словесно-логическую;

2) по характеру целей деятельности — на произвольную и произвольную;

3) по продолжительности закрепления и сохранения материала выделяют кратковременную, долговременную и оперативную память.

Д в и г а т е л ь н а я п а м я т ь связана с запоминанием, сохранением и воспроизведением различных движений и их систем. Встречается немало людей с явно выраженным преобладанием этого вида памяти. Человек, обладающий двигательной памятью, может порой с закрытыми глазами пройти по коридору, напоминающему лабиринт, но совершенно не в состоянии запомнить мелодии самых популярных песен. Иногда люди вовсе не замечают у себя двигательной памяти, но в повседневной жизни она имеет огромное значение. Эта память является основой для формирования практических, трудовых навыков, а также навыков ходьбы, письма и других действий. Физическая ловкость человека, трудовая сноровка являются показателями хорошей двигательной памяти. Несомненно, что свидетельством такой памяти является спортивное мастерство гимнастов, фигуристов и т.д.

¹ Общая психология / под ред. А.В. Петровского. М., 1986. С. 291.

Эмоциональная память — это память на чувства. Эмоции своеобразно сигнализируют о наших интересах и потребностях, о наших отношениях с людьми. В жизни каждого человека эмоциональная память имеет огромное значение. Психологи настоятельно советуют, чтобы мы учились управлять своими эмоциями. Чувства, пережитые и сохраненные в памяти, либо побуждают нас к действию, либо удерживают от действий, которые вызвали в прошлом отрицательные переживания. Благодаря эмоциональной памяти человек способен быть милосердным, готов сопереживать героям книг и фильмов. «Раз вы способны бледнеть, краснеть при одном воспоминании об испытанном, раз вы боитесь думать о давно пережитом несчастье, — у вас есть память на чувствования, или эмоциональная память», — писал К.С. Станиславский¹.

Эмоциональная память часто оказывается сильнее других видов памяти. О влиянии эмоций на запоминание написаны фундаментальные труды и методические брошюры с рекомендациями. Авторы их утверждают: чем эмоциональнее воспринимается информация, тем выше вероятность сохранения ее в памяти. О влиянии эмоций на память человека писали поэты. К.Н. Батюшков тонко подметил: «О память сердца, ты сильнее / Рассудка памяти печальной!». У А.С. Пушкина это отражено в знаменитом стихотворении «Я помню чудное мгновенье...».

Образная память определяется как память на представления, на картины природы и жизни, а также на звуки, запахи, вкусы. Она бывает зрительной, слуховой, осязательной, обонятельной, вкусовой. Особенно развита образная память у людей творческих профессий. Часто у писателей и художников стимулами для эмоциональных воспоминаний служат осязаемые образы с их цветом и запахом, с их звуками и вкусом. Эти образы вызывают отклик в памяти чувств. В этом случае активно действуют и образная память, и память эмоциональная, и мысль художника. Мысль, как правило, пробуждает воображение и фантазию. Как не вспомнить в связи с этим яркий литературный пример! Однажды летом (это было 18 июля 1896 г.) Л.Н. Толстой возвращался домой полями и увидел сломанный куст репея. В тот же день в дневнике Толстого появилась краткая запись: «Напомнил Хаджи-Мурата. Хочется написать».

Разновидностью образной памяти является эйдетическая. Эйдос — по-гречески «образ». Эйдетические, или наглядные, образы памяти, возникают в результате возбуждения органов чувств внешними раздражителями. Человек, наделенный такой памятью, способен «видеть» отсутствующий предмет до мельчайших подробностей. При этом

¹ Станиславский К.С. Работа над собой в творческом процессе переживания // Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М., 1954. С. 217.

он переводит взгляд «с детали на деталь», как это можно сделать при обычном восприятии. Экспериментальные исследования психологов показали, что человек, обладающий эйдетической памятью, может запоминать целые страницы текста, вспоминать любой день своей жизни, быстро осваивать иностранные языки.

Содержание словесно-логической памяти составляют наши мысли. В чем особенность этой памяти? Словесно-логическая память — специфически человеческая память в отличие от двигательной, эмоциональной и образной, которые в простейших формах свойственны и животным. От развития словесно-логической памяти зависит развитие всех других видов памяти, именно ей принадлежит основная роль в усвоении знаний учащимися.

По характеру целей запоминания различают два основных вида памяти: непроизвольную и произвольную. Непроизвольное — запоминание без заранее поставленной цели, без использования каких-либо приемов. Непроизвольно запоминается многое из того, с чем человек встречается в жизни: окружающие предметы, события повседневной жизни, поступки людей, содержание кинофильмов, книг. Лучше всего запоминается то, что имеет очень важное значение для человека, все, что связано с его интересами и потребностями.

Произвольное (преднамеренное) запоминание характеризуется тем, что человек ставит перед собой определенную цель — запомнить то, что намечено. При этом используются специальные приемы запоминания. Для школьников, студентов произвольное запоминание часто принимает форму заучивания. Например, стихи, определения, законы, исторические даты требуют многократного повторения до полного и безошибочного их запоминания. В психологии специальная деятельность, направленная на запоминание и воспроизведение материала, называется *мнемической деятельностью*. В этой «деятельности перед человеком ставится задача избирательно запомнить предложенный материал. Она всегда носит избирательный характер и свойственна только человеку»¹.

По продолжительности сохранения материала выделяют память кратковременную и долговременную. Для кратковременной памяти характерно очень краткое сохранение получаемой информации, да и само запоминание требует определенных волевых усилий. Эта память проявляется в том случае, когда человека просят прочитать слова и предоставляют для их запоминания не более одной минуты. Вслед за этим следует немедленно воспроизвести то, что запомнилось. Естественно, что количество запоминаемых слов зависит от объема кратковременной памяти, а он всегда индивидуален. Объем данной памяти не только характеризует память человека, но

¹ *Рогов Е. И.* Общая психология: курс лекций для первой ступени педагогич. Образования. М., 2006. С. 249.

и позволяет удерживать информацию без использования специальных мнемических приемов.

В жизни каждого из нас кратковременная память играет огромную роль. Благодаря ей обрабатывается значительный поток информации, отсеивается ненужный материал и остается необходимый, потенциально полезный. Таким образом, освобождается от перегрузок долговременная память. Кратковременная память служит для организации мышления, и в этом качестве она похожа на оперативную память, которая обозначает «мнемические процессы, обслуживающие непосредственно осуществляемые человеком актуальные действия, операции»¹. Так, всякое сложное действие, например математическое, мы осуществляем по частям. При этом удерживаются «в уме» отдельные промежуточные результаты до тех пор, пока мы имеем с ними дело. Конкретный «отработанный» материал может забываться в процессе продвижения к конечному результату. Аналогичное явление мы наблюдаем при чтении, списывании, при выполнении любого более или менее сложного действия. Части материала, которыми оперирует человек, могут быть различными (например, ребенок учится читать со складывания отдельных букв). Объем этих частей, или оперативных единиц памяти, является решающим для успешного выполнения той или иной деятельности.

Для долговременной памяти характерно длительное сохранение материала после многократного его повторения и воспроизведения. Кратковременная память является тем пропускником, минуя который информация не может проникнуть в долговременную память. Эти виды памяти представляют собой две стадии единого процесса.

Что же способствует осмысленному и прочному запоминанию? Важнейшее условие успешного запоминания текста — понимание. Оно приходит только в процессе размышления, когда человек старается в тексте найти смысл. Понятое запоминается прочнее, так как оно ассоциируется с усвоенными ранее знаниями, с прошлым опытом человека.

Один из важнейших приемов логического запоминания — составление плана. В материале надо выделить составные части, придумать заголовки для них, связать части по их заглавиям или опорным пунктам в единую цепь ассоциаций. Полезным приемом осмысления материала является сравнение, оно помогает находить сходства и различия между предметами, явлениями, событиями. Знакомство с новым материалом всегда идет в сопоставлении с уже известным, тем самым новый материал включается в систему знаний. При этом особенно важно подчеркивать различия в объектах; это помогает избежать только общих, слишком широких связей между предметами, которые сопоставляются. Продуктивность запоминания повышает и интерес к материалу. Следует почаще оценивать

¹ Маклаков А.Г. Общая психология: учеб. для вузов. СПб., 2005. С. 261.

то, что дает полученная информация. Если человек убежден, что эта информация принесет ему пользу, то читать текст будет интереснее, а следовательно, он лучше запомнится.

Эффективность запоминания во многом зависит от повторения. Оно должно быть активным и разнообразным. При подготовке речи полезно придумать примеры, составить таблицу, начертить схему. Успеху запоминания способствует с а м о к о н т р о л ь. На всех этапах усвоения важно воспроизводить материал. Это помогает установить, что мы запомнили, какие ошибки допустили при воспроизведении.

Важным условием успешного запоминания является с и с т е м а т и з а ц и я м а т е р и а л а. Текст, приведенный в систему, легче запоминается и дольше хранится в памяти. Исследования показали значительное преимущество в запоминании сгруппированного текста перед несгруппированным. Например, рекомендуется распределять предметы по группам в зависимости от цвета, величины и формы и т.п. Это облегчает их запоминание.

Методы запоминания речи

Особое внимание следует обратить на использование в риторике м н е м о т е х н и к и — искусства запоминания. В античности были выработаны такие методы запоминания, которые помогали усилить память. Эти методы называются м н е м о н и ч е с к и м и в честь Мнемозины, греческой богини памяти. Великие ораторы античности пользовались различными методами, чтобы запомнить полный текст своих речей. На приемах мнемотехники следует остановиться подробно.

I. Одним из старейших методов запоминания ораторских речей является *метод loci*, или метод мест (слово *loci* по-латыни означает «место»). Этот метод состоит в том, что необходимая информация размещается в воображаемых местах. Чтобы вспомнить фрагмент речи, необходимо вспоминать место, где он «хранится».

В книге «Оратор» Цицерон описывает этот метод в рассказе о Симониде Кеосском. Греческого поэта Симонида пригласили на пир к богатому человеку. Когда поэт прочитал свою лирическую поэму, восхваляющую некоторых римлян благородного происхождения, его зачем-то позвали наружу. В то время как он вышел, кровля здания неожиданно обрушилась. Погибли все люди, находившиеся на банкете. Друзья, родственники не могли отличить изувеченные тела одно от другого. Симонид пришел на руины и смог опознать погибших, потому что помнил, где они располагались во время пира. Это трагическое событие привело поэта к открытию данного способа запоминания. Так древние поняли, что можно запомнить любой предмет, если мысленно ассоциировать его с определенным местом. Греческие и римские ораторы использовали метод мест как мнемонический прием. Ораторское искусство требовало обширного

запоминания, так как выступление перед публикой исключало чтение письменных заметок. Цицерон, Квинтилиан и другие риторы древности советовали запомнить место, где хранится информация.

Запоминать публичные выступления удобно, если записать основные положения выступления, затем выбрать хорошо знакомое вам здание (лучше всего свой дом). В этом здании разместим основные части нашего выступления¹. Например, первую часть публичного выступления оставим возле входной двери, вторую часть выступления — в гостиной. Переходим из одной комнаты в другую, и в каждой оставляем по определенной части речи. Дополнительным местом можно считать любой предмет мебели (сервант, полку для книг, кресло и т.д.). В процессе произнесения речи оратор мысленно передвигается по зданию. Возле входной двери его ожидает первая часть публичной речи. Оратор мысленно проходит по комнатам своего дома и «забирает» все, что там хранится.

Метод мест помогает запомнить важные части речи или доклада, а также перечни предметов, разные подробности и также имена и действия людей. Эффективность этого метода в том, что значимые и памятные нам места являются п о д с к а з к а м и для оратора. Эти места следуют друг за другом и расположены в том порядке, который нам хорошо известен. И словно по цепочке одно воспоминание легко переходит в другое.

Известно, что этот метод широко использовался примерно с 500 г. до н.э. до 1600-х годов н.э. Конечно, мнемотехника основана на ассоциациях. Современный оратор может усовершенствовать этот метод, добавляя различные места. Например, городской парк, улицы родного города, фруктовый сад могут стать объектом внимания. Главное, чтобы эта территория была хорошо изучена и чтобы одно место отличалось от другого. Каждое место должно быть памятным и индивидуально неповторимым. Нам важно, чтобы запоминаемый предмет надежно связывался с местом его «хранения».

II. Другим мнемоническим приемом, позволяющим успешно работать над запоминанием речей и докладов, является *метод ключевых слов*. Он основан на том, что следует находить в каждой фразе ключевые, или опорные, слова, которые помогают быстро вспомнить целиком всю фразу. Ключевое слово дает оратору своеобразный мыслительный импульс, и это побуждает его раскрыть мысль. Поясним это на примере. *Хорошая память является надежным ключом к успеху на любом профессиональном поприще*. Ключевые слова в этом предложении — п а м я т ь, у с п е х. Эти слова являются каркасом, вокруг которого группируются остальные слова. В каждом абзаце текста также можно выделить ключевую фразу, что позволяет легко вспомнить один раз прочитанный абзац. Вот пример:

¹ Методы мнемотехники описаны в кн.: *Солсо Р.* Когнитивная психология. СПб., 2002. С. 226.

Для прочного запоминания иностранных слов лучше всего работать на отдельных карточках. На одной стороне карточки напишите слово, а его перевод на другой. Рекомендуется работать не более чем с семью карточками одновременно.

Нетрудно догадаться, что ключевые слова в этом абзаце: *иностран- ные слова, отдельные карточки*. Ключевые слова цементируют смысл высказывания, в совокупности они образуют стройную логическую последовательность, своего рода рассказ в рассказе. Его можно назвать внутренним или свернутым рассказом, который нужно хорошо запомнить. Задача оратора — вспомнить и развернуть предложенный материал (речь, доклад).

При работе по методу ключевых слов следует придерживаться следующих рекомендаций.

1. Внимательно прочитайте текст, выделите в нем логически связанные разделы (т.е. систематизируйте содержание текста по разделам).

2. В каждом разделе выберите главное, опорное слово, к нему присоедините ключевые слова тех фраз, которые предстоит запомнить.

3. После того как выстроится логическая цепочка из ключевых слов и фраз, ее надо немедленно проверить на прочность запоминания. В случае необходимости можно сверяться с написанным текстом речи для автокорректировки. Отработка связей продолжается до тех пор, пока оратор не обретет уверенность в своих силах. Психологи считают, что повторение материала пять-шесть раз подряд позволяет прочно удержать слова в памяти. На этом этапе повторения и закрепления создается прочная связь между ключевыми словами и материалом, который должен «вытягиваться» вслед за ними.

4. На следующем этапе подготовки ораторской речи необходимо уже письменно составить всю последовательность ключевых слов с той целью, чтобы осмыслить и уточнить их внутреннюю взаимосвязь. Важно определить и усвоить, как взаимосвязаны каждые соседние ключевые слова. Присоединять, наращивать взаимосвязи ключевых слов и ключевых фраз следует до тех пор, пока не охвачен весь текст речи. При повторе для обработки текста можно использовать как отдельные взаимосвязи, так и всю их цепочку. Цель оправдывает усилия: оратор должен твердо помнить текст речи. Логическую последовательность ключевых слов следует повторить, осмыслить и выучить.

5. К каждому ключевому слову нужно сформулировать вопрос. Умение ставить вопросы всегда ценилось в риторике. Вопрос следует задавать так, чтобы он связывал это слово с соответствующим разделом, фразой. Желательно стремиться к тому, чтобы речь была развернутой (в полном объеме), затем изложить ее в свернутом виде с опорой на ключевые слова.

6. В целях закрепления материала весь текст нужно повторить от начала до конца. Можно отдохнуть, совершить прогулку, послушать музыку (желательно классическую, поскольку она развивает интеллектуальный потенциал), а через пять-шесть часов следует вернуть-

ся к работе с ключевыми словами: восстановить в памяти цепочку ключевых слов, создать с ее помощью весь текст и пересказать его. На следующем этапе для убедительности можно повторить весь этот цикл. Метод ключевых слов требует энергичной и настойчивой работы. Зато и действует он безотказно: риторы достаточно держать в памяти цепочку взаимосвязанных ключевых слов, чтобы текст речи «вытягивался» вслед за ними. Этот метод эффективен и надежен.

Профессиональная практика, исследования ученых показали, что использование метода ключевых слов помогает без особого труда запомнить множество иностранных слов. Нужно только включить свое воображение, использовать метод визуализации — и тогда можно успешно расширять свой словарный запас. В исследованиях Аткинсона и Рофа была доказана эффективность данного метода при обучении второму языку. В качестве ключевого предлагалось английское слово, напоминавшее по звучанию какую-нибудь часть иностранного слова. В эксперименте испытуемым предлагалось заучить 120 русских слов в течение трех дней. Следовательно, 40 слов за один день. Русские слова, предварительно записанные, предъявлялись через наушники. При этом ключевое слово и английский перевод предъявлялись зрительно. Каждый день давалось три урока. Как думаете, где успехи оказались весомее? Испытуемые экспериментальной группы, используя метод ключевых слов, за два урока выучили больше, чем испытуемые контрольной группы за три занятия. В цифрах и выводах это выглядит так: «через шесть недель вероятность верного воспроизведения в экспериментальной группе составляла 0,43, а в контрольной группе только 0,28»¹.

Исследователи также убедились в том, что лучше предлагать готовые ключевые слова, чем предоставлять выделять их испытуемым. Конечно, при использовании мнемонических приемов исключительно велика роль образов.

К апробированным мнемоническим приемам можно отнести прием мысленных картинок. Доказано, что любую информацию можно перевести в кодирующую ее схематическую картинку. Широко применяется этот прием составителями схем в школьных учебниках. Достаточно вспомнить, например, картинку из учебника истории средних веков. Весьма рельефно на зеленой обложке изображена феодальная лестница, на каждой ступеньке которой расположились феодалы согласно «табели о рангах», т.е. статус определял значимость и соответственно «планку» расположения на ступенчатой лестнице. Для студентов-экономистов полный курс мировой экономики изложен в форме структурно-логических схем и таблиц. В современном учебнике представлены основы, условия, факторы формирования и проблемы мирового экономического развития после Второй

¹ Психология памяти / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. М., 2000. С. 703.

мировой войны¹. Несомненно, что использование элементов наглядно-графического характера позволит студентам лучше понять и усвоить основные теоретические концепции мировой экономики, а также быстро и эффективно повторить пройденные темы при подготовке к экзамену.

Схемы и таблицы могут быть выполнены в нетрадиционном плане. Одни из них имеют форму равнобедренного треугольника (например, «Эволюция свободных экономических зон»); другие — эллипсообразные формы и одновременно плакатные очертания (такова таблица «Формы экономической взаимозависимости, влияющие на глобальную продовольственную программу»). Надо заметить, что разноцветные гистограммы, таблицы в виде телеэкранов, многоугольных звезд, развернутых страниц книги и ряд стандартных таблиц с рельефно выделенным шрифтом не только украшают учебное пособие, но и создают повышенный интерес к нему. Кроме того, каждый раздел снабжен миниатюрными картинками, изображающими карту земного шара, экзотические кварталы городов мира, деловых людей, работающих на компьютерах в своих офисах.

Прием мысленных картин становится особенно эффективным, если ритор научится хорошо воображать себе определенные картины. Лучшим способом тренировки является создание и просматривание «мысленных видеофильмов», образно-ассоциативное представление предметов, риторических игр на движущемся экране компьютера. В качестве образца на первоначальном этапе можно использовать телепередачу «Сам себе режиссер», но при этом вовсе не нужно делать упор на создание остро эффектных сценок. Ведь задача ставится иная: развивать воображение, создавать мысленные ассоциации, и тогда память будет работать, как мастерски отлаженный механизм.

III. *Метод четырех ступеней* (четырёхступенчатый метод запоминания и усвоения информации) — один из мнемотехнических методов укрепления памяти. Сущность его в том, что обычное повторение основано на внутреннем и устном проговаривании / пересказе прочитанного. Каждая из четырех ступеней запоминания имеет свои задачи и функции.

Первая стадия называется *основными мыслями*. Это подразумевает быстрое чтение материала (доклада, текста публичного выступления). Оратор нацелен на выделение основных мыслей и их взаимосвязей. После такого чтения следует повторить текст по памяти, включая взаимосвязь.

Вторую стадию можно назвать *внимательное чтение*. Оратор еще раз читает материал своего выступления, но уже более внимательно, отмечает подробности, которые можно и необходимо добавить к основным мыслям. Эти подробности должны усилить

¹ Шкваря Л.В. Мировая экономика в схемах и таблицах. М., 2005. С. 104, 170.

темп, сделать его более убедительным. Затем нужно мысленно все это привязать и разметить. Кроме того, необходимо мысленно повторить всю схему основных мыслей в их взаимосвязи, ввести отмеченные подробности.

Третья стадия представляет собой *о б з о р*. Оратор снова обращается к тексту выступления, но не читает, а просматривает его, причем в обратном направлении, от конца к началу. При этом обратном прохождении материала важно проверить и повторить связь основных мыслей друг с другом и с подробностями. Оратор мысленно задает себе предваряющие вопросы об этих связях, сразу отвечает на них и проверяет ответы. Обратное прохождение материала — один из эффективных способов запоминания.

Четвертая стадия — *д о р а б о т к а*, или *д о в о д к а*, *м а т е р и а л а*. Не заглядывая в текст, оратор по памяти повторяет всю речь. От одной мысли к другой он идет по усвоенной к этому времени схеме. Ему следует вспомнить все подробности, связанные с каждой основной мыслью. На этой заключительной стадии запоминания повторять лучше не образами, а проговаривая про себя. Еще лучше пересказывать вслух, отрывками и большими фрагментами речи, исключая полные предложения.

Возможна различная запоминаемость информации в предложенном методе. Последнюю стадию для страховки удобно разделить на два этапа. На первом мы работаем с текстом речи под руками, после каждого крупного фрагмента делаем остановку, сверяемся с подлинниками, вдумчиво и внимательно отрабатываем материал так, чтобы он предстал логично, последовательно, в стройной композиционной системе. Закончив эту работу, нужно немедленно повторить все, но уже без заглядывания в текст выступления. На втором этапе закрепляем отработанный материал. Чем удобен этот метод? Он допускает проведение стольких повторений всего цикла или любого его этапа, сколько это необходимо. Поэтому не следует огорчаться, если что-то не запомнилось.

IV. Метод оперативного поэтапного освоения материала. При подготовке к публичному выступлению этот метод очень эффективен. Представим себе, что оратору предстоит работа с отдельной главой книги. Выступающему нужно в считанные минуты составить представление о том, каково содержание данной главы. Как оперативно получить нужную информацию? Специалисты советуют сначала прочитать резюме: в нем, как правило, четко формулируются основные мысли рассмотренной главы. Если в аннотации к книге есть описание данной главы, следует обязательно прочитать это описание. Теперь, просматривая сам текст, необходимо особое внимание уделить подзаголовкам, схемам, таблицам, фотографиям и т.д. Такой целенаправленный обзор дает действительно хорошее представление о том, чему посвящена данная глава. После знакомства с резюме более осмысленно читается текст, воспринятый ранее.

Во многих вузовских и школьных учебниках в конце глав помещаются вопросы для повторения. Оратор, готовясь к выступлению, должен воспитать в себе привычку ставить вопросы к прочитанному тексту, а иногда полезно прочитать вопросы, прежде чем приступить к изучению материала. Опыт показывает, что это помогает сосредоточить внимание на ключевых положениях. После каждого прочитанного абзаца тоже рекомендуется задавать себе вопросы. Если заголовки разделов сформулировать в виде вопросов, то это также будет способствовать лучшему запоминанию. Далее полностью читается текст, но при первом чтении не следует что-либо подчеркивать, также не нужно и делать записи, потому что с первого раза трудно бывает выделить основные моменты. Только при повторном чтении предлагается подчеркивать основные мысли, фиксировать их в конспекте.

При закреплении материала не забывайте, что *повторение* — *мать учения*. Метод оперативного поэтапного усвоения текста речи поможет надежно ее запомнить.

Мы живем в век компьютерных технологий, инновационных решений и воистину стремительной экономической интеграции. И неудивительно, что числа «все вокруг заполонили»: нужно держать в памяти номер служебного телефона и страхового полиса, цифровой код паспорта и адрес налоговой службы. Запоминание чисел является трудной задачей для нашей памяти. Цифры — вещь абстрактная, поэтому применение мнемонических приемов вполне оправдано.

Возможно, что номер телефона связан с каким-то важным событием в вашей жизни, сильным впечатлением. Например, вы по телефону получили предложение выступить в роли диктора на съемках документального фильма о вашем городе. Для оратора — это лучшая оценка его профессионализма. В этом случае вы сумеете запомнить этот номер, так как он прочно зафиксирован в долговременной памяти. Но в других случаях рекомендуется прибегнуть к мнемоническим приемам. Так, нужно запомнить номер телефона 2348055. Для лучшего запоминания телефонный номер обычно разбивается на «порции». Чтобы прочно запомнить число из семи цифр, надо записать его так: 234-80-55. Какую ассоциативную цепочку можно подобрать для таких цифр? Педагогу первые три напомним оценки — баллы выстроились по порядку! Число 80 свяжем с такими событиями: Олимпиада в Москве в 1980 г., в том же году смерть Владимира Высоцкого. Две последние цифры — высший балл по пятибалльной системе школьных оценок. «Отлично» — дважды — мы поставим себе за удачно использованные приемы запоминания цифр¹.

¹ Матюгин И.Ю., Жемаева Е.Л., Чакаберия Е.И., Рыбникова И.К. Как развить хорошую память и запоминать цифры. М., 2003. С. 677.

В мире деловых людей высоко ценится память на имена и лица. Зрительная память редко подводит нас. Нам достаточно увидеть человека раз-другой, чтобы запомнить его лицо. Известно, что феноменальной памятью на лица отличались Александр Македонский, Наполеон, которые помнили в лица всех своих воинов. Психологи заявляют, что в этом нет ничего феноменального: секрет объясняется постоянной произвольной тренировкой. Так, почти всех своих учеников помнят в лицо опытные учителя, больных — медицинские сестры. Конечно, они часто не помнят их фамилий, имен, но лица остаются в памяти.

С запоминанием имен дела обстоят значительно хуже: ведь имена людей случайны и как бы лишены логического смысла: любого человека могут звать как Петром, так и Сергеем. Поэтому необходимо находить способы, которые помогли бы ассоциировать имена людей с их лицами. Представьте себе, что на деловом приеме вас знакомят с техническим директором акционерного общества. Вам предстоит работать под его руководством. Мысленно произнесите это имя несколько раз подряд. Хорошо бы связать это имя с какой-либо особой приметой лица. Этот зрительный метод помогает вспомнить имя почти любого человека¹.

Сама методика запоминания имени и лица включает в себя три этапа. На первом необходимо связать имя с чем-то значимым. Если фамилия человека Глазьев, можно представить глаза этого человека. Второй шаг к запоминанию требует выделить какую-то примечательную деталь лица ваших собеседников (крупный нос или высокий лоб) — и вы запомните их фамилии: Носов, Лобов. На третьем этапе важно создать зримую ассоциацию между именем и обликом человека. Например, вас познакомили с Русановым, а у него курчавые русые волосы. Достаточно будет представить себе его пышную шевелюру, чтобы запомнить фамилию нового знакомого. Если фамилия у вашего собеседника более редкая (например, Рошин), можно придумать обобщенный зримый образ: *Отговорила роща золотая березовым веселым языком...* Но как быть, если фамилия нашего собеседника Зеедорф? Обратите внимание на то, как эта фамилия произносится, а затем образуйте словосочетание: в переводе с немецкого языка Зеедорф обозначает: *деревня у озера*. Легко представить себе село, озеро у дороги... (Правда, надо знать немецкий язык.)

В чем преимущество этой трехступенчатой системы? Ритор учится мысленно придавать имени определенное значение. Практически любое имя можно «преобразовать» в яркий образ. Чтобы запомнить имя, или, говоря языком психологии, «эффективно закодировать информацию», надо прежде всего сосредоточиться на этой информации. Однако имейте в виду, что и лучшие мнемонические приемы не помогут, если пренебрегать вниманием.

¹ Таркингстон К. Новый самоучитель по развитию памяти. М., 2003. С. 119.

Вербальная техника запоминания имени человека вначале может опираться на литературные ассоциации. Нам достаточно назвать фамилии героев Гоголя, Тургенева, Чехова, Толстого, чтобы сразу увидеть за именем характер. Принцип словесного запоминания имени человека требует сконцентрированного внимания. Психологи советуют вначале зафиксировать (удержать) для себя *имя* человека. Затем его нужно *повторить* для себя несколько раз подряд (шепотом или вслух). Писатели любят *комментировать* имена — мы можем создавать звуковую или семантическую ассоциацию. Для закрепления надо воспользоваться этим именем, громко *произнести* его.

Конечно, память на имена может быть избирательной. Например, для литераторов имена и отчества людей ассоциируются с писателями, для историков — с царями и государственными деятелями, но в любом случае мы очень часто забываем имена людей, хотя хорошо помним названия предметов.

Если человек не знает правильного порядка цветов спектра, то едва ли он сумеет даже после двух-трех прослушиваний повторить следующие семь слов в строго определенной последовательности: *красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый*. Однако достаточно произнести мнемоническую фразу, соединив первые буквы слов, чтобы безошибочно назвать все цвета радуги: «Каждый охотник желает знать, где сидят фазаны». Как видите, мнемотехника надежно служит нам, это совсем не забава, а помощь ротору в его интеллектуальной деятельности.

Типы памяти

Оратор должен знать, какой тип памяти у него преобладает. Известны три ведущих типа памяти, свойственные человеку.

1. *Визуальный* тип. Он отличается тем, что вся вспоминаемая информация представляется вам в виде ярких картин, зрительных образов. Выступая, вы часто говорите: «Вот посмотрите...», «Давайте представим себе...» и т.п.

2. *Аудиальный* тип иного свойства: то, что вспоминается, вы проговариваете как бы вашим внутренним голосом. Вы словно слышите чью-то речь, слова другого человека и мысленно беседуете с ним.

3. *Кинестетический* тип (или *двигательный*) состоит в том, что вы хорошо запоминаете ощущения, движения. Вспоминая, вы сначала мысленно воссоздаете, повторяете движения, «представляете» свои ощущения. У людей с этим типом памяти текст не забывается лучше всего благодаря записи.

Чистые типы памяти встречаются крайне редко, обычно наблюдаются смешанные — зрительно-двигательный, двигательно-слуховой и зрительно-слуховой. Заметим, что смешанный тип памяти является надежным средством для быстрого и долговременного заучивания.

Например, если человек не вспомнил текст на слух, то обязательно вспомнит зрительно. Поэтому полезно запоминать информацию, используя и чтение книг, и прослушивание пленки, и просмотр схем, иллюстраций.

Память зависит, прежде всего, от природных особенностей нервной системы, но нельзя отрицать и роль воспитания. Если преподаватели на своих занятиях активизируют деятельность разнообразных анализаторов (зрения, слуха, движения), то в школьные и студенческие годы у молодежи успешно формируется смешанный тип памяти. Характер профессиональной деятельности также накладывает отпечаток на память. Например, у экономистов хорошо развита память на цифры и даты, у музыкантов — на слуховые и образные представления.

Типы памяти не следует смешивать с видами памяти. Разные виды памяти присущи всем людям, но они не являются их индивидуальной особенностью, так как человек способен запоминать все: образы и чувства, мысли и движения. Тип памяти у каждого человека имеет индивидуальные особенности. При запоминании, заучивании необходимо учитывать и типы, и виды памяти. Память определенного типа может быть развита с помощью специальных упражнений.

Память для оратора — это бесценный кладезь информации и «волшебное кино» собственной жизни. Пожалуй, такое сочетание рационального и эмоционального начал делает нашу память надежной, хотя у каждого человека она своеобразна. Индивидуальные особенности нашей памяти выражаются в скорости, прочности и точности запоминания материала, а также в готовности к его воспроизведению. Человек с развитой памятью быстро запоминает и долго удерживает большой объем информации. Обычному человеку требуется значительное время, чтобы детально, основательно запомнить текст. Это объясняется тем, что память напрямую связана с мышлением, воображением, со всеми психическими процессами. Исследователи видят особое значение памяти в том, что ни одна психическая функция человека не может быть осуществлена без ее участия.

Человек с сильной памятью быстро запоминает и долго сохраняет информацию. Исключительной силой памяти отличались А.С. Пушкин и В.А. Моцарт. Гениальный русский поэт легко запоминал и прочитывал наизусть стихотворения разных авторов, а великий Моцарт восстанавливал в памяти сложнейшие музыкальные произведения после одного прослушивания. Находясь с отцом в Риме, четырнадцатилетний Моцарт услышал в Сикстинской капелле знаменитое «Miserere» композитора XVI в. Григорио Аллегри, которое произвело на юного музыканта такое сильное впечатление, что, вернувшись поздно вечером в гостиницу, он записал все «Miserere» по памяти.

Исследования ученых показывают, что творческая и интеллектуальная деятельность способствуют успешному развитию памяти. Чтение книг, изучение иностранных языков, игра на музыкальных инструментах, решение кроссвордов, конструирование — все это укрепляет нашу память, не позволяет ей увядать. Не следует пренебрегать опытом прошлого, теми приемами, которые использовали Цицерон, Квинтилиан. Это древнее искусство запоминания развивает воображение, фантазию. Для ратора мнемотехника — надежное подспорье в океане информации, аргументов и фактов.

ПРОИЗНЕСЕНИЕ (АКЦИО)

Успех оратора во многом зависит от того, как прозвучит его речь. Звуковая сторона речи изучается в риторическом каноне «акцио» (от лат. *actio* — произнесение, исполнение).

Произнесение — **важнейшая составная искусства выступления.** Будущий ритор должен освоить весь комплекс знаний и навыков, связанных с техникой речи. А техника речи — это не только составная часть культуры звучащего слова, но и прикладная наука о правильном произношении и усилении выразительности речи. Сюда входит изучение строения речевого аппарата, описание особенностей голоса человека и речевого дыхания. Кроме того, в оценке речевого общения необходимо учитывать дикцию, интонацию, паузы, жесты и мимику. Как видим, техника речи — понятие весьма широкое, но именно она создает звуковой портрет оратора.

У Демосфена однажды спросили: «Что в риторике важнее всего?» — «Произнесение», — уверенно ответил ритор. «А что еще?» — решил уточнить собеседник. «Произнесение», — снова повторил Демосфен. Оратор упрямо отвечал так до тех пор, пока не перестали его спрашивать.

Речевой аппарат выполняет функцию своеобразного музыкального инструмента, созданного природой. Он напоминает духовой инструмент: легкие — мехи, дыхательное горло — труба, а ротовая полость — клапаны¹. Органы речи приспособлены для производства и восприятия звуков, причем каждый из органов имеет свое назначение.

Звуки образуются с помощью воздуха. В процессе дыхания воздух втягивается в легкие через дыхательное горло, а затем выталкивается наружу. Сила звука, его продолжительность зависят от объема легких, от их вместимости.

Образование звуков речи — явление сложное: воздушная струя проходит через гортань, в которой есть голосовые связки — вибраторы. Под давлением струи воздуха связки раздвигаются, чтобы пропустить толчок

¹ Кодухов В.И. Введение в языкознание. М., 1987. С. 105.

воздуха, а затем сдвигаются: вибрируют. В пространстве над голосовыми связками образуются ритмические колебания воздуха — голос. Звуковая волна, возникнув в гортани, «направляется» в носоглотку, носовую полость, ротовую полость — резонаторы. Они усиливают и обогащают звуки голоса, которые превращаются в звуки речи благодаря работе артикуляторов, находящихся в ротовой полости. Язык — самый активный артикулятор. Характер большинства звуков русского языка зависит от движений этого органа речи, так что ему принадлежит важнейшая роль.

Голосовой аппарат подобен чуткой мембране, которая мгновенно отражает состояние оратора, его настроение, мироощущение. В звуковом потоке, идущем с трибуны, можно заметить бодрость или вялость ратора, решительность его или робость. Поэтому оратору нужно помнить, что звучание его речи — мощный фактор воздействия, им можно создавать эмоциональный заряд и волевую реакцию аудитории. Остановимся подробнее на важнейших понятиях, определяющих технику речи оратора.

Типы дыхания

К.С. Станиславский считал, что работа по постановке голоса заключается прежде всего в развитии дыхания. Какими качествами должно обладать ф о н а ц и о н н о е, т.е. Озвученное, дыхание? Ответ находим в известном афоризме «Дышите глубже — вы взволнованны». Здесь указано на первое важнейшее качество дыхания: оно должно быть глубоким. По мнению врачей и спортивных тренеров, чем глубже дыхание, тем больше энергии получает организм. Естественно, что в организме человека взаимно связаны физиологические и психологические процессы. Это обуславливает самое активное участие дыхания во всех видах деятельности человека и особенно — в речевой.

Существуют различные типы дыхания. Это зависит от того, какие мышцы участвуют в дыхательном процессе.

1. *Верхнее дыхание.* Вдох и выдох совершаются за счет сокращения мышц, поднимающих и опускающих плечи и верхнюю часть грудной клетки. Это слабое поверхностное дыхание, при нем активно работает только верхняя часть легких.

2. *Грудное дыхание.* Процесс дыхания совершается за счет изменения поперечного объема грудной клетки вследствие сокращения межреберных мышц. Диафрагма — главная дыхательная мышца (мышца вдоха) — при этом малоподвижна, поэтому вдох и выдох получаются недостаточно энергичными.

3. *Диафрагменное дыхание.* Процесс дыхания совершается благодаря изменению продольного объема грудной клетки из-за сокращения диафрагмы (при этом наблюдается незначительное сокращение и межреберных дыхательных мышц).

4. *Диафрагменно-реберное дыхание*. Вдох и выдох совершаются благодаря изменению объема грудной клетки в продольном и поперечном направлениях вследствие сокращения диафрагмы, межреберных дыхательных мышц, а также нижнебрюшных мышц живота. Это дыхание считается правильным. Оно свойственно всем здоровым людям, поэтому его используют как основу речевого дыхания.

Все типы дыхания используются людьми, но преобладает обычно какой-то один тип. В процессе эволюции женское дыхание сложилось как преимущественно грудное, мужчины в большинстве дышат с помощью диафрагмы.

Правильно поставленное фонационное дыхание — это выработанное специальной тренировкой активное смешанное, или диафрагменно-реберное дыхание. Исследователи выделяют различные типы дыхания¹.

Выделяют следующие важные качества речевого дыхания: активность (дыхание служит энергетической базой нашей речи), организованный выдох, распределение выдоха, добор дыхания в процессе речи. Рассмотрим, как эти качества проявляются в конкретных ситуациях.

Для фонационного дыхания свойствен хорошо организованный выдох. Это значит, что воздух не растекается, а ровной струей идет в одном направлении. Он сфокусирован в одной точке. Важной особенностью речевого дыхания является умелое распределение выдоха на равные «порции». Ритм речевого дыхания значительно отличается от привычного. Нередко вдох и выдох почти совпадают. При фонационном дыхании наблюдается короткий энергичный вдох и длительный равномерный выдох (он в 10—15 раз длиннее вдоха). Если дыхание хорошо тренировано, то выдох можно распределить на 25—30 порций. Важно научиться распределять имеющийся запас, не увеличивая объема вдыхаемого воздуха.

Процесс добора воздуха является существенным элементом речевого дыхания. Ритор должен умело использовать любую удобную паузу, чтобы энергично, быстро и незаметно для слушателей «подхватить» новую порцию воздуха, восполнить его запас. Аристотель утверждал, что «ум — властелин чувств, а дыхание — властелин ума».

Голос и его качества

Голос для оратора — самый надежный и ничем незаменимый инструмент. В физическом смысле под голосом понимается совокупность разнообразных по высоте, силе, тембру звуков, издаваемых человеком при помощи голосового аппарата. Актеры, певцы проходят специаль-

¹ Порубов Н.И. Риторика: учеб. пособие. М., 2001. С. 179—180.

ную школу постановки голоса. В своей риторике М.В. Ломоносов писал, что кроме дара слова у оратора должен быть еще чистый, звучный и приятный голос. Возникает вопрос: что делать оратору, лишенному привлекательного голоса? Конечно, работать над совершенствованием своих голосовых данных. Классический пример с Демосфеном убеждает, что только упорный труд в сочетании с огромной силой воли приводят к желанному результату.

Выделяют следующие профессиональные качества речевого голоса: сила звука (динамический диапазон голоса), посыл звука, подвижность, гибкость (звуковысотный диапазон), тембр голоса, полетность звука, выносливость.

Как развить эти качества голоса? Это возможно лишь после того, как будет освоено речевое дыхание и снято мышечное напряжение с фонационных путей. Кроме того, необходимо определить и закрепить свой естественный, природный голос.

Исследователи подчеркивают, что **с и л а з в у к а** — это реальная величина, энергия звука, которую измеряют в децибелах. Нужно четко различать понятия «сила звука» и «громкость». **Г р о м к о с т ь** — понятие субъективное, оно отражает наше восприятие звука. Силой голоса оратор убеждает слушателей, влияет на их чувства. Сила звучащей речи создается силой вдохновения, эмоционального настроения оратора. Отсюда неизбежно усиление звука на самых значимых словах, основных тезисах выступления. Звук должен быть слышен в аудитории и без технических средств усиления.

Усилить звук голоса помогает активное речевое дыхание и умелое использование резонаторов — нашей природной акустической системы. Мы пользуемся двумя резонаторными системами. Верхняя система резонаторов (глотка, полости носа и рта, черепная коробка) расположена над связками и носит название **в е р х н е й н а д - с в я з о ч н о й**. Нижняя система резонаторов, которая находится под связками, включает грудную полость и называется **н и ж н е й п о д с в я з о ч н о й**. Каждая из названных систем выполняет функцию, определенную ей природой. Когда звук направляется в нижние резонаторы, в работу включается грудной регистр голоса. Он отличается богатством дополнительных тонов (обертонов), которые придают каждому голосу неповторимую тембральную окраску. Сила звука, его выразительность зависят именно от грудного (нижнего) регистра. Звуки высокого тона создаются благодаря головному (т.е. верхнему) регистру. Звучность, слышимость голоса зависит от этого регистра. Он придает звуку голоса звонкость и полетность. Ведущим регистром речевого голоса является смешанный. Он выступает своеобразным регулятором для создания активного и ровного дыхания во всем диапазоне. При высоких тонах, которые создаются благодаря работе головных резонаторов, оратор должен использовать нижний (грудной) резонатор. Низкие тона

отличаются сильной грудной резонанцией, поэтому необходимо максимально включать в действие верхний (головной) резонатор.

Для развития динамического диапазона используют специальные упражнения (их называют риторическим тренингом). Во время их выполнения следует добиваться свободы фонационных путей, правильного дыхания. Так создается (отрабатывается, как говорят специалисты) верная резонанция.

Второе важное качество голоса оратора — посыл звука. От него зависит то, что звук долетает до каждого слушателя, т.е. легко воспринимается в любой точке аудитории. Таким голосом обладают прославленные ораторы, лекторы. О великом русском ученом Д.И. Менделееве писал один из его учеников: «Будь я музыкантом, я, думается, мог бы положить лекцию Менделеева на музыку, и любой из тех, на чью долю выпало счастье его слушать, безошибочно узнал бы звуки этого мощного голоса, переходившего от ясно слышного в последнем углу аудитории шепота к громоподобным возгласам»¹.

Важное качество профессионального голоса оратора — подвижность и гибкость голоса, или звуковысотный диапазон. Именно диапазон позволяет «живописать» голосом, т.е. передать мысль оратора во всем разнообразии оттенков человеческих чувств. Оратор не только глубоко раскрывает тему, но и показывает удивительную выразительность русской устной речи, ее интонационно-мелодическое богатство. Тренированный голос легко изменяется по высоте в пределах двух октав, однако в бытовой речи человек обходится лишь тремя-пятью нотами. Оратору нужно учиться регулировать высоту звука и при этом избегать монотонного, однообразно звучащего голоса, потому что он не только снижает восприятие, но и утомляет слушателей. О высоком мастерстве оратора можно судить, если он сумеет произнести обычную фразу (например, *Учитесь слушать*) с 10—15 звуковыми оттенками. Потренируйтесь, проверяя свои возможности! Ведь не только оратору, но и менеджеру, юристу, педагогу надо в совершенстве владеть своими голосовыми средствами.

Конечно, весьма желательно расширение звуковысотного диапазона. Специалисты советуют добиваться этого постепенно и осторожно. Стремление к предельной высоте звука может вызвать голосовое напряжение. Поэтому разумно чередовать повышение и понижение голоса, следить за правильностью дыхания, за тем, чтобы звуки находились в правильной позиции. При этом важно заставить работать одновременно все резонаторы: высокие тона требуют самой активной работы грудного резонатора, низкие — головного резонатора.

Голос должен быть устойчивым, выносливым. Выносливость — способность голоса выдерживать длительные физические и психоло-

¹ Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников. М., 1973. С. 86.

гические нагрузки, достигается она путем специальных тренировок речевого аппарата.

Тембр — звуковая окраска голоса — является тонкой и выразительной его характеристикой. У каждого человека тембр голоса индивидуален, неповторим, как и отпечатки пальцев. Тембр определяется главным образом количеством дополнительных тонов (обертонов), образующихся в резонаторах и сопровождающих основной звук. Обертоны придают основному тону особую окраску, особые оттенки. «Цвет» голоса (как иногда называют тембр) зависит также от величины и формы резонаторов, которые усиливают и обогащают звук. Тембр голоса улучшается, если оратор владеет искусством правильного, контролируемого дыхания.

Тембр обусловлен, с одной стороны, индивидуальным строением речевого аппарата, с другой — эмоциями, мыслями, намерениями оратора. Тембр голоса должен отражать чувства и ощущения, которыми проникнуто публичное выступление. Хороший тембр благоприятно воздействует на чувства слушателей. Само понятие «хороший» (красивый) тембр в представлении публики ассоциируется с ясным, насыщенным звучанием голоса. Этот голос способен передать разнообразные оттенки мыслей, эмоций. Поэтому оратору нужно работать над обогащением тембра: его можно развить, усилить. Специалисты по сценической речи советуют тренироваться в чтении художественных произведений. Если оратор «захвачен» содержанием текста, тогда в его голосе прозвучат любовь, радость и печаль, гнев, негодование. Если текст не вызывает у исполнителя никаких образов, ощущений, то нужно мысленно представить описываемую картину и затем с помощью голоса выразить увиденное. Чтобы справиться с такой задачей, необходима постоянная работа, упорные тренировки. Рекомендуется записывать звучание собственного голоса, чтобы критически оценить свою работу.

Упражнения по развитию звуковысотного диапазона голоса являются подготовительным этапом к развитию полетности звука. **Полетность звука** понимается как способность голоса «заполнять» пространство, где он звучит, доходить до самых дальних рядов слушателей. Здесь немалую роль играют акустические свойства самого голоса. Разве можно сравнить по степени полетности звонкий, высокий и низкий от природы голос? По свидетельству современников, уникальный голос нашего оперного певца С.Я. Лемешева «был слышен в шуме, будучи на 28 децибел ниже его уровня, хотя голоса неопытных певцов терялись в том же шуме при силе звука на 18 децибел ниже уровня шума»¹. Заметим, что свойство полетности не обязательно связано с громкостью. Убедиться в этом можно на простом примере. Опытный оратор может говорить и тихо (почти шепотом), но его услышат и в

¹ Морозов В.П. Тайны вокальной речи. Л., 1967. С. 14.

самых дальних уголках зала, потому что полетность создается, прежде всего, собранностью звука (его концентрацией в передней части рта).

Владеть своим голосом — далеко не простое искусство. Опытный оратор, как и профессиональный певец, должен «рассчитывать» свои голосовые данные так, чтобы удержать внимание аудитории до конца выступления и сохранить полетность звука. Неопытный ритор часто начинает говорить с самой высокой ноты, перенапрягает голосовые связки, а это приводит к хрипоте и порой срыву голоса. Конечно, трудно выступать в большой аудитории и на открытом воздухе. Самое удобное место для выступления перед публикой — закрытое помещение.

Кроме целенаправленного посыла звука в аудиторию, нужно владеть правильным дыханием, активно «включать» в работу речевые органы. Лишь при соблюдении этих условий обеспечивается полетность звука. Оратор должен научиться сохранять ровное звучание и диапазон голоса на негромком звуке. Стараясь говорить негромко, ритор как бы снимает звуковую активность, ослабляет дыхание и незаметно переходит едва ли не на шепот. Такая практика может нанести вред голосу, потому что на голосовые связки идет более тяжелая нагрузка, чем самый громкий звук. При шепоте наблюдается перенапряженность связок.

Следует помнить, что верное звучание голоса требует каждодневной, кропотливой голосовой работы. Воспитать речевой голос — это значит:

- освоить навыки фонационного дыхания;
- снять мышечное напряжение с фонационных путей;
- добиться собранности звука;
- выработать звонкость голоса;
- осознать работу резонаторов, научиться правильно ими пользоваться, т.е. легко и привычно переходить из регистра в регистр;
- выработать ровность, устойчивость звука (голос должен при любой силе и высоте не терять своего качества).

Оратору нужно следить и за своей бытовой речью: не говорить на одной ноте, уметь собирать звуки на кончиках губ, добиваясь ровного звучания, используя активный посыл звука. Оратор-профессионал обязан всегда быть в хорошей речевой форме.

Дикция

Под дикцией понимают отчетливое произношение звуков речи, соответствующее фонетической норме данного языка. Аудитория воспринимает речь без напряжения, если оратор четко произносит каждый гласный и согласный звук в отдельности, целые слова и фразы текста. Хорошая дикция — одно из главных условий культуры устной речи и мастерства оратора. По замечанию К.С. Станиславского, слова, в которых выпал слог, напоминают человека без носа, глаза, руки и т.д.

Залогом ясной дикции является правильная артикуляция звуков. **А р т и к у л я ц и е й** называется совокупность произносительных движений речевых органов, необходимая для образования данного звука. К активным речевым органам относятся язык, губы и мягкое нёбо с язычком; пассивными органами считаются зубы и твердое нёбо. Причина плохой дикции — вялые губы, плохо открытый рот, нарушение зубов, малоподвижный язык.

О неправильной артикуляции говорили ораторы еще в эпоху античности: «Не нравится мне, когда буквы выговариваются с изысканным подчеркиванием, также не нравится, когда их произношение затемняется излишней небрежностью; не нравится мне, когда слова произносятся слабым, умирающим голосом, не нравится также, когда они раздаются с шумом и как бы в припадке тяжелой одышки. Существуют такие недостатки, которых все стараются избегать, а именно: слабый, женственный звук голоса, немзыкальный, беззвучный и глухой»¹.

К сожалению, люди привыкают к недостаткам своей речи, не придают им значения. «Надо приучать себя хорошо открывать рот, это важно для «посыла» звука и для его формирования», — советуют специалисты по сценической речи и дикции². Отработка четкой дикции требует, прежде всего, укрепления и развития органов артикуляции. Этому служит специальная артикуляционная гимнастика. Преподаватели сценической речи разработали целый комплекс упражнений по дикции, который полезен как для оратора, так и для каждого человека, желающего говорить правильно, четко и выразительно.

В числе разнообразных упражнений, тренирующих дикцию, наиболее популярны *скороговорки*. Они занимают главное место в работе над дикцией. «Соль» скороговорки заключается в том, что сочетания некоторых звуков представляют трудность для артикуляции. Иногда считают, что при произнесении веселого словесного текста нужно непременно добиваться очень быстрого темпа, но не это главное. Гораздо важнее предельная четкость дикции. Именно на это рассчитаны скороговорки, которые вернее было бы назвать «трудноговорками». К работе над этой забавной словесной игрой нужно подходить индивидуально. Если же у оратора замедленная речь, он должен путем тренировок постепенно добиваться быстрого темпа. Если же у оратора быстрая, небрежная речь, он обязан тренироваться в предельно медленном темпе, что значительно труднее, чем отработка быстрого темпа.

К.С. Станиславский придавал большое значение работе над скороговорками. Он замечал, что редко приходится слышать «хорошую скороговорку, выдержанную в темпе, четкую по ритму, ясную по дикции,

¹ Цит. по кн.: Русская риторика: хрестоматия / авт.-сост. Л.К. Граудина. М., 1996. С. 24.

² Козлянинова И.П. Произношение и дикция. М., 1997. С. 99.

по произношению и по передаче мысли»¹. Специалисты по сценической речи советуют начинать работу над скороговорками в медленном темпе. Приступая к тренировке, нужно определить в каждой скороговорке ее смысловую направленность. Конечно, скороговорка — это всегда шутка, забава, в ней нет глубоких мыслей, как в пословице, но она помогает развивать фантазию, учит оценивать забавные ситуации и передавать их выразительно и ярко. Тренируйтесь, учитывая следующие советы специалистов сценической речи.

1. Некоторые скороговорки можно повторять целиком, несколько раз подряд (*Либретто Риголетто — задача продать либретто*).

2. В других скороговорках удобнее повторить только 2—3 слова (*Шел декатировщик, а мне не до декатировщика, не до декатировщиков детей*).

3. В некоторых текстах для уточнения мысли можно изменить порядок слов (*Мамаша Ромаше дала сыворотку из-под простокваши; Из-под простокваши дала сыворотку мамаша Ромаше; Дала сыворотку мамаша из-под простокваши Ромаше*).

4. В отдельных случаях можно соединить близкие по смыслу скороговорки при тренировке (*Инцидент с интендантом, с интендантом инцидент; Четверть четверика гороха без червоточинки — без червоточинки четверть четверика гороха*).

При этом следует избегать однотонного произнесения текста. Необходимо помнить о логической паузе, о противопоставлениях, чтобы достичь выразительности. Темп речи можно постепенно убыстрять, преодолев артикуляцию трудных сочетаний согласных.

Работа над скороговорками ведется в определенной последовательности. Сначала осваиваются скороговорки в «чистом виде», как они созданы. Освоив их в медленном и быстром темпе, можно переходить к более трудным сочетаниям — к так называемым «усложненным скороговоркам», с многократными повторениями и с перестановками отдельных слов и фраз. В учебниках по сценической речи широко используются народные скороговорки, записанные еще в прошлом столетии В.И. Далем.

Можно выделить три группы скороговорок, требующих четкого произнесения наиболее часто встречающихся согласных звуков. Приведем некоторые примеры.

1. Скороговорки с согласными Б, П, В, Ф, Г, К, Д, Т:

Архип осип.

От топота копыт пыль по полю летит.

Бык тупогуб, тупогубенький бычок, у быка бела губа была тупа.

Около кола колокола, около ворот коловорот.

Шакал шагал, шакал скакал.

¹ Станиславский К.С. Работа актера над собой в творческом процессе воплощения // Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М., 1955. С. 174.

Купи кипу пик.

Ткет ткач ткани на платки Тане.

У елки иголки колки.

Кукушка кукушонку купила капюшон. Надел кукушонок капюшон. Как в капюшоне он смешон!

Все бобры для своих бобрят добры.

Пришел Прокоп, кипел укроп, ушел Прокоп, кипел укроп, как при Прокопе кипел укроп, так и без Прокопа кипел укроп.

У Феофана Митрофаныча три сына Феофаныча.

2. Скороговорки с согласными звуками Р, Л, М, Н:

У нас на дворе-подворье погода размокropoгoдилась.

На дворе — трава, на траве — дрова. Не руби дрова на траве двора.

Рапортовал, да не дорапортовал, дорапортовывал, да зарпортовался.

Съел молодец тридцать три пирога с пирогом, да все с творогом.

Всех скороговорок не перескороговоришь, не перевыскороговоришь.

Сшит колпак, да не по-колпаковски; вылит колокол, да не по-колоколовски.

Надо колпак переколпаковать, перевыколпаковать, надо колокол переколоколовать, перевыколоколовать.

Курьера курьер обгоняет в карьер.

Либретто Риголетто.

Наш Полкан из Байкала лакал. Полкан лакал, не мелел Байкал.

3. Скороговорки с согласными звуками С, З, Ш, Ж, Щ, Ц:

Везет Сенька Саньку с Сонькой на санках. Санки — скок, Сеньку — с ног, Саньку — в бок, Соньку — в лоб. Все — в сугроб.

Осип охрип.

По семеро в сани уселися сами.

Шел Саша по шоссе и сосал сушку.

Цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Шли сорок мышей, нашли сорок грошей, две мыши поплоше нашли по два гроша.

Чешуя у щучки, щетинка у чушки.

Инцидент с интендантом.

Прецедент с претендентом.

У ежа ежата, у ужа ужата.

Жутко жуку жить на суку.

Течет речка, печет печка.

Жужжит жужелица, жужжит, да не кружится.

Самшит, самшит! Как ты крепко шит!

Интонация

И н т о н а ц и я — выразительное средство речи, которое формирует стиль публичного выступления, помогает ратору избежать утомительного однообразия в речи и убедить слушателей. Известный драматург Бернард Шоу утверждал, что есть 50 способов произнести слово *да* и 500 способов — слово *нет*, потому что истинный смысл сказанного заключается порой не в самих словах, а в интонациях, с какими они произнесены. По мнению ученых, если интонация не соответствует содержанию речи, то не усваивается 30—40% информации. Известно свыше 20 типов интонаций, с помощью которых

можно передать различные чувства и мысли. Аристотель предупреждал ораторов «о значительных вещах не говорить слегка, а о пустяках торжественно (в противном случае стиль кажется шутовским); о вещах похвальных нужно говорить с восхищением, о вещах, возбуждающих сострадания, — со смирением»¹.

Интонация — сложное явление, она включает в себя такие компоненты: тон голоса, интенсивность звучания, темп речи, логическое ударение, паузы.

Тон (от греч. *tonos* — напряжение, ударение) — это звук определенной высоты (например, низкий, высокий); а также оттенок речи, голоса (например, сменить тон, разговаривать на повышенных тонах). Термин «тон» имеет широкий аспект значений. Тон звуков речи зависит от высоты гласных, сонорных и звонких шумных согласных. Тон создается не только тембром или мелодикой звучания, но и всем комплексом фонетических средств (тембр голоса, высота тона и ее движение в слове, длительность ударного гласного, удлинение согласного ударного слога, посложное произношение, темп, громкость и др.)². Основной тон звука — важнейший компонент речевой интонации — создается как результат колебания голосовых связок. В высказывании может быть множество мыслей, несколько видов интонаций, но основной тон один, и он накладывается на звучание всех остальных интонационных компонентов.

Выразительные возможности тона ораторской речи поистине безграничны. Это хорошо понимали передовые ученые XIX—XX вв., выступавшие с блестящими лекциями, — Т.Н. Грановский, В.О. Ключевский, Д.И. Менделеев и др. Они умели создавать неповторимый мелодический рисунок речи. По мнению писателя В.В. Вересаева, «главная сила» воздействия судебных речей Ф.Н. Плевако заключалась в интонации, что невозможно передать на бумаге. А.Ф. Кони писал, что «в этом голосе звучали ноты такой силы и страсти, что он захватывал слушателя и покорял его себе»³.

Ораторская практика предостерегает от монотонности, однако предельно высокий тон также утомляет слушателей. Оратор, который привык говорить на высоких тонах, нередко испытывает неустойчивость и слабость собственного голоса. Но и слишком низкий тон оратора раздражает аудиторию, так как заставляет ее постоянно напрягаться, прислушиваться к сказанному. В психологии существует точка зрения, что слишком низкий тон — показатель недостаточной увлеченности

¹ *Аристотель*. Риторика // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 137.

² *Матусевич М.И.* Современный русский язык: фонетика. М., 1976. С. 275.

³ *Ивакина Н.Н.* Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учеб. пособие. М., 1999. С. 98.

и энергии оратора. В таком случае риторю необходимо преодолеть свою внутреннюю пассивность. Здесь потребуется волевое начало, умение проявить характер. Чтобы достичь цели, нужно почувствовать себя энергичным и деятельным человеком. Аудитория верит такому оратору и ждет призыва к действию.

Из сказанного следует, что нужно придавать речи мелодическое разнообразие.

Тон является главным средством для выражения чувств и намерений. Он может быть торжественным и гневным, радостным и печальным, назидательным и дружеским. Если оратор «зримо» чувствует и переживает сообщаемое, хорошо понимает своих слушателей, он сумеет выбрать правильную тональность речи.

Важным компонентом интонации является **интенсивность звучания**. Она зависит от напряженности и амплитуды колебания голосовых связок. Здесь наблюдается прямо пропорциональная зависимость: звук тем интенсивнее, чем больше амплитуда колебания. Уровень интенсивности бывает низким, средним и высоким, его различают на слух. Уровень силы звучания может не изменяться на протяжении речи (ровный, спокойный голос), а направление и характер интенсивности часто меняются. Они могут увеличиваться или уменьшаться. В силу различных обстоятельств (тревога, радость, встреча, разлука и т.п.) это может происходить резко или плавно. При взаимодействии тона и интенсивности усиливается громкость речи.

Говорить громко позволительно только в особых ситуациях. Например, вы прощаетесь со своим другом, уходящим служить в армию, на вокзале играет музыка, стоит непрерывный шум, вы стараетесь его перекрыть своим зычным голосом. Или ваш товарищ вошел в вагон, а вы, оставшись на перроне, вспомнили, что необходимо сказать ему что-то важное, и громко зовете его, иначе он вас не услышит. На митинговой площади, на параде также звучит громкая речь. Но если человек находится в домашнем кругу, среди своих друзей, в кабинете директора, в автобусе, офисе или в любом общественном месте, то громкая речь недопустима: она расценивается как признак невоспитанности человека, как проявление чрезмерной нервозности или стремление говорящего обратить на себя внимание.

Темп (от лат. *tempus* — время) — это скорость произнесения звуков, слогов, слов и всего текста в целом. Темп речи измеряют двумя способами: числом звуков или слогов, произносимых в единицу времени (например, в секунду) или средней длительностью звука (слога).

Оптимальный темп речи русских около 120 слов в минуту. Одну страницу информационного текста, напечатанного через полтора интервала, необходимо читать за две или за две с половиной минуты. Несомненно, при подготовке к выступлению оратор должен определить собственный темп речи, обдумать вопрос о скорости,

с которой будет говорить. Успех публичной речи напрямую связан с темпом ее произнесения. «Какая речь лучше, быстрая или медленная?..» — спрашивал известный адвокат П. Сергеич и резонно отвечал читателю: «Ни та, ни другая; хороша только естественная обычная скорость произнесения, то есть такая, которая соответствует содержанию речи...»¹.

Темп речи, конечно, зависит от индивидуальных особенностей говорящего, его характера, темперамента, а также содержания речи и ситуации общения. Представьте, что вам предстоит читать лекцию сначала перед весьма солидной и немолодой аудиторией, а затем — перед студентами. Известно, что восприятие у людей с возрастом понижается. Следовательно, темп лекции для немолодых слушателей должен быть замедленным. «Не вещать», а беседовать нужно с такой аудиторией, чаще обращаться с вопросами, совместно приходиться к определенным убеждениям и выводам. Никакому назиданию здесь не место, тон должен быть уважительным и спокойным. Перед молодежной аудиторией оратор должен предстать энергичным и решительным человеком, отстаивающим свою точку зрения по каждой выдвинутой проблеме. И темп речи оратора в молодежной аудитории будет значительно быстрее, чем в выступлении перед пожилыми людьми. Считается, что обычный темп диалогической речи — 120—140 слов в минуту. Оратору необходимо избрать такой темп речи, чтобы слушатели могли усваивать предложенную информацию.

Однако оратору следует помнить: чем более интересным, информативным является сообщение, тем медленнее следует его произносить, иначе оно не будет усвоено аудиторией. Самые важные части речи, где содержится доказательство или опровержение, нестандартное решение или парадоксальная спорная идея, надо произносить в замедленном темпе. Обычно в замедленном темпе произносится присяга, торжественное обещание, читается судебный приговор. Умелое изменение темпа речи помогает оратору поддерживать внимание аудитории: его перестанут слушать и понимать, если речь сделается утомительной. Изменение темпа речи должно быть мотивировано. Оно всегда зависит не только от содержания высказывания, но и от показа конкретной ситуации, эмоционального настроения говорящего. Сравните предложения такого характера:

1. Сейчас нужно не заседать, а брать оружие и захватывать власть! Мы договорились с арсенальными рабочими, что они поделятся с нами своими запасами оружия. За мной!

2. Второй день ходила — не могла находиться по киевским улицам Вера Павловна Палий, путая их новые названия и называя по-старому, как тридцать лет назад...

¹ Сергеич П. Искусство речи на суде. М., 1988. С. 42.

3. А сегодня с утра Вера Павловна пошла в парк, что раскинулся над Днепровскими кручами и тянулся аж до Печерска; когда-то он назывался Царским садом.

4. Какая ночь! — Прозрачно-голубая...¹

Темп речи при чтении этих фраз определяется их содержанием. Первый отрывок звучит как призыв к немедленному действию, поэтому произнесение убыстряется. Для второго и третьего примеров характерно неспешное, «замедленное» описание действий, пейзажа. Читая такие тексты, нужно растягивать произношение звуков, замедлять темп речи. В последнем предложении логический центр — сложный эпитет *прозрачно-голубая*. Эмоциональное замедление речи при произнесении этих слов помогает наглядно изобразить описываемое, интонационно обозначить его протяженность и величие.

Темп, как лакмусовая бумажка, отражает волю и чувства говорящего. Восторженность, радость, гнев ускоряют темп речи, а раздумья, смятение, подавленность замедляют его.

С чем связана неоправданно повышенная скорость речи у оратора? Есть ряд причин, которые приводят к этой интонационной ошибке. Иногда у начинающих ораторов появляется чувство робости перед аудиторией, что вполне естественно. Это чувство преодолимо: основательная подготовка к выступлению и психологический настрой — вот что избавит от чрезмерного волнения.

Вторая причина более серьезная: оратор не придает значения тому, что слушатели оказываются вне его поля зрения. Он по существу проявляет безразличие к тому, что слушатели не успевают следить за его мыслью. Это особенно недопустимо для судебного оратора. Чтобы выработать чувство скорости собственной речи, следует записывать свои выступления при подготовке и с помощью секундомера исправлять замеченные недостатки.

Третья причина — плохое знание материала выступления. О каких живых чувствах в голосе выступающего или эмоциональном богатстве его речи можно рассуждать в таком случае? Оратор спешит поскорее покинуть трибуну, и это проявляется в ускоренном темпе произнесения речи.

Если же оратор заполняет речь пустословием, паузами, либо набором бесконечных «так сказать», «вот», «значит», темп замедлен.

Необходимо учитывать длительность звучания отдельных слов. Хотя слог и является единицей звучания, но его нельзя рассматривать даже временной единицей речи. Слог может звучать и коротко, и долго. Время связано с теми чувствами, которые выражаются в речи. Длительность звучания может показывать не только значение

¹ Примеры из кн.: Антоненко-Давидович Б. Прочитайте после моей смерти: пер. с укр. Львов, 2002. С. 151, 176, 215.

слова во фразе, но и глубину переживания. Оратор стремится передать глубокое волнение и затаенные чувства. Этому помогает растягивание звучания отдельных слов в речи. О значимости слова в контексте образно говорил К.С. Станиславский: «Когда слово содержательно и внутренне насыщено, оно становится увесистым и произносится медленно. Пустое слово сыплется, как горох из решета, — насыщенное слово поворачивается медленно, точно шар, наполненный ртутью»¹.

Оценивая темп речи, важно соблюдать золотую середину. Встречаются люди, которые всегда говорят очень быстро. О них можно сказать: «Строчит как из пулемета», «Тысяча слов в минуту». Это недопустимо в практике оратора, так как быстрая речь утомляет и раздражает аудиторию. Замедленная речь также является крупным недостатком («Говорит как воду цедит», «У него слово слову костыль подает»). Понятно, что каждому оратору необходимо найти свой оптимальный темп речи, уметь гибко и логично изменять его, постоянно совершенствовать свое мастерство.

Важную функцию в ораторской речи выполняет л о г и ч е с к о е у д а р е н и е — выделение голосом того слова во фразе, которое имеет особую семантическую или эмоциональную значимость. Если фонематическое ударение служит для выделения отдельного слога в слове, то логическое выделяет целое слово. Логическое ударение является интонационно-выразительным средством речи.

В зависимости от цели высказывания логическое ударение может перемещаться в пределах одной и той же фразы. Слово, значимое по смыслу, можно выделить повышением или ослаблением силы голоса, паузой, изменением основного мелодического строя фразы. В зависимости от переноса логического ударения с одного слова на другое изменяется и смысл высказывания. Например, фраза *Иванов имеет высшее филологическое образование* может иметь три разных смысла в связи с переносом ударения: 1) *Иванов* (а не кто-то другой) имеет высшее филологическое образование; 2) Иванов имеет *высшее* (а не среднее) филологическое образование; 3) Иванов имеет высшее *филологическое* (а не какое-либо другое) образование. После каждого ударного слова всегда следует пауза, благодаря ей ударное слово подчеркивается и выделяется.

Необходимо помнить, что не существует обязательных правил расстановки логических ударений. Оратор должен ориентироваться на свое языковое чутье и логическую сторону речи. Всегда нужно помнить о значимости контекста, так как каждая отдельная фраза подчинена контексту, является его «стройматериалом». Например, в предложении: *Водолаз протянул руку и открыл люк* — логическое ударение можно поставить на словах *руку* и *люк*. Но из расширенного

¹ Станиславский К.С. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М., 1957. С. 286.

контекста мы получаем точную информацию: логическое ударение должно выделить глагол: *Несмотря на глубокую рану, водолаз протянул руку и открыл люк.*

В устной речи каждое отдельное предложение делится на смысловые группы, состоящие из одного или нескольких слов. Такие речевые единицы называются речевыми тактами, или синтагмами. Синтагма — это «совокупность двух (нескольких слов и / или фразеологизмов), которые объединяются друг с другом на основе семантико-грамматических правил сочетаемости»¹. Речевой такт может составлять группа подлежащего, группа сказуемого, несколько обстоятельственных слов и т.п. Слова внутри речевого такта произносятся как одно целое.

В понятие интонации входит и пауза (от лат. *pausa* — прекращение, остановка) — временная остановка звучания, обусловленная рядом причин. Для оратора и слушателей важна прежде всего логическая пауза, которая отражает смысл высказывания. Слова объединяются в группы или словосочетания благодаря смысловым связям. Из каких смысловых единиц состоит, например, такое предложение? *Незаметно шхуны и фрегаты исчезают в плотном тумане.* В этом предложении можно выделить такие смысловые группы:

1) шхуны и фрегаты исчезают — это связь двух подлежащих и сказуемого; остальные слова объединяются по смыслу вокруг сказуемого; 2) незаметно исчезают; 3) исчезают в тумане; 4) исчезают в плотном тумане. Выделим речевые такты в данном предложении: *Незаметно / шхуны и фрегаты / исчезают в плотном тумане.* В устной речи каждый речевой такт отделен от другого остановками различной длительности — логическими паузами. Именно паузы помогают верной передаче смысла фразы.

Количество слов в каждом такте может быть разным, в зависимости от того, как распределяются логические паузы. Точно определяя место смысловых пауз, нужно помнить, что в русском языке слова одного словосочетания в предложении не всегда стоят рядом. Так, в нашем примере словосочетание «незаметно исчезают» разделено подлежащими «шхуны и фрегаты». Смысл предложения становится понятен, когда в нашем сознании ясно определяются как целые словосочетания, так и их части.

В речи может возникнуть бессмыслица, если оратор разъединяет тесно связанные по смыслу слова или объединяет группы слов, относящиеся к разным речевым тактам. Чаще всего это бывает в поэтических текстах: *Как истинный француз, в кармане / Трике привез куплет Татьяне.*

Неопытный чтец допустит нелепую ошибку, сделав паузу в конце первой строки, и это изменит смысл всего предложения. Логическая пауза не только объединяет слова в речевые такты, но и помогает

¹ Современный русский язык: теория. Анализ языковых единиц. М., 2001. С. 188.

точно понять высказывание. Вот почему К.С. Станиславский в книге «Работа актера над собой» писал: «Берите почаще книгу, карандаш, читайте и размечайте прочитанное по речевым тактам... Разметка речевых тактов и чтение по ним необходимы потому, что они заставляют анализировать фразы и вникать в их сущность»¹.

Кроме логических пауз, в теории публичной речи выделяют психологические паузы. Психологическая пауза создает эмоциональное толкование текста, выделяет добавочные оттенки сообщения. Такая пауза всегда связана с подтекстом речи. Назначение ее становится яснее при сравнении с паузой логической. Сошлемся снова на замечание К.С. Станиславского: «В то время как логическая пауза механически формирует такты, целые фразы и тем помогает выяснить их смысл, психологическая пауза дает жизнь этой мысли, фразе и такту, стараясь передать их подтекст. Если без логической паузы речь безграмотна, то без психологической она безжизненна. Логическая пауза пассивна, формальна, бездейственна; психологическая — непременно всегда активна, богата внутренним содержанием. Логическая пауза служит уму, психологическая — чувству»².

Психологическая пауза не подчиняется законам логического членения текста. Она может оказаться там, где логически и грамматически невозможно сделать остановку. В кинофильме «Чапаев» разгневанный комдив спрашивает у комиссара: «Кто здесь хозяин? Ты или я?!» И слышит в ответ: «Ты и... Я!» (психологическая пауза помогает «остудить» горячего Чапая, напомнить ему о помощнике). Комиссар отвечает хладнокровно. Казалось бы, союз «и» не допускает после себя остановок, но психологическая пауза не подчиняется никаким законам, а ей подчиняются все без исключения законы речи.

Интонационно синтаксические паузы обычно соответствуют знакам препинания в письменной речи: точка указывает на самую длинную паузу, а запятая — на короткую. Паузы на тире обычно бывают значительными, с большой психологической нагрузкой. Этот знак особенно распространен в экспрессивной речи, и только контекст помогает дать его верную интерпретацию. Характерной чертой бессоюзных сложных предложений в устной речи является обязательная пауза между поясняемой частью и поясняющей. Очень часто двоеточие используется как знак, отделяющий авторский текст от прямой речи. Пауза в этом случае меньше, чем на двоеточии внутри предложения. А.П. Чехов назвал знаки препинания «нотами при чтении». Подтвердим это определение таким примером. В эпизоде сна Татьяны А.С. Пушкин создает на редкость динамичную сцену:

¹ Станиславский К.С. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М., 1955. С. 96—97.

² Там же. С. 105.

Татьяна в лес; медведь за нею;
Снег рыхлый по колено ей;
То длинный сук ее за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златые серьги вырвет силой;
То в хрупком снеге с ножки милой
Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок;
Поднять ей некогда; боится,
Медведя слышит за собой...

Каждая подробность передается короткими выразительными паузами, переданными на письме точкой с запятой. Они помогают представить кошмар, привидевшийся героине. При чтении художественного текста необходимо уяснить своеобразие авторского видения знаков препинания.

Однородные члены предложения, обращения, вставные конструкции отделяются в устной речи паузой, диктуемой контекстом и правилами пунктуации. Следует учитывать, что каждый из знаков препинания имеет ему одному присущие качества, но способов их использования множество.

Кроме рассмотренных нами пауз, существуют и другие: говорящий порой прерывает речь, чтобы вдохнуть воздух. Это *ф и з и о л о г и ч е с к и е п а у з ы*. По мнению специалистов, их следует делать через 10—15 слов. Это создает плавность речи, позволяет держать ее в пределах среднего темпа. Невыгодной для оратора и неприятной для слушателей становится ситуация, если физиологические паузы не совпадают с логическими, психологическими. Если человек страдает одышкой, с трудом произносит слова, то из-за неуместных физиологических пауз исчезает эффект его публичного выступления. Оратор должен знать о разновидностях пауз, их функциях и о том, как ими пользоваться.

Мимика и жесты

Звучащая речь сознательно или неосознанно подкрепляется мимикой и жестами. По убеждению Цицерона, «каждое движение души имеет свое естественное выражение в голосе, жесте, мимике»¹. Язык жестов, мимики и телодвижений называют языком *н е р е ч е в о г о о б щ е н и я*. Особенность этого языка в том, что он — своеобразный «информатор» чувств, намерений, психологического состояния человека. Кроме того, он позволяет регулировать межличностные отношения при общении оратора с аудиторией. Не только в речи оратора, но и во время всякой беседы в жестах и мимике отчетливо проявляет-

¹ Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве: пер. с лат. / под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1972. С. 36.

ся эмоциональный облик каждого из участников, причем эмоции не только зависят от ситуации общения, но и само общение создается под влиянием эмоций.

Исследования психологов показывают, что эмоции регулируются центрами головного мозга и выражаются в жестах, мимике, движениях тела¹.

Охарактеризуем важнейшие компоненты неречевого общения.

М и м и к а — это движение лица, выражающее внутреннее состояние человека. Она передает радость и гнев, сомнение и решимость, презрение и любовь. Благодаря мимике мы узнаем о чувствах, которые испытывает человек. Например, спокойные глаза, приподнятые уголки губ отражают счастье, а печаль — сведенные брови, потухшие глаза, слегка опущенные уголки губ. Об удивлении человека дают знать поднятые брови, широко открытые глаза, опущенные кончики губ, приоткрытый рот. Гнев выражают опущенные вниз брови, изогнутые на лбу складки, прищуренные или расширенные глаза, сжатые зубы, сомкнутые губы. Как видим, многообразна и выразительна «палитра» эмоций, которые влияют на мимику. Умение контролировать свою мимику — это целое искусство. Вспомните, как Л.Н. Толстой сказал об одном из своих героев в романе «Война и мир»: «Видно было, что офицер в совершенстве мог управлять своим лицом».

По мнению специалистов, способность человека к мимике является врожденной, она насчитывает миллионы лет эволюции. Можно указать шесть видов эмоций, которые одинаково отражают человеческие лица в любой точке земного шара, — страх, радость, удивление, гнев, печаль, отвращение.

Однако людям свойственно, а порой и выгодно скрывать свои чувства, что также получает отражение в мимике. Не исключено, что это может быть продиктовано правилами этикета. Например, стараясь не обидеть скучного собеседника, мы слушаем его с «заинтересованным» выражением лица. Это как раз тот случай, когда мимика противоречит истинным чувствам.

Самые мельчайшие оттенки человеческих эмоций способны передать глаза. Как зеркало души они предстают читателям Нового Завета: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло».

Оратору нужно следить за тем, как на него смотрят слушатели и как установить визуальный контакт с аудиторией. Так, на лекции студент как правило, внимательно смотрит на профессора, показывая этим свою заинтересованность. Это помогает сосредоточиться на том, что сообщает лектор. При разговоре также необходимо смотреть в глаза собеседнику, иначе это может вызвать у него негативную реакцию.

¹ *Симонов П.В.* Метод Станиславского и физиология эмоций. М., 1962. С. 17.

По выражению глаз можно судить об отношениях между людьми. Деловой этикет не рекомендует ведущему в беседе пристально, в упор смотреть на собеседника. Взгляд должен быть спокойным, доброжелательным. Чтобы не смущать собеседника, следует бросать в сторону взгляды продолжительностью от 1 до 7 секунд.

Современная риторика предлагает такую классификацию в движении глаз.

1. Прямой взгляд — взгляд открытых глаз. Он свидетельствует о внимании, уважении к партнеру, равноправии с ним. Это необходимо при деловом общении, в официальной обстановке.

2. Прищуренный взгляд — недоверчивый, подозрительный; обычно отражает недоверие, коварство, угрозу. Рекомендуется прибегать к нему в крайних случаях.

3. Блуждающий взгляд может обозначать либо интерес ко всему сразу, либо, чаще всего, отсутствие интереса вообще. Иногда в этом взгляде выражается робость, боязнь.

4. Взгляд усиленно раскрытых глаз используется для того, чтобы вызвать доверие к себе.

5. Косой взгляд свидетельствует о тайном наблюдении за окружающими.

6. Для влюбленных и детей характерен взгляд «глаза в глаза», что приводит к рефлекторному расширению зрачков.

7. Взгляд «сквозь партнера» указывает на невнимательность, которая вызывает негативную реакцию.

8. Взгляд «в глубь себя» отражает задумчивость, погруженность в свои мысли, нежелание разговаривать по какой-либо причине. Человек смотрит на собеседника и не замечает его.

9. Взгляд сверху подчеркивает высокомерие, превосходство.

10. Взгляд, устремленный в пол, — одна из попыток прервать контакт.

11. Настойчивый и пристальный взгляд (в течение 10 и более секунд) воспринимается как проявление враждебности, как вмешательство в личные дела собеседника.

Важным средством человеческого общения являются жесты. Жесты — это выразительные телодвижения, и прежде всего — движения рук, сопровождающие речь. Они помогают убедительно и наглядно выразить мысль, порой придать высказыванию сугубо индивидуальный характер.

Слушателям импонирует сдержанность оратора в мимике и жестах. Еще при Петре I в «Духовном регламенте», изданном в 1721 г., говорилось, что «не надобно проповеднику шататься вельми, будто в судне веслом гребет. Не надобно руками всплескивать, в боки упираться, подсказывать, смеяться, да не надобе и рыдать». А.Ф. Кони в статье «Советы лекторам» подчеркивал: «Жесты оживляют речь,

но ими следует пользоваться осторожно. Выразительный жест (поднятая рука, сжатый кулак, резкое и быстрое движение и т.п.) должны соответствовать смыслу и значению данной фразы или отдельного слова... Слишком частые, однообразные, суетливые, резкие движения рук неприятны, приедаются, надоедают и раздражают¹. По мнению А.Ф. Кони, жест усиливает как эмоциональную, так и смысловую сторону речи. Но далеко не всеми жестами следует пользоваться. Если оратор теребит свой галстук, поправляет прическу, вертит в руке авторучку, то он применяет механические жесты, совершенно не связанные с содержанием речи. Если жестикуляция не оправдана содержанием речи, то слово ратора теряет свою значимость. Об этом и поговорка: «Языком не расскажешь, так пальцами не растычешь».

По характеру и функциям жесты делятся на указательные, изобразительные, символические, эмоциональные и ритмические.

У к а з а т е л ь н ы е жесты обычно служат для уточнения указательных местоимений и наречий: этот, тот, такой, таковой, там, тут, туда, здесь, сюда. Рассмотрим в качестве примера фрагмент из беседы в Русском художественном музее.

Экскурсовод: Обратите внимание (указательный жест) на *эту* картину. Она напоминает огромный разноцветный ковер.

Зритель: Вы имеете в виду картину В.И. Сурикова «Боярыня Морозова»?

Экскурсовод: Да. Согласитесь, что знаменитый художник принял ряд оригинальных решений. Во-первых, он одел своих героев в яркие национальные одежды XVII века. Во-вторых (указательный жест), *эти* сани, что увозят мятежную боярыню в ссылку, «разделили» всех персонажей картины на союзников и противников Морозовой. Вот (указательный жест) *та* правая часть картины, где мы видим крестьян, богомольцев, простых людей, сочувствующих Феодосье Прокопьевне Морозовой. Интересен облик (указательный жест) *этого* странника, пешком исходившего всю Русь. Он многое видел и знает (указательный жест), *такой* своеобразный герой с лицом философа-проповедника. По существу это «автопортрет» самого Сурикова².

С помощью и з о б р а з и т е л ь н ы х жестов можно показать размер, величину, форму каких-либо предметов. Например, сельский старожил рассказывает приезжим рыбакам: «В нашем пруду караси водятся. Карась — рыба хитрая. Знаешь, как он клюет»? Изображает широкое кругообразное движение рукой, чтобы показать, как карась тащит по воде поплавок, прежде чем схватить червяка.

Используя изобразительный жест, можно показать, как поливают цветы, чистят обувь, играют в бильярд. Гаев в «Вишневом саде» А.П. Чехова постоянно появляется с жестами, напоминающими игру в бильярд, сопровождая их репликами: «Желтого дулетом в середину»; «Режу в угол». Изобразительный жест усиливает значение сказанного, помогает «дорисовать» какую-то картину или событие.

¹ Об ораторском искусстве. М., 1963. С. 164.

² *Зотов А.И.* Русское искусство с древних времен до начала XX в. М., 1971. С. 261.

Спросите любого водителя автобуса, работающего на горных трассах, что такое серпантин. Шофер ответит, что это извилистая дорога в горах, и при этом обязательно сделает вращательное движение правой рукой по восходящей линии. Жест наглядно показывает предмет, изображает его.

Когда возникает необходимость в изобразительных жестах? Если нужно воздействовать на сознание слушателя, его эмоции, усилить впечатление от описания. Порой оратор не совсем уверен, что собеседник поймет его, и тогда приходится воспользоваться жестами, которые могут быть выразительнее слов, они весьма информативны и убедительны.

Без указательного жеста не обойтись при композиционном анализе картины, архитектурного ансамбля, при работе с географической картой. Жест оправдан при объяснении схем, таблиц, графиков. Однако нарушением элементарного правила этикета считается ситуация, когда собеседник показывает пальцем на то, о чем говорит: «Какой (указательный жест) сказочный городок из дерева построили в городском парке!» Недопустимо обращаться с просьбой к человеку и при этом показывать на него пальцем. Например: «Вы (указательный жест), юноши, уступите места ветеранам»; «Вы (указательный жест), молодые люди, пройдите к месту массовых съемок фильма».

Отличительным признаком с и м в о л и ч е с к и х жестов является их условность. Жесты-символы применяются в ситуациях приветствия, прощания, при выражении благодарности, призыве к определенным действиям — молчать, начинать движение или оставаться на месте (например, в условиях разведки). Чаще всего жест-символ понятен определенной группе людей (болельщикам на футбольном стадионе, зрителям на театральном представлении). Высоко поднятые руки арбитра, перекрещенные над его головой в виде буквы Х, символизируют окончание футбольного матча, прижатые к сердцу руки артиста, его поклоны зрительному залу «читаются» в театре как признание в любви всем зрителям.

Символические жесты всегда выразительны и по-своему характеризуют человека. Вспомните, как вели себя педагоги, которых представляла по ТВ на «звездной фабрике» ведущая. Педагог по вокалу почтительно кланялся, педагог по сценической речи посылал воздушный поцелуй руками, директор фабрики приветливо махал рукой.

Среди символических жестов выделяются такие, за которыми закреплено строго определенное значение. Например, закладывание рук за спину — это жест уверенности в себе и чувства превосходства. Психологи советуют использовать этот жест в стрессовых ситуациях. Например, перед вызовом в кабинет зубного врача, перед сдачей экзамена, при томительном ожидании решения жюри, если вы участвуете в каком-либо конкурсе. Нужно сделать такой жест — и к вам вернется

уверенность, исчезнет чувство страха и волнения. Если человек нервничает, стремится оградить себя от опасности, то он инстинктивно скрещивает руки на груди. Это жест самоподдержки, защиты от нежелательных явлений. Руки на бедрах — символ агрессивности, готовности к действию. Мужчины нередко стоят, «уперев руки в боки».

Следует помнить, что жесты рук тесно связаны с мыслями и чувствами человека и могут сообщать важную информацию. Когда на первом съезде депутатов академик А. Сахаров предложил президенту М. Горбачеву проект политического и экономического развития страны, М. Горбачев сделал резкие отталкивающие движения двумя руками вперед. Этот жест сопровождался словами: «Нет, нет, не надо! Не надо, мы сами разберемся!». Это наглядная демонстрация жеста отказа, отрицания.

Если раскрытые ладони рук направлены в разные стороны, то такой жест символизирует разъединение, расхождение: «Это совершенно разные подходы»; «Они не нашли общего языка». Соединенные ладони рук воспринимаются как жест объединения, сложения: «В единстве — наша сила»; «Надо объединить наши усилия».

Можете ли вы представить себе митинговую, агитационную, убеждающую речь без проявления эмоций? Эмоциональное состояние оратора передается аудитории, заражает ее. Однако «рука двигается только тогда, когда ударит в нее сердце»¹.

Жесты, которые передают разнообразные оттенки чувств, называются э м о ц и о н а л ь н ы м и. Некоторые из этих жестов стали общезначимыми, например, развести руками, указать на дверь, хлопнуть (ударить) себя по лбу. Однако к проявлению собственных чувств оратору необходимо относиться с большой осторожностью. Жесты уместны и оправданы в агитационной речи с трибуны, но могут оказаться неуместными при чтении лекций. В «Ревизоре» Н.В. Гоголя показана комическая ситуация:

...Должен вам заметить и об учителе по исторической части... Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то... сбежал с кафедры и что силы есть — хватить стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?

Особое назначение имеют р и т м и ч е с к и е жесты, которыми оратор подчеркивает не отдельные места своей речи, а весь ее ритм. Известно, что ритм — это чередование элементов речи: ударных и безударных слогов, пауз, однотипных синтаксических конструкций. Благодаря ритму речевой отрезок приобретает смысловую выразительность и легко усваивается. Ритмические жесты обычно усиливают функции интонации, подчеркивая логическое ударение, место пауз, замедление и ускорение речи.

¹ *Сперанский М.М.* Правила высшего красноречия. СПб., 1844. С. 61.

В воспоминаниях о публичных чтениях В.В. Маяковского отчетливо описан ритмический жест у поэта-оратора: «Это преимущественно один жест правой руки, более широкий или собранный снизу вверх и одновременно справа налево, от раскрытой ладони к сжатому кулаку плавно берущим и сжимающим движением. Иногда оно переходит в другое: кулак сжимается, и раскрытая ладонь вылетает прямо от себя и выше плеча»¹. Ритмические жесты обычно используются для указания на логические абзацы, т.е. крупные единицы ритма.

Следует отметить и национальный характер жестов. Язык жестов так же своеобразен и неповторим, как и всякий язык. В странах Европы и остального мира один и тот же выразительный жест может иметь совершенно различное значение. Если русский человек жестом отчаяния показывает пропажу, неудачу, то у хорватов так демонстрируют успех и удовольствие. Выразительное покручивание пальцем у виска в России означает, что человек выжил из ума или совершил какую-то глупость, а в Голландии таким образом оценивают остроумную шутку или фразу. Рассказывая о себе, европеец показывает на грудь, а японец — на нос. Конечно, самый импульсивный сигнализатор невербального общения — руки человека. Здесь впереди планеты всей итальянцы и французы. Если француз желает, например, оценить благородный поступок человека или красивую вещь в салоне моды (передать, что это восхитительно и утонченно), он соединяет кончики трех пальцев, подносит их к губам и, высоко подняв подбородок, восторженно посылает воздушный поцелуй. Если же француз потирает указательным пальцем основание носа, он предупреждает «осторожно», «не следует доверять этим людям». Жесты с таким значением у итальянцев передаются с помощью постукивания указательным пальцем по носу с левой или правой стороны. В Англии такой жест читается как призыв к секретным действиям, а в Голландии имеет значение «нетрезвый человек». Движение пальцев из стороны в сторону в Голландии и Франции означает отказ, а в США, Италии и Финляндии этот жест может означать осуждение, угрозу или призыв прислушаться к чьему-то совету. Популярной для многих народов является жестикуляция, обращенная к разуму. Если какая-то мысль (идея) кажется глупой, то французы, немцы, итальянцы иронически стучат себе по голове. Кроме того, представители этих наций имеют привычку рисовать указательным пальцем спираль у головы: это воспринимается как «сумасшедшая идея». Интересно, что у испанцев и англичан постукивание себя по лбу означает довольство собой, своим умом. Хотя это выглядит несколько комично, но человеку все-таки приятно оценивать свою сообразительность, смекалку.

¹ В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 439.

Европейцам необходимо знать обычаи исламских стран. На Ближнем Востоке, в Индонезии, Малайзии нельзя левой рукой подавать деньги, подарок, еду. Согласно восточному обычаю, левая рука воспринимается как нечистая, с ней связана дурная слава.

Встречаясь с представителями другой национальной культуры, нужно помнить об особенностях невербального языка у разных народов. Лучшим жестом считается тот, которого не замечают, который органически сливается со словом и усиливает его воздействие на слушателей.

Глава 4 Искусство спора

С развитием демократии в нашей стране во главу угла ставится не речь отдельного оратора, а полемика, дискуссия, когда сталкиваются разные мнения и в результате обсуждения важных для общества проблем появляется возможность выработать правильные решения. Поэтому для современной русской риторики на первый план выдвигается искусство спора. Этой теме мы и посвятим главу 4.

ЧТО ТАКОЕ СПОР

В споре рождается истина. В этом афоризме подчеркивается огромное значение спора в жизни, науке, в государственной и общественной деятельности. В России, вступившей с 90-х годов XX в. на демократический путь развития, искусство спора приобрело особую значимость. Народ осознал пагубные последствия абсолютного господства одной идеологии. «Горе стране, где все согласны», — говорил декабрист Никита Муравьев¹. У свободного народа убеждение заменяет деспотическое принуждение. И это особенно наглядно проявляется в спорах, дискуссиях, полемике.

Что же такое спор? в Большом толковом словаре русского языка читаем: «С п о р — это словесное состязание при обсуждении чего-либо, в котором каждая из сторон отстаивает свое мнение, свою правоту». В русском языке есть синонимы к слову спор — дискуссия, диспут, полемика, дебаты, прения. Д и с к у с с и я (от лат. *discussio* — исследование, рассмотрение, разбор) — это такой публичный спор, целью которого является выяснение и сопоставление различных точек зрения, поиск правильного решения обсуждаемого вопроса. Участники дискуссии сами приходят к тому или иному выводу. В дискуссионном противоборстве каждый может отстаивать свою точку зрения. Стол-

¹ Цит. по: Наука и жизнь. 1987. № 10. С. 10.

кновение мнений позволяет найти выход из сложившейся ситуации, отвергнуть устоявшиеся догмы. В дискуссии рождаются нестандартные подходы к решению сложных проблем, принимаются конкретные предложения, ценится инициатива выступающих.

В США ежегодно проводится примерно по 50 тысяч дискуссий¹. Большая часть деловых собраний политических и общественных групп проводится в форме дискуссий. Они усиливают интерес общества к экономическим и социальным проблемам, вызывают стремление к позитивным переменам в работе, в жизни страны.

В дискуссиях раскрываются политические и общественные позиции ораторов, выявляются их волевые качества. Надо заметить, что в дискуссии не бывает победителей, выигрывают все, потому что все участники обсуждения заинтересованы в неотложном решении актуальных вопросов. Дискуссии в деловой, политической, научной деятельности нужны новой России как воздух.

В школьной и вузовской практике дискуссия применяется как эффективный метод закрепления и углубления знаний, развития творческого мышления. Темой дискуссии могут быть проблемные вопросы исторической науки, экологии, экономики, инновационных технологий и т.д. Цели дискуссии определяются ведущим. Это может быть приведение участников спора к общему согласию или выявление разных точек зрения. Задача руководителя дискуссии — дать возможность каждому из участников высказаться по обсуждаемой теме.

Особого внимания заслуживает и термин *диспут*. Это слово пришло из латинского языка (от лат. *disputar* — рассуждать) и означало публичную защиту научного труда, который давал право на получение ученой степени. В наше время диспут рассматривается как публичный спор на научную и общественную тему.

Темой диспута может быть новая книга, просмотренный фильм или спектакль и т.д. Несомненно, диспут — такой публичный диалог, в процессе которого сталкиваются разные точки зрения. Порой руководитель диспута, желая избежать «неожиданностей», ставит вопросы так, что в них содержится ответ. Например, в молодежном диспуте «Что значит быть современным молодым человеком?» были поставлены вопросы: *Современный молодой человек предприимчив и коммуникабелен?*; *Молодой человек прагматичен и уверен в своих силах?*

Диспут и дискуссию объединяют следующие цели: выявить суть спорного вопроса, четко обозначить все точки зрения, привести к согласию, убедить.

Иной характер носит полемика (от греч. *polemikos* — воинственный, враждебный). *Полемика* — это спор, при котором имеется

¹ *Сонер П.* Основы искусства речи: пер. с англ. 3-е изд., испр. М., 1995. С. 336.

конфронтация, противоборство сторон, идей и речей. Этот вид спора отличается от дискуссии и диспута своей целевой направленностью. Если участники дискуссии, сопоставляя противоречивые суждения, стараются найти общие решения, установить истину, то цель полемики — одержать победу над оппонентом, утвердить собственную позицию.

Термин «полемика» используется, когда спор ведется в печати и носит продолжительный характер, отличается резким несовпадением точек зрения (например, литературная полемика, научная полемика). Научная полемика обычно несет в себе положительное начало. Сошлемся на описание одной такой полемики.

...Жаркое обсуждение проблемы, как делать шасси для лунохода, развернулось в конструкторском бюро С.П. Королева. Половина сотрудников были убеждены в том, что поверхность Луны каменная и шасси надо делать, как у самолетов, которые садятся на бетон. Другие ученые, опираясь на исследования отраженного света Луны, стали доказывать, что Луна покрыта пылью. Следовательно, если на такую поверхность опустится луноход, он мгновенно утонет в ней. Выход состоит в том, что надо сделать большой надувной мешок. Словом, возникли две позиции, резко отличающиеся друг от друга. Долгие споры ни к какому согласию не привели. И тогда точку в этом споре поставил главный конструктор. Королев уверенно сказал: «Значит, так, грунт у Луны твердый». Один из сторонников «пыльной» теории резко возразил: «Ни один серьезный ученый не подпишет такого утверждения!» С.П. Королев удивился: «Не подпишет? Сейчас». И подписал: «Луна твердая. Королев»¹.

Обе точки зрения дополняли одна другую. Королев это понял: Луна — твердая планета, но покрыта тончайшим слоем пыли. Противоборствующие стороны не хотели уступать друг другу. Чем дальше они углублялись в полемику, тем крепче и упрямее отстаивали свои позиции. Интеллект, интуиция и волевое решение С.П. Королева спасли ситуацию. Решение лидера коллектива предотвратило развитие конфронтации.

Слово *дебаты* (от франц. *debat* — спор) синонимично термину *прения* — русскому слову, которое употреблялось у нас уже с XVII в. В толковых словарях эти термины даются как синонимы: дебаты — прения, обмен мнениями по каким-либо вопросам. Дебатами называют также публичное обсуждение какой-либо общественно важной темы с учетом различных точек зрения на нее.

Интересно, что в Америке дебатирование является учебным предметом в школах, колледжах, университетах. Местное и кабельное телевидение, телевидение штата нередко показывает дебаты по актуальным вопросам. Участники дебатов проходят серьезную риторическую школу: они используют приемы завоевания внимания аудитории, практикуются в умении кратко и точно выражать свои мысли. Готовясь к дебатам, их участники собирают материал по конкретной теме,

¹ *Стешов А.В.* Как победить в споре: о культуре полемики. Л., 1991. С. 3.

читают, конспектируют, подбирают аргументы, продумывают свое выступление. Каждая команда имеет группу поддержки для совместного обсуждения проблем. Соревнования проходят между различными факультетами, вузами. Такой опыт заслуживает внимания: молодежь, умеющая мыслить, отстаивать свое мнение,— гордость любой нации, ее оплот и надежда.

КЛАССИФИКАЦИЯ СПОРОВ

Учитывая многообразие споров, исследователи предлагают систематизировать их. Какие признаки взять за основу классификации? Здесь мнения расходятся. На характер спора и особенности его проведения влияют цель спора, социальная значимость предмета обсуждения, количество участников и т.д.¹ Остановимся на этом подробнее.

1. Спор, в котором стремятся *найти истину*, имеет ряд особенностей. В нем необходимо сопоставить различные позиции для решения той или иной проблемы. Защищая ту или иную мысль, полемисты выясняют, какие возражения могут быть сделаны против нее и насколько они убедительны. Отвергая мысль, высказанную оппонентом, можно выяснить, какие доказательства выдвинуты в ее пользу. Спор ради совместного поиска истины доставляет его участникам удовлетворение, становится для них настоящим «умственным пиром». В таком споре человек познает свои интеллектуальные возможности, приобретает новые знания. И даже если приходится «сдать позицию», человек не испытывает боли от поражения, как это бывает, если участники воспринимают спор как спорт.

2. Целью спора может быть не проверка истины, а *убеждение* в ней оппонента. Спорящий доказывает ему то, в чем сам глубоко убежден. Однако бывает и так, что мотивы убеждения связаны со служебными обязанностями оппонента. И тогда действует принцип «так нужно» в интересах фирмы. Убеждающий при этом совсем не верит в истинность того, что защищает, или в ложность позиции оппонента.

3. Иногда целью спора может стать не проверка истины, не убеждение, а *победа*. Среди спорщиков встречается категория людей, которым нужна только победа. К успеху они стремятся по разным причинам. Одним нужны лавры и слава «непобедимого полемиста», самоутверждение и признание окружающих. Другие любят всегда и во всем побеждать. Такие люди не стесняются в приемах, заявляя, что «победителей не судят». Они любят эффектные победы на глазах аудитории. Обычно таких лавров ищут представители партий в митинговых выступлениях,

¹ Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 22.

миссионеры в беседах с сектантами. С тезисом, с доводами в споре они не церемонятся: все равно, чем сразить противника — «шпагой по всем правилам или оглоблей против всяких правил»¹.

Что объединяет два последних типа спора? И в спорах для убеждения, и в спорах для победы полемисты, не заботясь о логике и доводах, стремятся к острым словесным выпадам, «играют» на эмоциях и чувствах слушателей, используют богатый арсенал ораторского искусства.

4. С п о р а д и с п о р а нравится полемистам, для которых важен сам процесс спора. Им все равно, с кем и зачем спорить. Если вы высказываете одну точку зрения, они обязательно выскажут противоположную и начнут горячо защищать ее. Говорить о логике в таких случаях не приходится: доказанное сегодня, завтра будет опровергаться с такой же горячностью. Часто таких спорщиков можно встретить среди молодежи.

5. Последним в нашей классификации является *спор-игра* (спор-упражнение). Он «в чистом виде» в наше время практически не встречается, но в древнем мире, особенно в Греции, этот вид спора был популярен. Это своеобразный диалог, в котором один из собеседников только задает вопросы, другой — только отвечает. Вопросы предполагают лишь простые ответы «да» или «нет». Спрашивающий преследует цель привести собеседника к противоречию с самим собой. Такой спор приучал оппонента не отступать от тезиса, взятого для защиты.

Рассмотренная классификация видов спора имеет в известной степени условный характер, потому что в споре может преследоваться несколько целей одновременно. Желание убедить в правильности своей позиции может быть связано со стремлением найти истину и одержать победу во что бы то ни стало.

Спор считается успешным, если правильно выделен его предмет. В качестве предмета спора рассматривают положения, истинность которых выявляется путем сопоставления различных точек зрения.

Представим себе, что на одном из вузовских семинаров предметом обсуждения стала проблема «Что значит быть коммуникабельным?». Мнения разделились: одни предложили считать коммуникабельным такого человека, который способен легко контактировать с другими людьми, общаться с ними, вступать в деловые отношения, независимо от своих корыстных целей; другие считали важным условием коммуникабельности человека чистоту его намерений, чуткость по отношению к окружающим.

Стали обсуждать к о м м у н и к а б е л ь н о с т ь литературных героев.

Форум многим известным персонажам дал «милейший» Павел Иванович Чичиков:

¹ Поварнин С.И. Указ. соч. С. 20.

Ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и в гостиницу приезжал он с тем только, чтобы заснуть... о чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, — он показал, что ему небезызвестны и судейские проделки; было ли рассуждение о бильярдной игре — и в бильярдной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах... Удивительно, но даже Собакевич, который весьма редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны, сообщил своей жене: «Я, душенька, познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!»

Предположим, что Чичиков не мошенник, а человек, занятый общественно полезным делом. Такой предприниматель в наши дни сумеет добиться средств и на строительство, и на открытие новых филиалов своей фирмы и т.д. Но если при этом он нарушает законы, дает взятки чиновникам, то коммуникабельность его ставится под сомнение: он непорядочный человек.

А некоторые студенты заявили: «Мы считаем одним из самых коммуникабельных людей Дерсу Узала». Это вызвало недоумение в аудитории. Герой книги В.К. Арсеньева «Дерсу Узала», охотник и собиратель женьшеня, всю свою жизнь провел в дикой тайге. Он практически не видел людей, едва умел говорить по-русски. На каком основании можно говорить о коммуникабельности этого таежного охотника? Полемисты привели убедительные доводы.

Дерсу Узала безошибочно «читал тайгу» (т.е. следы животных и птиц), знал приметы погоды и свойства целебных растений. Неисправимый анималист, он был убежден, что все живые существа, включая животных и даже растения, обладают способностью разговаривать. Поэтому охотник разговаривал с ними. Кроме того, Дерсу охотно общался с людьми, был добрым и доверчивым человеком. Чуткий человек, Дерсу Узала без всякой просьбы отправился в путь, чтобы помочь недоверчивому и замкнутому староверу. И хотя тот считал, что Дерсу не заслуживает уважения как азиат и нехристь, но Дерсу Узала можно назвать коммуникабельным: он благороден!

Аудитория согласилась с таким мнением. Следовательно, коммуникабельным следует считать человека, склонного к общению, умеющего быть инициативным в общении с людьми. Коммуникабельным людям свойственны отзывчивость, стремление к познанию, к деятельности совместно с другими.

Бывают ситуации, когда оппонент «не может уяснить» сам предмет спора. Н.В. Гоголь наглядно показал это в «Мертвых душах». В них пять страниц посвящены диалогу Чичикова с Коробочкой. Увы, помещица так и не может «осмыслить» сам предмет разговора: «Эк ее, дубинноголовая какая! — сказал про себя Чичиков, уже начиная выходить из терпения». Впрочем, замечает Гоголь, «иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка. Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилишь;

сколько ни представляй ему доводов, ясных как день, все отскакивает от него, как резиновый мяч отскакивает от стены».

Конечно, общение с такими людьми-тугодумами вызывает большие трудности. В споре с ними нужно быть сдержанным, не выходить из себя, а постепенно, повторяя самое главное, излагать свою мысль. При этом необходимо уточнять, что уже понято, а что — еще нет. Надо быть готовым к любому повороту разговора.

СПОСОБЫ ВЕДЕНИЯ СПОРА

Качество спора, его результативность во многом зависят от количества людей, принимающих участие в обсуждении назревшей проблемы. В связи с этим признаком можно выделить такие главные группы: с п о р-м о н о л о г (человек в борьбе с самим собой пытается найти правильное решение); с п о р-д и а л о г (классическая полемика двух лиц); с п о р-п о л и л о г (большая группа людей обсуждает серьезную проблему). Спор-полилог считается «массовым», если все участвуют в споре. Если же проблему обсуждает выделенная группа людей в присутствии пассивной аудитории, то такой спор называется г р у п п о в ы м. Споры-полилоги стали неотъемлемой частью жизни нашей демократической России. Здесь тон задает телевидение своими «шоу» с популярными ведущими. Важные вопросы общественно-политической, научной, духовной жизни выносятся на всенародное обсуждение. И это споры не ради споров, а ради получения максимально эффективного результата. Ведь приглашаются к совместному поиску истины профессионалы. Смысл полемики — найти оптимальный, лучший для населения страны вариант решения проблемы.

Споры могут проходить при слушателях и без них. Характер спора, исход его во многом зависит от этого фактора. Присутствие слушателей негативно действует на людей самолюбивых, впечатлительных: победа льстит тщеславию, поражение становится досадным, мучительным. Участники спора при слушателях тщательно подбирают доводы, учитывая реакцию публики, ее настроение.

В общественной жизни очень часто встречается спор для слушателей. Полемисты стремятся не к истине, а к тому, чтобы убедить слушателей и произвести на них впечатление.

Форма спора может оказать серьезное влияние на его результативность.

Выделяются у с т н ы е и п и с ь м е н н ы е с п о р ы. в устном споре, который ведется при слушателях, важную роль играют внешние и психологические факторы. Большое значение имеет внушительная манера держаться и говорить, находчивость, быстрота мышления. Безусловно, робкий, застенчивый человек всегда

проигрывает в сравнении с самоуверенным, дерзким противником. Если спорщики равны по силам, побеждает тот, кто быстрее мыслит и «за словом в карман не лезет». Слушатели ценят умение говорить метко и остроумно.

Письменный спор гораздо более пригоден для выяснения истины, чем устный, хотя и письменный спор имеет недостатки. Он иногда тянется в течение нескольких лет. Читатели, а порой и сами участники спора, успевают забыть отдельные положения. Ситуация осложняется, если спор ведется на страницах двух или нескольких различных изданий. Читателям становится крайне трудно следить за ходом спора.

Споры делятся на **о р г а н и з о в а н н ы е** и **н е о р г а н и з о в а н н ы е**. К организованному спору подготовка планируется. Под руководством специалиста полемисты заранее знакомятся с предметом спора, подбирают необходимый материал, аргументы, продумывают ответы на предполагаемые возражения оппонента. Однако не исключена возможность стихийного возникновения спора, который возникает при обсуждении каких-либо проблем, связанных, например, с учебой, воспитанием, с решением бытовых или производственных вопросов. Выступления оппонентов в таких спорах не бывают достаточно убедительными, а доводы нередко выглядят случайными. В этих случаях не следует принимать скоропалительных решений, нужно дать время оппонентам, чтобы они обосновали свою позицию.

Уровень культуры оппонентов, их компетентность, профессионализм, жизненный опыт имеют решающее значение для успешного завершения спора.

Публичный спор как коллективный метод поиска истины получил теоретическое развитие и практическое применение еще в античном мире. В Древней Греции выделялось два вида спора: **д и а л е к т и ч е с к и й** и **с о ф и с т и ч е с к и й**, причем под диалектикой понималось искусство ведения беседы, спора. Для публичного обсуждения общественных проблем, злободневных вопросов античные философы использовали диалог, излагая свои мысли в форме вопросов и ответов. Они выдвинули учение о всеобщей относительности, о том, что о каждом явлении можно высказывать противоположные мнения, в споре каждый может защитить свою точку зрения. Это самый эффективный способ приобретения знаний, когда в размышлении, в совместном обсуждении проблем рождается истина.

Первым стал применять диалог философ Протагор. Он был известен в Греции как большой мастер спора, организатор публичных диспутов, которые вызывали огромный интерес. Позже диалог как основной метод нахождения истины стал использовать в своей практике Сократ. Он был близким к народу мудрецом, философствовал на улицах

и площадях, всюду вступал в споры. Из сочинений историка Ксенофонта и философа Платона мы узнаем о жизни этого независимого, ироничного, уникальнейшего мыслителя.

Всю жизнь Сократ посвятил поиску истины при помощи бесед и споров. Метод диалектических споров Сократа сводился к обнаружению противоречий в рассуждениях собеседника и выяснению истины посредством вопросов и ответов. В спорах Сократ стремился доказать целесообразность и разумность мира и человека. Если софисты пренебрегали истиной, то Сократ сделал ее «своей возлюбленной». Софисты претендовали на всезнание, а Сократ утверждал, что «знает только то, что ничего не знает».

Темы диалогов Сократа поражают значимостью поставленных в них проблем. Богатство и бедность, добродетели и пороки, свобода и долг, знание и незнание, душа и тело — таков далеко не полный перечень тем, которые обсуждал Сократ со своими собеседниками. Заставляя людей мыслить и сомневаться, Сократ учил задумываться над смыслом и содержанием каждого понятия. Он боролся не только с софистикой, но и с софистическими извращениями в споре.

Когда возникли новые выборные учреждения — народные собрания и суды, появилась потребность в подготовке людей, владеющих искусством политического и судебного красноречия. Каждый свободно рожденный грек мог подняться к вершинам политической власти, овладев силой убедительного слова. Софисты давали не только нужный «минимум» знаний по вопросам политики и морали, но и учили защищать и опровергать любые положения, используя свои методы спора. Софисты разработали технику спора для угождения сиюминутным настроениям толпы.

В Древней Греции этот спор получил название э р и с т и ч е с к о г о и с к у с с т в а. «Методика» обучения этому спору выглядела примерно так.

Софист-учитель придумывал упражнения для тренировки ума своих учеников. Ученики, разгадывая софистические уловки, развивали свои способности противостоять нечестным приемам противника. Практически такие споры представляли собой демонстрацию виртуозности в словесном искусстве. Софисты обучали приемам убеждения и доказательства независимо от истинности доказываемых положений и при этом использовали «нелепые» ходы мысли. Например: «То, что ты не потерял, ты имеешь; ты не потерял рога, следовательно, ты их имеешь». Софисты были убеждены, что можно доказать все, что угодно, и также что угодно опровергнуть. Поиск истины спорящих не интересовал, так как цель таких споров — одержать победу над противником. Аристотель считал эристику софистов псевдодиалектикой. Резкой отповедью софистике является работа Аристотеля «О софистических опровержениях». Автор подчеркивает, что софистические опроверже-

ния следует считать не логическими, а фальшивыми доказательствами и умозаключениями. Используя категории «истинное» и «кажущееся», Аристотель приводит сравнение:

Бывает действительно серебро и золото, и встречаются предметы, по цвету напоминающие эти драгоценные металлы. Точно так же и одни умозаключения и опровержения действительны, а другие нет, но кажутся такими¹.

КУЛЬТУРА ВЕДЕНИЯ СПОРА

Культура ведения спора обязывает опытного полемиста хорошо представлять своего соперника. Человек, о котором мы ничего не знаем, как правило, становится трудным собеседником, и мы рискуем натолкнуться на сильную и непредсказуемую защиту и атаку.

Очень важно уважительное отношение к чужим принципам, мнениям, суждениям. К сожалению, встречаются люди, которые считают себя всегда правыми, а собеседника — некомпетентным человеком. Различные доводы на них не действуют, они их просто не слышат. Подобно Грушницкому из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», они способны слышать и воспринимать всерьез только себя. Вот как об этом написано:

Грушницкого страсть была декламировать: он закидывал вас словами, как скоро разговор выходил из круга обыкновенных понятий; спорить с ним я никогда не мог. Он не отвечает на ваши возражения, он вас не слушает. Только что вы остановитесь, он начинает длинную тираду, по-видимому, имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи.

Неумение слушать — проявление эгоцентризма (когда все внимание концентрируется на себе). Эгоцентризм, как и эгоизм («своя рубашка ближе к телу»), создают психологический барьер в общении. Если добавить к этому еще и другие человеческие пороки (недисциплинированность, нечестность, грубость, вспыльчивость), то становится понятно, почему так важно в споре «прогнозировать» своего противника и «прочитывать» ситуации общения. Стремление добиться истины требует основательной готовности к словесной дуэли.

Защита собственной позиции состоит не столько в умении отстаивать свои идеи от критики оппонентов, сколько в готовности наносить ответные удары по слабым местам в их рассуждениях. В полемике нужно уметь пользоваться приемом конструктивной критики. Но только внимательно слушая собеседника, можно обнаружить уязвимые места в его выступлении для контрудара. Это могут быть неудачные аналогии, предвзятые суждения, софистические уловки и т.д. В доказательствах

¹ *Аристотель*. Топпика. О софистических опровержениях: соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 535.

соперника оратор должен обнаружить эти изъяны и перейти от обороны к нападению. (Мы используем военную терминологию не случайно: в символе древней риторики была муза, держащая меч и щит — доспехи настоящего оратора. Цицерон сравнивал ораторское искусство с военным.) Успешно защищать свою позицию — не означает, что нужно идти «в бой с открытым забралом». Здесь важно соблюдать условия, выработанные в многовековой практике спора. Назовем некоторые из них.

- Нужно дать возможность оппоненту высказаться до конца, не вмешиваясь в ход рассуждений.

- Важно понять точку зрения собеседника, чтобы сопоставить ее со своей. Все познается в сравнении, а в споре — в особенности. Не следует делать комплименты собеседнику и после этого сразу критиковать его.

- Всегда нужно считаться с самолюбием человека, не нужно демонстрировать торжество победителя, если фортуна оказалась благосклонной к вам. Должна соблюдаться и внутренняя, и внешняя сдержанность.

- Признать свои ошибки, поражение в споре — пожалуй, самое трудное для спорщика. А делать это нужно хладнокровно, быстро, без колебаний.

Золотым качеством в споре, как и в жизни, является терпение. Иногда наши мысли опережают слова и фразы. Собеседника не следует торопить, подгонять. Одни споры ведутся «по-джентльменски», другие по принципу «на войне как на войне», третьи — прямо «похамски!»¹. Несомненно, что приоритет принадлежит джентльменскому спору. В нем не допускается никаких непозволительных уловок. Здесь спорщик относится к противнику с уважением, не опускается до высмеивания, пренебрежительного тона, насмешек, грубостей или неуместных острот. Он придает серьезное значение доводам. Ни при каких обстоятельствах не следует использовать «чичиковскую» манеру, создающую видимость спора. Чичиков, если спорил, то «как-то чрезвычайно искусно... Чтобы еще более согласить в чем-нибудь своих противников, он всякий раз подносил им всем свою серебряную с финифтью табакерку, на дне которой, заметим, лежали две фиалки, положенные туда для запаха».

Иногда в споре прибегают к различным уловкам. Уловкой в споре называется всякий прием, с помощью которого хотят облегчить спор для себя и затруднить его для противника. Следует различать позволительные и непозволительные приемы. К позволительным относится «оттягивание возражения». С этой целью уточняют приведенный довод, задают вопросы как бы для выяснения истины, хотя на самом деле в этом нет никакой нужды. И ответ начина-

¹ Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. М., 2002. С. 42.

ют издалека: важно выиграть время, чтобы мысль заработала в нужном режиме. И когда приходит желаемое возражение, вы снова в боевой готовности. Надо делать все это ловко и незаметно для противника. Если противник заметит уловку, он помешает вам сосредоточиться. Эта уловка не только позволительна, но и часто необходима, если вы устали или волнуетесь.

Спор — сложное психологическое испытание, кое-кому оно не по силам, и тогда прибегают к некорректным приемам. Одним из них является неправильный «выход из спора». Спорщик старается всячески «улизнуть из спора», «притушить» его, «прикончить»¹. Такой оппонент не стесняется в средствах. Прием, когда противнику не дают возможности говорить, является самым грубым. Спорщик постоянно перебивает противника, стремится перекричать его, подчеркнуто демонстративно показывает пренебрежение к сопернику: напеваает, свистит, зажимает себе уши. Так могут поступать иногда и слушатели: за дело берется «группа поддержки». Эти слушатели ведут себя под стать футбольным фанатам. Нередко организуется своеобразный «хор» «полуслушателей — полуучастников» спора, которые восхваляют доводы одной стороны и демонстрируют открыто негативное отношение к доводам другой. «Безусловно, правильно», «Превосходно!», «Вот остроумное замечание!» — такие восклицания щедро сыплются в адрес той стороны спора, которую поддерживает специально подготовленная группа слушателей. «Плохие доводы», «Все это только пустые слова», «Слабый ответ», «Доводы, вызывающие жалость» — все это достается той стороне, которую группа слушателей намерена «опровергнуть».

Насилие, физическое принуждение или даже истязание — непозволительные приемы. Их используют в споре для того, чтобы заставить противника принять тезис, т.е. «прийти к согласию»; действуют по принципу «цель оправдывает средства».

К непозволительным уловкам относится «довод к городовому». Суть его в следующем: как только спор складывается не в пользу противника, он указывает на опасность тезиса для государства или общества, т.е. обращается к власти. В данном случае не столь важно, какая это власть — старого режима или нового, «городовые» или «товарищи», но они должны зажать рот противнику. Прибегать к такой уловке могут оппоненты, потерявшие совесть, или совершенно беспринципные люди.

Все некорректные психологические приемы преследуют одну цель: вывести оппонента из равновесия, лишить его возможности четко мыслить и соображать. Один из таких приемов связан с использованием ложных и недоказанных аргументов. Расчет делается на то, что противник этого не заметит. Соперник категорически заявляет: «Давно установлено...»; «Никто не станет отрицать»; «Совершенно очевидно»;

¹ Поварнин С.И. Указ. соч. С. 55.

«Всем известно». Оппоненту остается только упрекать себя, что он не знаком с тем, что всем давно известно.

Часто используется и другая уловка, рассчитанная на чрезмерное самолюбие человека. Софист понимает, что довод сам по себе не доказателен и оппонент может легко опровергнуть его. Тогда возражение сопровождается комплиментом противнику. На самолюбии умеют мастерски играть опытные спорщики. Скажите, кто устоит против таких комплиментов: «Вы, как человек умный, не станете отрицать, что...»; «Нам с вами, конечно, совершенно ясно, что...»; «Человек, недостаточно образованный, довод не оценит и не поймет, но вы не станете возражать». Опытный софист тонко дает понять оппоненту, что относится к нему с особым уважением. Что поделаешь? Такой прием смягчает противника. Еще Крылов заметил: «И в сердце льстец всегда отыщет уголок».

Одной из сильнейших психологических уловок в споре является внушение. Это позволительная уловка, особенно велика ее роль в устном споре. Еще М.В. Ломоносов в своей риторике подчеркивал, что люди статные, дородные внушают доверие. В устном споре привлекает соперник с громким, внушительным голосом, умеющий спокойно рассуждать. Он имеет огромное преимущество перед своим оппонентом. Если человек твердо убежден в своей идее и умеет показать свою «непоколебимость», он импонирует даже противнику, особенно, если у того нет такой убежденности.

К недопустимым психологическим приемам относится уловка с целью вывести противника из состояния равновесия. Если противник «вскипел», то шансов на успех в споре у него остается мало: он уже выбит из седла. Эмоции — не союзник там, где нужна строгая работа мысли, память и умение не пропускать возражений противника. Иногда и артисты, желая «подрезать» соперника, сообщают ему неприятное известие, оскорбляют или чем-то расстраивают перед выступлением. Расчет делается на то, что человек не сможет овладеть собой и «провалит» свой номер.

В повести В.М. Дорошевича «Шалапин в "Мефистофеле"» рассказывается, как группа подкупленных крикунов готовила настоящую театральную «казнь» Шалапину. Хулиганы «жаждали крови», однако уровень таланта был таков, что зрительный зал восторженно принял великого певца. Напомним этот эпизод:

Дирижер в третий раз показывает вступление. И по чудному театру «Скала», — с его единственным, божественным резонансом, — расплывается мягкая, бархатная могучая нота красавца — баса.

—Ave signor!

—A-a-a! — проносится изумление по театру.

Мефистофель кончил пролог. Тосканини идет дальше. Но громовые аккорды оркестра потонули в реве:

— Скиаляпино!

Шляпина, оглушенного этим ураганом, не соображающего еще, что же это делается, что за рев, что за крики, выталкивают на сцену.

— Идите! Идите! Кланяйтесь!

Режиссер в недоумении разводит руками:

— Прервали симфонию? Этого никогда еще не было в «Скала».

Театр ревет. Машут плакатами, афишами.

Кричат:

— Скиаляпино! Браво, Скиаляпино!

Практикуется и такой прием: оппонент говорит очень быстро, выражает свои мысли в труднодоступной форме. Такая уловка используется против неопытного спорщика или человека, мыслящего медленно. И пока честный противник старается понять смысл сказанного, его противник с торжествующим видом заканчивает спор. Он победил, не дав сопернику опомниться. Безусловно, такой спор производит тяжелое впечатление.

Существуют ли контрприемы против софистических методов ведения спора? Панацеи на все случаи не бывает, но можно использовать «профилактические» меры, которые сводятся к соблюдению ряда требований.

1. Спорить можно лишь о том, что хорошо знаешь.

2. Без причины никогда не вступать в спор с «виртуозами» (мошенниками) слова.

3. Необходимо учиться держать спор в памяти, быстро находить ответы, следовать за тезисом противника, не допускать его подмены, ухода от темы.

4. Сохранять спокойствие и полное самообладание в споре.

ПРИЕМЫ ЗАЩИТЫ В СПОРЕ

В споре каждая из сторон стремится к победе. Какие же приемы защиты используются при этом? Обратимся к теории, разработанной древними риториками.

Популярен прием **э ф ф е к т н о е с р а в н е н и е**. Приведем пример:

Французский бактериолог Луи Пастер исследовал в своей лаборатории культуру бактерии оспы. Неожиданно к нему явился незнакомец и представился секундантом одного вельможи, которому показалось, будто ученый оскорбил его, и он требовал дуэли. Пастер спокойно выслушал посланца и предложил: «Раз меня вызывают, я имею право выбрать оружие. Вот две колбы: в одной — бактерии оспы, в другой — чистая вода. Если человек, приславший Вас, согласится выпить одну из них, я выпью другую».

Противник Пастера оказался перед дилеммой: с одной стороны, дуэль на пистолетах, где шансов остаться в живых столько же, сколько и погибнуть. С другой стороны, дуэль «нетрадиционная», угрожающая опасной и неизлечимой болезнью. Можно сказать, что неожиданное оружие, предложенное ученым, оказалось настолько

¹ Дорощевич В.М. Избранные страницы. М., 1986. С. 290—291.

устрашающим, что отчаянный дуэлянт спасовал, и дуэль не состоялась. Надо отметить находчивость ученого, который предложил вельможе мысленно сравнить два вида оружия, предложенных для поединка. При этом Пастер даже не стал анализировать само обвинение как повод к дуэли.

Прием контрастного сопоставления оценок является разновидностью эффектного сравнения. Событие предстает как на киноплёнке — зримо и объёмно — и рельефно открывается проблема, которая ранее не замечалась.

Сравнивая Хрущева с Брежневым, Никсон делает акцент на детали. Плохо сшитый костюм первого, элегантно скроенный — второго. Хрущев любил утиную охоту и принимал в ней активное участие. Брежнев предпочитал охоту на крупную дичь, но делал за него всю «чёрную работу» егеря. Он лишь стрелял из ружья с оптическим прицелом¹.

Приём авторский комментарий служит для разоблачения демагогических заявлений, подтасовок, ложных аналогий, софизмов и других уловок оппонента. Техника использования этого приёма такова: сначала приводится высказывание из речи оппонента или цитата из его публикации. Спорщик обнаружил в них весьма сомнительные доводы и анализирует ход рассуждений автора, раскрывает причины спекулятивных подтасовок, показывает нелогичность выводов, а порой и абсурдность утверждений. При этом важно показать непорядочность оппонента и его единомышленников, личные интересы для которых оказываются важнее государственных.

Обратимся к одному весьма поучительному примеру.

Статья писателя Валентина Распутина «Что имеем...» посвящена проблеме спасения Байкала.

В феврале 1987 г. была создана государственная комиссия для подготовки предложений по охране «славного моря». В. Распутин пишет:

Председатель комиссии, председатель Госплана СССР Н.В. Талызин при обсуждении байкальской проблемы в Иркутске без излишней дипломатии сказал: «Сейчас и глупому ясно, что целлюлозный комбинат на Байкале нельзя было строить». А между тем главный и постоянный защитник — не Байкала, как следовало бы ожидать от ученого, а комбината — академик Н.М. Жаворонков сидел перед Н.В. Талызиным на заседании последней комиссии и снова решал судьбу Байкала... Оказывается, варка целлюлозы только облагородит байкальскую воду, так как в своем природном виде она слабо минерализована и пить ее вредно. «Находчивость» ученых воистину восхищает. Бывший партийный работник в Иркутске П. Кацуба с трибуны обвинял защитников Байкала в пособничестве империализму. Вот так: не больше и не меньше... Кто против целлюлозного комбината, тот враг бурятского народа.

Но в спор вмешалась сама природа, она и остановила «высокую» дискуссию... Вот дело рук комбината: «гибель эпишуры, основного биологического очистителя байкальской воды, и других эндемичных

¹ *Стура Мэлор*. Две фотографии к одному портрету // Неделя. 1988. № 43. С. 16.

видов. Знаменитый омуль вдвое потерял в весе и росте. Десятки тысяч гектаров леса усыхает от воздушных выбросов и сотни тысяч гектаров лесов повреждены»¹.

В результате этого спора победил здравый смысл, благодаря умелому применению риторических приемов, которые помогли убедить оппонентов в их несостоятельности.

В качестве эффектного приема нейтрализации противника и одновременно попытки уйти от спора является **к о н т р в о п р о с**. Это прием интеллектуалов, умеющих исключить возможность критики и остановить развитие диалога.

Известно такое предание:

Однажды к выдающемуся французскому математику и философу Жану Д'Аламберу (1717—1783) явился некий изобретатель, держа в руках машину, которая, по его словам, могла сама себя приводить в движение без всякой опоры на другие тела.

— Стало быть, вы утверждаете, что ваша машина будет двигаться в избранном вами направлении даже в мире, лишенном всех других тел, которые ей просто не нужны? — уточнил Д'Аламбер. И, получив утвердительный ответ, спросил:

— а как ваша машина угадает, где «вперед», а где «назад», если кроме нее вообще ничего нет на свете?

На контрвопрос изобретатель ответить не смог, а Д'Аламбер тут же записал в своем знаменитом трактате «Динамика»: «Тело не может само себя привести в движение, ибо нет никакого основания к тому, чтобы оно двигалось предпочтительнее в одну сторону, чем в другую»².

Прием **ловить на слове** выглядит «нокаутирующим» ударом в кульминации полемики. Особенно достается ораторам-популистам и демагогам. Покажем, как «ловят на слове» одного такого оратора.

На одном из митингов КПРФ оратор, лидер партии, принялся утверждать, что необходимо резко сменить курс нынешнего правительства, так как этот путь в никуда. Коммунисты предлагают самый реальный путь спасения страны: нужны реформы в образовании, медицине, промышленности. Оратор приводил убедительные цифры, факты. Похоже было, что он упивался собственной речью. Но во время паузы кто-то попросил разрешения задать вопрос.

— Мы никого не лишаем слова, и готовы ответить на любой вопрос, — величаво разрешил выступающий.

— Вот я студент, хочу спросить, кто вам, коммунистам, мешал в реализации ваших планов в течение семидесяти лет. Кто пойдет вслед за теми, кто узаконил в стране массовые расстрелы, искал врагов и предателей среди собственного народа, кто посеял животный страх и расплодил доносчиков? Неужели вы не поняли, что песенка ваша спета?

Оратор покрылся испариной, кровь прихлынула к его лицу. Несколько секунд он не находил, что ответить. А потом гневно закричал в микрофон. Это был крик отчаяния — ответ оратора, потерпевшего поражение.

¹ *Распутин В.* «Что имеем...» // Дали отчие, неоглядные. М., 1998. С. 279—281.

² *Таранов П.С.* Искусство риторики. М., 2002. С. 254.

Один из самых действенных приемов — **в о з в р а т н ы й у д а р** (бумеранг). Смысл его в том, что сказанное против вас вы обращаете против оппонента. Здесь требуется быстрая реакция и находчивость полемиста. Известна восточная притча.

Ишарли-хан любил насмехаться над придворными. Однажды он увидел, что у мудреца Кемине сильно распухло ухо. Хан тут же съязвил: «Кемине, ты что, у ишака взял ухо?»

— Да, мой хан, — ответил мудрец. — Ведь ум его взяли Вы, а мне только это и досталось.

Прием **гневная отповедь** представляет собой резкое, порой агрессивное возражение оппоненту. В политических дебатах, в дипломатических беседах иногда возникает необходимость наказать чересчур самоуверенного противника. Так, в записках Екатерины Дашковой приведен фрагмент ее беседы с австрийским канцлером (речь шла о роли Петра I в истории России).

— Разве Вы не считаете, княгиня, что он сблизил Россию с Европой и что ее узнали только со времени Петра I?

— Великая империя, князь, имеющая столь неиссякаемые источники богатства и могущества, как Россия, не нуждается в сближении с кем бы то ни было. Столь грозная масса, как Россия, правильно управляемая, притягивает к себе кого хочет. Если Россия оставалась неизвестной до того времени, о котором вы говорите, ваша светлость, это доказывает — простите меня, князь, — только невежество или легкомыслие европейских стран, игнорирующих столь могущественное государство¹.

На вопрос собеседника иногда отвечают **к о н т р п р и м е р о м**. Это оправдано в том случае, если вы не желаете отвечать оппоненту, стремясь скрыть ту или иную информацию. При этом нередко прибегают к шутке, ссылаясь на событие, известное всем участникам спора. Это не только тактичный уход от вопроса, но и демонстрация гибкости мышления. Здесь на первое место выходят ассоциации. Вот как воспользовался этим приемом наш остроумный оратор.

В беседе с космонавтом А.А. Леоновым на встрече в США один из репортеров заметил: «Не слишком ли дорого обходится исследование космоса?»

«Конечно, дорого. Наверное, и испанской королеве было жалко денег на экспедицию Колумба. Но она дала их. И кто знает, когда бы открыли Америку, если бы королева пожадничала».

Все смеются, аплодируют. И громче всех репортер².

И р о н и я — это скрытая, тонкая насмешка, которая также используется как полемический прием. Порой она задевает противника сильнее самых убедительных доводов. Ироническое словоупотребление предполагает не буквальное и прямое значение слов, а явно противоположное. Рассказ К. Минькова назван «Добрая душа», прочитав его, мы понимаем, что «добрым» назвать героя никак нельзя.

¹ Цит. по кн.: *Дашкова Екатерина*. Записки. Л., 1985. С. 126—127.

² Цит. по кн.: *Ножин Е.А.* Основы советского ораторского искусства. М., 1981. С. 313.

С каждым посетителем он вежлив, тактичен. Выслушает жалобу, тут же запишет «сроки выполнения просьбы» в настольный календарь. Укажет дни, часы и сроки исполнения. Если бы знали благодарные просители, что в конце рабочего дня «добрая душа» вырывает из календаря листок с фамилиями просителей, скатывает из него бумажный шарик и бросает в корзину под столом.

В умелых руках ирония — разящее оружие.

Знание приемов защиты в споре — это еще не гарантия успеха. Нужно учитывать ситуацию общения, следить за аргументацией оппонента, видеть сильные и слабые стороны противника. Находчивость, быстрота мышления, умение владеть собой — главные качества полемиста в защите своей позиции.

ИСКУССТВО ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ В СПОРЕ

Путь к познанию истины начинается с вопросов. Умение ставить разнообразные вопросы и логично отвечать на них — несомненный признак гибкости ума человека. В споре с помощью вопросов можно добиться решения существенных задач: а) обменяться мнениями; б) выяснить позицию оппонента, заставив его полностью раскрыться; в) взять инициативу в свои руки и удерживать ее в течение спора и т.д. Однако далеко не всегда вопросы в споре имеют созидательную направленность. В них может быть заложена и разрушительная сила, если спорщики преследуют спекулятивные цели: опорочить идею противника, создать тупиковую ситуацию, блокируя обсуждение предложений и открыто навязывая противоборство. Преследуя личные, порой корыстные интересы, к победе идут прямыми и окольными путями.

В теории спора существуют различные классификации вопросов, рассмотрим наиболее известную.

В о п р о с - к а п к а н ставится с провокационной целью из расчета на то, что оппонент потеряет самообладание и будет иметь сконфуженный вид. Лучшее средство защиты от таких вопросов — ирония, юмор. Приведем наглядный пример.

Однажды на телевизионной пресс-конференции известного кинорежиссера Н.С. Михалкова спросили: «Как авторитет отца, автора гимна СССР, помогал Вам добиваться успехов в жизни и на профессиональном поприще? Не правда ли, что Вам с детства была открыта дорога к славе?» Михалков-младший спокойно парировал: «Вы знаете, Волга течет во все времена, при любых обстоятельствах. Хочу Вам заметить, что один из моих прадедов — великий русский художник Василий Иванович Суриков»¹.

Опыт показывает, что в споре всегда нужно быть осмотрительным, не позволять втягивать себя в разговор, от которого выигрывает

¹ Телеканал «Россия». 24 декабря 2004 г.

противник. Надежное средство ухода от вопросов-капканов — анекдот, ирония, возвратный удар (бумеранг).

К о н т р в о п р о с помогает нейтрализовать мнение оппонента. Журналист Мэлор Стуруа делится воспоминаниями.

В июне 1979 года на венской встрече в верхах Л.И. Брежнев, по сути дела, не мог ходить. Его ловко, почти незаметно для постороннего глаза, носили, именно носили, а не поддерживали, бравые молодцы из личной охраны. Атмосфера была наполнена вопросами о здоровье генсека. Американские корреспонденты буквально наседали. Мы были немые как рыбы. Когда прозвучал последний вопрос, я не выдержал. Конечно, речь шла о личности Брежнева, но рикошетом была по нашей державе, это было по-человечески неприятно. Обращаясь к сидевшему между Пауэллом и Замятинным представителю австрийского МИДа, я потребовал права на дополнительный вопрос, чтобы «восстановить нарушенный паритет», ибо львиная доля вопросов пришлась на наших американских коллег. Австрийский дипломат дал свое благосклонное добро, и я, сдерживая волнение, как перед атакующим броском, выпалил:

— Мой вопрос господину Пауэллу. Как обстоит дело с политическим здоровьем президента Картера?

В зале раздался дружный смех. Смысл моего вопроса был ясен для посвященных, а в зале сидели только они. Политическое будущее президента Картера выглядело весьма мрачно... Джон Пауэлл, надо отдать ему должное, не растерялся:

— Политическое здоровье Картера такое же, как и здоровье Брежнева, — ответил он, слегка улыбнувшись: мол, понимай как знаешь.

На этом пресс-конференция закончилась. Американцы хлопали меня по плечу, хвалили мою находчивость¹.

Б л о к и р у ю щ и й в о п р о с задается для того, чтобы добиться ответов, которые не соответствуют позиции собеседника. Чтобы мысль оппонента работала в нужном нам направлении, необходимо умело формулировать вопросы. При этом блокируются возможные альтернативы и отступления от «намеченного курса». Блокирующий вопрос задал капитан «знатоков» во время весенней серии игр «Что? Где? Когда?»:

— Будем ли мы отказываться от помощи клуба, когда наступила решающая стадия игры?²

К а в е р з н ы е в о п р о с ы любил задавать Сократ. Во время суда над ним он объяснил, почему постоянно задавал их людям. Философом двигало стремление пробудить в собеседниках чувство справедливости и желание отвратить их от дурных поступков. Себя он сравнивал с оводом, не дающим скотине зажиреть от дремоты. Свои язвительные уколы в спорах Сократ объяснял так: он, как овод, призван жужжать и кусать, чтобы государственные мужи честно служили обществу³.

¹ Стуруа Мэлор. Две фотографии к одному портрету // Неделя. 1988. № 43. С. 17.

² Телеканал ОРТ. 26 апреля 2006 г.

³ Спиркин А.Ф. Философия: учеб. М., 1999, С. 49.

Каверзные вопросы к оппонентам обычно вызывает их дилетантский подход к делу, а также попытки ввести в заблуждение собеседника нечестными приемами в споре. Чтобы избежать каверзных вопросов, нужно быть открытым, искренним в своих суждениях и поступках.

Уточняющие вопросы ставятся для выяснения истинности или ложности выраженного суждения. Например: «В первой или во второй половине дня состоится защита дипломного проекта?»; «Можно ли считать виновными в правонарушениях подростков только школьных воспитателей?». Уточняющие вопросы позволяют получить дополнительные сведения о позиции говорящего: «Какие контраргументы приводят ваши противники?»; «В чем, по-вашему, выход из создавшегося положения?».

Восполняющие и **называющиеся** вопросы, которые связаны с получением новых сведений относительно предметов, событий, явлений. Эти вопросы включают слова: *что, где, когда, как, почему* и др. Например: «Когда состоялось заседание ученого совета университета?», «В каком месяце этого года начинаются “веселые старты” школьников?». В дискуссии, полемике рекомендуют задавать простые вопросы. И уточняющие, и восполняющие вопросы по составу могут быть простыми и сложными, они могут выявлять компетентность выступающего, уровень его интеллекта, эрудиции. Например: «Не могли бы вы привести факты, доказывающие, что письменность в Древней Руси была доступна многим простым людям?»; «Какие доводы вы смогли бы привести в пользу актуальности реформы русской орфографии?». Это сложные вопросы, ответить на них может только подготовленный оратор.

По содержанию вопросы аудитории к оратору делятся на два вида: **разъяснительные** и **дополнительные**. Первые задаются с просьбой разъяснить то или иное непонятное место в речи, вторые — связаны с проблемами, имеющими отношение к теме, но не затронутыми оратором. Чем логичнее и убедительнее доклад или лекция, тем меньше требуется разъяснительных вопросов. Чем интересней, оригинальней речь оратора, тем больше дополнительных вопросов она вызывает.

В споре очень ценится остроумный ответ. Находчивость полемиста, его умение сориентироваться в обстановке, найти самые точные слова для ответа, скорость реакции помогают оратору выйти из затруднительного положения. Важно помнить, что спор — это не только интеллектуальное соревнование, но и поединок, требующий напряжения всех духовных сил человека. Поэтому выдержка, хладнокровие — лучшие союзники спорящих. Важно уважать оппонента и не вступать в полемику с противником, который стремится к победе любой ценой.

Необходимо отметить, что ораторское искусство никогда не было однородным. Различные роды и виды ораторской речи исторически выделялись в зависимости от конкретной сферы применения.

Часть II

КУЛЬТУРА РЕЧИ ОРАТОРА

Глава 5

Словесное выражение мысли

ТОЧНОСТЬ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Мы одеваем свои мысли в слова. Чтобы речь точно отражала мыслительную деятельность оратора, он должен употреблять слова в полном соответствии с теми значениями, которые за ними закрепились в языке. Употребление слов без учета семантики (т.е. *значения*) недопустимо в публичных выступлениях, оно искажает смысл речи, подрывает авторитет оратора. В выступлениях политиков, депутатов Думы, журналистов лексические ошибки не редкость. Например: *Нужно немедленно **урегулировать** кровопролитие* (следовало сказать: *остановить*); *Новые города **возникнут** в отдаленных районах* (будут построены); *Эта передача выходит **ежедневно по средам***; *Мы **удвоили** наше состояние **почти втрое***.

Употребление слов без учета семантики становятся причиной абсурдности высказывания (два последних примера). Обмолвки оратора придают неуместный комизм его речи: *Поздравим нашего коллегу с **очередным** тридцатилетием; у **отца** героя **не было** детей*.

Лексические ошибки нередко носят ассоциативный характер. Например: *Красивы наши березки в подвенечном **саване***; *В течение февраля продолжительность **суток** возрастет на два часа*. Ложные ассоциации подвели ораторов: у невесты — *фата*, у покойника — *саван*; увеличится *световой день*, но не сутки.

Ошибка в выборе слова может обернуться анакронизмом. Так называют употребление слова без учета хронологических границ его использования в языке. Например: *В конце VI в. до н.э. увеличился поток греческих **туристов**, которые направлялись в Египет...*

*С конца XVIII в. вокруг башии начал создаваться толкучий рынок — знаменитая Сухаревка, куда устремлялась городская беднота, приобретая здесь **секонд-хенд**.*

Точность речи ораторов порой снижается из-за э в ф е м и з м о в (от греч. *eu* — хорошо, *phemi* — говорю) — слов, смягчающих обидный, грубый смысл высказывания. В повседневном бытовом общении мы можем сказать: «Ты *фантазируешь*» (вместо: Ты *врешь*). Но в речи оратора эвфемистичность уводит от истины. Так, в ответе корреспонденту ТВ комендант Грозного сообщил: *Мы не арестовываем никого, не задерживаем, мы просто перемещаем такого человека туда, где он не желает быть*. Другие примеры эвфемистичности речи политиков: *Если я буду ощущать какой-то дискомфорт в отношении честности, я уйду в отставку* (из выступления губернатора); *За 1999 год мы почти что на семьсот тысяч снизили количество пенсионеров* (из речи министра труда и социального развития). Эвфемизмы завуалировали негативные явления нашей общественной жизни, но политики должны были сказать открыто, что бандитов арестовали, что честный губернатор не будет покрывать взяточников, что пенсионеры умирают из-за бесчеловечного к ним отношения...

Для правильного употребления слов в речи недостаточно знать их точное значение, необходимо еще учитывать особенности лексической сочетаемости, т.е. их способность соединяться друг с другом. Так, «похожие» прилагательные *длинный, длительный, долгий, долговременный, продолжительный* по-разному «притягиваются» к существительным: *длительный (продолжительный) период* (но не: *длинный, долгий, долговременный период*); *долгий (длинный) путь; продолжительные сборы, долговременный кредит*. Нередко слова с одинаковым значением могут иметь разную лексическую сочетаемость (*истинный друг — подлинный документ*).

Соединение слов в словосочетания может наталкиваться на разного рода ограничения. В зависимости от этого различают нарушения семантической, грамматической и лексической сочетаемости. Семантическая сочетаемость нарушена, например, в таких случаях: *облокотиться спиной; Он спал, стоя на ходу*.

В речи ораторов наблюдается нарушение семантической сочетаемости: *Голос цифр неутешителен; Я об этом говорил выше* (следовало: *ранее*); *Этот факт гласит черным по белому...* (так можно только *писать*).

Нарушение грамматической сочетаемости отмечено в предложениях: *Много нервов приходится тратить; Большинство времени депутаты тратят на дискуссии; Большинство транспорта устарело*. Слово *большинство* не соединяется с существительными, которые не подвергаются счету (нельзя сказать «два транспорта»). Пародийный пример нарушения грамматической сочетаемости — *моя твоя не понимает* (притяжательные местоимения не соединяются с личной формой глагола).

Чаще всего нарушается лексическая сочетаемость, когда объединению слов препятствуют сложившиеся традиции их употребления. Так, принято говорить *причинить горе, неприятности*, но нельзя сказать *при-*

чинить радость, удовольствие. Еще примеры лексической несочетаемости: *На следующей неделе по всей стране пройдут обильные демонстрации, возможны кратковременные митинги* (из речи депутатов Госдумы).

Нарушение лексической сочетаемости может быть вызвано ко нтаминацией похожих словосочетаний. Например, говорят: *удовлетворять современным потребностям*, смешивая сочетания *удовлетворять требования* и *отвечать потребностям*; *предпринять меры* (правильно: *принять меры, предпринять шаги*); *Улучшили художественный уровень экспозиций народные музеи (уровень может возрасти, повыситься; улучшить можно качество)*. В речи ораторов часто случается контаминация близких словосочетаний (*не играет значения из не играет роли — не имеет значения; уделять значение из уделять внимание — придавать значение* и под.).

Как ни странно, политики, выступающие с высоких трибун, нередко допускают такие лексические ошибки, которые создают абсурдность высказывания. Например: *Читая газеты и разные мнения в период гласности, со многими не соглашусь и скажу: лично мой идеал — сильная власть плюс подозреваемость всего поголовья населения страны; Не отвлекайте меня, дайте мне спокойно поволноваться; Времени мало, поэтому я буду говорить не думая, и слушайте меня внятно, чтобы наша встреча принесла положительные плоды.*

Такие обмолвки, абсурдные фразы становятся причиной неуместного комизма: над оратором смеются. Не удивительно, что остроумные журналисты обыгрывают подобные лексические ошибки для создания юмористической окраски речи. Например: *Даже руководителям предприятий приходится решать вопрос пешком — нет персональных машин; «Привет, дорогой!» — воскликнул вошедший и нанес директору дружеский поцелуй в еще соленые губы; Кого не устроит чертополох предписаний и буйство канцелярских бумаг?* (из газ.).

РЕЧЕВАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ

Порой очень важно кратко и оперативно преподнести ту или иную информацию. Об этом хорошо знают радио- и тележурналисты, но иногда даже в их речи мы замечаем многословие. Например, известный диктор сообщает: *А сейчас на первом канале время «Новостей», и мы с вами узнаем, что сейчас происходит в мире* (следовало ограничиться первой частью высказывания). Радио «Маяк» транслирует речь губернатора, который говорит: *Смотрите, как рассматривается административная реформа* (первое слово лишнее). *Нам необходимо целенаправленное управление* (столкнулись однокоренные слова); *Беспризорные дети остаются без призора*. Засорение нашей речи ненужными словами иногда создает комическую ситуацию, что заметили юмористы. Михаил Задорнов цитирует (или придумывает) смешные примеры пустословия

из «инструкций»: *Правый ботинок надевать строго на правую ногу; Аппарат телефонный прикладывать только к уху; Открытую бутылку держать горлышком вверх* и т.д. Бессмысленность таких фраз очевидна.

Стилисты называют многословие р е ч е в о й и з б ы т о ч н о с т ь ю, этот порок может встретиться в любом тексте, независимо от жанра. *Я слышал по слухам... Он заявил любопытное заявление... Наша передача посвящена творчеству ветеранов технического творчества* (из выступлений телеведущих); *Направление развития экономики в XX веке и у нас, и на Западе приняло ложное направление; В случае таких случаев значение выделенных денег МВФ России не имеет значения* (выступления депутатов Госдумы); *Хочу коснуться еще одного момента, касающегося доверия избирателей: предпринимаемые нами меры ни в коей мере не должны подрывать доверие к государственным учреждениям; Для решения этой проблемы нужны решительные действия всех коллег по профессии, которые должны решиться принять участие в разрешении создавшегося конфликта* (выступления губернаторов); *Акт не подписан, а подписана копия, но на том экземпляре, что подписан, написано, что он переписан с подлинника, который не подписан* (официально-деловой документ); спортивный комментатор сообщает: *Спортсмены прибыли на международные соревнования для того, чтобы принять участие в соревнованиях, в которых будут участвовать не только наши, но и зарубежные спортсмены.*

«Краткость — сестра таланта», — утверждал А.П. Чехов и пародировал многословную речь своих персонажей: *Все это дело вышло из-за, царствие ему небесное, мертвого трупа.* Такое проявление речевой избыточности называется л я п а л и с с и а д о й.

Интересна история этого термина: французские солдаты, очень любившие своего командира, после его гибели в бою сочинили песню, в которой были слова: *Наш командир еще за 25 минут до своей смерти был жив.* От имени этого героя, маркиза Ля Палиса, убитого в 1525 г., и образован термин ляпалиссиада, который указывает на комическую нелепость многословия. Такая речевая избыточность встречается и в речи современных ораторов, например: *Наш главный редактор умер, и нам нужно избрать нового из числа живущих.*

В современной риторике различают несколько видов речевой избыточности. Она может принимать форму п л е о н а з м а (от греч. *pleonastmos* — излишество), т.е. употребления близких по смыслу и потому лишних слов (*главная суть, повседневная обыденность, бесполезно пропадает* и т.п.). Часто плеоназмы появляются при соединении синонимов (*мужественный и смелый, только лишь, в конечном итоге*); использовании ненужных уточняющих слов (*упал вниз, моргать глазами, топтать ногами, жестикулировать руками, влюбленные друг в друга*). Плеоназм создает и одновременное употребление существительного и дублирующего его местоимения: *Этот вопрос, он меня всегда интересовал; Иванова и Петрова — их я не знаю.*

Разновидностью плеоназма является тавтология (от греч. *tauto* — то же самое и *logos* — слово) — повторное обозначение уже названного понятия (*умножить во много раз, возобновить вновь, необычный феномен, движущий лейтмотив*). Явная тавтология возникает при повторении однокоренных слов: *Можно спросить вопрос? Скрытая тавтология* возникает при соединении иноязычного и русского слова с одинаковым значением (*памятные сувениры, впервые дебютировал*).

Скрытая тавтология обычно свидетельствует о том, что говорящий не понимает точного смысла заимствованного слова. Так появляются сочетания: *юный вундеркинд, мизерные мелочи, внутренний интерьер* и т.п.

Столкновение однокоренных слов, повторение их, создающее тавтологию, крайне нежелательно в устной речи, так как отрицательно сказывается на звучании фразы. Например: *Наш директор понимает, что он чего-то не понимает, но понимая это, он не понимает, чего именно он не понимает; Начались весенние выбросы очистительных сооружений производства по производству отходов производства; Обвиняемый пытается доказать свою правоту бездоказательными доказательствами*.

Однако неправильно было бы считать всякую речевую избыточность злом. Употребление в одном словосочетании, предложении однокоренных слов бывает оправдано в том случае, если они являются единственными носителями соответствующих значений. Не избежать повторения однокоренных слов, когда надо сказать: *Постели постель; Напиши письмо*. Тавтологические сочетания становятся допустимыми, если изменяются значения входящих в них слов: *букинистическая книга* — это не «книжная», а редкая, старинная книга. Закрепились в языке, например, словосочетания *экспонаты выставки, монументальный памятник* и др. В языке немало тавтологических сочетаний, употребление которых неизбежно: *словарь иностранных слов, следственные органы расследовали* и т.д.

Нередко повторение слов, плеоназмы, тавтология являются стилистическими приемами усиления. Избыточные словосочетания фразеологизируются: *Автобус битком набит; лежамя лежит, криком кричит*.

Поэты, придающие особое значение звуковой стороне речи, используют повторение слов вместе с аллитерациями, ассонансами как яркий прием звукописи: *Ландыш милый, ландыш нежный, / Белый ландыш, ландыш снежный, / Наш цветок! (Бр.); Бузина цельный сад залила! / Бузина зелена, зелена! / Зеленеет, чем плесень на чане. / Зелена — значит, лето в начале! / Синева до скончания дней! / Бузина моих глаз зеленей! (Цв.)*.

РЕЧЕВАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

Речевая недостаточность, или пропуск нужного слова, относится преимущественно к ошибкам в устной речи: *Картины маслом помещены в дорогие рамы* (следовало сказать: *написанные маслом*);

На уроках рисования Н.И. Карпенко сумела воспитать прекрасное в своих учениках (чувство прекрасного). В подобных случаях можно догадаться, какое слово пропущено, и на смысл высказывания это не влияет. Однако чаще речевая недостаточность оборачивается искажением мысли оратора или автора какого-нибудь объявления. Так, пропуск слов создает абсурдность в объявлениях: *Тараканы. Успех гарантирован на 100%; Лекарство от головы, от сердца, от почек; Меняю двухкомнатную квартиру со всеми удобствами на метро «Краснопресненская»; Обмен квартир на Подмосковьё.* Подобные речевые ошибки не следует смешивать с риторической фигурой убавления — э л л и п с и с о м, в основе которого пропуск каких-либо речевых единиц, чаще всего сказуемого. Эллиптические конструкции придают динамизм разговорным фразам (*Кто куда, а я — на свидание*), отражают стремительность действий (*Я за свечку, свечка — в печку* [Чук.]). Экспрессивны призывы, лозунги, построенные по этому принципу: *Миру — мир!; Все лучшее — детям!; Все на выборы! Ни шагу назад!* и т.д. Эти предельно краткие восклицания несут в себе заряд энергии, но нисколько не затемняют смысла речи, они ясны, действенны, в отличие от фраз, искаженных речевой недостаточностью, нередко порождающей абсурдность высказывания, как, например, в таких случаях: *Охрана: мужчины до 45 лет; Принимая это лекарство, вы похудеете на 100%; Хороших работников мы награждаем Доской почета.* Речевая недостаточность нередко приводит к логическим ошибкам в речи.

ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

КАК СЛЕДСТВИЕ НЕТОЧНОГО СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Неправильный выбор слова, речевая недостаточность часто искажают смысл высказывания. Так, телеведущий обратился к зрителям со словами: *Сейчас я вам прочитаю несколько звонков* (имеются в виду сообщения или просьбы, замечания абонентов, позвонивших по телефону на студию). Речевая недостаточность привела к п о д м е н е п о н я т и я (звонки не читают). Такую ошибку часто допускают составители объявлений, удивляя нас отсутствием логики: *Больные, не посетившие амбулаторию в течение трех лет, выкладываются в архив; Сдается квартира с ребенком; Санэпидемстанция готовит отравленную приманку для сотрудинок фабрики; Мясокомбинату требуется работник для начинки.*

Пропуск слова, ставший причиной абсурдности высказывания, можно встретить и в газетных публикациях, например: *В Канаде у фермера родилась необыкновенная овца; В первый год жизни дети ходят гулять только на руках.*

В иных случаях причиной абсурдности высказывания становится употребление лишних слов. *Гостеприимные хозяева угощают нас оригинальным подбором национальных блюд* (лишнее слово *подбор*); *Плохо,*

когда во всех кинотеатрах города демонстрируется одно и то же **название фильма** (демонстрируется один и тот же фильм).

Нелогичной нашу речь делает и неоправданное **расширение или сужение понятия**: *Я приехал на общественном транспорте* (на метро); *Это дикие места, непроходимая тайга, где не ступала даже нога журналиста* (человека). Объявление: *Стоянка охраняется животными*. При расширении понятия (первый и последний примеры) используется родовое наименование вместо видового, и это не только лишает речь точности, но и приводит к утрате тех конкретных сведений, которые составляют живую ткань речи, что придает ей канцелярскую окраску.

Родовые наименования нередко представляются говорящим более значительными, создают впечатление «важности» высказывания. Поэтому, как заметил один вдумчивый критик, человек, желающий высказаться «покультурнее», не решается порой назвать шапку шапкой, а пиджак пиджаком и произносит вместо этого строгие слова: *головной убор, верхняя одежда...* С.Я. Маршак обращался к своим современникам с упреком... *Обеды, ужины мы называли пищей, а комната для нас жилплощадью была.*

Речевая недостаточность может стать и причиной **алогизма**, т.е. сопоставления несопоставимых понятий. Так, в очерке о жизни цветов читаем: *Художник проник во внутреннее состояние души цветка; оно родственно человеческой душе, дарящей добро людям...* Красиво сказано, но... нелогично. Ошибка состоит в том, что состояние души (цветка) сопоставляется с человеческой душой — неправомерность сопоставления очевидна. Подобных примеров можно привести множество: *Сравним показатели первой таблицы с седьмой таблицей; Сравните наши цены с конкурентами* (Новогодняя распродажа в «Эльдорадо»); *Показатели этого года намного лучше прошлого года*. Все это алогизмы.

Термин «алогизм» восходит к греческому источнику, частица *a* указывает на отрицание: *алогичный* — *нелогичный* (ср.: *аморальный, асимметричный*).

Проанализируем несколько предложений с логическими ошибками. *Если правильно вырастить и посадить рассаду картофеля, можно получить не уступающий нормальному способу посева урожай картофеля*. Получается, что урожай «не уступает способу посева», т.е. сопоставляются несопоставимые понятия. Очевидно, выступавший хотел сказать, что из рассады картофеля можно вырастить урожай, не уступающий урожаю при обычном способе посадки клубнями.

В статье, посвященной творчеству драматурга А.Н. Островского, есть такие утверждения: *Сложный и оригинальный внутренний облик Катерины нашел свое отражение в ее языке, самом ярком среди всех действующих лиц «Грозы»* (язык оказался действующим лицом); *Самым бедным из этой группы действующих лиц является язык Варвары* (та же ошибка).

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СЛОВА

Слова книжные и разговорные

Риторика придает особое значение лексике, используемой оратором, писателем. Чтобы привлечь внимание слушателей (читателей), следует отказаться от стандарта, сделать речь эмоциональной, выразительной. Нейтральная, общеупотребительная лексика не способна оказать столь сильное воздействие на аудиторию, как экспрессивное слово. Поэтому, обдумывая словесное выражение мысли, важно учитывать стилистическую принадлежность и оценочные свойства употребляемых в речи слов. «Оратор, который не просто сообщает нечто, а говорит эмоционально, в большей степени имеет право рассчитывать на успех, чем его неэмоциональный коллега», — справедливо указывают авторы одной из книг по риторике¹.

Стилистическая окраска слов зависит прежде всего от их принадлежности к определенному функциональному стилю. В современном русском языке четко противопоставлены к н и ж н ы е стили (научный, официально-деловой, публицистический, религиозно-проповеднический) и р а з г о в о р н ы й. Стилиевую закрепленность слов мы легко определяем, даже не заглядывая в толковые словари, в которых к словам даны стилистические пометы. Так, мы чувствуем связь терминов с языком науки (*квантовая теория, эксперимент, монокультура, фоника*), выделяем публицистическую лексику (*электорат, агрессия, провокация*), узнаем по канцелярской окраске слова официально-делового стиля (*надлежит, воспрещается, фигурант, нижеследующий*).

Ни за одним из книжных стилей не закреплены слова о б щ е у п о т р е б и т е л ь н ы е (*дом, работать, хороший, два, много, быстро*), они в толковых словарях даются без стилистических помет и употребляются в речи без ограничений. В отличие от них функционально закрепленная лексика требует к себе особого внимания.

Разговорные, а тем более просторечные слова нельзя употреблять в беседе с человеком, с которым мы находимся в официальных отношениях, или в ответе на экзамене, на уроке. Как оценить, например, разговорно-просторечную лексику в речи ученика? *в образе Хлестакова Гоголь показал жуткого нахала, который всем вешает лапшу на уши и хапает взятки... Все помещики у Гоголя — дураки и жмоты...* Нелитературные слова здесь неуместны.

Покажем правильное использование функционально закрепленной лексики. Талантливые ораторы обращаются к книжным словам, посвящая свои речи серьезным, важным темам. Например, известный русский мыслитель И.А. Ильин говорил в своей речи «О путях России»:

¹ Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика. Ростов н/Д, 2004. С. 212.

Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. Ни один народ не вынес из таких испытаний и таких мук — такой силы, такой самобытности, такой духовной глубины. Тяжек наш крест. Не из одних ли страданий соткалась ткань нашей истории? И если мы, подчас изнемогая, падаем под бременем нашего креста, то роптать ли нам и хулить ли себя в час упадка или молиться, крепиться и собирать новые силы?..

Слушатели, несомненно не смогут остаться равнодушными к такой речи, проникнутой патриотическим пафосом.

Однако далеко не все книжные слова способны украсить речь оратора. Если он подвержен влиянию официально-делового стиля, то может испортить свое выступление неуместным употреблением канцеляризма, которые лишают речь живости, эмоциональности. Остановимся более подробно на этих элементах «бюрократического красноречия», восходящих к языку деловых бумаг.

К лексическим канцеляризмам относятся такие, например, слова, как *наличие, за неимением, проживать, изымать, вышеперечисленный, нижеследующий*. Можно ли одобрить выражение мысли в таких фразах? — *При наличии желания можно многое сделать по улучшению условий труда трудящихся... в целях улучшения задачи погашения задолженности по выплате зарплаты, необходимо ликвидировать недополучение налоговых сборов...*

Канцелярскую окраску высказываниям придают отыменные предлоги (*в целях, в силу, по линии*), отглагольные существительные, наизывание форм родительного падежа (особенно заметное во втором примере). Чтобы завоевать внимание слушателей, выступавшим надо было говорить проще, например, так: *Если только захотеть, можно значительно улучшить условия труда рабочих; Чтобы погасить задолженность по зарплате, необходимо полностью собирать налоги.*

Только простые и ясные формулировки заставят аудиторию прислушаться к выступлению чиновника.

С влиянием официально-делового стиля обычно связывают и употребление речевых штампов — навязчиво повторяемых слов и устойчивых словосочетаний: *вопрос, мероприятие, на высоком уровне, в данный период времени, на сегодняшний день* и т.д. Они, как правило, ничего не вносят в содержание высказывания, например: **Вопросы диетического питания имеют важное значение в первые дни после операции; В данный период времени на предприятии сложилось трудное положение; На данном этапе школьная реформа буксует.** В таких фразах значение не изменится, если исключить речевые штампы, потому что в них не содержится никакой информации.

Для школьников, студентов канцеляризмы не представляют серьезной угрозы, учащимся следует избегать литературных штампов, усвоенных из старых учебников. О любимых литературных героях школьники часто пишут бесцветным, невыразительным языком, повторяя одни и те же фор-

мулировки: *Радищев отрицательно относится к царскому самодержавию; Грибоедов отрицательно относится к фамусовскому обществу; Чацкий отрицательно относится к галломании. Обличение крепостничества является основной идеей стихотворения Пушкина «Деревня»; Эти слова («Здесь барство дикое...») явились протестом против русской действительности; Татьяна является моим любимым литературным героем; Катерина является лучом света в темном царстве и т.д.*

Даже канцеляризмы проникают в школьные сочинения: *Пушкин дал положительную характеристику Татьяне; Онегин предпринял попытку заняться общественно полезным трудом...* Стиль таких сочинений «украшают» отглагольные существительные: *Манилов все свое время проводит в строительстве воздушных замков; Когда жандармы сообщают о приезде настоящего ревизора, чиновники приходят в окаменение...* Пушкинская Татьяна не избежала печальной участи быть описанной таким же «суконным» языком: *Героиня проводила свое время в чтении французских романов; Татьяне была характерна вера в преданья простонародной старины; Объяснение Татьяны с Онегиным происходит в саду; Разговор Татьяны с няней происходит ночью; Для раскрытия образа Татьяны большое значение имеет эпизод ее беседы с няней.* А ведь можно было написать просто: «Чтобы понять Татьяну, вспомним, как она говорит с няней».

Почти в каждом сочинении встречаются штампованные формулировки: *Онегин — типичное явление преддекабристской эпохи; Печорин — типичное явление своей эпохи; Кирсанов — типичный представитель либерального дворянства.* Подобным примерам не следует подражать!

Современные юмористы осмеивают насыщение речи чиновников книжной лексикой, канцеляризмами. Например, Михаил Жванецкий так пародирует «бюрократическое красноречие».

Постановление по дальнейшему углублению расширения конструктивных мер, принятых в результате консолидации по улучшению состояния всемерного взаимодействия всех структур консервации и обеспечения еще большей активизации наказа трудящихся всех масс на основе ротационного приоритета будущей нормализации отношений тех же трудящихся по их же наказу.

Отглагольные существительные, образующие «цепочку» форм родительного падежа, нанизывание отвлеченной лексики в этой фразе лишают ее всякого смысла.

В XXI в. стилистические спутники командно-бюрократической системы — канцеляризмы и речевые штампы — утратили свою былую агрессивность, теперь их легче встретить в пародиях, чем в серьезной журналистике. Однако в выступлениях некоторых функционеров, воспитанных в советское время, влияние официально-делового стиля еще не преодолено. Риторика призвана предостеречь против такого влияния, оно несовместимо с красноречием.

Слова высокие, торжественные и сниженные, пренебрежительные

В зависимости от содержания речи, ее стиля, от той обстановки, в которой рождается слово, выбор лексических средств меняется. Высокая лексика необходима, когда говорят о чем-то важном, значительном. Эта лексика находит применение в выступлениях ораторов, в поэтической речи, где может быть оправдан торжественный, патетический тон. Но если вы, например, захотели пить, вам не придет в голову по такому поводу обратиться товарищу с тирадой: *О мой незабвенный соратник и друг! Утоли мою жажду животворящей влагой!*

Выбор слов зависит от нашего отношения к тому, о чем мы говорим. Так, для определения белого цвета есть множество слов, и если о цветке мы скажем *беленький, лилейный*, а о блузке *белоснежная*, то в такой оценке цвета будет выражено наше одобрение, восхищение, потому что все эти слова эмоционально окрашены, они относятся к оценочной лексике «со знаком плюс». Негативно оценочное слово мы употребим в такой, например, фразе: *Как можно назвать красивым этого белобрывого веснушчатого парня!*

Использование таких выразительных слов возможно лишь в экспрессивных стилях, которые выделяются наряду с функциональными, но на другой основе — на противопоставлении высокого и сниженного способа выражения.

Еще в античных пособиях по красноречию, например в «Риторике» Аристотеля, давалось понятие высокого и низкого стиля. По утверждению автора, стиль должен подходить к предмету: о важных вещах следует говорить словами, которые придадут речи возвышенное звучание. А о пустяках не принято говорить торжественно, в этом случае уместны слова шуточные или презрительные, т.е. сниженная лексика.

Выделяются такие экспрессивные стили: торжественный (высокий, риторический), фамильярный (сниженный), а также интимно-охлаждающий, шуточный (иронический), насмешливый (сатирический). Этим стилям противопоставлен нейтральный, т.е. лишенный экспрессии.

Основным лексическим средством достижения экспрессии является оценочная лексика. В ее составе можно выделить три разновидности.

1. Первую группу составляют слова с ярким оценочным значением. К ним принадлежат слова-характеристики (*предтеча, провозвестник, брюзга, пустомеля, разгильдяй*), а также слова, содержащие оценку факта, явления, признака, действия (*предназначение, предначертание, деячество, очковтирательство, судьбоносный, нерукотворный, допотопный, дерзать, вдохновить, напакостить*).

2. Вторую группу слов с оценочным значением составляют многозначные слова, обычно нейтральные в основном значении, но получающие яркую эмоциональную окраску при метафорическом употреблении. Так, о человеке говорят *шляпа*, *тряпка*, *дуб*, *слон*, *медведь*, *змея*, *ворона*; в переносном значении используют глаголы *петь*, *шипеть*, *пилить*, *грызть*, *зевать*, *моргать* и др.

3. В третью группу входят слова с суффиксами субъективной оценки, которые передают различные оттенки чувств: *сыночек*, *солнышко*, *бабуля*, *аккуратненько*, *близехонько* — слова «добрые» и слова «злые»: *детина*, *бородища*, *казенищина*.

К нейтральным словам часто можно подобрать синонимы с прямо противоположной экспрессивной окраской. Например: *просить*, *молить*, *клянчить*; *бояться*, *опасаться*, *трусить*.

На эмоционально-экспрессивную окраску слова влияет его значение. Резко отрицательную оценку получили у нас такие слова, как *коррупция*, *мафиозный*, *сепаратизм*, *фашизм*, *террор*, *агрессия* и т.п. Положительная окраска закрепилась за словами *гласность*, *правопорядок*, *державность* и подобными.

Развитию экспрессии в слове способствует его метафоризация: стилистически нейтральные слова, употребленные как тропы, получают яркую экспрессивную окраску: *задышаться* (в неблагоприятных условиях), *падать* (от усталости), *пылающий взор*, *летающая походка*, *голубая мечта* и т.д.

Покажем использование экспрессивной лексики в защитительной речи по делу Веры Засулич, произнесенной П.А. Александровым в Петербургском окружном суде в 1878 г.¹

Господа присяжные заседатели! Не в первый раз на этой скамье преступлений и тяжелых душевных страданий является перед судом общественной совести женщина по обвинению в кровавом преступлении.

Были здесь женщины, смертью мстившие своим соблазнительям; были женщины, обagrившие руки в крови изменивших им любимых людей или своих более счастливых соперниц. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То был суд правый, отклик суда божественного, который взирает не на внешнюю только сторону деяний, но и на внутренний их смысл, на действительную преступность человека. Те женщины, совершая кровавую расправу, боролись и мстили за себя.

В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею, во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для общественности нужно признать кару законную, тогда — да совершится карающее правосудие! Не задумывайтесь!

Не много страданий может прибавить ваш приговор для этой надломленной, разбитой жизни. Без упрека, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение

¹ Вера Засулич обвинялась в том, что 24 января 1878 г. выстрелила из пистолета в генерала Трепова, протестуя против телесных наказаний в российских тюрьмах.

ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратила возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок, в самих мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва.

Защитительная речь Александрова произвела такое впечатление на присяжных, что они оправдали террористку. Текст этой речи вошел в историю судебной практики как образец ораторского искусства. Такова сила воздействия экспрессивного слова, придающего речи возвышенное риторическое звучание.

Иная стилистическая окраска отличает сниженную лексику. Сниженная экспрессивная лексика находит применение в разговорном стиле. Употребление ее можно наблюдать, например, в письмах А.П. Чехова: *Все мои близкие дружески советовали мне не менять настоящее дело на бумагомарание; Это хороший, настоящий художник, а не какой-нибудь мазилка; Здоровье мое не ахти; Вот это-то и перепуталось в моей башке.*

Экспрессивная лексика помогает автору писем выразить разнообразие оттенков чувств — ироническое отношение к самому себе, раздражение, например: *Чувствую, что есть в моей повестушке места, которыми я угрожу вам, мой милый поэт, но в общем я едва ли потрафлю / А.Н. Плещееву/; Холодно чертовски!*

В античной риторике отмечалось, что иногда слова грубые, бранные употребляются в речи с противоположным значением — как похвала. Примеры такого превращения негативно оценочной лексики можно найти в живой разговорной речи:

Ах ты негодник! Как тебе удалось исправить это?! Нахал! Твоей смелостью нельзя не восхищаться!

Такое словоупотребление отражено и в художественной литературе. Например: *Черт не сыграет, как он, проклятый, играл на контрабасе. Бывало выводил, шельма, такие эживоки, каких Рубинштейн или Бетховен, положим, на скрипке не выведет. Мастер был, разбойник (Ч.).*

Употребление негативно оценочного слова с противоположной оценкой называется а с т е и з м о м.

Тонкий ценитель выразительных возможностей разностильной лексики, А.П. Чехов часто сталкивал разговорные, просторечные слова с книжными, достигая таким способом иронической окраски речи, что, как правило, является следствием «смещения стилей». Например: *Я врач, и посему, чтобы не осрамиться, должен мотивировать в рассказах медицинские случаи; Если Лейкин будет фордыбачиться, то вы ехидно ссылайтесь на меня и спрашивайте: «Сэр, отчего же это Чехов не подписывает своей фамилии?»*

Современные писатели обращаются к сниженной экспрессивной лексике, чтобы передать живость речи своих героев. Например, у В.М. Шукшина читаем: *Ехал с фронта, вез какое-то барахлишко. От нечего делать пошел на бараколку, гляжу — играют... Э-э, думаю,*

ну, проиграю **тридцатку**... Давай, говорю! Только без обмана, **черти**... На глазах делает, **паразит**!

Однако под пером неумелых авторов или в устах бездарных ораторов сниженная экспрессивная лексика становится причиной неоправданного смещения стилей. Этот упрек можно адресовать, например, журналистам, помещающим свои материалы в газете «Московский комсомолец»: *В последнее время Александр Исаевич **контачит** редко с прессой; /Герой очерка / сумел **внушить**, что **влип** на крупную сумму, и если не вернет деньги в ближайшее время, то его ждут **разборки** (МК); Спонсор заявил, что рад **сбагрить** свое детище* (оплаченный им фестиваль-праздник) *в достойные руки* (из выступления оратора на этом фестивале).

Еще хуже, если просторечие употребляют в своих выступлениях политические деятели. Например, президент Белоруссии удивил слушателей такой «образной» фразой: *Возле **кормушки**, имя которой **власть**, все **хрюкают** одинаково: и красные, и белые*. А один из депутатов так отозвался о нарушении этикета в Думе: *Я не из тех людей, чтобы доводить до **мордобоя**... Вот если бы там **навесить**, а то в **мордбое** — одни и те же люди...* Из уст Главы правительства странно было услышать: *Нужно **щупать** каждого министра...*

Риторический канон не допускает употребления грубых слов, сниженных образов в выступлениях политиков и в публикациях журналистов.

ЖАРГОННАЯ ЛЕКСИКА

В отличие от общенародной, жаргонная лексика используется в кругу лиц, объединенных общностью интересов, занятий, положения в обществе. В составе жаргонной лексики можно выделить несколько разновидностей в зависимости от употребляющих ее социальных групп.

Особую разновидность жаргона образует речь представителей преступного мира. Она выплеснулась в наш язык из «зоны» (как называют места заключения, где отбывают срок осужденные). Лагерный жаргон, к сожалению, в наше время получил значительное распространение, и люди, побывавшие в непростых жизненных ситуациях, употребляют такие жаргонизмы, как *заказать, замочить, наехать, крыша, разборка* и т.п. Они попадают даже на газетные полосы, и журналисты придумали особое название для публикаций, в которых автор позволяет себе употреблять жаргонизмы, бранную лексику, просторечие. Это **стёб** (от глагола «стегать», т.е. стегать нагайкой, бичевать, избивать). Этот стиль, на наш взгляд, несовместим с культурой русской речи. Однако моду на него порождает сама жизнь, и он исчезнет, когда изменятся условия социальной жизни в России.

Ораторы, даже если они выступают в суде и содержание их речи связано с криминальной темой, не вправе использовать жаргон преступного мира. Иное дело — журналистика: юрист, помещая в газете статью о жизни заключенных, имеет основание озаглавить публикацию «*Паханы, бугры и другие*» и цитатно вводить в текст жаргонизмы: *Некий крупный делец купил у «сходняка» звание «вора в законе» за миллион рублей... в каждой колонии «отрицаловку» возглавляет «пахан зоны»* (газета «Труд»).

Помимо уголовного жаргона есть и другие разновидности этой социально ограниченной лексики. В наше время широкое распространение получил молодежный жаргон — сленг (от англ. *slang*). В нем множество слов, связанных с профессиональными занятиями молодежи, с увлечениями, а также экспрессивная лексика и фразеология обиходно-бытового общения. Но молодежный сленг — это «неотъемлемый элемент языка современной улицы, которым пользуются миллионы»¹.

Из сленга в разговорную речь пришли такие, например, слова, как *зубрить*, *плавать* (плохо отвечать на экзамене), *хвост* (академическая задолженность), *преп* (педагог) и др. Появление этих жаргонизмов объясняется стремлением молодежи ярче, эмоциональнее выразить свое отношение к предмету, явлению. Отсюда и такие слова, как *потрясно*, *балдеть*, *обалденный*, *убойный*, *кайф*. Все они распространены только в устной речи и отсутствуют в словарях.

Сленг находится в постоянном движении: одни жаргонизмы забываются, другие — появляются и быстро закрепляются в речи молодежи. Для людей старшего поколения многие слова кажутся странными, например: *таиусь*, *торчу* (в значении «испытываю удовольствие»), *стрелка* (в значении «свидание, встреча»). Молодые люди нередко повторяют одни и те же оценочные слова — *классно*, *клёво* и т.д. Но когда мы слышим *клёвый фильм*, *клёвая погода*, *клёвая история*, *клёвая подруга*, невольно возникает вопрос: неужели в русском языке не нашлось более точных, ярких, выразительных определений, которые могли бы заменить эти?

Однако приходится признать, что жаргонизмы можно назвать «эмблемой эпохи, передающей аромат того времени, в котором они существуют»².

Используемые в журналистике жаргонизмы служат характерологическим средством. Герои очерков, интервью демонстрируют свой социальный статус, уровень образованности, возраст, отдавая предпочтение жаргонной или литературной лексике. С помощью жаргонизмов автору публицистического произведения удастся нарисовать картину конкретной языковой ситуации и даже определенного исторического периода.

¹ Широкова Е.В. Жаргонизмы в прессе. Журналистика и культура русской речи / МГУ. Факультет журналистики. Вып. 2. М., 1997. С. 50.

² Широкова Е.В. Там же.

Жаргонизмы нередко используются в газетах, в радио- и телепередачах как средство иронии, юмора. А некоторые издания (например, «Московский комсомолец») используют жаргон для создания своеобразной манеры оценки событий — ироничной, ернически-агрессивной, в стиле так называемого с т ё б а.

В то же время следует отметить, что современная риторика, признавая стилистическое использование жаргонизмов в письменной речи, и прежде всего в публицистике, не может одобрить их в устных выступлениях ораторов, телеведущих, радиокомментаторов. Негативно оценивается и насыщение разговорной речи жаргонными элементами в повседневном общении молодежи. Увлечение сленгом свидетельствует не только о низкой речевой культуре говорящего, но и о его бездуховности. Человек, оценивший культурное наследие наших классиков, прочитавший Пушкина, Тургенева, Достоевского, Чехова, не может не поддаться обаянию их стиля, не усвоить те средства выражения мыслей, которыми так блистательно владели русские писатели-классики.

Хочется надеяться, что, изучая риторiku, молодые люди смогут избавиться от вульгарных жаргонизмов.

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА

Русский язык всегда был открыт для пополнения лексики из иностранных источников. В прошлые эпохи, вплоть до XIX в., иностранные слова проникали в наш язык посредством устного общения людей, а также через переписку и художественную литературу. В последующее время заимствование иноязычной лексики происходит исключительно письменным путем — через научную литературу, публицистику. В последние десятилетия XX в. СМИ, а теперь и Интернет, стали главными посредниками в переходе слов из других языков в русский (как, впрочем, и в иные европейские языки). Главная причина заимствования чужих слов — необходимость назвать новые реалии, понятия, выразить оттенки мысли, которых не было в родном языке.

В отношении к заимствованным словам нередко сталкиваются две крайности: с одной стороны, злоупотребление модными иностранными словами, с другой — гонения на них только потому, что эти слова иноязычного происхождения.

Нельзя не признать, что русский язык начиная с конца XX в. активно пополняется американизмами; в газетах и журналах немало неоправданных заимствований, да и в разговорной речи многие увлекаются модными чужими словами. Небывалую экспансию иноязычной лексики мы наблюдаем во всех областях. Она заняла ведущие позиции в политической жизни страны, привыкающей к новым понятиям

президент, парламент, инаугурация, спикер, импичмент, электорат, департамент, муниципалитет, легитимный, консенсус и т.п. Иноязычные термины стали господствующими в самых передовых отраслях науки и техники: *компьютер, дисплей, файл, драйвер, модем, мониторинг, плейер, пейджер, факс*, а также в финансово-коммерческой деятельности: *аудитор, бартер, брокер, бизнес, дилер, инвестиция, конверсия, спонсор, траст, холдинг* и т.д. В культурную сферу вторгаются *бестселлеры, вестерны, триллеры, хиты, шоумены, дайджесты* и др. Бытовая речь живо принимает новые реалии с их нерусскими названиями — *сникерс, твикс, гамбургер, чизбургер, спрайт, кола, маркетинг, супермаркет, шоппинг* и т.д. Даже просторечие и жаргоны пополняются американизмами, чаще всего искаженными — *герла, шопник, фейс, шузы, баксы, тин* (сокращенное *тинэйджер*). Погоня за новым, «красивым», звучным, а иногда и непонятным для непосвященных названием приводит к тому, что бандит-вымогатель называется не иначе, как *ркетир* (можно еще звучнее — *ркетмен*), а убийца — *киллер*.

Словари иностранных слов не успевают освоить новые заимствования, поэтому читатель нередко оказывается беспомощным, встречая непонятные слова в газетах, журналах, изобилующих иностранными терминами. Однако они закрепляются в книжных стилях, из чего можно заключить, что эти слова нужны нашему языку. Почему в нем закрепилось, например, слово *ностальгия*? Наверное, потому, что в нем есть тот оттенок смысла, который русский синоним не передает. Сын великого русского актера В.И. Качалова рассказывает об отце: «Главное было — *ностальгия*. При всей нелюбви к иностранным, «ученым» словам я сознательно не говорю «тоска по родине», чтобы подчеркнуть болезненность, близость к душевному заболеванию того состояния, в каком Василий Иванович находился. Как, сказав вместо «горло болит» — *ангина*, подчеркиваешь медицинскую категорию своего состояния. Он *был болен тоской*»¹.

Современная риторика не может разделить взглядов пуристов, которые еще в начале XIX в. предлагали вместо не нравившихся им иностранных слов употреблять выдуманные ими: *насыл* (адрес), *просад* (аллея), *шаротык* (кий), *шарокат* (бильярд) и др. П у р и з м (от лат. *purus* — чистый) — течение, состоящее в стремлении сохранить в чистом, неприкосновенном виде язык. Во все времена пуристические взгляды оценивались как консервативные. Против пуристов выступал А.С. Пушкин и многие молодые писатели и поэты в первой четверти XIX в. Современники В.И. Даля, автора знаменитого Словаря живого великорусского языка, при всем уважении к его создателю, не одобряли слова, которые он предлагал

¹ Пример со словом «ностальгия» из кн.: Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. М., 2006. С. 126.

для замены иностранных (вместо *кокетка* — *красовидка*, *хорошуха*, вместо *автомат* — *живыш*, вместо *эгоизм* — *ячество*, вместо *эгоист* — *себятник* и т.д.). Волевое воздействие на развитие языка, как правило, терпит неудачи; язык развивается по своим законам, и пополнение словаря в результате заимствований — один из таких законов.

Однако в употреблении заимствованных слов необходимо соблюдать чувство меры. Заимствования бывают разные¹. Нельзя признать правомерным употребление непонятных чужих слов (*фрюз* — морожильник, *бутлегер* — нарушитель сухого закона в США в 20—30-е годы XX в.).

Употребляя иноязычное слово, нельзя не учитывать степень освоения его языком.

Журналисты не могут описать некоторые особенности нерусской жизни, не прибегая к *э к з о т и з м а м* (*душманы*, *талибы*, *шахиды*), и с этим приходится мириться.

В разговорной речи иногда, ради шутки, мы употребляем иноязычные вкрапления (*беби*, *мерси*, *окей*, *чао*, *гуд бай*). Они не представляют серьезной угрозы чистоте русского языка, как и непереводаемые (преимущественно латинские) слова и выражения, употребляемые образованными собеседниками в частных разговорах, — *ergo* (следовательно), *post factum* (после совершившегося), *happy end* (счастливый конец) и подобные. Нельзя не считаться с тем, что в нашу жизнь стремительно входят новые явления, а с ними — иноязычные слова. Подобные процессы обогащения лексики за счет заимствования происходят во всех современных языках. В наше время поток новых идей, вещей, информации, технологий требует быстрого называния предметов и явлений, заставляет вовлекать в язык уже имеющиеся иностранные названия, а не ожидать создания самобытных слов на русской почве.

Научно-техническая, военная, финансовая, банковская, спортивная лексика во всем мире стремится к интернационализации. Тяга к научно-техническому прогрессу, к цивилизации находит отражение в языке. Отчасти происходит выравнивание словаря русского языка по международному стандарту. Насколько это изменит облик нашего языка, покажет время.

И все же ораторам не следует увлекаться иностранными словами. Плохо, если журналист в репортаже по телевидению «украшает» свою речь «модными» заимствованиями. Так, в День единения, 7 ноября 2005 г., комментируя этот новый праздник в России, выступающий в программе «Время» сказал: «Иван Сусанин стал *брендом* Костромы. Сусанина начали теперь активно *пиарить*, но это не *импонирует* некоторым». Такому словоупотреблению нельзя не удивиться.

¹ Стилистическая классификация заимствованных слов дана в кн.: Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2006. С. 103—107.

НОВЫЕ СЛОВА

Назвать новые слова, пополнившие русский язык в конце XX — начале XXI в., нетрудно — *перестройка, ваучеризация, разгосударствление, яблочки, жириновцы, СНГ, МММ, ГКЧП, ТОО, обвал* (валюты), *беспредел* и подобные. Они пришли из разных источников и закрепились в различных тематических группах лексики, от названий государств (*Российская Федерация*), правительственных учреждений (*Дума, департамент, Федеральная служба занятости России*), должностных лиц (*префект, супрефект, менеджер*) до наименований представителей различных общественных организаций (*единороссы, демороссы*) и т.д. Все эти новые слова стали приметамы посткоммунистического периода в нашей истории и отразили преобразования в сфере политической, экономической и культурной жизни России.

Правда, некоторые из приведенных нами примеров уже успели архаизоваться, иным еще грозит подобная участь, но большинство новых слов закрепились в языке, и к ним уже не подходит термин «неологизмы», поскольку так называются лишь те новые слова, которые сохраняют оттенок свежести, новизны. Такими, например, являются *примарситься, антивандальный* (о скамьях в метро). Неизвестно, останутся ли они в нашем языке или будут забыты.

Стилистика рассматривает разные типы новых слов. Л е к с и ч е с к и е неологизмы создаются по продуктивным словообразовательным моделям в ответ на потребность назвать те или иные явления, предметы: *антиперестроечный, посткоммунистический, подписант, спецназ, БТР* и др. С е м а н т и ч е с к и е неологизмы возникают в результате присвоения новых значений уже известным словам: *челнок* — мелкий торговец импортными товарами, привозящий их из-за рубежа; *обвал* (национальных валют); *крутой* (руководитель, мотив) и т.п. Новые слова, принадлежащие к этим обеим группам, являются *я з ы к о в ы м и*, в отличие от *и н д и в и д у а л ь н о - а в т о р с к и х*, которые создаются писателями, поэтами, стремящимися к образному описанию предмета: *огнезвездный океан* (Держ.), *широкошумные дубравы* (П.), *громокипящий кубок* (Тютч.), *огнекистые веточки бузины* (Цв.). Такие неологизмы не утрачивают своей свежести, но живут они лишь на страницах тех произведений, в которых появились, причем авторы не ставили перед собой цели ввести эти слова во всеобщее употребление. Такие неологизмы входят в состав *о к к а з и о н а л ь н ы х* слов (от лат. *occasionalis* — случайный).

Окказионализмы появляются спонтанно и в нашей повседневной речи (сравните детские: *намакаронился, налужил* дождь), но они не выполняют экспрессионной роли в языковом выражении мысли.

Риторика допускает употребление окказионализмов журналистами и ораторами с целью создания непринужденности, разго-

ворности стиля выступления. Так, на фестивале юмора «Золотой Остап» в Одессе Александр Ширвиндт в своей «Тронной речи Президента Российской Академии Юмора» среди других шуток употребил и окказионализм: «Как бы ни *отфестивалили*, всегда получается своевременно». Александр Медведев, журналист, в интервью на телевидении тоже сочинил окказионализм. В ответ на вопрос «Можете ли вы вспомнить какой-нибудь смешной случай из вашей телевизионной практики?» он сказал: «Самое страшное в прямом эфире — это когда нападает *хохотунчик* и ужасно трудно удержаться от смеха». Конечно, в серьезных речах ораторов подобные неологизмы неуместны.

Портят стиль выступлений политиков новые слова, образованные по моделям канцеляризм. Например: *Военные кафедры были созданы для повышения взяточности вузов* (из речи министра вооруженных сил Российской Федерации); *Взякодатель был пойман с поличным на месте преступления* (из передачи на НТВ). Неприемлемы и неологизмы, образованные по непродуктивным моделям: *Усман Хаджиев привлечен к уголовной ответственности за дачу и брачу ложных показаний*. (Из местной газ.)

В устных выступлениях журналистов, а тем более ораторов перед широкой аудиторией такие новые слова могут оказаться непонятными слушателям. Поэтому риторика предостерегает против увлечения подобным словотворчеством.

Что же касается языковых неологизмов, то во все времена они обогащали русскую лексику, так что препятствовать их употреблению было бы неразумно: без новых слов язык бы не развивался. Риторика одобряет ораторов, которые в своих речах умеют отразить дух времени, используя новые слова, рожденные самой жизнью.

Глава 6

Лексические средства выразительности речи

СИНОНИМИЯ

Лексические синонимы — важнейший источник выразительности ораторской речи. Русский язык богат синонимами, редкие синонимические ряды насчитывают два-три слова, чаще их гораздо больше. Тожественных по значению слов немного (*приставка — префикс*), обычно синонимы отличаются друг от друга. Обозначая одно и то же, синонимы могут иметь иную лексическую сочетаемость (*карие глаза — коричневые туфли, вороной конь — черный жемчуг*); еще чаще им присущи стилистические различия, например:

стилистически нейтральные	высокие	сниженные
<i>лицо</i>	<i>лик</i>	<i>морда</i>
<i>плакать</i>	<i>рыдать</i>	<i>реветь</i>
<i>бояться</i>	<i>опасаться</i>	<i>трусить</i>

Нередко синонимы принадлежат к разным сферам употребления: *сосед* — *шабёр* (обл.); *кухня* — *камбуз* (морск.); *родители* — *предки* (жарг.). Некоторые синонимы отличаются интенсивностью проявления признака, действия (*некрасивый, безобразный, уродливый, отталкивающий, мерзительный*).

Из множества синонимов говорящий должен выбрать самый точный, наиболее уместный в тексте, принадлежащем к определенному стилю. Обилие синонимов не облегчает, а усложняет их использование: совсем не просто из множества близких, похожих слов выбрать единственно верное, наиболее оправданное в речи. Писатели напряженно трудятся во время стилистической обработки текста, подбирая самые точные слова.

Оратор (если он говорит не «по бумажке») поставлен в более сложные условия, так как он должен сразу выбрать самое необходимое слово из множества близких по значению. И если нужный синоним не приходит на ум, говорящий начинает уточнять сказанное, подбирая похожие слова, впадая в многословие. А.Ф. Кони писал в отзыве о книге своего коллеги П. Сергеича «Искусство речи на суде»: «... Не одна чистота слога страдает в наших судебных речах: страдает и точность слога, заменяемая излишком слов в выражениях иногда простого и ясного понятия, причем слова эти нанизываются одно за другим...» Такое нагромождение синонимов в речи бездарного оратора иллюстрируется отрывком из его выступления на суде.

Показания свидетелей *в главном, в существенном, в основном* совпадают; развернутая перед вами картина *во всей своей силе, во всем объеме, во всей полноте* изображает такое обращение с ребенком, которое нельзя не признать издевательством *во всех формах, во всех вымыслах, во всех отношениях*; то, что вы слышали, *это ужасно, это трагично, это превосходит всякие пределы*, это содрогает все нервы, это поднимает волосы дыбом¹.

В античной риторике нанизывание синонимов рассматривалось среди ф и г у р п р и б а в л е н и я. Возможно, процитированный оратор хотел продемонстрировать этот риторический прием, однако обращение к нему в данном контексте оказалось не оправданным и послужило поводом для критики.

Другая проблема, связанная с неумением ораторов использовать синонимию родного языка, — это неоправданное повторение слов, которые говорящий не догадывается заменить близкими по значению. Прочитируем пародию на диалог таких беспомощных собеседников (текст приводится в сокращении).

¹ Судебные речи известных русских юристов. М., 1997. С. 68.

Встретился мне один молодой писатель.

— Хочешь, я прочту тебе мой новый рассказ? — сказал он.

— Конечно, — сказал я.

— Ну как, нравится? — сказал он, кончив чтение.

— Я скажу тебе правду, — сказал я.

— Скажи, — сказал он.

— Во-первых, у тебя на каждой строчке «сказал я» да «сказал он», — сказала я.

— Сейчас можно говорить «сказал он» и «сказал я», — сказал он.

— Во-вторых, тебе нечего сказать, — сказал я.

— Я сказал все, что хотел сказать, — сказал он.

(ЛГ)

Повторение слов может быть оправдано в особых случаях, когда оно, как учили античные риторы, включается в состав фигур прибавления, но, конечно, не в таком случае, как это показано в пародии.

Современные стилисты рассматривают различные стилистические приемы от к р ы т о г о употребления синонимов, когда они ставятся рядом, нередко нанизываются, что, однако, не портит речь оратора, а придает ей выразительность и эмоциональность.

Стилистические функции синонимов

Важнейшая стилистическая функция синонимов — функция з а м е щ е н и я: и ораторы, и писатели обращаются к ним, чтобы избежать повторения слов. Например, известный русский мыслитель И.А. Ильин (1882—1954. с 1922 г. за границей) в своей речи «О России» так рассуждает о родном языке, демонстрируя мастерство в использовании синонимов, позволяющих разнообразить лексику выступления.

Горе нам, что не умеем мы беречь наш язык... Не любить его — значит не любить и не блюсти нашу Родину.

А что есть человек без *Родины*?

Чем были бы мы, если бы кому-нибудь удалось оторвать нас от нашей *России*?

Пусть же другие народы поймут и запомнят, что им только тогда удастся *увидеть и познать* Россию, когда они *познают и почуют* нашу речь. А до тех пор Россия будет им *непонятна и недоступна*; до тех пор они не найдут к ней ни духовного, ни политического пути¹.

Исключая повторения, писатели обычно стараются найти более яркие, более выразительные синонимы: *Сидеть я при нем скоро привык, а к сигарам никак притерпеться не мог — все у меня от них вроде морской болезни делалось* (Купр.). Современные журналисты при этом удачно заменяют иноязычное слово русским, более сильным: *Киллеры расстреляли из автоматов семь человек. Убийцы арестованы...* (Рос. газ.) а если автор в художественной речи цитирует диалоги своих героев, то синонимы не только помогают избежать повторений, но и усиливают экспрессивность реплик. Например:

¹ Ильин И.А. О России. М., 1991. С. 10—11.

— *Василиса Егоровна прехрабрая дама*, — заметил важно Швабрин. — *Иван Кузьмич может это засвидетельствовать.*

— *Да, слышь ты*, — сказал Иван Кузьмич, — *баба-то неробкого десятка* (П.).

Яркий стилистический эффект создает сопоставление синонимов. Например, у А.П. Чехова: *Тут, на берегу, овладевают не мысли, а именно думы; жутко, и в то же время хочется без конца стоять, смотреть на однообразное движение волн и слушать их грозный рев.* У В.А. Гиляровского этот же прием придает речи ироническую окраску: *В Купеческом клубе жрали аришинных стерлядей на обедах. В Охотничьем разодетые дамы кушали деликатесы.* Н.С. Лесков с целью сопоставления употребил три синонима, объясняя при этом различие в их значениях: *Кончину его никак нельзя было назвать смертью: это было успение, за которым шел вечный сон праведника.* Сопоставление синонимов обращает наше внимание на семантические оттенки этих слов. На значительных отличиях в значениях синонимов строится их противопоставление: *Узнав об этом, он был не только удивлен, он был ошеломлен; Его раздражение переросло в ярость; Каким молодым он еще был тогда, как часто и упоенно хохотал — именно хохотал, а не смеялся* (О.Б.).

Синонимы могут уточнять то или иное понятие: *До сих пор подсудимый казался равнодушным, почти безучастным к разбирательству его дела* (Купр.); *Она вышла замуж за простого, очень обыкновенного и ничем не замечательного человека* (Ч.).

К функции уточнения близка функция разъяснения. И.С. Тургенев объяснял современникам новое значение слова, о котором тогда спорили: *Я употребляю его (слово «обыденный») в том смысле, в котором оно значит: обыкновенный, тривиальный, привычный.*

Разъяснительную функцию синонимов ценят и ораторы, которые заботятся о том, чтобы слушатели их правильно поняли. Так, известный литератор И.Л. Андроников, выступавший с замечательными импровизациями по телевидению, говорил о необычности одного из своих рассказов так:

От фильмов-спектаклей, снятых по заказу ЦТ, «Загадка Н.Ф.И.» отличается одним важнейшим свойством: все кинофильмы построены на основе диалога, а этот — «Загадка Н.Ф.И.» — *рассказ-монолог, повествование, телевизионная проза* (Меня приглашают на телевидение).

Использование нескольких синонимов подряд лишь тогда эстетически оправдано, когда каждый новый синоним вносит иные оттенки значения или экспрессивной окраски. Например: *В тумане по-прежнему нельзя было ничего разобрать, но он был уже белого, молочного цвета и медленно колебался, как тяжелая, готовая подняться занавесь; (Ромашова) тянуло в сферу этой неприкрытой, откровенной, упрощенной любви; Если вы хоть сколько-нибудь дорожите чистым, незапятнанным именем Александры Петровны, то вы должны прекратить эту травлю* (Купр.).

Профессор Парижского университета А. Олар в книге «Ораторы революции» прибегает к усилительным синонимам, описывая выступления деятеля Великой французской революции Мирабо, который был не только красноречивым оратором, но и **«замечательным, восхитительным чтецом... Находясь на трибуне... Он экспромтом делал поправки. Не меняя стиля своих помощников, он в чтении придавал ему силу и горячность, уподобляясь тем умелым актерам, которые, оставаясь верны плохо написанной роли, придают безжизненным, тусклым фразам силу и яркость, поражающие самого автора пьесы»¹.**

Речь, насыщенная синонимами, нередко передает волнение говорящего (автора), его чрезмерное возбуждение: *...Мне всегда было неловко, жутко, когда я видел разряженную даму в бальном платье, но теперь мне прямо страшно, я прямо вижу нечто опасное для людей и противозаконное, и хочется крикнуть полицейского, звать защиту против опасности, потребовать того, чтобы убрали, устранили опасный предмет (Л.Т.); Путеец подсказывает к нему и, подняв вверх кулаки, готов растерзать, уничтожить, раздавить (Ч.).*

В таких случаях усилительную функцию выполняют не только языковые, но и контекстуальные синонимы, которые очень часто используются для создания градации — стилистической фигуры, основанной на постепенном повышении (или понижении) эмоционально-экспрессивной значимости главного понятия. В античной риторике в этом же значении употреблялись термины климакс, амплификация. Современная стилистика предпочла наш первый термин. Иллюстрируем градацию классическим примером из поэзии М. Цветаевой: *Настанет день — печальный, говорят! — Отцарствуют, отплачут, отгорят, — остужены чужими пятаками, — мои глаза, подвижные, как пламя. И — двойника нащупавший двойник — сквозь легкое лицо проступит — лик.*

Контекстуальные синонимы часто используются ораторами, например: *Хорошо бы почаще устраивать такие суды над бесчестьем, над стяжательством, индивидуализмом, мошенничеством и выносить самые беспощадные приговоры, а не ждать, когда все это само собой куда-то исчезнет!...* (Андр.) Слова *бесчестье, стяжательство, индивидуализм, мошенничество* вне контекста не являются синонимами, однако в данном случае они объединяются общим смыслом как нечто отрицательное, антиобщественное и составляют контекстуальный синонимический ряд. У Михаила Кольцова читаем: *Внезапный хаос перевоздания взмыл старинный Таврический дворец, расширил, увеличил, сделал громадным, вместил в него всю Революцию, всю Россию.*

Анализируя разнообразные стилистические функции синонимов, следует помнить, что благодаря устойчивым связям в пределах

¹ Олар Ф.А. Ораторы революции. М., 1901. С. 110.

синонимии, отражающим системные отношения в лексике, каждое слово, имеющее синоним, воспринимается в речи в сопоставлении с другими словами синонимического ряда. Экспрессивно окрашенные слова как бы «проецируются» на их стилистически нейтральные синонимы.

Так, у Ф.М. Достоевского лексика «предельного значения» производит на читателя сильное впечатление благодаря возможности скрытого сопоставления эмоционально-экспрессивных слов с ослабленными и стилистически нейтральными синонимами (*В ужасе смотрел Раскольников на прыгавший в петле крюк запора; Вдруг в бешенстве она [Катерина Ивановна] схватила его [Мармеладова] за волосы и потащила в комнату; ... Плюнул и убежал в остервенении на самого себя*).

Умение использовать синонимические богатства родного языка является верным признаком мастерства писателей и ораторов.

Ошибки при употреблении синонимов

Неумелое употребление синонимов становится причиной речевых ошибок. Так, возможна ошибка в построении градации, что нередко наблюдается в торопливой, сумбурной речи. А.Ф. Кони, описывая выступление плохого адвоката, приводит такую фразу словоохотливого оратора:

Господа присяжные! Положение подсудимого перед совершением им преступления было поистине *адское*. Его нельзя не назвать *трагическим* в высшей степени. *Драматизм* состояния подсудимого был *ужасен*: оно было *невыносимо*, оно было *чрезвычайно тяжело* и, во всяком случае, по меньшей мере *неудобно*.

В этом случае мы отмечаем неправильное построение градации: нагромождение синонимов при беспорядочном их расположении, что порождает речевую избыточность: «уточняющие» определения, разрушая градацию, создают нелогичность и комизм высказывания.

Нанизывание синонимов часто становится причиной речевой избыточности в устной речи: *Жизнь в гимназии продолжает кипеть и бурлит*; *Знания ученицы скромные и посредственные*; *Учебке мешает некачественное и плохое выполнение домашних заданий*.

Еще чаще речевые ошибки возникают из-за неточного выбора синонима. Например: *В нашем микрорайоне возвели новую школу* (следовало сказать *построили*); *Иванов демобилизовался и теперь ходит в гражданской форме* (в гражданской одежде); *Молодые люди часто ощущают затруднения в своем труде*. В этих примерах неточный выбор синонимов осложнился: в первом и втором случаях — нарушением лексической сочетаемости, в последнем — тавтологией.

Синонимы порой кажутся очень близкими по значению, но в контексте они не равноценны. Нельзя, например, сказать: *В поле трудятся комбайны*. Этот синоним не подходит к неодушевленным предметам. Не говорите и *Мы трудимся еще не в полную силу*, потому что слово *трудиться* значит работать усердно, добросовестно, в полную меру сил.

Заглядывайте чаще в словари синонимов, и тогда вам удастся избежать ошибок при их употреблении.

АНТОНИМИЯ

А н т о н и м и я отражает семантические отношения лексических единиц, имеющих противоположные значения. Самый простой способ выражения противоположности — употребление слова с отрицательной частицей: *хорошо — нехорошо, красивый — некрасивый*, однако лексическая антонимия проявляется в несравненно большем разнообразии словесного выражения.

Как правило, антонимы есть у тех слов, которые обладают качественными признаками, поэтому больше всего антонимов у прилагательных (*большой — малый, хороший — плохой*), у соответствующих наречий (*больше — меньше, хорошо — плохо*), у существительных, соотнесенных с прилагательными (*тьма — свет, добро — зло*). Некоторые антонимы указывают на пространственные и временные отношения (*просторный — тесный, широкий — узкий, ранний — поздний*); меньше антонимических пар с количественным значением (*многие — немногие*). Встречаются противоположные наименования действий, состояний (*плакать — смеяться, радоваться — горевать*), но таких немного.

По структуре антонимы делятся на разнокорневые (*хороший — плохой*) и однокорневые (*приходить — уходить, революция — контрреволюция*).

В лексической системе языка выделяются и **а н т о н и м ы-к о н-в е р с и в ы** (от лат. *conversio* — изменение, превращение), выражающие одно и то же действие или отношение субъекта и объекта в разных, обратных направлениях — от одного участника ситуации к другому и наоборот — в эквивалентных по смыслу высказываниях: *дать — взять, продать — купить, купля — продажа*. Отношение противоположности выражено конверсивами в таких, например, высказываниях: *Профессор принимает зачет у студента — Студент сдает зачет профессору; Он спросил, и я ему ответил; Друг просил меня занять ему денег, и я одолжил ему тысячу рублей*.

Потребность подобрать слова с противоположными значениями, найти образное противопоставление, «схватить» полярные проявления того или иного качества, признака, свойства возникает у всех, кто заботится о культуре речи. Сопоставление антонимов в тексте придает особую значительность каждому из названных предметов, понятий: *Горы разделяют страны, но сближают людей; Характер спортсменов воспитывается не триумфом побед, а горечью поражений* (из газ.). Изучение стилистических возможностей антонимии представляет большой интерес для риторики. Рассмотрим использование антонимов в экспрессивной речи.

Стилистические функции антонимов

Антонимы используются как яркое выразительное средство в эмоциональной речи; не случайно они обыгрываются во многих поговорках: *Худой мир лучше хорошей ссоры; Сытый голодного не разумеет; От радости кудри вьются, а от печали — секутся*. Здесь же используются и антонимы-конверсивы: *Любишь братъ, люби и отдавать; Лучше с умным потерять, чем с глупым найти*.

Мы воспринимаем жизнь в контрастах, и это свидетельствует не о противоречивости, а о цельности ее восприятия. Для изображения действительности во всей ее сложности и нужны антонимы. Они являются важнейшим средством создания а н т и т е з ы (от греч. *antithesis* — противоположение) — риторической фигуры контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний: *Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь* (Н.).

По структуре антитезы может быть простой (одночленной): *Дома новы, а предрассудки стары* (Гр.); *Чем ночь темней, тем ярче звезды* (Майк.); *Так мало пройдено дорог, так много сделано ошибок* (Ес.) — и сложной (многочленной): *И ненавидим мы, и любим мы случайно, ничем не жертвуя ни злобе, ни любви, и царствует в душе какой-то холод тайный, когда огонь кипит в крови* (Л.). В сложную антитезу вовлекается несколько антонимических пар.

Часто обращаются к антитезе публицисты: *Нет на войне промежуточных тонов, бледных красок, все доведено до конца — великое и презренное, черное и белое* (Эр.). Употребление антонимов придает публицистической речи риторическое звучание. Так, А.Н. Толстой писал в годы Великой Отечественной войны: *Наша земля немало поглотила полчищ наезжавших на нее насильников. На западе возникали империи и гibli. Из великих становились мальчми, из богатых нищими. Наша родина ширилась и крепла, и никакая вражья сила не могла пошатнуть ее*.

По принципу антитезы построены многие заглавия произведений, например: «Дни и ночи», «Живые и мертвые» (Сим.). Особенно часто используется антонимия в заголовках журнальных и газетных статей: «Химия добрая и злая», «Проводы трагические и веселые», «Знаменитый и неизвестный» (о профессии разведчика), «География — разная, биографии — схожие», «Бедность при богатстве».

Противоположен антитезе прием, состоящий в отрицании контрастных признаков у предмета — д и а т е з а: *Вошел человек неопределенных лет, с неопределенной физиономией, в такой поре, когда трудно бывает угадать лета: не красив и не дурен, не высок и не низок ростом* (Гонч.).

Такое нанизывание антонимов с отрицанием подчеркивает заурядность описываемого, отсутствие у него ярких качеств, четко выраженных признаков. Подобное использование антонимов дает возмож-

ность указать на такие понятия, которые в языке не имеют точного определения, например: *Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так* (Выс.).

Сильную экспрессию создает употребление одного из членов антонимической пары с отрицанием: *Ценность человека определяется не отсутствием недостатков, а наличием достоинств*. Подобное соединение антонимов усиливает, подчеркивает значение одного из них, употребленного без отрицания.

Антонимия лежит в основе о к с ю м о р о н а, который в античной риторике рассматривался в составе тропов. Термин образован от греческого слова «*оxumoron*» — остроумно-глупое и означает яркий стилистический прием, состоящий в создании нового понятия соединением контрастных по значению слов. Сочетание антонимов в «чистом виде» (когда они принадлежат к одной и той же части речи) в оксюмороне встречается редко («*Начало конца*» — заголовок статьи; *В разгар периода застоя...*). Чаще слова, имеющие противоположные значения, соединяются как определение и определяемое, т.е. прилагательное и существительное: «*Живые мощи*» (Т.), «*Крупные мелочи*», «*Дорогая дешевизна*» (заголовки газетных статей). Реже оксюморон образуют глаголы и наречия: *Мама, ваш сын прекрасно болен* (М.); *Смотри, ей весело грустить такой нарядно обнаженной* (А. Ахматова о царскосельской статуе). Не только поэты ценят этот стилистический прием. В риторическом наследии Цицерона есть такой оксюморон: *Они кричат молча*. Вспомним и оксюморон у А.П. Чехова: *Видеть брочку для него было не только приятно, но и мучительно сладко*.

Интересный стилистический прием состоит в использовании одного из антонимов, в то время как по смыслу следовало бы употребить другой. Например: *Нечего сказать, умные головушки приказные* (П.); *Да, богат я, богат с излишком. / Был цилиндр, но теперь его нет. / Лишь осталась одна манишка / с модной парой избитых штиблет* (Ес.). Слово *богат*, употреблено иронически, на самом деле автор беден.

Употребление слова в противоположном значении называется а н т и ф р а з и с о м. Он часто встречается в текстах, пронизанных авторской иронией, например в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя: *Два почтенные мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились... Тогда процесс пошел с необыкновенной быстротою, которую обыкновенно так славятся судилища*. Резкий сатирический эффект создает антонимическая замена одного из компонентов в устойчивых словосочетаниях: «*Бюро злостных услуг*», «*Долг платежом черен*» (заглавия фельетонов). В подобных сочетаниях особенно обращает на себя внимание «нелогичность» высказывания, поскольку языковая форма фразеологизма диктует употребление противоположного по значению слова.

Стилистические функции антонимов не исчерпываются выражением противопоставления. Антонимы помогают выразить полноту охвата всего класса предметов, всякого явления, действия, качества и т.д. Всеохватность можно иллюстрировать такими классическими примерами: *И молодые, и старые как бы наперегонки косили* (Л.Т.); *Вы не поверите, они измучили меня со всех сторон, все, все, и враги... и друзья* (Дост.); *И верхние, и нижние — / Все ноты хороши /* (Н.). Повторяющийся союз *и* подчеркивает широту охвата описываемого. В иных случаях автор использует предлоги *от — до*: *...Ньютон высказал закон тяготения... Он выразил свойство, общее всем телам, от бесконечно великих до бесконечно малых* (Л.Т.). Использование антонимов в этой стилистической функции иногда приводит к нанизыванию антонимических пар: *Палитра красок человеческих характеров не имеет границ. Есть люди добрые и злые. Храбрые и трусливые, умные и недалекие, красивые и уроды, здоровые и больные, веселые и угрюмые, старые и молодые, прямые и скрытные, откровенные и хитрые* (Н.Ч.).

В эмоциональной речи публицистов антонимы особенно часто встречаются именно для выражения широты охвата временных границ: *Чтобы многомиллионный город-труженик мог жить, двигаться, работать, днем и ночью, не умолкая, гудело пламя в топках, или эшелоны с торфом, углем* (Гран.); *День и ночь наши танки готовятся на машиностроительных заводах Союза* (А.Т.).

Более спокойная стилистическая окраска речи характеризует антонимы, которые отражают смену явлений, наблюдаемых в жизни, чередование действий, событий: *Звезды то возносились, то падали в ночь, и зимняя тьма висела кольцом над городом* (Пауст.); *Вот вдали блеснула ясная зарница, вспыхнула и погасла* (Бл.); *Он то тушил свечу, то опять зажигал ее* (Ч.).

Антонимам свойственна высокая степень одновременного употребления в речи, «встречаемости». Этим объясняется закрепление в разговорном стиле сочетаний типа *и стар и млад, и те и другие, ни дать ни взять, рано или поздно, и нашим и вашим, более или менее, так или иначе* и т.п. Они воспринимаются как стилистическое появление «разговорности».

Наряду с точными антонимами в речи широко используются контекстуальные («квазиантонимы»), т.е. слова, которые противопоставлены только в данном контексте, например: *«Волки и овцы», «Отцы и дети»*. Полярность значений таких слов не закреплена в языке, их противопоставление носит индивидуально-авторский характер. Однако контекстуальные антонимы так же, как и языковые, создают яркие антитезы:

*Мы любим и ветер коммуны,
И Лувра спокойную тишь,
Мы любим и старый и юный,
Веселый и грустный Париж.*

(Е. Шевелева)

Риторические фигуры, в основе которых лежит употребление антонимов, были описаны еще в эпоху античности известными греческими и латинскими риториками. Однако они не предупреждали ошибки, которые могут встретиться в речи при неумелом обращении с контрастными словами. Современная риторика уделяет внимание и этой теме.

Ошибки при употреблении антонимов

Богатство и разнообразие антонимов в русском языке создают неограниченные возможности для достижения выразительности речи и в то же время обязывают нас серьезно и вдумчиво относиться к использованию этих контрастных слов.

Использование антонимов в речи должно быть стилистически мотивировано. Неуместное их употребление затрудняет восприятие фразы (*Ответ В. Пухова был лучшим из худших*). Следует избегать сочетания взаимоисключающих признаков предмета (*Дорога шла прямая, хотя и извилистая*). Однако писатели могут нарушить это требование с целью речевой характеристики героя. Один из героев Достоевского предлагает: *Надень мои старые сапоги. Они еще новые*.

Антонимические пары должны составляться логично. Нельзя противопоставлять несопоставимые понятия. Нелогичность подобного противопоставления обыграна в драме А.П. Чехова «Три сестры»: *О л ь г а. ...На вас зеленый пояс! Милая, это нехорошо!.. Н а т а ш а. ...Да? Но ведь это не зеленый, а скорее матовый*. Это нелепое возражение Наташи подчеркивает ее ограниченность.

Употребление антонимов оправдано в том случае, если оно действительно отражает диалектическое единство противоположностей окружающей жизни.

Стилистической погрешностью слога могут стать и неудачные оксюмороны, например «Теплая метель». В статье рассказывается о том, как во время стихийного бедствия люди были окружены вниманием и заботой, автор стремится провести параллель между теплой заботой и ...метелью. Другой оксюморон — «Жаркая мерзлота» — использован как заголовок статьи о добыче угля в Заполярье (ведь уголь идет на топливо). Автор пытается вызвать у читателя ассоциацию между жаром и мерзлотой. Нелогичность подобных заголовков очевидна.

Еще больший ущерб стилю наносит н е м о т и в и р о в а н н ы й о к с ю м о р о н, случайно «проявляющийся» в результате соединения несовместимых понятий: *При наличии отсутствия необходимых материалов трудно наладить работу; В силу слабой разработки этого метода, оценка его преждевременна*. (Из газ.) Причиной неуместного комизма высказывания порой становится и н е в о л ь н ы й к а л а м б у р, который может возникнуть в результате не замеченной автором антонимии многозначных слов, что порой придает речи двусмысленное,

комическое звучание. Например: *Щель — узкое место, широко встречающееся в строительстве; На открытом партийном собрании говорили о скрытых производственных резервах.*

Бывают и немотивированные антифразисы, если вместо нужного слова употребляется его антоним: *Не разговорчивый, но и не болтливый* (следовало: *не молчаливый*), *он притягивал к себе какой-то внутренней силой; Ее не покидали тяжелые воспоминания предыдущих лет (прошедших, минувших).* Подобные ошибки встречаются и при употреблении конверсивов: *Он попросил меня занять* (вместо *одолжить*) *ему денег; За ложный вызов скорой помощи Иванов получил (уплатил) штраф.*

Анализируя употребление антонимов в речи, иногда можно столкнуться с ошибками в построении сложной антитезы, например: *Эта книга охватывает все. Это книга о рождении и смерти, о любви и радости, о ненависти, страданиях и горе.* Автор нарушил последовательность перечисления, лишив речь стройности. Прием антитезы требует четкости в сопоставлении контрастных понятий: после слова *любовь* следовало поставить его антоним *ненависть*, рядом со словом *радость* — *горе*, упомянув о *страданиях*, автору нужно было дать антоним к этому слову или исключить «выпадающее» из антитезы существительное. Фразу можно исправить: *Эта книга о рождении и смерти, о любви и ненависти, о радости и горе, о счастье и страданиях.*

Рассмотренные нами ошибки не редкость в речи ораторов, поэтому, готовясь к выступлению, особенно важно помнить об антонимии: она может и украсить речь, и сделать ее смешной.

ПАРОНИМИЯ И ПАРОНОМАЗИЯ

П а р о н и м ы (от греч. *para* — возле + *опута* — имя) — это однокоренные слова, близкие по звучанию, но не совпадающие в значениях: *подпись — роспись, одеть — надеть, главный — заглавный.* Паронимы, как правило, относятся к одной части речи и выполняют в предложении аналогичные синтаксические функции.

Учитывая особенности словообразования паронимов, можно выделить следующие группы.

1. Паронимы, различающиеся приставками: *опечатки — отпечатки, уплатить — оплатить.*

2. Паронимы, различающиеся суффиксами: *безответный — безответственный, существо — сущность; командированный — командировочный.*

3. Паронимы, различающиеся характером основы: один имеет непроизводную основу, другой — производную. При этом в паре могут быть:

а) слова с непроизводной основой и приставочные образования: *рост — возраст;*

б) слова с непроизводной основой и бесприставочные слова с суффиксами: *тормоз — торможение*;

в) слова с непроизводной основой и слова с приставкой и суффиксом: *груз — нагрузка*.

В семантическом отношении среди паронимов обнаруживаются две группы.

1. Паронимы, различающиеся тонкими смысловыми оттенками: *длинный — длительный, желанный — желательный, гривастый — гривистый, жизненный — житейский, дипломатичный — дипломатический* и под. Таких паронимов большинство, их значения комментируются в лингвистических словарях (толковых, словарях трудностей, словарях однокоренных слов, словарях паронимов). Многие из них характеризуются особенностями в лексической сочетаемости; ср.: *экономические последствия — экономичное ведение хозяйства, богатое наследство — тяжелое наследие; выполнять задание — исполнять песню*.

2. Паронимы, резко различающиеся по смыслу: *гнездо — гнездовье, дефектный — дефективный*. Таких единиц в языке немного.

Некоторые авторы трактуют явление паронимии расширенно, относя к паронимам любые близкие по звучанию слова (а не только однокоренные). В этом случае паронимами следует признать и такие созвучные пары, как *дрель — трель, ланцет — пинцет, фарш — фарс, эскалатор — экскаватор, вираж — витраж* и др. Однако их сближение в речи носит случайный характер и не закрепляется всем многообразием системных отношений в языке. К тому же сопоставление разнокорневых созвучных слов нередко носит субъективный характер (одному кажутся похожими слова *вираж — витраж*, другому — *вираж — мираж*). Звуковое подобие неродственных слов определяется как п а р о н и м а з и я.

Известны случаи перехода паронимов в синонимы. Так, сравнительно недавно слово *смириться* имело значение стать «смирным, покорным, смиренным»; употребление его в значении «примириться» считалось недопустимым. Однако в разговорной речи это слово все чаще стало обозначать «привыкнув, примириться с чем-нибудь»: *смириться с бедностью, смириться с недостатками*. Современные толковые словари русского языка отмечают это значение как основное. Таким образом, бывшие паронимы, в результате их смешения в речи, могут сблизиться и в конце концов превратиться в синонимы. Однако следует иметь в виду, что взаимозаменяемость недавних паронимов допустима лишь в том случае, если развившееся у них новое значение закреплено в языке.

Смысловое различие паронимов не простирается, как правило, до противоположности, т.е. паронимы не вступают в антонимические отношения. Они могут быть противопоставлены только в контексте: «*Долг, а не должность*»; «*Служение, а не служба*» (заголовки газетных статей). Однако подобное противопоставление паронимов не отражается на их системных связях в лексике и носит окказиональный характер.

Стилистические функции паронимов

Паронимы, а отчасти и неродственные, но сходные по звучанию слова — паронимазы — выполняют в речи различные стилистические функции.

Перед каждым автором может возникнуть проблема выбора одного из паронимов. Если синонимический отбор лексических средств неизменно сопутствует словесному творчеству, то проблема выбора одного из паронимов возникает лишь в тех случаях, когда в речь включаются паронимические слова.

Умелое употребление паронимов помогает писателю правильно и точно выразить мысль, именно паронимы раскрывают большие возможности русского языка в передаче тонких смысловых оттенков. Вот как, например, А.С. Пушкин вводил паронимы в речь царя в драме «Борис Годунов»: — *Я думал свой народ в довольствии, во славе успокоить, щедротами любовь его **снискать***; — *Я золото рассыпал им, я им **сыскал** работы, — они ж меня, беснуясь, проклинали (**снискать** — заслужить, приобрести что-либо, **сыскать** — найти)*. В подобных случаях следует говорить о с к р ы т о м использовании паронимов, так как читатель видит в тексте лишь одно из подобных слов. Читая окончательный текст, мы можем только догадываться о большом труде писателя, у которого паронимические слова могли вызвать сомнения, колебания.

В художественной речи обычно наблюдается правильное, весьма искусное использование паронимов. Например, у Пушкина можно найти много примеров, иллюстрирующих нормативное употребление «больных» слов, которые до сих пор смешиваются в просторечии: ***Надев** широкий боливар, **Онегин** едет на бульвар; **Лазурный**, пышный сарафан **одел** Людмилы стройный стан*. Однако возможно и сознательное отклонение писателя от нормы, если он хочет показать речевые ошибки своих героев. Так, в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» паронимия показывает разный уровень культуры речи двух персонажей в их диалоге: — *Пардон! — отозвался Фаот. — ...Здесь разоблачать нечего, все ясно. — Нет, виноват! Разоблачение совершенно необходимо... — **Зрительская** масса требует объяснения. — **Зрительная** масса, — перебил Семплеярова наглый гаер, — как будто ничего не заявляла*.

Иной характер носит о т к р ы т о е использование паронимов, когда писатель ставит их рядом, показывая их смысловые отличия при кажущемся подобии. В этом случае паронимы выполняют различные стилистические функции, выступая как средство усиления действенности речи.

Столкновение паронимов используется для выделения соответствующих понятий, например: *Молодые Тургеневы олицетворяют собой*

честь и честность (М. Мар.). Сочетание паронимов в таких случаях создает тавтологический и звуковой повтор, что способствует их выделению, например: *Нет, умереть. Никогда не родиться бы лучше, / Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой / о чернобровых красавцах. — Ох, и поют же / Нынче солдати! о господи боже ты мой!* (Цв.) Такой же стилистический эффект порождает сочетание неродственных сходнозвучных слов, близких в семантическом отношении: **Очищали, причащали, покорив и покарвав, Тех, что стены защищали, в те же стены вмуровав** (Ф. Искандер).

Употребление паронимов может быть средством у т о ч н е н и я мысли: *Все те же ль вы, другие ль девы, Сменив, не заменили Вас?* (П.) Иногда автору достаточно обратить внимание на различную лексическую сочетаемость паронимов, чтобы уточнить их значение: *Знающий язык своего народа писатель не спутает **пустошь** и **пустырь**: пустошь распахивают, а пустыри застраивают* (А. Югов).

Возможно с о п о с т а в л е н и е паронимов, если автор хочет показать тонкие смысловые различия между ними: *Я не люблю пластику кистей у танцовщиц. Она манерна... в ней больше **красивости**, чем **красоты*** (Стан.). Сопоставляются не только паронимы, а и неродственные, но сходные в звучании слова: *Запел и **запил** от любви к науке* (Выс.); *Перестройка грозит перерасти в **перестрелку***. (Из газ.) Чем неожиданнее сопоставление, тем ярче звуковая окраска слова, придающая высказыванию особую экспрессию. Подобные каламбуры ценят сатирики. Они любят сблизить самые «неподходящие» слова, удивляя нас своей фантазией, так как сопоставление созвучных слов может стать источником юмора. Приведем примеры шуток, построенных не на паронимии и парономазии, а просто на внешнем подобии обыгрываемых слов. *Одни **лепечут**, другие — **улепетывают**; Одни **умывают** руки, другие — **отмывают** деньги; Что нам на знамени сегодня **вышить**? Пожалуй, самый главный лозунг — **выжить!*** у Вениамина Ерофеева в «Записных книжках» находим едкие сатирические примеры парономазии: ***Порочный режим, но прочный!** Человек — это звучит **горько**; И в **запой** отправился парень молодой.*

Яркий стилистический эффект создает п р о т и в о п о с т а в л е н и е паронимов: *Меня тревожит **встреч** напрасность, что и ни сердцу, ни уму, и та не **праздничность**, а **праздность**, в моем гостящая дому* (Евт.). Обычно в этом случае паронимы соединены противительным союзом и одно из созвучных слов дается с отрицанием: *Я жить хотел быстрее всех. Я жаждал **дел**, а не **деяний**. Но где он, подлинный **успех**, успех, а не **преуспеянье**?* (Евт.)

Противопоставляются и неродственные созвучные слова: *Не **фирма**, а **форма**; Теперь он увлекся не **спортом**, а **спиртом*** (ЛГ). Кажущаяся нелогичность сближения похожих слов придает особую действенность высказыванию.

Паронимы и еще чаще паронимазы используются в к а л а м б у р а х: *Памятник первопечатнику* (И. и П.); *Розыск сбежавшего жениха не обвенчался успехом* (ЛГ). При этом одному из созвучных слов часто присваивается необычное значение на основе ложной этимологизации. Одно из обыгрываемых слов может в тексте отсутствовать, но мы его обязательно вспоминаем под влиянием звуковых ассоциаций: *содрание сочинений, притворные актеры, червь самомнения, освежеватель старинных романсов, тела давно минувших дней* (Св.), *известный дублицист, кропал без вести, в перекосном смысле, талантовы муки, пленэное заседание, водная лекция*.

В поэтической речи паронимазия питает звукопись. Употребление созвучных слов создает яркую переключку звуков, делая слова более «выпуклыми», значительными: *Поощадыт ли площади меня?* (Паст.)

В прозе также паронимазия иногда выступает ярким стилистическим средством выделения важных в контексте слов: *Настоящее настоящее* (Лип.); *Вещие вещи* (Крив.); *Гармония гормонов* (В. Леви); *Потоки патоки* (М. Борисова). К паронимазии обращаются публицисты, используя созвучные слова для заголовков газетных статей: «*Грани гранита*», «*Нелады с наладкой*». Паронимия и паронимазия выполняют роль «звукового курсива», выделяя созвучные слова, которым автор придает особое значение: *Служить бы рад, — Прислуживаться тошно* (Гр.); «*Дуэль и дуэт*», «*И быт и бытие*», «*Долг и должность*» и т.д.

Смешение паронимов

Паронимы требуют к себе особого внимания: их смешение недопустимо. В просторечии можно нередко столкнуться с неправильным употреблением слов *подпись* — *ропись*: *Поставьте свою ропись*; *Это ваша ропись на справке?* Слово *ропись* означает «живопись на стенах, потолках, предметах быта» или действие по глагоду *расписать* (в значении — «записать в разные места»: *расписать примеры на карточки*). Эти значения закреплены в толковых словарях русского языка. Здесь же разъясняются и значения слова *подпись*. 1. Действие по глаголу *подписать* (в значении — подтвердить, заверить, поставить подпись). 2. Надпись под чем-нибудь (*подпись под картиной*). 3. Собственноручно написанная фамилия (*поставить свою подпись*).

В речи наблюдается очень часто смешение паронимов, что приводит к грубым лексическим ошибкам. Физрук воскликнул: *Кто повесился на брусках? Подойди ко мне!* Учитель говорит: *Теперь хочу немного приостановиться на Анне Карениной*. Тележурналист сообщает: *Самолет МЧС уже приступил к тушению останков пожара; Солдатских матерей волнуют условия жилья солдат* (надо: *жизни*). Замена приставки

в «похожих» словах может стать причиной непростительных обмолвок: *В своей посмертной записке он предупредил об угрозе...* (следовало: предсмертной).

Смешение паронимов приводит к искажению смысла высказывания: *Пусть не блещет картина какими-либо особыми художественными достоинствами, но это добротный фильм, осуждающий зло, несправедливость, насилие* (надо: добрый).

Смешение паронимов может вызвать нарушение лексической сочетаемости: *Книга — источник познания* (знания); *красивая и практическая обувь* (практичная); *преклонить голову* (склонить).

Следует упомянуть о неправильном употреблении в речи однокоренных слов, которые нельзя назвать паронимами в строгом значении термина. Например, вместо прилагательного *внеочередной* употребляют *неочередной*, вместо *выдающийся* — *выдающий*, вместо *заимообразно* — *взаимообразно*. Такие слова образованы вопреки литературно-языковой норме, употребление их свидетельствует о крайне низкой речевой культуре.

Искажение смысла высказывания вследствие паронимии

Грубые лексические ошибки в речи могут быть вызваны ложными ассоциациями, которые возникают под влиянием паронимии. Так, иногда путают слова *статут* и *статус*, *апробировать* (от лат. *approbare*), что означает «дать официальное одобрение на основании испытания, проверки», и опробовать (родственное слово *проба*) — «подвергнуть испытанию до применения». Ассоциативные ошибки нередко делают высказывание абсурдным (... *Обязались изготовить дополнительно 50 настилов для экскаваторов столичного метро*) или комичным [*Где здесь натуральная контора — мне с ребенка копию снять* (Кр.)].

А.П. Чехов обыграл ассоциативные ошибки, вызванные паронимией, в шутке: *Кавказский князь в белом шербите ехал в открытом фельтоне*. (Из записных книжек.) Современные авторы и ораторы не застрахованы от подобной путаницы. Так, журналист не видит различия между *стезей* и *стерней* и пишет: *Если уж фермер избрал эту стерню... надо идти по ней до конца*. А в разговоре можно услышать: *В ресторане нам подали эскулап свиной*.

Паронимия и паронимия могут стать причиной комических объявлений: *Врач-некролог вылечит от алкоголизма* (следовало: нарколог); *Мужчинам с голым торцом пиво не отпускается* (на пляже все загорают с голым торсом); *Освежевание головы — не роскошь, а гигиена* (реклама в парикмахерской).

По вине переводчика и редактора в одном сочинении Фридриха Энгельса оказалась такая фраза: *Будем бороться до последнего издыхания* (вместо дыхания).

Юмористы любят обыгрывать паронимию и паронوماзию, но плохо, если выступающий оказывается в роли «невольного юмориста». Чтобы избежать этой участи, почаще проверяйте себя по словарям трудностей, читайте словарь «Паронимы современного русского языка» О.В. Вишняковой (первое издание. — М., 1981).

ПОЛИСЕМИЯ И ОМОНИМИЯ

Многозначные слова

П о л и с е м и я (от греч. *poly* — много, *sema* — знак) означает способность слова иметь одновременно несколько значений. Явление полисемии, или многозначности, постоянно находится в центре внимания стилистов.

Изучение полисемии позволяет выделить в многозначных словах **о с н о в н ы е**, или первичные, значения, которые характеризуются наибольшей частотностью и минимальной зависимостью от контекста; и **н е о с н о в н ы е**, вторичные значения, менее частотные и всегда обусловленные контекстом. У многозначных слов, наряду с их основным, **п р я м ы м** значением, появляются **п е р е н о с н ы е** значения. Они часто утрачивают метафоричность (*хвост поезда, колено трубы, усики винограда*), но иногда могут восприниматься и как образные. Например: *вихрь событий, буря страстей, искра чувства, тень улыбки, голос разума, лететь навстречу, светлый ум, железная воля*.

Общезыковые метафоры следует отличать от индивидуально-авторских, значение которых рождается в художественном контексте и не становится достоянием языка. Например, *сerpн луны, свод небес* — общезыковые метафоры, а *Небо как колокол, Месяц — язык* — самобытный художественный образ С. Есенина.

Изучение многозначности имеет важное значение для риторики. Слова, имеющие различные значения, могут в речи получать неоднозначную стилистическую окраску. Так, нейтральное, общеупотребительное слово *дать* может прозвучать как сниженное: *Я те дам... Постреленок!* — крикнула *Мавра Кузьминична, замахиваясь на него рукой* (Л.Т.); как профессионализм: *Дав лошадям шпоры, полковник с есаулом понеслись галопом к площади* (Н.О.). Сравните также просторечные выражения: *Ну, давай!*; *Ну, ты даешь!* и т.п.

Полисемичное слово может иметь разную лексическую сочетаемость. Например, слово *низкий* в своем основном значении «малый по высоте, находящийся на небольшой высоте от земли, от какого-нибудь уровня», имеет широкие границы лексической сочетаемости (*низкий человек, берег, лес, дом, забор, столб, стол, стул, шкаф, каблук; низкая мебель, гора; низкое дерево*), но, выступая в значениях «плохой» или «подлый, бесчеловечный», сочетается далеко не со всеми словами,

к которым подходит по смыслу (нельзя сказать: «низкое здоровье», «низкие знания», «низкий ответ» или «низкий студент»).

В составе многозначных слов выделяются такие, у которых развиваются противоположные, взаимоисключающие значения. Например, *отходить* может означать «приходить в обычное состояние, чувствовать себя лучше», но это же слово может означать «умирать» (*отойти в вечность*). Развитие противоположных значений у одного слова называется в н у т р и с л о в н о й а н т о н и м и е й (антонимией значений), или э н а н т и о с е м и е й.

Многозначные слова составляют примерно половину словаря современного русского языка; они наиболее употребительны, имеют достаточно обобщенные значения. Другая часть лексического состава — однозначные слова, отличающиеся либо предельной конкретностью семантики (имена собственные), либо узкопредметным значением (*бидон, бинокль, бинт*). Многозначность слов свидетельствует о неограниченных возможностях языка, так как богатство словарного состава заключается не только в количестве слов, но и в разнообразии их значений. Развитие у слов новых значений дает простор творческому использованию лексических запасов языка.

Омонимия и смежные с ней явления

О м о н и м и я (от греч. *homos* — одинаковый, *онума* — имя) — совпадение в звучании и написании слов, различных по значению. Например: *брак* в значении «супружество» и *брак* — «испорченная продукция». Первое слово образовано от глагола *брати* с помощью суффикса *-к* (ср. *братъ замуж*), омонимичное ему существительное *брак* заимствовано в конце XVII в. из немецкого языка (нем. *brack* — «недостаток» восходит к глаголу *brechen* — «ломать»).

Разграничение омонимии и многозначности отражено в толковых словарях: различные значения многозначных слов приводятся в одной словарной статье, а омонимы — в разных.

Вместе с омонимией обычно рассматриваются смежные с ней явления, относящиеся к звуковой и графической сторонам речи, — омофония и омография. Слова, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному (*луг — лук*), называются о м о ф о н а м и (от греч. *homos* — одинаковый, *phone* — голос, звук). Слова, которые совпадают только на письме, но отличаются произношением, называются о м о г р а ф а м и (от греч. *homos* — одинаковый, *grapho* — пишу). Омографы обычно имеют ударение на разных слогах (*кру́жки — кружкí, попада́ют — попада́ют, со́рок — сорóк* и т.п.). В современном языке больше тысячи пар омографов.

К явлению омофонии близки случаи, когда при произнесении совпадают, с одной стороны, слово, с другой — части слов или несколько слов (*Не вы, но Сима страдала невыносимо, водой Невы носима*).

Особое явление представляет и н д и в и д у а л ь н о - а в т о р с к а я о м о н и м и я — употребление известных слов в необычном значении. Таковы шутки: *этажерка* — *дежурная по этажу*, *подкидьш* — *акробат*, *бездарность* — *гость без подарка*, *график* — *низкорослый граф* и т.п.

Индивидуально-авторские омонимы часто очень забавны, они лежат в основе многих шуток, которые приводятся на юмористических страницах газет и журналов: *гусар* — *птичник*, *работник гусиной фермы*; *дерюга* — *зубной врач*; *доходяга* — *победитель в спортивной ходьбе*; *весельчак* — *гребец*; *погремушка* — *маленький погром*; *предынфарктное состояние* — *состояние, нажитое до инфаркта* (ЛГ).

Стилистические функции многозначных слов и омонимов

Стилистическое использование многозначных слов и омонимов представляет интерес для риторики, поскольку является ярким источником речевой экспрессии. Употребляя в близком контексте одни и те же слова в разных значениях, можно придать речи особую занимательность. Например: *Поэт издали заводит речь. Поэта далеко заводит речь* (Цв.). Известный исследователь творчества А.С. Пушкина С.М. Бонди заметил: *Прежде чем говорить о графине, надо определить, что мы имеем в виду — сосуд или человека*.

Остроумие собеседников ценится во все времена.

Обыгрывание значения слова называется к а л а м б у р о м. Известны каламбуры Пушкина: *Взять жену без состояния я в состоянии, но входить в долги из-за ее тряпок я не в состоянии*. Если верить литературному анекдоту, ему же принадлежит и такая шутка. Лежавший в присутствии поэта на диване хозяин дома попросил гостя придумать в его честь каламбур, и Пушкин сказал: *Детина «полуумный» лежит на диване*. Граф обиделся. «Вы слишком забываетесь, Александр Сергеевич, — строго проговорил он. — Ничуть... Но вы, кажется, меня не поняли... Я сказал: *дети на полу, умный лежит на диване*». Еще напомним одну из эпиграмм Пушкина: *Все говорят: / Он Вальтер Скотт. / Но я поэт, не лицемерю. / Согласен я: он просто скот, / Но что он Вальтер Скотт — не верю*.

Замечательные шутки, основанные на многозначности и омонимии, придумывали многие писатели. Например: *Каков ни есть, а хочет есть* (В. Даль); *Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот* (Козьма Прутков); *Настоящий мужчина состоит из мужа и чина* (Ч.); *Молодая была уже не молода* (И. и П.); *Радио будит мысль даже в те часы, когда очень хочется спать; Отпуск не проведешь, он всегда кончается вовремя; Дети — цветы жизни, не давайте им, однако, распускаться* (Э.К.); *Край родимый, как ты сердцу дорог, / Как*

твои просторы широки / Отчего же на твоих просторах / Муки много больше, чем муки? (Крив.)

Поэты любят омонимические рифмы, их обыгрывал А.С. Пушкин:

— *Вы щенки! За мной ступайте!*
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу!

Блестящие примеры омонимических рифм, на которых строится игра слов, создал современник Пушкина, поэт Д.Д. Минаев:

Не шеголай, приятель, тем ,	Парик на лысину надев ,
Что у тебя избыток тем ,	Не уповаю я на дев
Произведенья знаем те мы ,	И ничего не жду от дам ,
Где лучшие погибли темы .	Хоть жизнь подчас за них отдам .

В ораторской речи каламбур не могут сыграть столь значительной роли, как в художественной литературе, можно лишь цитировать шутки тех или иных авторов, чтобы «развеселить» аудиторию. Но журналисты, выступая по телевидению, иногда позволяют себе каламбурить. Например: *Наше среднее образование — самое среднее в мире!*; *Еще остались плакаты у нас от встречи NN с высоким гостем из Японии, который, правда, оказался не таким уж и высоким — по пояс где-то нашим охранникам, если подпрыгнет.*

На индивидуально-авторской омонимии построен резкий каламбур одного из депутатов, выступивших перед зрителями: *Верховные советы республик плевали на союз, городские Советы плевали на республиканские, районные — плевали на городские. Народ плевал друг на друга. Наступила эпоха всеобщего плюрализма.* Подобные остроты по этическим соображениям нельзя признать удачными (ср. анекдот времен перестройки: *Секретарь партбюро: — Почему вы не были на последнем партсобрании? — О, если бы я знал, что оно последнее!..*).

Перед ораторами стоит другая проблема — не оказаться в роли «стихийных юмористов», когда то или иное высказывание покажется слушателям двусмысленным. Чтобы этого не случилось, остановимся на ошибках, возникающих в результате неуместных каламбуров.

Неоправданные каламбуры из-за полисемии и омонимии

Нельзя забывать о возможности двупланового осмысления фраз, в которых употребляются многозначные слова и слова, имеющие омонимы. Так, в поздравительной речи юбиляру выступавший сказал: *Десять лет — это не срок! Хочется, чтобы вы трудились еще и еще...* Другой «оратор» сообщил: *В таком возрасте трудно управлять, приказывать, бегать по инстанциям, заставлять подчиненных честно*

работать... Хочется *посидеть*. Но не всем такая возможность предоставляется. В наше время, когда некоторые управленцы «получают срок» и «сидят» в тюрьмах, такие фразы кажутся двусмысленными.

Не следует в речи допускать близкого соседства полисемичных слов, так как их столкновение порождает неуместный комизм (*Водопроводная система часто выходит из строя, а у ремонтников нет никакой системы*; *Повышенный расход электроэнергии связан со значительными расходами*). Еще хуже, если при употреблении многозначного слова возникает неясность высказывания. Например: *Люди увидели в нем доброго руководителя*. Слово *добрый* может иметь и значение «хороший», и значение «делающий добро другим, отзывчивый». Неуместные каламбуры иногда возникают в речи спортивных комментаторов: *Наша шахматистка отстала от соперницы в развитии* (имелось в виду «развитие фигур» — термин шахматной игры); неподготовленных ораторов: *У нас в питомнике много собак, поэтому мы в основном питаемся за счет клубного собаководства* (говорит собаковод на собрании членов клуба). Руководитель археологической экспедиции заявил: *Мы заметили, что покойники из южного захоронения перекликаются с покойниками из северного захоронения*.

Неуместные каламбуры встречаются в объявлениях и в слишком лаконичных заголовках: *Размножение с 19.00* (о работе ксерокса); *Женщины укладываются в первом зале* (объявление в парикмахерской). Экономия речевых средств в рекламе приводит к неудачному сокращению текста, и возникает двусмысленность, абсурдность. Например, объявление: *С 1 июня самолет будет летать с остановками*; в магазине призыв: *«Готовьтесь много вынести!»*; на ларьке записка продавщицы: *Ушла заряжать автоматы*. В подобных «стихийных остротах» нередко сквозит мрачный юмор: *Всех тяжелобольных закапывать до 10 утра* (объявление в больнице); *Обеспечу уход престарелого человека* (объявление в газете).

В книжной речи авторов иногда подводит омография: возникает неясность высказывания, если автор не заметил, что у того или иного слова есть омограф. Мы затрудняемся правильно прочитать текст, так как в русской графике не принято обозначать ударение [*По движению поэтического чувства мы безошибочно узнаем Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока (узнаём или узнаём?)*]; *Мы можем спросить у поэта: «Откуда его модель антимира — из Хейнмана или из Пикассо?» И поэт признается: «Из Пикассо» (признаётся или признаётся?)*]. Для письменной речи омография представляет серьезную трудность [*Большая часть выпускников осталась в деревне (большая или больша́я?)*]; *Как же они туда попадали? (попадали или попада́ли?)*]. В частности, омография обязывает быть внимательным к некоторым особенностям графического изображения слова. Так, иногда важно разграничение букв *e* и *ё*, которые могут изменить смысл слова [*Все это знали (все или всё?)*].

Невнимательное отношение к слову нередко замечается в разговорной речи. Так, у кассы магазина можно услышать: **Выбейте** мне мозги; в поликлинике: **Снимите** череп и запишитесь к хирургу. Случайные каламбуры могут возникнуть в результате индивидуально-авторской омонимии: *Летом количество пассажиров на электропоездах увеличится из-за огородников и садистов*. Последнее слово как окказионализм образовано от существительного «сад», но в языке известен его омоним с криминальным значением.

Комизм и двусмысленность высказыванию могут придать аббревиатуры, имеющие лексические омонимы. Например: ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь), МНИ, МУХИН (названия институтов) и др. Некоторые из них исчезли после реорганизации соответствующих учреждений. Так, не стало аббревиатур ОЛЯ (Отделение литературы и языка АН СССР), ИВАН (Институт востоковедения АН СССР).

Однако управлять процессом создания сложносокращенных слов не всегда удается. Важно, чтобы при выступлении оратора или в передаче по радио не возникла омофония, как, например, в таких случаях: *В этом году наш коллектив наладил творческий контакт с НИМИ* (надо: ...с Научно-исследовательским институтом молочной торговли и промышленности); *Об этом факте убедительно говорит ТИТ* (надо: ...телевизионная испытательная таблица); *Решение этого вопроса невозможно без участия ФЕИ* (надо: ...Международной федерации конного спорта).

Омофония может создать игру слов и неясность только в устной речи, когда искажается смысл высказывания из-за неверного деления текста на речевые единицы. Так, когда-то гимназисты, заучивая элегию К.Н. Батюшкова «Пленный», читали строку *Шуми, шуми волнами, Рона*, не вникая в смысл. Поэтому слышалось: «*волна Мирона*».

Случайная игра слов в результате омофонии встречается даже у поэтов-классиков: отмечено несколько случаев омофонии в произведениях А.С. Пушкина (*Слыхали ль вы за рощей глас певца любви, певца своей печали?*). Недоброжелательные критики сознательно вырывают из контекста отдельные словосочетания, чтобы подчеркнуть возможность их двоякого толкования. Например: *Души прекрасные порывы...* (душить порывы?); *С огнем Прометей...* (согнем Прометей?). Невольные каламбуры найдены у М.Ю. Лермонтова (*С свинцом в груди лежал недвижим я*), В.Я. Брюсова (*И шаг твой землю тяготил*). Омофония может возникнуть при переводе произведения на другой язык. Так, в переводе одного стихотворения оказалась строчка *Можно ли быть равнодушным ко злу?* Внимательное отношение к слову позволит избежать подобных ошибок и в выступлениях ораторов.

Глава 7

Достижение образности речи лексическими средствами

МЕТАЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ

Слова «образность», «образный» используются в разных значениях. **Образность** в широком смысле этого слова — как живость, наглядность, красочность изображения — неотъемлемый признак всякого вида искусства, форма восприятия действительности с позиций определенного эстетического идеала; образность речи — частное ее проявление. В ее создании участвует не только лексика, но и фоника, и грамматические средства языка. Эмоциональность, действенность речи могут быть достигнуты благодаря искусному использованию экспрессивной лексики и фразеологии, синонимов, антонимов, омонимов и т.д.

Более узкое, специальное, понимание образности речи основано на использовании слов в необычном значении, в метафорическом смысле. Аристотель писал: *Важнее всего — быть искусным в метафорах. Только этого нельзя перенять от другого; это признак таланта.* (Об искусстве поэзии.)

Метафоричность речи создается благодаря употреблению **тропов** (от греч. *tropos* — поворот, оборот, образ). Так называются слова, употребленные в образном значении. В тропах «разрушается основное значение слова, если оно попадает в необычный для него контекст. Тропы имеют свойство пробуждать эмоциональное отношение к теме, внушать те или иные чувства»¹. Покажем использование тропов в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (гл. 25).

Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. *Исчезли* висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, *опустилась с неба бездна и залила крылатых богов* над гипподромом, Хасмонеийский дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... *Пропал Ершалаим* — великий город, *как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма*, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях. Странную тучу принесло со стороны моря к концу дня, четырнадцатого дня весеннего месяца нисана.

Она уже *навалилась своим брюхом* на Лысый Череп, где палачи поспешно кололи казнимых, она *навалилась на храм* в Ершалаиме, *сползла дымными потоками* с холма его и *залила* Нижний Город. Она *вливалась* в окошки и *гнала* с кривых улиц людей в дома. Она *не спешила отдавать свою влагу и отдавала* только свет. Лишь только *дымное черное варево распарывал огонь*, из крошечной тьмы *взлетала вверх великая глыба храма* со сверкающим чешуйчатым покровом. Но он *угасал* во мгновение, и *храм погружался в темную бездну*. Несколько раз он *выскакивал* из нее и опять *проваливался*, и каждый раз этот *провал сопровождался грохотом катастрофы*.

¹ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996. С. 52.

Другие *трепетные мерцания* вызывали из бездны противостоящий храму на западном холме дворец Ирода Великого, и *страшные безглазые золотые статуи взлетали к черному небу, простирая к нему руки*. Но опять *прятался небесный огонь*, и тяжелые удары грома *загоняли золотых идолов во тьму*.

Ливень хлынул неожиданно, и тогда гроза перешла в ураган. В том самом месте, где около полудня, близ мраморной скамьи в саду, беседовали прокуратор и первосвященник, с ударом, *похожим на пушечный, как трость переломило кипарис*. Вместе с водяной пылью и градом на балкон под колонны несло сорванные розы, листья магнолий, маленькие сучья и песок. *Ураган терзал сад*.

Речь, оснащенная тропами, называется *металогической* (от греч. *meta* — через, после; *logos* — слово); она противопоставлена речи *автологической* (от греч. *autos* — я, сам), в которой тропы отсутствуют. Античные риторы придавали огромное значение образности речи. О воздействии ее на слушателей указывал Цицерон: «Перед кем же люди трепещут? На кого взирают, потрясенные, когда он говорит? Как восторгаются? Кого считают чуть ли не богом среди людей? Того, кто говорит стройно... блистая яркими словами и яркими образами»¹.

Металогия используется не только в художественных текстах, к ней прибегают ораторы, ученые, публицисты. Так, в 1918 г., выступая на открытии Института живого слова в Петрограде, А.В. Луначарский образно объяснил важность изучения риторики как науки об ораторском искусстве: *Нужно вернуть человеку его живое слово*².

В научном стиле образность речи помогает наглядно объяснить какие-либо понятия, явления. Например, профессор Т.Я. Солганик пишет: *Важное качество термина связано с тем, что он входит в терминологическую систему. Все терминологии строго системны. Если термин выбивается из системы, он, как правило, долго не живет. Ученые сравнивают жизнь термина в терминологической системе с жизнью пчелы в улье... Пчела не может существовать вне улья, как термин вне терминологической системы. И дефиниция, и функция термина зависят от места его в терминологической системе*³.

Публицисты и политики нашего времени тоже не отказываются от использования образных выражений для усиления эмоциональности речи. Так, на одном из совещаний Президент В.В. Путин сказал: *Среди людей, с которыми мы встречаемся, разговариваем, много тех, кто и разочарован, сбит с толку, растерян. И наша с вами святая обязанность показать этим людям свет в конце туннеля*. Выражение *свет в конце туннеля* — распространенный образ, как и многие другие тропы (*смотреть сквозь розовые очки, голубая мечта, железные нервы, военная гроза, вихрь событий* и т.д.), которые называются *языковыми тропами*, часто используются ораторами, публицистами, в отличие

¹ Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 215.

² Луначарский А.В. Речь при открытии Института живого слова // Театр. 1968. № 9.

³ Солганик Т.Я. Практическая стилистика русского языка. М., 2006. С. 127.

от и н д и в и д у а л ь н о - а в т о р с к и х, которые создаются мастерами художественной речи в конкретном тексте.

Злоупотребление языковыми тропами наносит ущерб красноречию. Например, одно время в газетно-публицистическом стиле навязчиво повторялись шаблонные образы: *нефть — черное золото, горючие сланцы — коричневое золото, пушнина — мягкое золото, лес — зеленое золото* и т.п. *Так рождались речевые штампы, несовместимые с творческим использованием лексических образных средств.* Из этого следует, что не всякие тропы и не всегда «украшают» стиль, порой лучше их не использовать. Предпочтение метафоры или автологии еще не дает основания говорить о степени мастерства автора, все зависит от того, насколько оправдано обращение к тропам, какие они — яркие, убедительные или слабые, фальшивые.

Иногда неправильно считают, что тропы нужны лишь для создания возвышенных, романтических образов, необычных картин. Однако тропы могут быть и средством реалистических описаний, лишенных романтического ореола: *Ножки ее (Агафьи Федосеевны) были коротенькие, сформированные на образец двух подушек... Весь стан ее был похож на кадушку... У Ивана Никифоровича нос в виде спелой сливы (Г.).*

Бытовые детали, которые вызвали бы у нас осуждение в реальной жизни, в художественном описании воздействуют совсем по-другому. Кто не восхищался, например, гоголевским изображением жилья Плюшкина? *С середины потолка висела люстра в холстинном мешке, от пыли сделавшаяся похожей на шелковый кокон, в котором сидит червяк.* А каков сам хозяин этого поместья? *Весь подбородок с нижней частью щеки походил у него на скребницу из железной проволоки, какую чистят на конюшне лошадей.*

Поистине образное слово творит чудеса: оно превращает неприглядные и даже мерзкие житейские черты в поэтические картины.

Тропы приходят на помощь писателям и тогда, когда они выставляют своих героев в смешном свете. Вспомним комические тропы Ильфа и Петрова: *Ипполит Матвеевич перевалился на кровати с боку на бок. Пружины под ним бляели; Он был молод душой, но в его кудрях, как луна в джунглях, светилась лысина.* Изобретательность юмористов в таких случаях не знает пределов. Например, М. Зощенко написал об одном из своих персонажей: *Он тихим, как у таракана, голосом читал свои стишки.* Может ли у таракана быть голос, да еще тихий? у Ильфа и Петрова читаем: *Паниковский прыгал, как обезьяна.*

Как видим, не правы те, кто утверждает, что образная речь призвана «украшать» стиль, придавать ему «легкость и изящество», и что тропы — лишь «цветы красноречия». Важна не «красивость» тропов, а их органичность в тексте, обусловленность содержанием произведения, речи оратора.

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ТРОПОВ

Употребление тропов может стать причиной разнообразных речевых ошибок. Неудачная образность речи — довольно распространенный недостаток стиля авторов, которые плохо владеют пером. *Степь цвела: словно факелы стояли красные и желтые тюльпаны, голубые колокольчики, степные маки,* — пишет журналист, не замечая, что сравнивает с факелами непохожие на них колокольчики, маки.

Объективное сходство сближаемых в тропе предметов — необходимое условие изобразительной силы переносного словоупотребления. Однако в речевой практике это условие нередко нарушается. *Судья был такой же простой и скромный, как и его кабинет,* — читаем в заметке; *Она была так же мила и еще милее, чем ее белое платье в синий горошек,* — находим в очерке. Какое сходство усмотрели авторы этих строк в сопоставляемых предметах? Невольно вспоминается ироническое сравнение А.П. Чехова: *Похож, как гвоздь на панихиду.*

Можно привести немало примеров «непохожих» тропов, некогда употребленных писателями, журналистами: *Солнце летело в окно; Гром запрыгал, как мяч, и покатился по ветру; Факелы развевались, как огненные бороды; Он хромал, как подстреленная ворона; Набил слезами полный рот и не мог говорить; Плотная нестрая волнующаяся стена обступила его...* Употребление тропов может стать причиной неясности высказывания или исказить мысль автора. Трагический эпизод непонимания образной речи описан Булгаковым в его романе «Мастер и Маргарита».

Пилат заговорил по-гречески:

— Так ты собирался разрушить здание храма и призывать к этому народ?

— ...Я, игемон, никогда в жизни не собирался разрушать здание храма и никого не призывал на это бессмысленное действие...

— Ты... лгун. Записано ясно: подговаривал разрушить храм. Так свидетельствуют люди...

В ходе допроса выясняется, что Пилат, как и те, кто оговорил Иешуа, толковали превратно метафору. Проповедник говорил о том, что *рухнет храм старой веры, создастся новый храм истины.*

«Я сказал так, чтобы было понятнее», — объясняет Иешуа, но прокуратору этого не понять...

В рекламных текстах перифразы могут создать трудности для восприятия: читатели не сразу поймут смысл, например, такой фразы: *Вы хотите водить голубые экспрессы в подземных магистралях столицы?*

Еще М.В. Ломоносов предупреждал, что загромождение речи «переносными словами» дает «больше оной темности нежели ясности»¹. Об этом следовало бы помнить тем, кто сообщает: *Перед зрителями*

¹ Ломоносов М.В. Пол. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. Риторика. М.; Л., 1952. С. 51.

выступают опытные **укротители огня** (можно подумать, что это будут факиры, на самом же деле речь идет о пожарных); *В гости к зрителям микрорайона придут **народные мстители*** (готовится встреча с бывшими партизанами); *Завод **кует** ключи к подземным **кладовым*** (имеются в виду буровые установки для добычи нефти). Такие перифразы не оправданы в речи журналистов, ораторов.

В иных случаях искажает смысл высказывания неуместная синекдоха: *Стюардесса посмотрела на меня **нежным глазом** и пропустила вперед* (употребление единственного числа вместо множественного наводит на мысль, что у стюардессы был только один глаз). Еще пример: *Мы испытываем острый дефицит **рабочих рук**: их у нас двадцать пять, а требуется еще столько же* (у специалистов получилось нечетное число рук); *На нас **смотрели двадцать пять счастливых детских глаз*** — та же абсурдность высказывания из-за синекдохи.

Следует остерегаться неоправданной гиперболизации, вызывающей недоверие и удивление читателя. Так, журналист пишет о своей героине: *Большее всего в мире она **полюбила** свою работу уборщицы, технички*. Искажает смысл высказывания и неоправданная литота: *Небольшой сибирский городок **Енисейск**, хорошо знакомый любителям конькобежного спорта своими двумя скоростными катками, пополнился еще одним собратом — катком «Ермак»* (Енисейск — большой город, развитой промышленный центр); *Экс-чемпион мира получил **микроскопическое преимущество**, которое умелой игрой превратил в весьма ощутимое*.

При метафорическом словоупотреблении иногда появляется двусмысленность, что также мешает правильному пониманию высказывания. Так, в очерке о новых русских фермерах читаем: *Трудно было им **сделать первый шаг и еще труднее шагать по этому пути**. Но у тех, кто избрал его, **крепкие руки**, и поэтому они не свернут с избранной дороги...* (получается, что люди ходят на руках).

Некоторые авторы, не задумываясь, сами себя опровергают, соединяя в тексте метафоры, рисующее несовместимые картины. Например: *...Они мчались, **раздирая темноту факелами**... за ними вдогонку бежала в небе **цепь фонарей***. Серьезный недочет металогиической речи — противоречивость тропов, соединенных оратором: *В связи с тем, что первые вице-премьеры **омоложены** да и в целом правительство **освежили**, Дума возлагает большую надежду на **нижегородский ледокол в лице Бориса Ефимовича Немцова***.

Используя несколько метафор, эпитетов, сравнений, оратор должен соблюдать единство образной системы, чтобы тропы, развивая авторскую мысль, дополняли друг друга. Несогласованность их делает металогиическую речь нелогичной: *Молодая **поросль** наших фигуристов **вышла на лед** (поросль не ходит); *Дворец спорта сегодня **надел будничную одежду**: он окружен **строительными площадками**... **здесь вырастет****

крытый каток, плавательный бассейн, комплекс спортивных площадок (не сочетаются метафоры *одежда — площадки*, не могут вырасти *каток, бассейн*); *Человек — чистая доска, на которой внешнее окружение вышивает самые неожиданные узоры* (на доске можно рисовать, но не вышивать, а вышивают по канве, да и сравнение человека с доской не может не вызвать возражения).

Слова, используемые в тропах, должны сочетаться друг с другом и в своем прямом значении. Неправильно, например, построена метафора: *Вернувшись домой, Усачева вместе с односельчанами начала залечивать шрамы войны: зарывали траншеи, блиндажи, воронки от бомб*. Шрамы не лечат, они остаются навсегда как следы прежних ран.

Образная речь может быть и высокой, и сниженной, но, употребляя тропы, нельзя нарушать закон эстетического соответствия сближаемых понятий. Г.Р. Державина его современники порицали за то, что он сравнил поэзию с лимонадом в оде «Фелица»: *Поэзия тебе любезна, приятна, сладостна, полезна, как летом вкусный лимонад*. В.Г. Белинский осмеял А. Марлинского за метафору: «укус страсти»¹. Пародируя «дикое сближение несближаемых предметов», критик писал: «Третий чудак... затянет: “Что макароны есть с пармезаном, то Петрарку читать: *стихи его сладко скользят в душу, как эти обмасленные, круглые и длинные белые нити скользят в горло...*»².

Многие писатели, анализируя использование тропов, подчеркивали недопустимость сопоставления несопоставимых предметов. Так, М. Горький указал молодому писателю на неудачное сравнение: «...*Черные глаза блестели, точно выпуклые носки новеньких, купленных на прошлой неделе галош*»³. Комизм сравнения здесь объясняется несоответствием эстетической оценки сопоставляемых предметов.

При употреблении тропов необходимо учитывать особенности текста. Еще М.В. Ломоносов в «Риторике» замечал: «К вещам высоким непристойно слова переносить от низких, например: вместо *дождь идет* непристойно сказать *небо плюет*»⁴. С этим требованием нельзя не считаться и в наши дни. Нельзя, например, описывая награждение шофера, совершившего героический поступок, прибегать к снижающим эпитетам, как это сделал журналист: *Он стоял на пьедестале почета и сжимал медаль своими грубыми, заскорузлыми пальцами и не чувствовал металла...*

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. А. Марлинского // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 4. М., 1954. С. 44.

² Белинский В.Г. Стихотворения Полежаева // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6. М., 1955. С. 125.

³ Горький М. Письма начинающим литераторам // Собр. соч.: в 30 т. Т. 24. С. 130.

⁴ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 51.

Однако автор может сознательно нарушить закон эстетического соответствия сближаемых в тропе понятий, и тогда возникает комизм высказывания: *Вода в столовой образовала водоворот... плыли туфли, сонной рыбьей стайкой сбились в угол окурки; Виктор Михайлович завертелся, застонал, словно курица, снесшая яйцо* (И. и П.).

Метафорические выражения не должны «подрывать» логическую сторону речи. В известных строчках из песни *Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор* летчику Валерию Чкалову не понравилась метафора, и он заметил автору: если мотор охватывает пламя, самолет терпит аварию, пилот гибнет, так что поэтический образ в этом случае неудачный... Тем не менее подобные «промахи» в металоогической речи не единичны. Не задумываясь над смыслом сравнения, журналист пишет: *Почему-то всегда домой корабль идет быстрее, словно хочет поскорее прижаться к родной земле*. Однако мореплаватель знает, если корабль «прижимается» к берегу, не миновать аварии, а то и гибели судна.

Проявление основного, необразного значения слов в металоогической речи самая непростительная оплошность автора, результатом которой оказывается неуместный комизм высказывания: *За стеклом стоят, прижавшись, Скотт, Горький, Бальзак, Моруа... Лиза с матерью жили бедно, и, чтобы прокормить старушку-мать, бедная Лиза собирала в поле цветы...* Объявление в столовой: *«Укого остались талоны от обеда, тот может съесть их на ужин»*.

Использование метафорического выражения в прямом смысле называется р е а л и з а ц и е й м е т а ф о р ы. Разрушение образного значения тропа приводит к неуместному каламбуру, создает неясность высказывания: *От нашего средства у вас волосы будут расти прямо на глазах* (из рекламы); *Подземные богатыри в четвертом квартале вышли на более высокие рубежи* (можно подумать, что теперь шахтеры будут добывать уголь в новых, более «высоких» пластах). *Ни Карин Энке из Германии, ни Али Борсма из Голландии не смогли организовать погоню за Татьяной Тарасовой* (о состязаниях в конькобежном спорте).

В иных случаях журналисты сознательно обыгрывают двусмысленность подобных фраз, и тогда реализация метафоры становится стилистическим приемом: *На международных соревнованиях по конькобежному спорту наша прославленная спортсменка Петрова Ю.Ю. Осталась без золота. Из ее номера в отеле умыкнули кольцо, браслет и серьги*.

Реализации метафоры противоположно возникновение в речи «невольных тропов», когда в сознании читателя автологическая речь трансформируется в металоогическую. При этом слова, употребленные вследствие авторской небрежности неточно, в читательском восприятии приобретают новый смысл. Наиболее часто появляется

речи невольное олицетворение: *Выступающий говорит: Моторы, получаемые после капремонта, имеют очень короткую жизнь. Два рулона сняли свои рубашки и катались в произвольном положении по рулонам, стоящим на торце.* Вопреки желанию бездарных ораторов в текстах иногда появляются невольные метафоры: *В полевом вагончике на стенках висят рубезжи колхоза;* метонимии: *Высокой оценки заслуживает работа туалета* (о цехе, производящем туалетное мыло); синекдохи: *На месте происшествия обнаружена гармошка, на которой приклеена девушка.* Возникающая в таких случаях «непредвиденная образность», а точнее — неправильное восприятие автологической речи как металогической, придает высказыванию комизм, искажает смысл.

Обращение к тропам должно быть стилистически мотивировано и в речи оратора, и в художественном произведении. Если содержание высказывания не допускает эмоциональности речи, метафоризация не может быть оправдана. Необоснованное увлечение тропами в погоне за «красивостью» речи приводит к нагромождению метафор, перифраз, эпитетов, сравнений, выполняющих лишь орнаментальную функцию, что создает многословие. «Чересчур блестящий слог, — писал еще Аристотель, — делает незаметными как характеры, так и мысли».

Особенно злоупотребляют тропами спортивные комментаторы: *Сегодня выясняют отношения столичные бойцы клинка, Захватывающая дуэль шахматных амазонок продлится завтра, Двое, имя которым команды, вышли на ледяную сцену, чтобы в стремительном диалоге на языке хоккея поспорить, кто из них сильнее, умнее, мужественнее, благороднее.* Высокопарное звучание речи в таких случаях создает ложный пафос и неуместный комизм.

Металогическая речь всегда экспрессивна, поэтому тропы обычно соседствуют с эмоционально-оценочной лексикой и применяются вместе с другими средствами речевой экспрессии. Обращение же к тропам в жанрах, исключающих использование экспрессивных элементов (например, в протоколе, объяснительной записке, отчетном докладе и т.п.), приводит к смешению стилей, создает неуместный комизм: *Следствием установлено, что самовольно отчужденный автомобиль вследствие нарушения угонщиком правил дорожного движения унес две молодые жизни; Мэрия проявляет постоянную заботу о благоустройстве жилых кварталов; три четверти города занято зелеными друзьями; Дарам земли обеспечена хорошая сохранность.* Такое использование тропов риторика не одобряет; у неумелых ораторов, у авторов, лишенных вкуса, а порой — и здравого смысла, «цветы красноречия» становятся причиной досадных речевых ошибок.

Глава 8

Стилистическая оценка фразеологии

ОТЛИЧИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ОТ СВОБОДНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Фразеология объединяет в своем составе сложные языковые единицы, имеющие устойчивый характер. Например: *попасть впросак, вверх тормашками, кровь с молоком* и т.п. Сложность состава фразеологизмов наводит на мысль об их сходстве со свободными словосочетаниями (ср.: *попасть впросак* — *попасть в ловушку*). Однако компоненты фразеологизма или не употребляются самостоятельно («*просак*», «*тормашки*»), или изменяют во фразеологизме свое обычное значение (например, *кровь с молоком* означает «здоровый, с хорошим цветом лица, румянцем»).

Фразеологизмы характеризует постоянство состава. В свободных словосочетаниях одно слово можно заменить другим, если оно подходит по смыслу (ср.: *читаю книгу, просматриваю книгу; читаю роман*). Фразеологизмы такой замены не допускают (*раскинуть умом*, но не *раскинуть рассудком, головой, извилинами*).

Постоянство состава фразеологизмов позволяет говорить о предсказуемости их компонентов. Так, зная, что в фразеологизме используется слово *закадычный*, можно предсказать другой компонент — *друг*; слово *заклятый* подсказывает слово *враг*.

Большинство фразеологизмов не допускает включения в них новых слов. Так, есть фразеологизмы *потупить голову, потупить взор*, но нельзя сказать: *низко потупить голову, еще ниже потупить печальный взор*. В некоторых фразеологизмах возможен пропуск одного или нескольких компонентов. Например, говорят *пройти сквозь огонь и воду, отсекая и медные трубы*. Редукция фразеологизмов в таких случаях объясняется стремлением к экономии речевых средств и специального стилистического значения не имеет.

Фразеологизмам присуща устойчивость грамматического строения. Так, нельзя сказать *бить баклушу, вытачивать лясу*, заменив формы множественного числа *баклуши, лясы* формами единственного числа, или употребить полное прилагательное вместо краткого во фразеологизме *на босу ногу*.

Большинство фразеологизмов имеет закрепленный порядок слов. Например, нельзя поменять местами слова в выражениях *ни свет ни заря; битый небитого везет; все течет, все изменяется*, хотя смысл, казалось бы, не пострадает, если мы скажем: *Все изменяется, все течет*. В то же время в отдельных фразеологизмах

возможно изменение порядка слов (ср.: *набрать в рот воды — в рот воды набрать, не оставить камня на камне — камня на камне не оставить*). Перестановка компонентов обычно допускается во фразеологизмах, состоящих из глагола и зависящих от его именных форм.

Современные лингвисты включают в состав фразеологических средств, кроме фразеологических сращений, единств и сочетаний, еще и поговорки, пословицы, крылатые слова (*белая ворона; цыплят по осени считают; служить бы рад, прислуживаться тошно* и т.п.). Многие из них восходят к классическим литературным произведениям; есть все основания рассматривать их в составе фразеологии.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОКРАСКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фразеологизмы различаются своей функционально-стилевой закрепленностью и эмоционально-экспрессивной окраской. Самый большой стилистический пласт составляет *р а з г о в о р н а я* фразеология, придающая речи непринужденный, нередко грубоватый оттенок. Например: *без году неделя, во всю ивановскую, водой не разольешь*. Такие фразеологизмы используются преимущественно в устной форме общения и в художественной речи. К разговорной близка *п р о с т о р е ч н а я* фразеология, более сниженная, часто представляющая собой нарушение литературно-языковой нормы (*вправить мозги, чесать языком, у черта на куличиках, драть глотку, задирать нос*).

Другой стилистический пласт образует *к н и ж н а я* фразеология, которая употребляется преимущественно в письменной речи (*деловые круги, ввести в эксплуатацию, давать показания, время собирать камни*).

Можно выделить и *с л о й о б щ е у п о т р е б и т е л ь н о й* фразеологии, которая находит применение как в книжной, так и в разговорной речи (*время от времени, друг друга, иметь значение, сдержат слово*). Таких фразеологизмов немного.

В эмоционально-экспрессивном отношении выделяются фразеологизмы фамильярные, шуточные, иронические, презрительные (*ни рыба ни мясо, сесть в лужу, только пятки засверкали, как снег на голову, из огня да в полымя*) и высокие, торжественные, риторические (*дорога к храму, единым фронтом, обаять руки в крови, возводить перл создания, уйти из жизни*). Есть и фразеологизмы, лишенные экспрессии, употребляемые в строго номинативной функции (*композировать билет, железная дорога, открытое собрание, повестка дня*). Такие фразеологизмы не выражают оценки. Среди них много составных терминов (*удельный вес, знаки препинания, единое экономическое пространство, исполнительная власть*). Современная научная, политическая, юридическая фразеология активно развивается.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ

Выразительные возможности русской фразеологии, ее образность обогащают стиль и ораторов, и писателей. С помощью фразеологизмов можно дать оценку нашим речам (*золотое слово и вовремя сказанное!*), работе (*дело мастера боится!*), внешности человека (*косая сажень в плечах, ни кожи ни рожи*), физическому состоянию (*валиться с ног от усталости*), действиям, поступкам людей (*на свой риск и страх, как с гуся вода, вверх ногами*). Используя фразеологизмы, одних мы хвалим (*на все руки мастер, семи пядей во лбу, мухи не обидит*), других — порицаем (*звезд с неба не хватает, без царя в голове*); об одних вещах говорим возвышенным слогом (*превозносить до небес, лететь на крыльях*), о других — насмешливо, презрительно (*бесструнная балалайка, олух царя небесного*). Фразеологизмы делают нашу речь яркой, выразительной; часто они намного образнее своих лексических синонимов. Сравните: *быстро* — *в мгновение ока*; *далеко* — *за тридевять земель*; *рано* — *ни свет ни заря*; *близко* — *рукой подать*.

Фразеологизмы, подобно словам, создают с и н о н и м и ч е с к и е р я д ы, с которыми синонимизируются и отдельные слова. Например: *на всех парах, как на крыльях, во весь опор, во всю прыть, со всех ног, сломя голову, на всех парусах, не чуя под собой ног, только пятки засверкали, одним духом, одна нога здесь другая там*. Насколько фразеологизмы выразительнее соответствующего им слова — *быстро* (бежать)! Хотя, впрочем, и лексических синонимов немало для усиления этого значения (*мгновенно, моментально*), но соединяются они уже с другими глаголами (ведь не скажешь «бежать мгновенно»).

Не будут синонимичны фразеологизмы, которые сходны в значениях, но отличаются сочетаемостью и употребляются в разных контекстах. Например, фразеологизмы *с три короба* и *куры не клюют*, хотя и означают «много», но в речи используются по-разному: выражение *с три короба* сочетается со словами *наговорить, наобещать, наболтать*, а *куры не клюют* относится только к деньгам.

Фразеологические синонимы, подобно лексическим, могут отличаться друг от друга стилистической окраской (ср.: *камня на камне не оставить, учинить расправу* — книжн.; *разделить под орех, задать перцу* — разг.); они могут полностью совпадать в значениях (ср.: *стреляный воробей* — *тертый калач*) или иметь небольшие смысловые отличия [ср.: *за тридевять земель* — *куда Макар телят не гонял* (первый обозначает «очень далеко», второй — «в самых отдаленных, глухих местах»)]. Иногда фразеологические синонимы отличаются степенью интенсивности действия. Например: *лить слезы, обливаться слезами, утонать в слезах, выплакать все глаза* — каждый последующий синоним передает более сильное проявление действия.

Богатая лексическая и фразеологическая синонимия позволяет из множества сходных синонимов выбрать наиболее точные. Например,

А.П. Чехов в рассказе «Налим» использовал такие синонимы: *исчез, куда-то провалился, поминай как звали, и след простыл, только его и видели, без слова тягу дал, как в воду канул*.

В эмоциональной речи возможно употребление лексических и фразеологических синонимов одновременно: *Венеция меня очаровала, свела с ума* (Ч.). При этом нанизывание синонимов часто выполняет уточняющую функцию: *О Куропаткине отзывались хорошо. Он импонировал. Говорили только, что он связан по рукам и ногам, что у него нет свободы действий* (Вер.). Фразеологические синонимы нередко вносят дополнительные оттенки в содержание высказывания, усиливают экспрессивную окраску речи. В иных случаях употребление синонимов создает градацию (*сломать, разбить вдребезги, стереть с лица земли...*).

Особый прием — соединение в одно целое фразеологизмов, у которых есть общий член: — *Вы хотите посвятить себя всецело сцене — это хорошо, и стоит тут овчинка выделки и игра свеч, но... хватит ли у вас сил?* (Ч.)

Значительный интерес для риторики представляют и фразеологические антонимы, хотя антонимические отношения во фразеологии развиты меньше, чем синонимические. Антонимия фразеологизмов поддерживается противопоставлением их лексических синонимов (ср.: *семи пядей во лбу — пороха не выдумает, умный — глупый; кровь с молоком — кровинки в лице нет, румяный — бледный*). В особую группу выделяются антонимические фразеологизмы, частично совпадающие по составу, но имеющие компоненты, противопоставленные по значению (ср.: *с тяжелым сердцем — с легким сердцем, не из храброго десятка — не из трусливого десятка, поворачиваться лицом — поворачиваться спиной*).

В меньшей мере представлена многозначность и омонимия фразеологизмов. Большинство фразеологизмов отличается однозначностью. Всегда имеют одно значение, например, такие: *витать в облаках* — предаваться бесплодным мечтам; *на первый взгляд* — по первому впечатлению; *ставить в тупик* — приводить в крайнее затруднение, замешательство. Но есть фразеологизмы, у которых несколько значений. Например, *мокрая курица* может означать: 1) безвольный, бесхитростный человек; размазня; 2) человек, имеющий жалкий вид, подавленный, расстроенный чем-либо; *валить дурака* — 1) ничего не делать; 2) вести себя несерьезно; дурачиться; 3) делать глупости.

Многозначность фразеологизмов чаще всего возникает в результате закрепления в языке их переносных значений. Например, фразеологизм *боевое крещение* — первое участие в бою — получил в языке еще одно значение вследствие образного его употребления — первое серьезное испытание в каком-либо деле. Наиболее часто переносные значения появляются у фразеологизмов терминологического характера

(привести к одному знаменателю, центр тяжести, удельный вес, точка опоры, родимое пятно).

Омонимия фразеологизмов возникает в том случае, когда фразеологизмы, одинаковые по составу, выступают в совершенно различных значениях [ср.: *брать слово* — по собственной инициативе выступить на собрании и *брать слово* (с кого) — получать от кого-либо обещание, клятвенное уверение в чем-либо].

В иных случаях обычно фразеологические омонимы являются следствием окончательного разрыва значений многозначных фразеологизмов. Например, образное значение фразеологизма *ходить на цыпочках* — «ходить на кончиках пальцев ног» — послужило основой для появления его омонима *ходить на цыпочках* — «заискивать, всячески угождать кому-нибудь».

Фразеологизмы могут иметь соответствия среди свободных словосочетаний, так называемые в н е ш н и е о м о н и м ы. Например, *прикусить язык* может употребляться как сочетание слов, имеющих свободные значения: *Я хотел было вести разговор с моим ящиком, но... меня подбросило, и я прикусил язык* (Добр.). Но чаще это выражение выступает как фразеологизм со значением «замолчать, воздержаться от высказывания»: *Тут Иван Игнатьевич заметил, что проговорился, и закусил язык* (П.). В таких случаях контекст подсказывает, как следует понимать то или иное выражение — как фразеологизм или как сочетание слов, выступающих в своем обычном лексическом значении. Например: *Тяжелая и сильная рыба бросилась... под берег. Я начал выводить ее на чистую воду* (Пауст.). Здесь никто не станет придавать метафорическое значение словам, которые в иных условиях могут входить в состав фразеологизма *вывести на чистую воду*.

Фразеологизмы — это чаще всего образные выражения, и их надо понимать в переносном смысле: *намылить шею* — наказать, *сидеть на шее* — быть на иждивении у кого-то (быть в тягость кому-то). Но если у фразеологизмов есть в н е ш н и е о м о н и м ы, то эти словосочетания употребляются в необразном значении: *Надо малышу хорошенько намылить шею, чтобы смыть всю грязь*.

Из-за неправильного понимания фразеологизмов могут возникать комические ситуации. Так, К.И. Чуковский в книге «От двух до пяти» рассказал смешную историю. Маленькая девочка, которую родители взяли с собой в гости, смотрела на хозяина дома и вдруг спросила: «А почему дядя Вася сидит на стуле, мама же говорила, что он *сидит на шее* у тети Лены?» в этом случае фразеологизм утратил свое образное значение: девочка поняла это выражение буквально.

Многие фразеологизмы обязаны своей образностью заключенным в них тропам. Так, известно множество устойчивых сравнений (*прилип как банный лист, сижуха как на иголках, как корова языком слизала, идет как корове седло*); гипербол (*золотые горы, море удовольствия, насколько хватит глаз*); литот (*с маковое зернышко, хвататься за соломинку, море*

по колено, рукой подать); есть фразеологизмы-метафоры (*зайти в тупик, держать камень за пазухой, звезд с неба не хватает, зуб на зуб не попадает*); фразеологизмы-перифразы (*за тридцать земель — далеко, косая сажень в плечах — могучий, сильный*) и т. д.

Некоторые фразеологизмы получили юмористическую окраску, благодаря положенной в их основу шутке (*дырка от бублика, от жилетки рукава, сам не свой, без году неделя*); выразительность иных строится на игре антонимов (*ни жив ни мертв, ни дать ни взять, более или менее*), на столкновении синонимов (*ум за разум зашел, вокруг да около, из огня да в полымя*).

Экспрессивная окраска фразеологизмов порой достигается их звуковой организацией — тавтологическими повторами (*яснее ясного, горе горькое, есть поедом, шутки шутить*); повторением слов (*Палец о палец не ударит, час от часу не легче, с минуты на минуту*). Использование однокоренных слов и повторение их влияет на фонику фразеологизма: звуковые повторы усиливают выразительность речи. Переключки звуков, ритмичность, рифма придают фразеологизмам особую экспрессию (*ни кола ни двора, Федот да не тот, гол как сокол, ни бе ни ме ни кукареку; тары-бары-растбары, так и сяк*).

Экспрессивность некоторых фразеологизмов объясняется и входящими в них «ласковыми» и непонятными словечками. Например, что такое *тютелька* или *задоринка*? Эти слова встречаются только во фразеологизмах, первое — это уменьшительное существительное от *тютя*, до сих пор еще известного в некоторых говорах. Так называется удар, попадание топором в дерево при столярной работе. Хороший мастер не промахнется, а точно попадет в то место, которое уже помечено топором — *тютелька в тютельку*. И второе слово восходит к столярному делу: если вещь искусно сделана, хорошо отполирована, то в ней не должно быть ни единой *задоринки* (т.е. задранного дерева, занозы — от глагола *задирать*), вот и стали говорить *без сучка и без задоринки*.

Некоторые фразеологизмы нас удивляют, потому что мы неправильно понимаем те или иные слова в устойчивых выражениях. Например, почему говорят *гол как сокол*? Ведь птица не голая, у нее «одежда» из перьев... Однако слово *сокол* здесь означает вовсе не птицу, а стенобитное орудие, которое использовали в древности как таран, чтобы проникнуть в осажденный город. В этом значении действительно *сокол* вполне подходит под сравнение.

В составе фразеологизмов часто встречаются слова, как будто бы похожие на наши, современные, но не следует многие старинные выражения объяснять на основе сходства их компонентов с нашими словами. Например, в выражении *не до жиру, быть бы живу* слово *жир* означает «имущество», «богатство». А фразеологизм *ни кола ни двора* раньше выглядел полнее — *ни кола ни двора ни милого живота*,

где слово *кол* означало участок земли, а *живот* — лошадь (животное). А в фразеологизмах *не на живот, а на смерть* и *не щадя живота своего* слово *живот* означает «жизнь».

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фразеологизмы, как и другие языковые средства, могут употребляться в речи без особого стилистического задания, выполняя обычную информативную функцию. В таком случае ораторы обращаются к нейтральным по стилистической окраске устойчивым сочетаниям, как это сделал, например, один из политиков в своей речи о положении наших соотечественников в странах Балтии.

...Вспомним, как откликнулись *деловые круги* России на призыв московского мэра Ю.М. Лужкова не покупать товары из Латвии в ответ на *ущемление прав* и прямое физическое гонение латвийскими властями русскоязычного населения.

Но чаще фразеологизмы используются с определенным стилистическим заданием. Так, они придают речи разговорную окраску, способствуют созданию непринужденной атмосферы в беседе. Известный пародист Максим Галкин в интервью журналистке В. Шпаковой рассуждает:

...Разве не удача то, что именно я представлял театр на закрытии юбилейного сезона в ЦДЛ, где меня заметили многие известные люди? Но это вовсе не значит, что ждать таких приятных сюрпризов надо *сложив руки. Под лежащий камень вода не течет...* Я — из тех счастливичков, которые много пашут¹.

Даже в официальной обстановке некоторые ораторы позволяли себе «снижение стиля» с помощью просторечных фразеологизмов. Вот отрывок из выступления на съезде писателей С.В. Михалкова, украсившего свою речь пословицей:

Слишком часто приходится нам выслушивать и такие рассуждения: «Где вы видели таких глупцов в нашей действительности? Такие должностные лица для нашего государственного аппарата не типичны». Но ведь мы же знаем, что такие глупцы есть и что порядком портят нам всю жизнь, и если зритель от души смеется над ними, то это как раз то, что и требуется. Ведь недаром говорится в народной пословице: *Бойся коровы спереди, лошади — сзади, а дурака — со всех сторон*.

К пословице иной стилистической окраски обратился А. Солженицын в Нобелевской лекции, прозвучавшей в высоком риторическом тоне.

В русском языке излюблены пословицы о правде. Они настойчиво выражают немалый тяжелый народный опыт, и иногда поразительно: *Одно слово правды весь мир перетянет!* Вот на таком мнимо-фантастическом нарушении *закона сохранения масс и энергии* основана и моя собственная деятельность, и мой призыв к писателям всего мира.

¹ Журнал «7 дней». № 50. С. 95.

Второй из употребленных в этом контексте фразеологизмов соответствует книжному стилю речи, причем оратор употребил терминологическое выражение в переносном смысле.

Присущая фразеологизмам образность оживляет повествование, нередко придает ему шутовскую, ироническую окраску. Например: *К открытию вчерашнего заседания в зале не оказалось ни спикера Думы, ни одного из шести вице-спикеров. Бразды правления взяли в руки члены Совета Думы. Анатолий Лукьянов тряхнул стариной и, председательствуя на заседании парламента, предоставил слово Виктору Илюхину без необходимого обсуждения повестки дня.*

Любят использовать фразеологизмы юмористы, сатирики: они ценят разговорную, стилистически сниженную фразеологию, нередко прибегая к смешению стилей для создания комического эффекта: *Это не просто стреляный воробей (о графомане, занимающем высокое служебное положение), а скорее воробей, пристреливающийся к другим. Ты его не опубликуешь — он тебя не напечатает... Как видим, хроническая графомания чревата полиграфическими осложнениями.*

Если вам приспичило выдать на гора рецензию, делайте так... Если вам пришло в голову похвалить вышеописанное, долго размышлять не стоит, к чему тянуть резину.

Публицисты обыгрывают фразеологизмы в заголовках газетных статей. Так, на основе библейского выражения *Время собирать камни* создаются названия очерков: «*Искусство собирать камни*», «*Время заплатить долги*», «*Время собирать деньги*», «*Время покупать меха*» и т.п. Характеризуя новую фразеологию, получившую распространение в нашей публицистике в посткоммунистическое время, лингвисты указывают на то, что некоторые фразеологизмы обязаны своим происхождением забытой теперь политизированной литературе. Так, в советские времена обсуждался важный тогда вопрос: можно ли построить социализм в «*одной, отдельно взятой стране*» в условиях «*капиталистического окружения*»? «Можно», — утверждали сторонники социалистического пути развития общества. Что из этого получилось, сейчас хорошо известно. На смену не оправдавшей надежды системы пришла рыночная экономика. Но потесненная коммунистическая идеология оставила свой след в языке. В частности, оборот (*один*) *отдельно взятый* стал активно употребляться, правда, с легким оттенком иронии, по отношению не только к стране в целом, но и к самым разным объектам: *Пусть соревнуются социализм с капитализмом в отдельно взятой стране; Попытка многопартийности в одной отдельно взятой КПСС; Счастливое плавание на одном отдельно взятом пароме; Эти проблемы затрагивают одного отдельно взятого человека значительно больше.* (Из газ.)

Возможности использования фразеологизмов значительно шире, чем простое воспроизведение их в речи. Фразеологические богат-

ства языка оживают под пером талантливых писателей, публицистов и становятся источником новых художественных образов, шуток, неожиданных каламбуров. Художники слова могут обращаться с фразеологизмами как с «сырьем», которое подлежит «творческой обработке». В результате фразеологического новаторства писателей, публицистов возникают оригинальные словесные образы, в основе которых устойчивые выражения. Творческая обработка фразеологизмов придает им новую экспрессивную окраску, усиливая их выразительность. Чаще всего писатели преобразуют фразеологизмы, которые имеют высокую степень устойчивости и выполняют в речи экспрессивную функцию. При этом измененные фразеологизмы сохраняют образность, афористичность, ритмико-мелодическую упорядоченность. Рассмотрим некоторые приемы фразеологического новаторства остроумных авторов.

Обновляя семантику фразеологизмов, нередко восстанавливают первоначальное значение входящих в них слов. Так, вспоминая о трудностях ведения сельского хозяйства в военные годы, выступающий рассказывал: *Томилинскую птицефабрику разнесли в пух и прах, причем в пух даже больше, чем в прах: несколько дней обезумевшие от бомбежки куры, отчаянно кудахта, в полной панике носились по окрестностям Томила.* В этом случае оратор как бы возвращается к свободному употреблению слов *в пух и прах*, образовавших устойчивое сочетание, и обыгрывает их обычное лексическое значение. В результате происходит двуплановое осмысление фразеологизма.

В связи с назначением известного политика послом в Украину на ТВ прозвучала шутка: «Черномырдина поздравил россиянин и хохол. Вот кого *язык прославил и до Киева довел*». В основе ее — переосмысление фразеологизма *язык до Киева доведет*. На двуплановом осмыслении фразеологизмов основаны многие шутки: *Пьеса наделала много шуму: во всех ее действиях... стреляли; Крыша поехала* (заголовок статьи о жилищно-коммунальных службах).

Второй план значения фразеологизма может выявляться при чтении последующего текста: *Попал в переплет, но утешился, прочитав свое имя на обложке* (ЛГ); *Бедя никогда не приходит одна: и его сочинение вышло в двух томах*.

Прием разрушения образного значения фразеологизма, как видим, не затрагивает лексико-грамматического состава, его внешняя форма обычно сохраняется, но смысл толкуется по-новому (*Жизнь бьет ключом... и все по голове*).

С целью актуализации фразеологизмов писатели придают им необычную форму. Видоизменения фразеологизмов могут выражаться в сокращении или в расширении их состава.

Редукция состава фразеологизма связана с его переосмыслением. Например: *Заставь депутата Богу молиться...*

(отсечение второй части пословицы — *так он и лоб разобьет* — лишь усиливает иронию в оценке постановления Думы Российской Федерации, обострившего политическую ситуацию в стране). Интересны заголовки газетных статей: «*Да не судимы будете*»; «*Из двух зол*»; «*Не хлебом единым*»; «*Семеро с ложкой*».

Противоположно редукции расширение состава фразеологизма: *Вопросы, которых мы коснулись, не случайны... Это те гранитные камни преткновения на дороге знания, которые во все времена были одни и те же.* (Из газ.) Определение *гранитные*, введенное в устойчивое словосочетание, придает образу особую наглядность. Состав фразеологизма часто расширяется благодаря введению уточняющих слов: *С величайшим нетерпением буду ждать... только не откладывайте в слишком долгий ящик; Скверное время для совместных выступлений — можно сесть в грязную лужу, а этого не хочется* (М.Г.).

В эмоциональной речи с определенной стилистической целью можно изменять лексический состав фразеологизма, обновляя один или несколько его компонентов: «*Смех сквозь пули*» — название статьи о Пятом международном фестивале юмора «Остап» (накануне был убит его соучредитель). *Смеется тот, кто стреляет первым; Искусство требует жертвоприношений.*

К замене словарных компонентов фразеологизмов часто прибегают фельетонисты. Этот стилистический прием мастерски использовали Ильф и Петров: *Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу.* Новые времена подсказывают нашим сатирикам иные шутки: *Колбаса как зеркало русской революции; В конце тоннеля есть горячий суп; Семь раз отмерь — один стреляй; Пришел, увидел, полюбил; И какой же русский не любит вкусной еды; Нам дым Отечества не сладок, не приятен.*

Обновление состава фразеологизма усиливает его экспрессивную окраску, причем значение фразеологизма меняется, что нередко создает острый сатирический эффект: *Критика почтила роман молчанием; Хорошо смеется тот, кто смеется без последствий.*

Своеобразным стилистическим приемом авторской обработки фразеологизмов является контаминация нескольких фразеологических единиц. Например: *Пеший голодному не товарищ (пеший конному не товарищ, сытый голодного не разумеет); Разделяй чужое мнение и властвуй; Потому ли молчание — золото, что оно — знак согласия?* (ЛГ); *Иллюзий уже нет: по 608-му постановлению водили-водили нас за нос и оставили с носом.* (Из газ.)

Фразеологическое новаторство писателей может проявляться и в создании ими образных выражений, которые становятся фразеологизмами. Так, Михаил Горбачев, указывая на первые шаги в направлении демократизации социалистической системы общественного устройства, сказал: «Процесс пошел!» Эта фраза быстро стала крылатой, ее цитировали различные авторы газетных статей, например:

Ваучеров еще нет, но, как говорится, процесс уже пошел¹; Процесс уже пошел: иных «красных директоров», не способных защитить свои фирмы от банкротства, начинают сметать волной снизу²; Предприимчивые люди зазывают потенциальных вкладчиков, обещая золотые горы. И процесс пошел³.

Закрепившись в языке как фразеологизм, эта крылатая фраза вовлекается в словесную игру. Покажем ее использование журналистами в преобразованном виде: *Процесс пошел. Но без меня; Процесс опять не пошел; Процесс апробации пошел...; с третьей попытки процесс может пойти.* (Из газ.)

А. Солженицыну принадлежат крылатые слова «Как нам обустроить Россию»; впервые статья под таким названием была опубликована в «Комсомольской правде» в 1990 г. После этого в «Российской газете» появилась целая рубрика «Как обустроить Россию» с публикациями различных предложений по поводу дальнейшего развития страны. И журналисты охотно обыгрывают новый фразеологизм: *Как нам обустроить свой дом?; ...Попался на обустройстве России; Дома можно держать не только кошку или собаку, но даже насекомое, например такое, как сверчок. Как обустроить его существование, об этом рассказывает...* (Из газ.)

Из других крылатых слов, ставших излюбленным материалом для шуток журналистов и ораторов, назовем лишь несколько: *Так жить нельзя* (С. Говорухин); *чемоданы улик* (А. Руцкой); *партийные войны* (А. Козырев); *Хотелось как лучше, а получилось как всегда* (В. Черномырдин).

Однако некоторые афоризмы, рожденные в годы «перестройки», настраивают публицистов, ораторов на серьезный лад. Например, фразеологизм *дорога к храму*, получивший известность после выхода на экран фильма «Покаяние» (1984 г., режиссер Т. Абдуладзе), включается в такие контексты: *К какому храму ведет наша дорога? Дорога, ведущая к храму, обстреливается ежедневно; Знаменитая новомирская статья «Какая улица ведет к Храму?», положившая начало новой публицистике, — это поиск дороги к чистому, честному, светлому — к Храму. Где эта улица? Где этот Храм?* (Из газ.).

ОШИБКИ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Незнание точного значения фразеологизма, его лексико-грамматического состава, экспрессивно-стилистических особенностей, сферы употребления, сочетаемости, наконец, невнимательное отношение к образной природе фразеологизмов приводят к речевым ошибкам.

¹ Приватизация по-приморски // Рос. газ. 1992. 9 сентября.

² Комс. правда. 1994. 10 февраля.

³ Рос. газ. 1997. 30 апреля.

Однако при употреблении фразеологизмов ошибки могут быть и не связаны со спецификой фразеологических единиц как воспроизводимых устойчивых оборотов.

Так, употребление фразеологизма без учета его семантики искажает смысл высказывания: *Басаев подбивает клинья к Радуеву* (т.е. ухаживает?).

Использование фразеологизма с определенной стилистической окраской может вступить в конфликт с содержанием и стилем произведения. Например: *Он метался, искал спасения. Придумал трогательную историю в свое оправдание, но она прозвучала как лебединая песня этого прожженного негодяя*. Фразеологизм *лебединая песня*, в котором заключена положительная оценка, сочувственное отношение к тому, о ком говорится, стилистически неуместен в данном контексте.

Нельзя соединять в одном предложении фразеологизмы с контрастной стилистической окраской (например, сниженные, разговорные и книжные, торжественные: *Он обещал, что не ударит в грязь лицом и будет трудиться под стать кадровым водителям степных кораблей*). Недопустимо также сочетание экспрессивно окрашенных фразеологизмов с официально-деловой лексикой: *Председатель осыпал меня золотым дождем на сумму восемьдесят тысяч рублей!* Часто бывает не оправдано употребление сниженных разговорных фразеологизмов в публицистических текстах. Например: *Эти торжества в Санкт-Петербурге своей масштабностью утерли нос остальным городам; Мы понимаем свои преимущества, но не собираемся задирать нос и дремать на своих природных ресурсах; Спецслужбы не должны совать свой нос в гражданское общество*. Смешение стилей придает речи комическое звучание.

Проанализируем ошибки, которые связаны с неоправданным изменением состава фразеологизма или с искажением его образного значения.

Встречается немотивированное расширение состава фразеологизма в результате употребления уточняющих слов: *Для животноводов главным гвоздем программы является выведение ценных пород скота*. Есть фразеологизм *гвоздь программы*, но определение *главный* здесь неуместно. Авторы, не учитывая непроницаемости фразеологизмов, пытаются их «дополнить», расцветивают эпитетами, что порождает многословие. Еще примеры: *Будем надеяться, что Волков скажет свое большое слово и в тренерской работе; Со всех своих длинных ног она кинулась бежать*.

В ненормированной речи довольно часто встречаются сочетания плеонастического характера, образованные из фразеологизмов и избыточных определений к их компонентам: *потерпеть полное фиаско, случайная шальная пуля, тяжелый сизифов труд, веселый гомерический смех. Коммерческие организации оказались на высоте стоящих перед ними новых задач*.

Наблюдается неоправданное сокращение состава фразеологизма в результате пропуска его компонентов. Так, говорят: *это усугубляющее обстоятельство* (вместо: *усугубляющее вину обстоятельство*). Ошибочно усеченные фразеологизмы теряют смысл, употребление их в речи может приводить к абсурдности высказывания: *Успехи этого ученика желают много лучшего* (вместо: *оставляют желать много лучшего*); *Тренер Вильямсон сделал «хорошую мину»* (опущено: *при плохой игре*).

Нередко происходит искажение лексического состава фразеологизмов: *Мастер не раз по душам толковал со своими подопечными* (надо: *говорил*). Ошибочная подмена одного из компонентов фразеологизма может объясняться синонимическим сходством слов: *Тропинка вела от ворот к тому флигелю, из которого Антошин только что еле убрал ноги* (следовало: *унес*) и еще чаще — смешением паронимов: Он *вошел в себя* (надо: *ушел*); *вырвалось у него с языка* (надо: *сорвалось*); *провести вокруг пальца* (надо: *обвести*); *...не упал духом* (надо: *пал*). В иных случаях вместо одного из компонентов фразеологизма употребляется слово, лишь отдаленно напоминающее вытесненное: *Организаторы этой поездки сами же ее и испортили, плюхнув в ведро меда каплю дегтя*. Ложные ассоциации иногда порождают очень смешные и нелепые ошибки: *Вот поди разберись, кто из них прячет топор за пазухой* (фразеологизм *держат камень за пазухой*); *Через полчаса он выглядел ошпаренной курицей перед администрацией* (искажен фразеологизм *мокрая курица*).

Изменение состава фразеологизма может быть вызвано обnoxiousением грамматических форм, употребление которых в устойчивых словосочетаниях закреплено традицией. Например: *Дети заморили червячков и развеселились*, — нельзя использовать множественное число вместо единственного. Неоправданная замена грамматической формы одного из компонентов фразеологизма является причиной неуместного комизма: удивляет непривычная, странная форма знакомых устойчивых оборотов: *Остается тайной, как такую махину смогли воздвигнуть четыре человека, пусть даже семи пядей во лбах и косых сажень в плечах*.

В составе фразеологизмов нельзя допускать искажения предлогов [Он никогда не думал, что эти слова сбудутся в его судьбе *с полной мерой* (вместо: *в полной мере*)]. Такое небрежное обращение с предлогами и падежными формами делает речь безграмотной. Однако некоторым фразеологизмам поистине «не везет» — в них то и дело заменяют предлоги: *ставить точки на и; семи пядей на лбу; Михаил под скорую руку оделся и поспешил в поле*. Неумение правильно выбрать падежные формы и предлоги в составе фразеологизмов порождает такие «странные» ошибки: *скрепя сердцем; это дело чреватое и с последствиями; скатерть ему на дорогу; в голове идет кругом*.

Наибольший ущерб стилю наносит неоправданное разрушение образности фразеологического выражения. Например: *В этом году Аэрофлоту удалось удержать поток пассажиров на высоком уровне.* Контекст проявил прямое значение слов, образовавших фразеологизм, и в результате возник каламбур. Восприятие фразеологизма в его непривычном, необразном значении, т.е. р е а л и з а ц и я м е т а ф о р ы в понимании фразеологизма, придает речи неуместный комизм: *Приступая к работе на дрейфующей станции, наш коллектив еще не чувствовал почвы под ногами.* Чтобы избежать подобных ошибок, необходимо учитывать особенности контекста.

Контекст может не только проявлять необразное значение фразеологизмов, но и вскрывать противоречивость их метафорического строя, если автор неосмотрительно «сталкивает» несовместимые по смыслу устойчивые сочетания. Например, администратор говорит о фермерах: *Эти люди крепко стоят на ногах, поэтому вам не удастся подрезать им крылья.* Первый фразеологизм как бы «прикрепляет» образ к земле, и это делает невозможным употребление второго фразеологизма, в основе которого представление о полете: *подрезать крылья* значит «лишить возможности летать». Один фразеологизм исключает другой.

Противоречивые образы, лежащие в основе фразеологизмов и тропов, также не уживаются в близком контексте. Взаимно исключают друг друга, например, фразеологизм и метафора в таком предложении: *Авиаторы на своих крыльях всегда вовремя приходят на помощь* (на крыльях не *приходят*, а *прилетают*). Как бы мы ни привыкли к переносному значению фразеологизмов, их метафоричность сразу же дает о себе знать, если их образность вступает в конфликт с содержанием. Поэтому неудачны, например, предложения, в которых об охотничьей собаке хозяин говорит: *Уж эта не придет с пустыми руками*; писатель-фантаст, рисуя марсиан со щупальцами вместо рук, замечает: *Инопла-не-тянин взял себя в руки.*

Нарушение единства образной системы фразеологизма и контекста придает речи комизм. Например: *Выступающий говорил громким и визгливым голосом, как иерихонская труба.* Получается, что иерихонская труба говорит и даже имеет визгливый голос. Слова, окружающие фразеологизм, обычно вовлекаются в образный контекст. Поэтому недопустимо их употребление в переносном значении, при котором не учитывается образная природа связанных с ними фразеологизмов. Например: *Решение собрания гласит черным по белому... Или: Трудный жизненный путь выпал на долю Василия Тимофеевича. Черным по белому можно писать, путь — проходят, избирают.* Выбор глаголов в таких случаях «подрывает» образность фразеологических сочетаний.

Обязательным условием правильного использования фразеологизмов является строгое соблюдение особенностей сочетаемости их со словами контекста. Так, фразеологизм *выпустить в свет* может быть употреблен только в сочетаниях с наименованиями печатных изданий. Поэтому стилистически неверно предложение *Музыкальный театр выпустил в свет балет «Белеет парус одинокий»*; в этом случае следовало написать *поставил балет* или *подготовил премьеру*... Стилистически неверна такая фраза: *Жизнь, как на ладони, проходила на людях* (фразеологизм *как на ладони* требует слова *видна*).

Некоторые ошибки, связанные с искажением состава фразеологизма и его образного значения, получают в речи широкое распространение: *Хоть кол на голове чешуи* (надо: *теши* — от глагола *тесать*); *Довести до белого колена* (надо: *до белого каления*).

Причиной неправильного употребления фразеологизмов в речи может быть контаминация элементов различных устойчивых выражений. Например: *Язык не поднимается говорить об этом*... Известны фразеологизмы *язык не поворачивается* и *рука не поднимается*; автор использовал существительное из первого фразеологизма, а глагол — из второго. Некоторым устойчивым сочетаниям постоянно «не везет»: их элементы то и дело смешивают. Говорят: *предпринять меры* (из *принять меры* и *предпринять шаги*), *уделить значение* (из *уделить внимание* и *придавать значение*). Подобные речевые ошибки объясняются ложными ассоциациями.

Контаминация элементов различных фразеологизмов может делать речь нелогичной: *Многие, зная об этих безобразиях, смотрят на фокусы предприимчивых дельцов спустя рукава* (*работают* — *спустя рукава*, а *смотрят* — *сквозь пальцы*). В иных случаях смысловая сторона речи не страдает, но предложение все-таки нуждается в стилистической правке: *Мы могли бы забить во все колокола, но сначала решили все спокойно обдумать*. Следует устранить контаминацию фразеологизмов *забить тревогу* и *звонить во все колокола*.

Контаминация элементов различных фразеологизмов может стать причиной комического звучания речи: *тертый воробей, стреляный калач, не все коту помелье, в чужом пиру масленица*. Грубой ошибкой является двусмысленность высказывания из-за внешней омонимии фразеологизма и свободного словосочетания: — *Спасибо организаторам этой выставки, где так отдыхаешь душой. Чудесные цветы помогли нам здесь уйти в мир иной*, — сказал руководитель экскурсии, прощаясь с администратором. Можно подумать, что посетители этой выставки умирают. Спортивный комментатор допустил подобную ошибку, рассказывая о выигравшем заплыв спортсмене: *Он боролся самоотверженно, опередил самых знаменитых асов водной дорожки и уважать себя заставил* (подчеркнутый фразеологизм означает «умереть», но говорящий изменил его привычное значение).

Употребление фразеологизмов без учета семантики искажает смысл речи. Критик, отзываясь о новой пьесе, заявил: *Мне она не понравилась... Ну что ж, найдутся зрители, которые со мной не согласятся, но да будет им земля пухом!* (Оратор похоронил своих оппонентов.) Спортивный комментатор также ошибся, сообщив: *Изящно и просто фигуристы решили эту тяжелейшую проблему и поставили на ней крест* (получается, что, выполнив трудную фигуру в парном катании, фигуристы больше никогда ее не повторят).

Самые непростительные ошибки, связанные с искажением значения фразеологизмов, возникают в речи спонтанно. Так, на торжественном собрании выпускников вуза и первокурсников по случаю «Последнего звонка» юноша сказал: *Сегодня мы собрались, чтобы проводить в последний путь наших старших товарищей...* (так можно говорить лишь на похоронах).

Рассматривая речевые ошибки, связанные с неправильным употреблением фразеологизмов, следует коснуться и тех случаев, когда в речи возникают невольные каламбуры из-за того, что говорящий использует слова в их прямом значении, но слушатели воспринимают их сочетание как образное выражение фразеологического характера, так что высказыванию придается совершенно неожиданное значение. Ставшая причиной ошибки так называемая внешняя омонимия фразеологизмов и свободных сочетаний может привести к самым неожиданным каламбурам, придавая речи неуместный комизм. Например, взволнованный оратор говорит о беспорядках на строительной площадке: *Трижды записывали в протоколе решение о необходимости зарезервировать для полигона шифер, а пришло время — крыть нечем.* На фоне эмоционально окрашенного высказывания последние два слова воспринимаются не в прямом смысле, а как фразеологизм, означающий «нечего сказать в ответ, нечего возразить».

Таким образом, фразеология, являясь источником образности и выразительности речи, может создавать и значительные трудности при невнимательном отношении к устойчивым сочетаниям, отразившим народную мудрость.

Глава 9

Стилистические функции частей речи

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Имя существительное по праву занимает важнейшее место в составе морфологических стилистических ресурсов русского языка. Это обусловлено его семантическими свойствами, количественным

преобладанием над другими частями речи и потенциальными изобразительно-выразительными возможностями. Существительные заключают в себе предметные значения, без которых невозможно выражение мысли, поэтому использование существительных является обязательным условием всякой речевой деятельности. Однако их употребительность в сравнении с другими частями речи колеблется в зависимости от содержания текста, его стилевой принадлежности, функционально-смыслового типа речи, особенностей слога, замысла и профессионализма автора — будь то писатель или оратор.

Информативная роль существительных не вызывает сомнения в любом типе текста, ведь именно в этой части речи сосредоточено основное содержание сообщения. Однако не следует недооценивать эстетическую роль существительных в речи, они вовлекаются в систему изобразительных средств и обретают соответствующую экспрессивную окраску.

Большими потенциальными возможностями создания образной речи обладают конкретные существительные. Умелое введение их в текст создает зримые картины. Например, у М.А. Булгакова в романе «Мастер и Маргарита»:

На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве... находились двое: Воланд и Азazelло. Они не были видны снизу, с улицы, так как их закрывала от ненужных взоров балюстрада с гипсовыми вазами и гипсовыми цветами. Но им город был виден почти до самых краев.

Воланд сидел на складном табурете, одетый в черную свою сутану. Его длинная и широкая шпага была воткнута между двумя рассекшимися плитами террасы вертикально, так что получились солнечные часы. Тень двигалась медленно и неуклонно удлинялась, подползая к черным туфлям на ногах сатаны. Положив острый подбородок на кулак, скорчившись на табурете и поджав одну ногу под себя, Воланд не отрываясь смотрел на необъятное сборище дворцов, гигантских домов и маленьких, обреченных на слом лачуг.

В подобных описаниях основную стилистическую функцию выполняют имена существительные, благодаря которым достигается образная конкретизация речи.

В античной риторике в числе средств достижения образности речи указывалась гипонимизация — замена общего названия (гиперонима) частным (гипонимом). Сравните: *Иванов подъехал к своему дому* — *Иванов подъехал к своему коттеджу (дворцу)*. Насколько выразительнее гипоним! И.Н. Кузнецов замечает: «Гипонимизация усиливает изобразительность высказывания и сужает круг признаков, характеризующих предмет или явление»¹.

Особая стилистическая ценность конкретных существительных определяется их изобразительными возможностями при описании художественных деталей. В этом случае слова, называющие бытовые реалии, нередко весьма «прозаические» вещи, заключают в себе

¹ Кузнецов И.Н. Риторика. Минск, 2003. С. 318.

большую образную энергию и представляют неограниченные изобразительные возможности для описания жизни героев, обстановки, картин природы, быта. Вспомним гоголевские строки:

— Прошу покорно закусить, — сказала хозяйка. Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой со сняточками, и невесть чего не было.

Конкретные существительные составляют основу образного описания и у современных авторов. На эстетическую ценность художественных деталей указывали опытные мастера. Так, К. Федин, К. Паустовский отмечали, что в рукописях начинающих авторов нередко словесные обобщения вытесняют деталь. А ведь ничто так не оживляет описания, как подробности. Для их художественного изображения и нужны конкретные существительные, которые всегда вызывают представление о реальном предмете и явлении.

О стилистических функциях в экспрессивной речи имен собственных — фамилий, географических названий — мы здесь распространяться не будем¹. Для оратора они могут представить интерес в исключительных случаях, например, в защитительной речи обвиняемой в коррупции женщины, совладелицы одного из игровых заведений, адвокат может пошутить по поводу ее фамилии: *Свою девичью фамилию Рублева она поменяла, когда вышла замуж и стала Копейкиной...*

Особый стилистический интерес представляет использование отвлеченных существительных для усиления действенности речи. Сфера их употребления — рассуждение. Это можно показать на примере речи произнесенной М. Горьким на съезде Третьего Интернационала (хотя духовные ценности, вызывавшие у оратора восторг, для современного читателя покажутся недостойными восхищения). Прочитируем отрывок этой речи «буревестника революции» в передаче И.А. Бунина в книге «Окаянные дни».

А вот новое произведение Горького, его речь, сказанная им на днях в Москве на съезде Третьего Интернационала. Заглавие: «День великой лжи». Содержание:

— Вчера был день великой лжи. Последний день власти.

— Издревле, точно пауки, люди заботливо плели хрупкую паутину осторожной мещанской жизни, все более пропитывая ее ложью и жадностью. Незыблемой истиной считалась циничная ложь: человек должен питаться плотью и кровью ближнего.

— И вот вчера дошли по этому пути до безумия общеевропейской войны, кошмарное зарево сразу осветило всю безобразную наготу древней лжи².

В данном случае отвлеченные существительные автор употребляет еще и в метафорическом значении, что усиливает их экспрессивную

¹ См. Об этом в кн.: Голуб И.Б. Стилистика русского языка. С. 219—223.

² Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990. С. 112.

окраску, хотя это не обязательно. Есть немало примеров стилистического использования в экспрессивной функции отвлеченных существительных в необычном значении в русской классической литературе — и в поэзии, и в прозе.

Психология творчества различает два типа мышления: наглядное и теоретическое. Первый характеризуется возникновением в сознании человека представлений, отражающих действительность в единичных понятиях, получающих выражение в конкретных наименованиях предметов реальной действительности; второй состоит в создании абстрактных понятий, закрепленных в существительных отвлеченного значения, не получающих выражение в конкретных образах. Отвлеченное мышление свойственно прежде всего ученым, оно проявляется в абстрактизации различных языковых средств в научном изложении, в частности в предпочтении отвлеченных существительных конкретным, а также в том, что конкретные слова в научных текстах обычно употребляются в отвлеченном значении. Однако в научном стиле вокруг существительных не возникает экспрессивного ореола, так как они выполняют лишь информативную функцию.

Принципиальное отличие стилистического использования отвлеченных существительных в художественной речи состоит в активизации их выразительных возможностей. Под пером писателей отвлеченные существительные могут стать сильным источником речевой экспрессии, хотя их эстетическая функция порой недооценивается, что искажает представление о стилистических ресурсах морфологических средств.

Русские писатели всегда придавали важное значение освоению отвлеченной лексики в художественной речи. Отвлеченные существительные вовлекались в систему экспрессивных средств поэтами — для отражения духовного мира лирического героя, обозначения возвышенных нравственных и эстетических категорий. Например, у А.С. Пушкина: *Но я не создан для блаженства...; И сердце бьется в упоенье, и для него воскресли вновь и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь.*

Поэты второй половины XIX в. расширили репертуар отвлеченных существительных, придающих стилю взволнованно-патетическое звучание. Так, у Н.А. Некрасова часто употребляются слова *свобода, вера, святыня, скорбь, нищета, отчаянье, борьба, насилие*. Чтобы усилить экспрессию отвлеченных существительных, получающих в контексте политическую окраску, поэт использовал особый графический прием — писал их с прописной буквы: *Чрез бездны темные Насилия и Зла, Труда и Голода она меня вела* (о музе).

У классиков русской прозы отвлеченные существительные были средством изображения богатой духовной жизни героев. Много слов

этого лексико-грамматического разряда ввел в художественную речь М.Ю. Лермонтов, который искусно уточнял их значение выразительными эпитетами: *Холодная злость овладела мною; безмерное отчаянье, неистовая храбрость, глубокое презрение, сладкие заблуждения, необъяснимое наслаждение.*

Анализируя стилистические возможности существительных, надо отметить еще одну особенность этой части речи: в ее составе много слов, имеющих резко сниженную экспрессивную окраску. Обращение к бранной, вульгарной лексике, конечно, не может быть оправдано в речи ораторов. Писатели иногда это себе позволяют, хотя риторика не одобряет таких авторов.

И.А. Бунин, вспоминая «Окаянные дни», приводит множество примеров обращения журналистов-революционеров к бранным словам и не скрывает своей резко негативной оценки такой «публицистики». Например:

Белогвардейская сволочь стремится расстроить красную силу, натравить ее на мирное население... Подлый предатель родины, подлый слуга врагов наших Каин должен быть уничтожен, как бешеная собака... раздавлен и вбит, как червь, в землю, которую он опоганил... Всем, всем, всем! Дети трудового народа социалистической Украины! Авантюрист, прислужник своры старого режима, попов и помещиков, маменькиных сынков, Григорьев, открыл свою настоящую личину, окружил себя стаей черных воронов с засаленными рожами...¹

Бездарная метафоризация в таких выступлениях свидетельствует о том, насколько далеки от элементарных требований культуры речи их авторы. Ораторы того же политического направления также «некультурно» употребляли в речи бранные существительные, нарушая каноны риторики:

Товарищи!.. мы несем вам истинный свет социализма! Покиньте пьяные банды, окончательно победите паразитов!.. Заявляем, что все как один пойдем в бой против нового некоронованного палача Григорьева, который снова желает, подобно пауку, сосать для пьянства и разгула все наши силы².

В отличие от самодеятельных ораторов, мастера ораторского искусства дают нам блистательные примеры стилистического использования имен существительных. Процитируем отрывок из выступления русского мыслителя и оратора И.А. Ильина — его рассуждение о родине, в котором отвлеченные существительные играют важную экспрессивную функцию.

О России

И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык. В нем вся она — наша Россия. В нем все дары ее: и ширь неограниченных возможностей; и богатство звуков, и слов, и форм; и стихийность, и нежность;

¹ См. Об этом в кн.: *Голуб И.Б.* Стилистика русского языка. С. 103.

² *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1990. С. 108..

и простор, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Все доступно нашему языку. Он сам покорен всему мировому и надмирному и потому властен все выразить, изобразить и передать.

Нельзя не учитывать и того, что при употреблении существительных в некоторых случаях их грамматические категории — род, число, падеж — могут стать стилистически активными. Так, иронически употребляются существительные женского рода: *геологиня, хирургиня, гидесса, агентесса* — окказионализмы, соответствующие официальным формам мужского рода; средством стилизации могут быть устаревшие формы рода (не фильм, а *фильма*), просторечные отклонения от нормы как характерологический прием: *Бросай оружие! Тебе говорю!* (Шол.) Еще чаще стилистическую нагрузку получают формы множественного числа. Так, В. Познер назвал свою передачу «*Времена*» (не время!). Другой пример экспрессивного употребления «необычного» множественного числа находим в таком контексте: *Лейпцигский памятник битв народов, в котором бездарность Вильгельма и угодничество архитектора соединили уродства всех империализмов мира...* (Из газ.)

Намеренная трансформация привычных форм числа существительных возможна и в устных выступлениях, интервью наших современников, хорошо владеющих литературной речью. Так, известный режиссер Театра на Таганке Юрий Любимов, с которым беседовал журналист, сказал: *В новом спектакле «Театральный роман» — по М. Булгакову — я хочу показать изнутри театр: его прелести, его грусти.* И далее в этом же интервью: *Мы стали подражать Голливудам, Уинстенам, Бродвеям, а важно сохранить свое лицо* (ТВ программа «Доброе утро»). Журналист может употребить разговорный вариант числа и в таком контексте: *В ту зиму москвичей напугали сильные морозы — выше 30 градусов!* (ср.: *сильный мороз*) — множественное число подчеркивает интенсивность проявления признака.

В античной риторике необычное употребление в речи грамматических форм называлось *грамматическими метафорами*. Для существительных это авторское изменение форм рода, числа с целью юмористической окраски речи или с иными стилистическими установками. Так, у некоторых авторов изменение форм рода существительных становится источником юмора: сочетание существительных разного грамматического рода, указывающих на одно и то же лицо, придает речи комическую окраску: *А ты невесте скажи, что она подлец* (Г.); *А ведь все кончится тем, что эта старая баба Петр Николаевич и его сестра попросят у него извинения* (Ч.).

Своеобразным юмористическим приемом является изменение формы рода существительных, называющих людей. С этой целью писатели изменяют окончания таких существительных: *усатый нянь* (Маяк.); *За мною гнался лесной фей; Три нимфа переглянулись и громко вздохнули* (И. и П.).

Существительные единственного числа могут употребляться в собирательном значении, и тогда эта грамматическая форма указывает на нерасчлененное множество предметов: *К нему [анчару] и птица не летит, и тигр нейдет* (П.); *Всякого зверя и в степях, и в лесах было невероятное количество* (Акс.). Такое образное употребление форм единственного числа придает речи афористичность и эмоциональность: *Превосходная должность — быть на земле Человеком, сколько видишь чудесного...* (М.Г.) в конструкциях, имеющих устойчивый характер, отмечается народно-разговорный оттенок, порой придающий речи ироническую окраску: *Но что там хорошо, так это купец. Уж коли угостит тебя, так угостит!* (Ч.)

Употребление существительных единственного числа в обобщенно-собирательном значении свойственно и публицистической речи. Часто этот стилистический прием используется в заголовках газетных и журнальных статей, названиях рубрик: «*Агроном и поле*», «*Русское поле*», «*Для чего человек учится?*», «*Через сердце художника*», «*Читатель предлагает*». В «Окаянных днях» И.А. Бунина существительное в единственном числе, употребленное в обобщенном значении, является ярким примером грамматической метафоры в эмоциональной риторической речи:

Сперва меньшевики, потом грузовики, потом большевики и броневики...

Грузовик — каким страшным символом остался он для нас, сколько этого грузовика в наших самых тяжких и ужасных воспоминаниях! с самого первого дня своего связалась революция с этим ревушим и смердящим животным, переполненным сперва истеричками и похабной солдатней из дезертиров, а потом отборными каторжниками.

Вся грубость современной культуры и «социального пафоса» воплощена в *грузовике*.

Встречается и дистрибутивное употребление формы единственного числа существительных, указывающее на то, что названный предмет относится к нескольким лицам или предметам: *Бунтовщики потупили голову; Повелено брить им бороду* (П.). Такая замена единственным числом множественного вполне допустима и специальной стилистической нагрузки не несет. Однако смешанное употребление форм числа в подобных случаях создает нелогичность: *Люди шли, обвязавши носы и рты платком* (правильно: *нос и рот платком* или: *носы и рты платками*). Практическая стилистика рекомендует избегать дистрибутивного употребления форм единственного числа в научном и официально-деловом стилях, чтобы исключить разночтения.

Формы множественного числа имен существительных также могут становиться стилистически активными в определенных контекстах. Немаркированное употребление этой грамматической формы часто бывает связано с эмоциональностью, экспрессией высказывания. Например, форма множественного числа может указывать не на множество предметов, а на один, выделяя его, однако, особой экспрессией: *Вы тут обедали, а нас по милициям водили* (Мак.) — речь идет об одном отделении милиции.

Еще пример: *На Дальнем Востоке и в Маньчжурии белогвардейские восстания, товарищ. Мы не имеем времени отправлять какие-то экспедиции с буддами* (Вс.Ив.) — имеется в виду одна экспедиция, везущая статую Будды. Подобное экспрессивное употребление множественного числа характерно и для живой разговорной речи: *Чему вас только в институтах учат!; Нет у меня времени по театрам расхаживать.*

В художественной речи можно наблюдать замену форм единственного числа формами множественного для выражения интенсивности действия, например: *Разливы рек ее, подобные морям* (Л.). А некоторые существительные во множественном числе получают и дополнительные смысловые оттенки. Например, *времена* — это не просто отрезок времени, а длительный срок, исторический период, отдаленная эпоха. Сравним: *Осень подходит. Это любимое мое время; Времен очаковских и покоренья Крыма* (Гр.); *Бывали хуже времена, но не было подлей* (Н.).

Таким образом, грамматические метафоры, построенные на использовании существительных, увеличивают значение этой части в системе выразительных средств русского языка.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И НАРЕЧИЯ

В системе морфологических ресурсов русского языка имени прилагательному отводится видное место как категории, в семантике которой доминирует понятие качества и которая определяет имя существительное. По количеству слов прилагательное уступает только существительному.

Стилистическое значение прилагательных как источника речевой экспрессии в художественной, и отчасти публицистической, ораторской речи трудно переоценить: качественные слова, как иногда называют прилагательные, — самая живописная часть речи.

Обращение к прилагательным диктуется необходимостью в деталях обрисовать внешность героя: *Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зеленый сюртук с тремя медалями на полинялых лентах* (П.); описать его привычки, уклад жизни: *Сии столь оклеветанные зрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые* (П.).

Нередко прилагательные характеризуют и поведение героя, хотя в этом случае с ними успешно конкурируют глаголы:

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!

Как томно был он *молчалив*,
Как пламенно *красноречив*,
В *сердечных* письмах как *небрежен!*

(А.С. Пушкин)

Как видим, при этом предпочтение отдается кратким формам прилагательных, берущим на себя предикативную функцию. В такой же стилистической роли употреблялись краткие прилагательные и в речи древних ораторов. Однажды один из лекторов, выступавших с беседой о воспитании молодежи, предложил аудитории цитаты из сочинений античных философов, которые нелестно отзывались о современной им молодежи. И как ни странно, ее характеристика, данная задолго до нашей эры, нашла сочувствие у современных воспитателей. Вот эти цитаты из Сократа (470—399 гг. до н. э.), Гесиода (720 г. до н. э.); третья оценка принадлежит неизвестному автору, жившему в древнем Вавилоне.

1. Наша молодежь любит роскошь, она *дурно воспитана*, она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков.

2. Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь *невыносима, невыдержанна, просто ужасна*.

3. Эта молодежь *растленна* до глубины души. Молодые люди *злокозненны и нерадивы*. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен...

В художественной литературе сложилась богатая традиция стилистического освоения прилагательных-эпитетов в различных описаниях, и прежде всего в п е й з а ж н ы х з а р и с о в к а х. Проиллюстрируем это примером описания лунной ночи: ...*Появилась луна, обливая море серебряным блеском. Большая, кроткая, она медленно плыла вверх по голубому своду неба, яркий блеск звезд бледнел и таял в ее ровном, мечтательном свете* (М.Г.). Господство прилагательных в системе выразительно-изобразительных средств проявляется и в том, что вовлеченные в контекст существительные, глаголы, наречия также нередко связаны своими значениями с понятием качества; ср.: *блеск, свет, бледнел, медленно*.

В русском языке определились своеобразные семантические ряды прилагательных, которые образуют богатую палитру красок при воссоздании картин природы. Например, свет луны в романтическом контексте часто рисуется с помощью прилагательных *бледный, голубой, серебряный, серебристый, зеркальный, лимонный, желтый, томный, таинственный, призрачный*. Для описания же реалистической (нередко сниженной) картины лунной ночи привлекаются иные прилагательные: (луна) *большая, огромная, круглая, рыжая, красная, кроваво-красная*. Повторение писателями таких определений порой приводит к рождению литературных штампов, получающих негативную оценку в стилистике. Однако подлинники мастера художественной речи проявляют большую изобретательность в «соединении слов» (по выражению

А.С. Пушкина). Богатство же семантических групп прилагательных в русском языке создает широкие возможности для их творческого применения. Так, А.С. Пушкин мог к одному слову подобрать до пятидесяти прилагательных-определений в разных контекстах.

В то же время отказ писателей от использования прилагательных при изображении природы в художественном тексте может стать своеобразным стилистическим приемом, демонстрирующим ироническое отношение автора к метафорическому слогу, стремление к «деромантизации» пейзажа. Этот прием реализован, например, в рассказе М. Горького «Месть»: *Соловьи и луна, тени, запах цветов — все это имелося налицо и в количестве гораздо большем, чем было нужно по ходу дел.* Читатель невольно сравнивает эту фразу с пейзажной зарисовкой в начале рассказа: *Эта река и камыши по ее берегам, а за ним темные, пышные деревья так хороши, облитые чудным, приветливым светом луны...* Отказ автора от использования прилагательных-эпитетов в первом примере расценивается как выражение протеста против фальши «красивых слов».

Стилистическое значение имени прилагательного в системе выразительных ресурсов морфологии ставит его в особое положение в сравнении с другими частями речи. Умение автора найти художественное определение нередко выступает критерием хорошего слога. Поэтому замечания опытных писателей о стиле молодых авторов особенно часто касаются употребления прилагательных. Так, М. Горький обратил внимание на стилистическую беспомощность одного из начинающих литераторов, «украсившего» речь прилагательными: *Бессмысленная, вялая какая-то скучная смерть веяла ровным дыханием.* Горький пишет: «Это очень характерная фраза для вас. А ведь в ней, несмотря на **три определения понятия "смерть"**, — нет ясности. Сказать "вялая смерть" и прибавить к слову "вялая" — "какая-то" — это значит подвергнуть сомнению правильность эпитета "вялая". Затем вы добавляете — "скучная", — к чему это нагромождение?»¹.

При использовании прилагательных в экспрессивной функции важно соблюдать чувство меры. Чехов советовал молодому Горькому: «Читая корректуру, вычеркивайте, где можно, определения... Понятно, когда я пишу: "человек сел на траву"... Наоборот, неудобопонятно и тяжеловато для мозгов, если я пишу: "высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь". Это не сразу укладывается в мозгу, а беллетристика должна укладываться сразу, в секунду»².

¹ Горький А.М. Письма начинающим литераторам // Собр. соч.: в 30 т. Т. 25. С. 139—140.

² Чехов А.П. Письмо к Горькому 3 сент. 1899 г. // Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 18. М., 1949. С. 221.

Стилистические возможности прилагательных качественных, относительных, притяжательных не одинаковы, что обусловлено самой природой этих семантических разрядов слов, которые используются в речи по-разному.

Качественные прилагательные, в которых наиболее полное выражение получают грамматические черты прилагательного как части речи, обладают самыми яркими экспрессивными свойствами, поскольку в семантике прилагательных этого разряда заключены разнообразные оценочные значения: *добрый, гордый, щедрый, громкий, сладкий, тонкий, большой, стремительный* и др. Даже неметафорическое их употребление сообщает речи выразительность, а обращение к определенным семантическим группам этих прилагательных — сильную эмоциональную окраску: *Милая, старая, добрая, нежная! С грустными думами ты не дружись* (Ес.). Значительные выразительные возможности заложены в формах степеней сравнения качественных прилагательных: сравнительная и превосходная степени указывают на более (или менее) интенсивное проявление качественного значения, что делает их экспрессивными: *Можно краше быть Мери, но нельзя быть милей* (П.); *Молчалин прежде был так глуп! Жалчайшее создание!* (Гр.) Писатели и публицисты используют различные сочетания форм степеней сравнения, создающие гиперболизм при указании на преобладание того или иного признака: *Дороги хуже худшего* (Ч.).

Употребление же качественных прилагательных в переносном значении усиливает их образную энергию. Однако нельзя забывать, что экспрессивная яркость метафорического переосмысления качественных прилагательных находится в обратной зависимости от частотности тех или иных переносов значения. Многократно повторяющиеся эпитеты, хотя и сохраняют элемент изобразительности, но, утратив свежесть, не выделяются как образные определения в привычной речевой ситуации: *горькая правда, теплый прием, светлый ум*. Единичные же, редкостные определения поражают наше воображение: *задумчивых ночей прозрачный сумрак, блеск безлунный* (П.). Выразительность эпитетов может быть усилена тем, что в них бывают «спрятаны» различные тропы — олицетворения: *Утра луч из-за усталых, бледных туч блеснул над тихой столицей* (П.); метонимии: *белый запах нарциссов* (Л.Т.); гиперболы: *смертельная тоска, сногшибательный успех*.

Изобразительность прилагательных могут подчеркнуть сравнения: *как лань лесная, боязлива; румян, как вербный херувим* (П.). Источником экспрессии качественных прилагательных иногда становится и их окказиональное словообразование: *широкошумные дубравы* (П.), *лазорево-синесквозное небо, рука миллионопалая* (Маяк.); *Молчалиных тихоньствующих сонм* (Евт.).

Разнообразные оттенки оценочных значений качественных прилагательных передаются присущими только им формами субъективной оценки, указывающими на степень проявления признака без сравнения предметов: *беловатый, злющий, здоровенный, прехитрый, разудалый*. В таких прилагательных значение меры качества обычно взаимодействует с различными экспрессивными оттенками субъективной оценки. В иных случаях эти прилагательные подчеркивают своеобразие авторского стиля: *Блондинистый, почти белесый...* (Ес.); *Мы найдем себе другую в разызысканной жакетке* (Маяк.).

Относительные прилагательные, выступающие в своем основном, необразном значении, употребляются во всех стилях речи прежде всего в информативной функции (*каменный дом, городская улица, железная ограда*), однако прилагательные именно этого разряда обладают наибольшими возможностями для образования переносно-метафорических значений, потому что и в относительных прилагательных заложен оттенок качества, который в определенном контексте всегда может проявиться, придавая им образительность; ср.: *воздушное течение — воздушный пирог, земной шар — земные помыслы, стальное перо — стальные мускулы*. Появление переносно-метафорических значений относительных прилагательных, как правило, связано с их перемещением из одной смысловой сферы в другую. В.В. Виноградов, затрагивая этот вопрос, подчеркивал, что развитие у относительных прилагательных качественных значений обусловлено семантикой имен существительных, послуживших для них мотивирующей основой. «Но то, что в производном прилагательном кристаллизуется как отдельное значение, в соответствующем существительном еще брезжит как своеобразный метафорический ореол слова, как намечающееся переносное значение»¹. Например, образное значение прилагательного *мраморный (белый и гладкий, как мрамор — мраморное чело)* в соответствующем существительном обнаруживается в очень ограниченном контексте: *мрамор чела*. Для прилагательного же появление качественного оттенка, возникающего в результате метафоризации, вполне закономерно: *мраморная кожа (белизна, бледность, холодность, строгость, невозмутимость и т.д.)*. Это свидетельствует о стилистической гибкости относительного имени прилагательного, для которого метафоризация является постоянно сопутствующим признаком.

Переход относительных прилагательных в качественные создает огромный резерв для пополнения стилистических ресурсов языка. Поэтому не будет преувеличением утверждение, что именно относительные прилагательные создают неисчерпаемые экспрессивные возможности этой части речи. При этом еще следует учесть, что в количественном

¹ Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М., 1986. С. 161.

отношении господствует именно этот разряд прилагательных: состав качественных сравнительно ограничен, относительные же легко образуются едва ли не от каждого существительного, так что состав их постоянно пополняется.

Судьба притяжательных прилагательных незавидна: они немногочисленны (всего около 200 слов) и не пополняются. Лишь прилагательные на *-ий, -ья, -ин*, выступая в роли качественных, становятся образными: *волчий аппетит, девичья память, лисьи хитрости, куриные мозги*.

Мастерство в использовании прилагательных в эмоциональной ораторской речи покажем на примере выступления замечательного русского мыслителя И.А. Ильина.

О России

... Наш дивный, наш могучий, наш поющий язык...

<...> в нем гудение далеких колоколов и серебро ближних колокольчиков. В нем ласковые шорохи и хрусты. В нем травяные шелесты и вздохи... В нем громы небесные и рыки звериные; и вихри зыбкие, и плески чуть слышные. В нем — вся поющая русская душа, эхо мира, и стон человеческий, и зеркало божественных видений... Пока звучит он, в своей неопикуемой музыкальности, в своей открытой, четкой, честной простоте, в своей скромности, в коей затаилась великая власть...

Это язык острой, режущей мысли. Язык трепетного, рождающегося предчувствия. Язык волевых решений и свершений. Язык парения и пророчеств. Язык безусловных прозрачностей и вечных глаголов. Это язык зрелого самобытного национального характера. И русский народ, создавший этот язык, сам призван достигнуть душевно и духовно той высоты, на которую зовет его — его язык¹.

В этом отрывке экспрессия достигается многими риторическими приемами, но в числе их прилагательные-эпитеты занимают главенствующее положение, причем стилистическая роль слов с качественными значениями возрастает еще и благодаря тому, что используемые оратором имена существительные также очень часто несут в себе семантику качества (*ширь, богатство, мечтательность, сила, красота, серебро, музыкальность, простота* и т.д.).

Стилисты спорят о том, можно ли считать эпитетами определения, в которых нет переноса значения с предмета на предмет. Если разделить эту точку зрения, то такие прилагательные, как *дивный, могучий, небесные* (громы), *звериные* (рыки) и многие другие, нельзя причислять к эпитетам: в них слова употребляются в прямом, а не в переносном значении. Однако и эти прилагательные выполняют яркую эстетическую функцию.

В ораторских речах возможно чрезмерное увлечение цветистыми определениями, что наносит ущерб стилю. Против этого предостерегали еще и античные риторы, однако сами при этом порой не отказывались от соблазна построить многочленные ряды однородных определений, выполняющих экспрессивную функцию.

¹ Ильин И.А. О России. М., 1991. С. 10–11.

Покажем это на примере отрывка из сочинения Цицерона «Оратор».

Были ораторы, так сказать, велеречивые, обладавшие одинаково величавой важностью мыслей и великолепием слов, сильные, разнообразные, обильные, важные, способные и готовые волновать и увлекать души, причем одни достигали этого речью резкой, суровой, грубой, незавершенной и незакругленной, а другие — гладкой, стройной и законченной. Были, напротив, ораторы сухие, изысканные, способные все преподавать ясно и без пространности, речью меткой, отточенной и сжатой; речь этого рода у некоторых была искусна, но не обработана и намеренно уподоблялась речи грубой и неумелой, а у других при той же скудности достигала благозвучия и изящества и бывала даже цветистой и умеренно пышной. Но есть также расположенный между ними средний и как бы умеренный род речи, не обладающий ни изысканностью вторых, ни бурливостью первых, смежный с обоими, чуждый крайности обоих, входящий в состав и того и другого, а лучше сказать ни того, ни другого; слог такого рода, как говорится, течет единым потоком, ничем не проявляясь, кроме легкости и равномерности: разве что влетит, как в венок, несколько бутонов, приукрашивая речь скромным убранством слов и мыслей¹.

Стилистическое значение наречий сближает их с прилагательными. Большинство наречий образовано от качественных прилагательных и унаследовало от них не только общность лексического значения, но и стилистическую активность. Впрочем, и наречия, образованные от относительных прилагательных, также могут указывать на оттенки качественных значений (*по-братски, дружески, взволнованно, вызывающе*). Сама возможность образовать наречие от прилагательного свидетельствует о качественном значении обстоятельного слова, которое, как и прилагательное, часто выступает в роли эпитета, определяя глагол-сказуемое. Например: *Мягкий ветер, как бы тоже очищенный прошедшими ливнями, колыхал всю эту по-весеннему шуришащую массу зелени* (Каз.).

В числе обстоятельных наречий экспрессивны те, которые имеют предельное значение, указывают на «всеохватность». Им обязаны выразительностью такие, например, строки: *Нет, поминутно видеть вас, повсюду следовать за вами, улыбку уст, движенье глаз ловить влюбленными глазами...* Или: *Всегда, везде одно мечтанье, одно привычное желанье, одна привычная печаль* (П.).

Выступая и в функции эпитетов, и не в переносном значении, не как тропы, наречия участвуют в предметно-образной конкретизации описаний и дополняют палитру языковых средств, используемую писателями. Вспомним строки из рассказа И.С. Тургенева «Бирюк»: *Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой... Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая... Я посмотрел кругом, — сердце во мне заныло: не весело войти ночью в мужицкую избу. Ребенок в люльке дышал тяжело и скоро.*

Писатели придают важное значение выбору изобразительных наречий, о чем можно судить по исправлениям, сделанным мастерами

¹ Цит. по кн.: Об ораторском искусстве: хрестоматия / авт.-сост. А.В. Толмачев. М., 1973. С. 51.

художественной речи в их рукописях. У Пушкина читаем: *Всех строже* (первоначально: *лучше*) *оценить умеешь ты свой труд*; у Лермонтова: *Я б хотел навеки так заснуть* (первоначально: *беспробудно я б хотел заснуть*); у Некрасова: *Встречаясь с ним, я вспоминал невольно дуб красивый* (в черновике: *Я почему-то вспомнил вдруг...*); наконец, у Максима Горького: *Блестело море, все в ярком свете, и грозно* (первоначально: *с шумом*) *волны о берег бились; Все эти звуки... мятежно* *колыхаясь*, (первоначально: *нерешительно*) *стоят низко в небе над гаванью* (*стоят в небе над гаванью*).

В составе определительных наречий наиболее выразительны наречия способа и образа действия, например: *Над прудом реют ласточки, какие-то комарики, проворные и тощие, вприпрыжку, словно посуху, гуляют по воде* (Н.); сравнительно-уподобительные: *Я бы вам посоветовал отечески, или, если больше любите, дружески, забыть о господине Рогожине* (Дост.).

В основе экспрессии количественных наречий, в том числе и наречий меры и степени, лежит не изобразительность, а интенсивность проявления качества, динамизм действия; в их составе много экспрессивно окрашенных слов: *ужасно, грандиозно, безумно, чертовски, дьявольски* и т.п. Уточнение количественных представлений может быть направлено и в сторону их ослабления: *капельку, крошечку, чуть-чуть, едва-едва, еле-еле*. Все они дают возможность автору уточнить, смягчить или усилить качественную характеристику описываемого. Например: *...Девница, полная и с чрезвычайно румяными щеками... Совсем другая особа была дочь Версилова. Высокая, немного даже худощавая, продолговатое и замечательно бледное лицо* (Дост.). Если опустить выделенные нами наречия, смысл текста будет иным: исчезнут полутона, которые придают речи особое художественное значение — *чрезвычайно румяные щеки* не вызывают восторга, в то время как эпитет *румяный* оценивается как положительный; *замечательно бледное лицо* кажется таинственным, загадочным, а просто *бледное* не вызывает дополнительных ассоциаций.

От прилагательных наречия унаследовали и способность образовывать степени сравнения, которые всегда экспрессивны: *...Быть может, кто из проезжающих посмотрит пристальней из окон* (Бл.); *Сильней и слаще с каждым днем несетя запах медовой* (Фет); *В чаще дикой и глухой нимфа юная отстала, я за ней — она бежала легче серны молодой* (Бат.). Такие наречия несомненно выполняют изобразительную функцию. Не случайно они образованы от прилагательных, которым свойственна наибольшая живописность.

В выступлениях ораторов тоже можно наблюдать употребление наречий в экспрессивной функции. Их стилистическая роль уравнивает эту часть речи с прилагательными: и те и другие выступают в качестве образных определений, только наречия относятся не к существительным, а к глаголам. Вот как их употребляет М. Жванецкий в одном из своих выступлений по телевидению.

Как заставить себя писать

Моя задача — поставить организм в такие условия, чтобы он сам вырабатывал все это. Вот когда посадишь его в жуткие условия...

Я был совсем недавно впервые в Ясной Поляне. Меня *страшно* поразила подслеповатость, низость потолков, убогость помещений, маленькие комнатухи, небольшие окошки, старинный такой особнячок и крошечный детский стульчик. Лев Николаевич был близорук, не хотел пользоваться очками и сидел *низко-низко* в неудобной позе и *непрерывно* писал. И я понял, что в этой ситуации, в этом месте надо писать *бесконечно*, потому что вырваться было невозможно. Телефона нет, и жди, пока зазвенит колокольчик — кто-то заедет. И я понимал, что в этой ситуации можно писать.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Многие считают, что числительные не интересны с точки зрения выразительности речи, так как обычно используются лишь для точной передачи количественной информации. Но иногда статистические данные более интересны, чем самые красивые слова. В.Г. Белинский в рецензии на «Общую риторику» профессора И. Кошанского замечал, что бывает так, когда «самые увлекательные, самые патетические места ораторской речи вдруг сменяются статистическими цифрами, сухими рассуждениями, потому что толпа убеждается не одной красотой живой речи, но... и фактами».

Опытные ораторы в выступлениях стараются избегать употребления числительных, так как на слух они воспринимаются с трудом — статистика утомляет аудиторию. Иное дело — письменная речь. Здесь числительные незаменимы как самая информативная часть речи и в определенных условиях выступающая как сильный источник эмоциональности. Какой всплеск эмоций могут вызвать числительные, например, в рубрике «Очки, голы, секунды», адресованные болельщикам и спортсменам!

Экспрессия числительных нередко зависит от их реального значения, так как точные статистические данные, приведенные в речи оратора или публициста, оказывают на аудиторию сильное впечатление. Например, в книге А.И. Солженицына в остро публицистическом контексте приводятся такие факты.

...Как человек, преданный долгу и чести, В.П. Полеванов подал председателю правительства разоблачительную докладную записку 18.01.1995 о творящихся преступлениях. Докладная эта теперь опубликована¹. Она вопиет фактами, цифрами, размерами преступлений, как велся общий развал народного хозяйства, например, как 51% «Уралмаша» получает одно лицо, а другое покупает 210 млн акций «Газпрома» по десятку обесцененных рублей за акцию, т.е. даром. Автомобильный огромный лихачевский завод был «продан» в 250 раз дешевле его стоимости: вместо 1 млрд долларов — за 4 млн. Красноярский алюминиевый завод «продан» братьям Чёрным — в 300 раз дешевле стоимости. И каков же был результат ошеломительной

¹ Полеванов В.П. Технология великого обмана. М., 1995. С. 8—17.

докладной? **Через три дня**, 21.01.1995, Полеванов был уволен, чтобы «не мешал реформам Чубайса».

Правда, еще через один год и один день, 22.01.1996, мы услышали и от Президента признание, что в той чубайсовской приватизации «продавалось все, что можно, по произвольной цене, а государство ничего не получило». Впрочем, заявлено это было однажды, мимоходом и больше не повторялось. Не было предпринято попытки никакой ревизии грабительской приватизации, что и являет собой одобрение грандиозного разграба национального добра.

И уж никогда наша власть не задавалась загадкой: *откуда* у недавних подсоветских людей миллиарды рублей, миллионы долларов? *Да* от щедрых экспортных лицензий, по знакомству и за взятки, выданные властями же: скупленное в стране по устаревшим рублевым ценам беспрепятственно, целыми эшелонами, гнать за границу и там получать валютные миллионы. (В этом-то процессе многие недавние коммунистические партюкраты оборотливо стали криминальными коммерсантами и частновладельцами. Раньше они распоряжались государственной собственностью ограниченно, теперь — без оглядки.)¹

Талантливые ораторы, не выпячивая имена числительные, умеют так ввести их в речь, что они — в сочетании с другими именами — выполняют яркую экспрессивную функцию и усиливают содержательную сторону выступления. Сошлемся опять на блестящую речь И.А. Ильина, оценившего выразительную силу всех имен — числительных, существительных, прилагательных.

О путях России

Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. **И ни один** народ не вынес из таких испытаний и таких мук — такой силы, такой самобытности, такой духовной глубины. Тяжек наш крест. Не из одних ли страданий соткалась ткань нашей истории?..

Первое наше бремя есть бремя земли — необъятного, непокорного, разбегающегося пространства: **шестая** часть суши в едином великом куске, **три с половиной** Китая; сорок четыре германских империи. Не мы «взяли» это пространство: равнинное, открытое, беззащитное — оно само навязалось нам; оно заставило нас овладеть им, из века в век насылая на нас вторгающиеся отовсюду орды кочевников и армии оседлых соседей. Россия имела только **два** пути: или стереться и не быть; или замирить свои необозримые окраины оружием и государственной властью... Россия подняла это бремя и понесла его; и осуществила единственное в мире явление.

Второе наше бремя есть бремя *природы*. Это океан суши, оторванный от вольного моря, которое зовет и манит (вспомним былинку о Садко), но само не дается и нам ничего не дарит...

И **третье** наше бремя есть бремя *народности*. **Сто семьдесят миллионов** людей, то сосредоточенных, то рассеянных в степях, то затерянных в лесах и болотах; **до ста восьмидесяти** различных племен и наречий; и до самого двадцатого века — целая **треть** не-славян и около **одной шестой** нехристианских исповеданий. Мы должны были принять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославную жизнь; а дать всем жизнь... И вот Россия подъяла и бремя всех своих народностей, подъяла и понесла его: единственное в мире явление...

Мы должны были создать в этих условиях, из этого обилия, в **три—четыре** века единое великое государство и единую *великую* духовную *культуру*. Наш путь — вел из непрестанной нужды, через непрерывные, великие опасности, к духовному и государ-

¹ *Солженицын А.* Россия в обвале. М., 1998. С. 24—25.

ственному величию; и не было отсрочек; и не могло быть ни отпуска, ни отдыха. Вспомним: Соловьев насчитывает с **1240 г.** по **1462 г.** (за **222** года) — **двести** войн и нашествий. С **четырнадцатого** века по **двадцатый** (за **525** лет) Сухотин насчитывает **329** лет войны. Россия провела **две трети** своей жизни. Одно татарское иго длилось **250** лет; а в последний раз Москва была обложена татарами в самом конце **шестнадцатого** столетия.

Народы не выбирают себе своих жребиев; каждый приемлет свое бремя и свое задание свыше. Так получили и мы, русские, наше бремя и наше задание. И это бремя превратило всю нашу историю в *живую трагедию жертвы*, и вся жизнь нашего народа стала *самоотверженным служением*, непрерывным и часто непосильным... И как часто другие народы спасались нашими жертвами, и безмолвно, и безвозвратно принимали наше великое служение... С тем, чтобы потом горделиво говорить о нас, *как о «некультурном народе»* или *«низшей расе»*...¹

Обращение к числительным в художественной речи создает впечатление достоверности, правдивости изображения. Это важно, например, в повествовании о военных событиях, когда приводятся фактические данные, извлеченные из тех или иных документов:

Полк Карпова занимал оборону на линии: высота **251** — деревня Петелино — разъезд Дубосеково... Они сконцентрировали свыше **80** танков, **два** полка пехоты, **шесть** минометных и **четыре** артиллерийские батареи (Л. Кривицкий).

Такое включение числительных в текст придает повествованию особую документальность, заставляя поверить автору.

В художественной речи еще в начале прошлого века наметилась и другая традиция стилистического использования числительных: их экспрессивная окраска могла быть обусловлена вовлечением некоторых из них в систему изобразительных средств народной поэзии. Поэтому в произведениях, близких к фольклору, традиционно используются числительные, имеющие особое, символическое значение — *три, семь, сорок, сто* и др. Обращение к ним поэтов объясняется стремлением к стилизации: *Три девицы, семь богатырей, тридцать три богатыря* — у Пушкина; *«Двенадцать»* Блока и т.д. Примеры стилистической актуализации таких числительных, окруженных особым экспрессивным ореолом, встречаются в заглавиях произведений современных писателей и публицистов: *«Семь пар нечистых»* (Кав.); *«Три кита современной экономики»* (АиФ).

Употребление некоторых числительных в переносном значении, как тропов, также может быть сильным источником экспрессии в бытовой и художественной речи. Большие числа используются для гиперболизации: *тысяча мелочей, «Миллон терзаний»*; малые — для создания литоты: *в одну секунду; один момент; До тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага* (Сурк.).

Образное употребление возможно и для некоторых порядковых числительных: *первая ученица, второй сорт, десятое дело* (ср. фразеологизм:

¹ Ильин И.А. О России. М., 1991. С. 10—11, 12—14.

седьмая вода на киселе). Однако следует подчеркнуть, что метафоризация лишает числительные их основного грамматического признака: выступать в качестве точного обозначения числа или количества, поэтому нельзя говорить в строгом значении термина о собственно числительных, употребленных как тропы. Выступая как гиперболы, литоты или эпитеты, числительные как бы выходят за пределы этой части речи, превращаясь в существительные (*миллион, тысяча*), прилагательные (*первый, третий*), и обретают оценочное значение.

Более органична экспрессивная функция неопределенно-количественных слов, которые часто являются средством усиления (*много-много*), или ослабления (*мало-мало, немножечко*), а также образуют антонимические пары, на которых строится антитеза: *Как мало пройдено дорог, / Как много сделано ошибок*. (Ес.)

МЕСТОИМЕННИЯ

Для оценки стилистической роли местоимений в речи важно определить их употребление в разных стилях. В разговорной речи местоимения оказываются наиболее употребительными словами: именно здесь они выполняют свою основную функцию — служат для указания на предметы, явления, качества. Не случайно исследователи разговорного стиля утверждают: «Разговорный язык... местоименен по своей сути»¹. Это объясняется тем, что для устной формы общения требование абсолютной точности не является столь обязательным, как для письменной.

Непосредственный контакт участников диалога, его ситуативная восполняемость, возможность использовать говорящими предситуацию, которая определяет тему и является своеобразным «прологом» к высказыванию, — все это позволяет употреблять местоимения в разговорной речи несравненно чаще, чем в книжной. Стилистика подробно описывает экспрессивные свойства местоимений в разговорном стиле, в поэтической речи², однако мы не будем касаться этого в данном пособии, так как все рекомендации, адресованные обычным собеседникам, неактуальны для ораторов. Их можно только предостеречь от неосторожного употребления местоимений, которые порождают двусмысленность речи. Один из депутатов Думы заявил: *Говорят, что я беру взятки. Это невысказано! Но это факт!* Что же подразумевается под местоимением *это*? Другой пример недоразумения: *Если мне кто-нибудь скажет что-нибудь плохое об Иванове, я дам ему по морде!* (кому? Иванову?).

В русском языке сложились определенные традиции употребления личных местоимений. В публичной речи и в художественной литературе

¹ Русская разговорная речь. М., 1973. С. 448.

² Об этом см. в кн.: Голуб И. Б. Стилистика современного русского языка. С. 271, 273—274, 276—281.

за местоимением *мы* подразумевается обобщенное значение автора и его единомышленников, слушателей, читателей: употребление этого местоимения подчеркивает единство взглядов, общность убеждений людей, живущих в одну эпоху, принадлежащих одному поколению:

Рожденные в годы глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.
(А.А. Блок. Скифы)

А.И. Солженицын пишет:

Мы многонациональный народ. Дореволюционная Россия включала в себя более полутора ста народов и народностей. Многие народы присоединялись к России от самого начала добровольно — как малочисленные народности Сибири (манси, вогулы, хакасы, юкагиры и другие, подневольного труда аборигенов Сибирь не знала); также алеуты, эскимосы Аляски ...зыряне (коми), марийцы, чуваша, мордвина, кабардинцы.

...*Мы* лишены возможности угадать, как пошло бы развитие всех этих народов и народностей вне присутствия русских.

Вспомним и такие заголовки его работ: *Как нам обустроить Россию; Эволюция нашего характера*. Нередко местоимению *мы* противопоставляются местоимения *вы, они*, указывающие на представителей противоположных взглядов, на идейных противников, врагов: *Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте сразиться с нами!* (Бл.)

В произведениях о Великой Отечественной войне слово *наши* означает «советские войска», «партизаны»: *Там был бой, когда наши наступали; Сколько наших тогда полегло в болоте...*

В научной речи практикуется «авторское мы»: пишущий из скромности так говорит о самом себе: *Мы отметили; Мы указали; Нами исследовано это явление...* Для оратора этот прием неприемлем, хотя в недавние времена докладчики, читая текст выступления, обращались к аудитории «от имени коллектива», цитируя чьи-то слова...

В условиях гласности это не оправдано. Теперь и журналисты ценят репортажи, написанные от первого лица, сменив авторское «мы» на авторское «я». В этой журналистской позиции один из талантливых авторов увидел настоящую «культурную революцию». Он с восторгом писал: «30 лет назад авторы газетных статей и очерков вместо обязательного "мы" стали писать "я". Это был гигантский шаг вперед — от коллективной безликости к личному мнению. Это была своего рода культурная революция, переворот в мышлении. Но переворот — это всегда итог и начало. "Я" родилось. Ему предстояло развиться, пройти школу исторического воспитания, наполниться живым национальным и общечеловеческим содержанием»¹.

¹ Клямкин И. Улица ведет к храму // Новый мир. 1987. № 1. С. 159.

Адвокат, выступая в суде, не может «прятаться» за авторским «мы». Сошлемся на случай, показывающий открытость защитника, убедившего присутствующих и враждебно настроенных членов суда изменить свое мнение.

Обвиняемому в контрабанде грозил приговор: три месяца тюрьмы и — главное 12 млн рублей штрафа. Перед адвокатом А.Я. Пассовером, специалистом по гражданским искам, стояла трудная задача: нейтрализовать высказывания прокурора и склонить симпатии заседателей к мнимому «контрабандисту».

Бледное лицо прокурора залилось краской. Он вскочил и почти закричал дрожащим голосом:

— Вальяно — контрабандист! Если бы он им не был, он не мог бы заплатить своему защитнику миллион рублей за защиту!

В зале ахнули. Миллион рублей?! Неслыханная цифра! Но реплика прокурора тотчас обернулась против него.

— Да, я получил миллион, — спокойно ответил защитник. — Значит, так дорого ценятся *мои* слова! а теперь посчитаем, сколько же стоят слова прокурора...

— в год прокурор получает три тысячи 600 рублей, — высчитывал вслух «добродушный» адвокат, — в месяц — триста, стало быть, в день, в том числе и сегодняшний день, — рублей десять. Произносил прокурор свою речь сегодня три часа, сказал за свои десять рублей 45 тысяч слов. Сколько же стоит слово прокурора?

Вытянувшись, Пассовер крикнул:

— Грош цена слову прокурора!

Процесс был выигран. Вальяно оправдали.

Речь оратора должна быть точной, поэтому в ней не следует употреблять неопределенные местоимения, которые лишают речь ясности. Ф.М. Достоевский не без иронии передает рассказ одного из своих героев, который выражается весьма туманно о своих неудачах на поприще педагогической деятельности в университете.

Он [Степан Трофимович Ставрогин] успел напечатать... начало *одного* глубочайшего исследования, — кажется, о причинах необычайного нравственного благородства *каких-то* рыцарей в *какую-то* эпоху или *что-то* в этом роде. По крайней мере, проводилась *какая-то* высшая и необыкновенно благородная мысль... Прекратил же он свои лекции потому, что перехвачено было *как-то* и *кем-то*... письмо к *кому-то* с изложением *каких-то* «обстоятельств», вследствие чего *кто-то* потребовал от него *каких-то* объяснений... (Бесы)

Настойчивое повторение местоимений (как в нашем примере) заставляет усомниться в достоверности информации, настолько нереальным представляется скрытое в них значение. В иных же случаях присущее неопределенным местоимениям значение неясности, неизвестности создает вокруг них экспрессию таинственности, загадочности, что ценят поэты: *Есть минуты, когда не тревожит роковая нас жизни гроза. Кто-то на плечи руки положит, кто-то ясно заглянет в глаза.* (Бл.)

Отсутствие содержательной конкретизации неопределенных местоимений в контексте способствует развитию у них разнообразных оценочных значений. Чаще всего они получают негативную окраску, передавая пренебрежение: *Тут непременно растет дрок (непременно дрок или какая-нибудь трава, о которой надобно справляться в ботанике). При этом на небе непременно какой-то фиолетовый оттенок (Дост.)*.

Введение в текст неопределенных местоимений может быть вызвано и нежеланием собеседников назвать конкретное лицо, которое им хорошо известно: *Кое-кто будет не рад этому; Кто-то сейчас злится, узнав о вашем успехе*. Подобное употребление местоимений придает им значение, близкое к эвфемизмам. Однако в ораторской речи подобная замена существительных местоимениями недопустима.

ГЛАГОЛЫ

Из всех частей речи глагол выделяется как самая сложная и самая емкая, так как обладает широкими возможностями яркого описания жизни в ее развитии, движении.

Исследователи утверждают, что в глаголе, образно говоря, течет самая алая, самая артериальная кровь языка. А.Н. Толстой писал: «Движение и его выражение — глагол — является основой языка. Найти верный глагол для фразы — это значит дать движение фразе»¹.

С помощью глагольных форм изображается динамика окружающего мира и духовной жизни человека. Если автор хочет «вдохнуть жизнь» в повествование, он обращается к глаголам.

Важнейшая стилистическая функция глагола в речи — придавать динамизм описаниям. Проиллюстрируем это примером из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Сверкнула молния, раскатился гром. Несчастный трамвай в который уже раз застрял на спуске от Кудринской к Зоологическому. Дама в лиловом появилась немного спустя в раме окна, миновала трамвай, стала удаляться. Первые крупные капли дождя упали на тротуар и мостовую, на даму. Порыв пыльного ветра проволочился по деревьям, задевая листьями за листья, стал срывать с дамы шляпу и подворачивать ей юбки, и вдруг улегся.

Доктор почувствовал приступ обесиливающей дурноты. Преодолевая слабость, он поднялся со скамьи и рывками вверх и вниз за ремни оконницы стал пробовать открыть окно вагона. Оно не поддавалось его усилиям.

Доктору кричали, что рама привинчена к косякам наглухо, но, борясь с припадком и охваченный какой-то тревогой, он не относил этих криков к себе и не вникал в них. Он продолжал попытки и снова тремя движениями вверх, вниз и на себя рванул раму и вдруг ощутил небывалую, непоправимую боль внутри, и понял, что сорвал что-то в себе, что он наделал что-то роковое и что все пропало. В это время вагон пришел в движение, но, проехав совсем немного по Пресне, остановился.

¹ Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М., 1961. С. 212.

Нечеловеческим усилием воли, *шатаясь* и едва *пробираясь* сквозь сгрудившийся затор стоящих в проходе между скамейками, Юрий Андреевич *достиг* задней площадки. Его *не пропускали*, на него *огрызались*. Ему *показалось*, что приток воздуха *освежил* его, что, может быть, еще не все *потеряно*, что ему *стало лучше*.

Он *стал протискиваться* через толпу на задней площадке, *вызывая* новую ругань, пинки, озлобление. *Не обращая внимания* на окрики, он *прорвался* сквозь толчею, *ступил* со ступеньки *стоящего* трамвая на мостовую, *сделал шаг*, другой, третий, *рухнул* на камни и больше *не вставал*.

Эта символическая сцена производит такое сильное впечатление на читателя благодаря умелому использованию глаголов, передающих разнообразные оттенки движения главного героя и окружающей его толпы. Причем в создание образного описания вовлекаются и отглагольные существительные: [*порыв* (ветра), *приступ* (боли), *рывки*, *крики*, *движение*, *усилие*, *ругань*, *пинки*, *озлобление*, *окрики*]. Употребленные в прямом, неметафорическом значении, они, как и глаголы, усиливают динамизм этого повествования.

Об экспрессивных возможностях русского глагола говорили многие лингвисты и писатели. Еще Н. Греч отметил, что глагол «придает речи жизнь», «присутствием своим животворит отдельные слова»¹. Современные исследователи утверждают, что глагол во всем богатстве его семантики, со свойственными ему грамматическими категориями, отличающими русский язык от других европейских языков, является неисчерпаемым источником экспрессии. Эту мысль подчеркивают и авторы современных пособий по риторике: «Эмоциональность речи достигается динамичностью высказывания. Эта динамичность закономерна для устной речи, где в наибольшей степени проявляется эмоциональность говорящего»². Такое стилистическое использование глаголов отражено, например, в рассказе А.П. Чехова «Хирургия». Вспомните, как описывается эпизод неудачного «хирургического вмешательства» неопытного стоматолога, взявшегося вырвать зуб у дьячка!

— Дело-то ведь... хирургия... Сразу нельзя... Вот, вот...

Вонмигласов *поднимает* колени до локтей, *шевелит* пальцами, *выпучивает* глаза, прерывисто *дышит*... На багровом лице его *выступает* пот, на глазах слезы. Курятин *сопит*, *топчется* перед дьячком и *тянет*... *Проходят* мучительнейшие полминуты — и щипцы *срываются* с зуба. Дьячок *вскакивает* и *лезет* пальцами в рот. Во рту *нашупывают* он зуб на старом месте.

— *Тянул!* — *говорит* он плачущим и в то же время насмешливым голосом. — Чтoб тебя так на тот свет *потянуло!* Благодарим покорно! Коли *не умеешь рвать*, так *не берись!* Света божьего *не вижу*...

Как искусно подобрал автор глагольные формы! Глаголы настоящего времени образно рисуют все происходящее.

¹ Греч Н. Чтения о русском языке. Ч. 1. СПб., 1840. С. 292.

² Кузнецов И.Н. Риторика. Минск, 2003. С. 335.

К динамическим описаниям привлекаются глаголы, выражающие эмоциональное состояние персонажей. Исследователи взяли на учет главные из таких частотных слов. Это глаголы «увлечения», «удивления», глаголы «любви и ненависти», «преклонения и самоуничтожения», глаголы «боязни», «беспокойства», «заботы, волнения и печали». Они как нельзя лучше передают эмоциональные состояния людей в различных психологических ситуациях. Значение эмоционального состояния в русском языке передается с помощью более чем ста глаголов.

Речь, насыщенная глаголами, выразительно рисует стремительно разворачивающиеся события, создавая энергию и напряженность повествования при описании боевых событий. Проиллюстрируем это отрывком из прозы В. Быкова.

Сотников *сидел* на головном в батарее тракторе... <...>

Перед самым рассветом Сотников *не выдержал* и только *задремал* на сиденье, как громовой взрыв на обочине *вырвал* его из сна. Комбата *обдало* землей и горячей волной взрыва, он тут же *вскочил*: «Комсомолец» сильно *осел* на правую гусеницу. И тут *началось*... Танки *расстреливали* полк на дороге.

Мастера художественного слова и стилисты видят в глаголе и яркое средство о б р а з н о й к о н к р е т и з а ц и и речи. По наблюдению М.И. Кожиной, «для художественного повествования или описания характерна постепенность в передаче события, действия, движения, состояния, мысли, чувства как осуществляющихся во времени, как бы «дробность» изображения и отсюда — эстетически обусловленная последовательность глаголов»¹. Приведем еще один пример.

Поняв, что им отведено несколько скупых секунд, Сотников с расчетом кое-как *развернул* прямо на дороге последнюю уцелевшую гаубицу и, *не укрепляя* станин, едва *успев содрать* чехол со ствола, *выстрелил* тяжелым снарядом... *Оттолкнул* наводчика (орудие было уже заряжено), дрожащими руками кое-как *довернул* толстенный гаубичный ствол и наконец поймал это еще тусклое в утренней дымке страшилище на перекрестие панорамы.

Выстрел его *грохнул* подобно удару грома, гаубица сильно *сдала* назад, больно *ударила* панорамой в скулу; внизу, из-под незакрепленных сошников, *брызнула* искрами от камней, одна станина глубоко *врезалась* сошником в бровку канавы, вторая *осталась* на весу на дороге. Сквозь пыль, поднятую выстрелом, он еще *не успел* ничего *разглядеть*, но *услышал*, как радостно *закричал* наводчик, и *понял*, что *понал* (В. Быков).

Если представить описание этой сцены средствами нехудожественной речи, то прежде всего иным окажется изображение действия: можно ожидать более скупой подбор глагольных слов. Очевидец, вспоминая об этих событиях, скорее всего сказал бы: *Сотников навел*

¹ Кожина М.И. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. С. 107.

пушку, выстрелил и подбил вражеский танк. Писатель же детализирует описание, используя как средство речевой конкретизации целый ряд глаголов. Именно последовательное описание действий героев создает эффект достоверности изображенной картины.

В художественной речи можно выделить целый ряд семантических групп глаголов, которые регулярно используются как средство образной речевой конкретизации. Эти глаголы лишены внеконтекстуальной стилистической окраски и даются в словарях без помет. Однако они неуместны в научном и официально-деловом стилях, в которых изложение отличается абстрактностью, а выделяемые группы глаголов обозначают, как правило, конкретные, образно детализированные действия: *красться, метаться, кувыркаться, полоснуть, зашагать.* Таким образом, именно в художественной речи находит применение огромный выразительный потенциал глаголов самой разнообразной семантики, которые используются писателями с наибольшей полнотой. Показательно, что по отношению к числу глаголов движения, зафиксированных в художественной речи, 67% отмечено только в ней (глаголы *детализованной семантики*), 27% — одновременно в художественной и газетно-публицистической речи, 15% — в художественной и научной, 9% — в художественной и официально-деловой¹.

Изображая героя через его действия, писатель не только создает реальный образ, но и проникает в его психологию, внутренний мир, так как из отдельных поступков складывается поведение человека, а в нем отражаются чувства, желания и даже тайные помыслы. Большой мастер «глагольного повествования» А.Н. Толстой писал: «В человеке я стараюсь увидеть жест, характеризующий его душевное состояние, и жест этот подсказывает мне глагол, чтобы дать движение, вскрывающее психологию. Если одного движения недостаточно для характеристики, — ищу наиболее замечательную особенность (скажем, — руку, прядь волос, нос, глаза и тому подобное) и, выделяя на первый план эту часть человека определением, даю ее опять-таки в движении, т.е. вторым глаголом детализирую и усиливаю впечатление от первого глагола»².

Особое значение для характеристики героя имеет выбор наиболее выразительных, «ключевых» глаголов. При этом нередко вместо перечисления ряда действий, не имеющих принципиально важного художественного значения, называется одно действие, обозначенное необычным глаголом, отражающим как в фокусе сразу несколько движений героя, его реакцию, впечатления и т.д., представленных в обобщенном виде. Например, при передаче диалога писатели часто отказываются от употребления глаголов «говорения» (*сказал, ответил,*

¹ Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972. С. 142.

² Толстой А.Н. Полн. собр. соч.: в 25 т. Т. 13. М., 1949. С. 569.

спросил), а стараются найти слова, изображающие действия, которые сопровождают речь. Например: — *Как! — вспыхнула Дуня; — По крайней мере вы-то на меня не сердитесь? — протянул ему руку Ставрогин. — Нисколько, — воротился Кириллов, чтобы пожать руку* (Дост.). В таких случаях, в противоположность детализации, наблюдается обобщающее изображение действия (ср.: *Дуня смутилась, покраснела и сказала: «Как!»*). Подобная замена одних глагольных слов другими возможна лишь в художественных произведениях. В иных случаях мы, как правило, констатируем факт речи соответствующим глаголом.

Глагол представляет действие как процесс в грамматических формах в р е м е н и, л и ц а, н а к л о н е н и я, з а л о г а. Именно в таких грамматических категориях получает исчерпывающее выражение понятие глагольности, отчего и установилось мнение, что глагол как часть речи «специально создан» для изображения действия.

Г л а г о л ь н ы е ф о р м ы обладают неограниченными возможностями варьирования. Их секрет в том, что в речи очень часто одна глагольная форма может употребляться вместо другой, в переносном значении. В античной риторике это называлось г р а м м а т и ч е с к о й м е т а ф о р о й. Остановимся подробнее на глагольных метафорах в этом понимании термина.

При описании прошлых событий глаголы н а с т о я щ е г о в р е м е н и заменяют глаголы п р о ш е д ш е г о в р е м е н и: *Вот мы трое идем на рассвете по зелено-серебряному полю; слева от нас, за Окою... встает, не торопясь, русское ленивенькое солнце. Тихий ветер сонно веет с тихой мутной Оки* (М.Г.). Благодаря использованию такого настоящего времени события, о которых повествует автор, словно приближаются к читателю, предстают крупным планом: картина разворачивается как бы у нас на глазах. Стилисты называют такие глагольные формы н а с т о я щ и м и с т о р и ч е с к и м в р е м е н е м (или н а с т о я щ и м п о в е с т в о в а т е л ь н ы м).

Обращение к настоящему историческому придает живость газетным репортажам: *Атаки наших троек становятся все острее. На 12-й минуте нападающий неожиданным ударом открывает счет.*

Такие грамматические метафоры, состоящие в употреблении глаголов настоящего времени для оживления повествования, используют и ораторы. В защитительной речи П.А. Александрова в суде по делу Веры Засулич живо рисуется картина приготовления к наказанию розгами. Обратите внимание на грамматические формы глаголов в предлагаемом отрывке!

Во двор, на который из окон камер неслись крики арестантов, взволнованных происшествием с Боголюбовым, является смотритель тюрьмы и, чтобы «успокоить» волнение, возвещает о предстоящем наказании Боголюбова розгами, не успокоив никого этим в действительности, но, несомненно, доказав, что он, смотритель, об-

ладает и практическим тактом, и пониманием человеческого сердца. Перед окнами женских арестантских камер, в виду испуганных чем-то необычайным происходящим в тюрьме женщин, вяжутся пуки розг, как будто бы драть предстояло целую роту; разминаются руки, делаются репетиции предстоящей экзекуции, и в конце концов нервное волнение арестантов возбуждается до такой степени, что ликторы считают нужным убраться в сарай и оттуда выносят пуки розог, уже спрятанными под шинелями.

Мастерски описанное издевательское поведение тюремщиков, конечно, не могло оставить равнодушными слушателей, и речь защитника достигла цели: аудитория настраивается против обвинителей, сочувствуя арестантам.

Рассмотрим и другие случаи переноса грамматического значения глагольных категорий в эмоциональной речи.

Экспрессивное использование глагольного времени позволяет употреблять *н а с т о я щ е е* и в значении *б у д у щ е г о* для указания намеченного действия: *У меня уже все готово, я после обеда **отправляю** вещи; Мы с бароном завтра **венчаемся**, завтра же **уезжаем**... **начинается** новая жизнь* (Ч.), а также для описания воображаемых картин: *Об чем бишь я думал? Ну, **знакомлюсь**, **разумеется**, с молодой, **хвалю** ее, **ободряю** гостей* (Дост.).

Формы *п р о ш е д ш е г о* времени глагола в эмоциональной речи открывают еще большие возможности для усиления ее действительности. Очень оживляет повествование включение *п р о ш е д ш е г о* времени совершенного вида в контекст *б у д у щ е г о*, что позволяет представить ожидаемые события как уже совершившиеся: *Ну, в головы ты вылезешь, — кричит отец, — мундир на тебя, дубину, наденут. **Надел** ты, дурак, мундир, **нацепил** медали... а потом что?* (Усп.), или в контекст настоящего, когда действие оценивается как фрагмент повторяющейся ситуации: *Хорошо, Никеша, в солдатах! **Встал** утром... Ши, каша... ходи! **вытягивайся!** Лошадь **вычистил**...* (С.-Щ.).

Возможно и разговорное употребление прошедшего времени совершенного и несовершенного вида в значении будущего или настоящего с яркой экспрессией презрительного отрицания или отказа: *Т а к я и **пошла** за него замуж!* (т.е. *ни за что не пойду за него!*); *Да ну, **боялся** я ее!* (т.е. *не боюсь я ее!*). В подобных случаях ироническая констатация действия означает, что на самом деле оно никогда не осуществится. Неадекватность формы и содержания таких конструкций и создает их яркую экспрессию.

Особая изобразительность прошедшего времени объясняется и тем, что в его арсенале, на периферии основной системы глагольных временных форм, есть такие, которые образно рисуют действия в прошлом, передавая их разнообразные оттенки. И хотя эти особые формы прошедшего времени носят нерегулярный характер, стилистическое их применение заслуживает внимания.

Выделяется ряд экспрессивных форм прошедшего времени. Им присуща преимущественно разговорная окраска, но основная их сфера — язык художественной литературы. Формы давно прошедшего времени с суффиксами *-а-*, *-ва-*, *-ива-* (*-ыва-*) указывают на повторяемость и длительность действий в далеком прошлом: *Бывало, писывала кровью она в альбомы нежных дев* (П.). Писатели прошлого легко могли образовать подобные формы от самых различных глаголов (*бранивал, кармливал, танцовывал*), но в современном русском языке сохранились немногие из этих форм: *знавал, хаживал, едал, говаривал*.

Формы прошедшего времени мгновенно-произвольного действия указывают на быстрое действие, совершившееся в прошлом, подчеркивая его внезапность и стремительность: *Поехал Симеон Петрович с пряжей в Москву, дорогой и заболел* (М.-П.). В отличие от форм повелительного наклонения, которым совершенно чуждо значение времени, эти глагольные формы всегда указывают на время. Они могут употребляться в одном временном плане с формами настоящего-будущего времени в рассказе о событиях прошлого: *Идет он с уздечкой на свое гумно... а ребята ему шутейно и скажи...* (Шол.); *Привели Татьяну, барыня и спрашивает: — Ты о чем? — а та с простоты и ляпни...* (Баж.) Впечатление неожиданности, мгновенности действия усиливают присоединяемые к глаголу элементы *возьми и, возьми да и*, которые придают действию оттенок неподготовленности, а порой и неуместности: *Приехала экскурсия, мы с Костей — это наш штурвальный — стали комбайн показывать, а кто-то возьми да и запустит мотор* (Кав.).

К экспрессивным формам прошедшего времени относятся и глагольно-междометные формы внезапно-мгновенного действия со значением стремительного движения или звучания: *прыг, бух, толк, бац* и др. Они имеют разговорно-просторечную окраску: *Окунь сорвался с крючка, запрыгал по траве к родной стихии и... бултых в воду!* (Ч.)

Глаголы будущего времени обычно получают заряд экспрессии при переносном употреблении в иных временных планах.

Будущее совершенного вида может указывать на действия, обращенные к настоящему времени: *Словечка в простоте не скажут — все с ужимкой* (Гр.).

Глаголы будущего времени совершенного вида часто рисуют быстро сменяющиеся и повторяющиеся действия безотносительно к моменту речи: *И бубен свой берет невеста молодая. И вот она, одной рукой кружа его над головой, то вдруг помчится легче птицы, то остановится — глядит...* (Л.)

В сочетании с частицей *как* глагол в форме будущего времени совершенного вида, использованный в значении настоящего

исторического, указывает на внезапное наступление действия, отличающегося особой интенсивностью: *Достаёт Прохор Палыч «послание» и кладет на стол. Иван Иванович берется читать и... как захочет!* (Троеп.)

Будущее несовершенного вида уступает в выразительности формам, которые мы рассмотрели. Переносное его употребление может привести к возникновению абстрактного настоящего, имеющего обобщающий смысл: *В литературе, как в жизни, нужно помнить одно правило, что человек будет тысячу раз **раскаиваться** в том, что говорил много, но никогда, что мало* (Писар.). В иных случаях его образность обусловлена модальными оттенками, которые будущее время может получать в речи. Выступая в собственном значении будущего времени, глаголы несовершенного вида способны выражать оттенок готовности совершить действие: *Целый день марабу **будет дежурить** у бойни, чтобы получить кусок мяса* (Песк.). Если заменить форму будущего времени формой настоящего (*целый день дежурит*), признак готовности у глагола исчезнет.

Другой возможный модальный оттенок будущего несовершенного — уверенность в совершении действия: *Вернувшись из далекого путешествия, **будешь хвастаться, рассказывать** диковинные вещи* (Сол.).

В переносном значении нередко употребляются и глагольные видовые формы. Так, глаголы, имеющие форму несовершенного вида, в тексте как бы замещают глаголы совершенного вида, обретая характерные для них значения. Ср.: *Прихожу я вчера и узнаю. — Пришла я вчера и узнал; Завтра же уезжаем и **расстаемся** навсегда. — Уедем и **расстанемся**...* В этих случаях глаголы несовершенного вида обозначают конкретный единичный факт.

Глаголы в русском языке характеризуются разнообразием форм, передающих различные видовые оттенки действия. Особенно выразительны глаголы совершенного вида, обозначающие одноактный способ действия, с суффиксом *-ану-*, имеющие просторечную окраску и выделяющиеся оттенком резкости, неожиданности и интенсивности действия: *резануть, рубануть*. Близкие к ним по значению, но лишённые просторечного оттенка глаголы совершенного вида с суффиксом *-ну-*: *кольнуть, свистнуть, крикнуть, стукнуть* выделяются своим динамизмом и изобразительными возможностями.

Разговорный характер носят глаголы несовершенного вида прерывисто-смягчительного способа действия, образованные с помощью приставки *по-* и суффиксов *-ва-*, *-ива-* (*-ыва-*): *повизгивать, позевывать, покрикивать*.

Ряд способов действия выделяет особенно сильная экспрессивная окраска. Это прежде всего улительный способ: *разахаться,*

развоеваться, разоткровенничаться. Ему не уступает в экспрессии и интенсивный способ действия, представленный несколькими группами глаголов, выражающих различные оттенки значения: *загнать, заездить, закормить* (эти глаголы указывают на результативность, которая иногда бывает осложнена оттенком такой полноты и интенсивности действия, что доводит объект до какого-то крайнего, выходящего из обычных границ состояния); *убегаться, уходить, уезжаться* (глаголы этой группы обозначают действие, которое вызывает усталость, бессилие субъекта); *избегаться, изголодаться, истрадаться* (эти глаголы подчеркивают длительность, интенсивность и исчерпанность действия).

Экспрессивны и глаголы, обозначающие длительно-смягчительный способ действия: *наигрывать, напевать, напевистывать.* Они называют длительное и в то же время ослабленное, приглушенное действие и употребляются преимущественно в разговорном стиле.

Особый интерес вызывает использование видовых форм глагола в повелительном и сослагательном наклонении. В повелительном наклонении также возможна нейтрализация видового противопоставления глаголов: *Сядь. — Садись; Зайдите! — Заходите!* в таких случаях формы несовершенного вида имеют оттенок приглашения, а формы совершенного вида представляются более категоричным выражением побуждения, они означают скорее приказание, чем просьбу, ср.: *Рассказывайте, рассказывайте, мы внимательно слушаем!* — А ну, *расскажи, как ты там жил в эти два года* (М.Г.).

Для выражения совета с помощью сослагательного наклонения используется обычно несовершенный вид: *Шла бы ты домой, Пенелопа!* (шуточная песня); *Молчали бы вы лучше.* И только некоторые глаголы, означая желание, просьбу, употребляются в сослагательном наклонении преимущественно или исключительно в форме совершенного вида: *вы попросили бы; ты сказал бы.*

Особой гибкостью обладают и глагольные формы наклонения, которые также могут употребляться в переносных значениях. Так, форма повелительного наклонения в конструкциях, направленных к обобщенному лицу, означает невозможность действия: *А попробуй скажи ему об этом. Куда там!* (Троеп.); *Жди от такого помощи, как же* (Зал.). Эти конструкции выражают невозможность побуждения к действию.

Повелительное наклонение может означать вынужденную необходимость действия: *У нее нет ни дома, ни родных. Хочешь не хочешь, а иди и слушай разговоры* (Ч.). В подобных конструкциях отсутствует всякое побуждение.

Различные стилистические оттенки глаголам придают частицы, которые мы добавляем к формам повелительного наклонения. Так, извест-

но, что добавление к форме повелительного наклонения постфикса *-ка* смягчает приказание: *Посмотри-ка сюда!* Однако этим не ограничивается стилистическая роль постфикса, он может придавать высказыванию оттенок интимности. Например, у Горького: *Лексейка, боязно чего-то, поговори-ка ты со мной*; иронии, насмешки: *Нет, голубчик, иди-ка, иди! Я говорю — иди*. В сочетании с формой повелительного наклонения, не имеющего, как правило, значения времени, постфикс *-ка* обычно указывает на действие, близкое к моменту речи: *Дай-ка мне книгу!*

Частица *пускай*, вовлекаемая в образование форм третьего лица повелительного наклонения, придает им разговорную окраску: *пускай говорит, пускай все узнают*. От нее стилистически отличается частица *пусть*, которая, наряду с частицей *да*, используется в пожеланиях, придавая речи торжественную окраску: *Пусть всегда будет солнце...* (Ош.); *Да здравствует солнце, да скроется тьма!* (П.)

Сильным источником увеличения действенности речи является переносное употребление инфинитива в значении сослагательного и повелительного наклонения. Инфинитив в сочетании с особой повелительной интонацией передает категорический приказ: *Встать!*; *Молчать!*; *Немедленно ехать!* Подобные конструкции синонимизируются с формами 2-го лица повелительного наклонения, но не содержат конкретного указания на субъект действия (не случайно в них не угадывается значение числа); они подчеркивают лишь требование совершить действие. Поэтому инфинитив часто используется в призывах, лозунгах, названиях газетных статей, содержащих обращения: *«Остановить инфляцию!»*; *«Преградить путь наркотикам!»*; *«Видеть историческую перспективу!»*; *«Совершенствовать мастерство!»*.

В сочетании с частицей *бы* инфинитив получает значение сослагательного наклонения: *Поспать бы теперь; Ах, скорее бы уйти!* (Ч.). В отличие от синонимических форм глагола сослагательного наклонения — *поспал бы, ушел бы* — инфинитив указывает на более сильное желание, в то же время как формы сослагательного наклонения выражают чаще смутное влечение, связанное с представлением о возможности действия. Сопоставляя такие конструкции, отметим: *Посидеть бы на берегу моря* — свидетельствует о некотором стремлении, а *Я посидел бы на берегу моря* говорит больше о привлекательности развернувшегося образа, волевой элемент в этом случае незначителен. Поэтому инфинитив порой оказывается незаменимым средством выражения сильного стремления говорящего к совершению какого-то действия: *Быть бы молодым и сильным; Стать бы волшебником!* Замена инфинитива формой сослагательного наклонения в таких случаях невозможна. Усиление эмоциональной окраски этих конструкций достигается употреблением в них междометий *ах, эх*, союза *если*: *Эх, если бы написать про все это!* И чем ярче эмоциональная окраска таких выражений, тем менее реальным представляется осуществление действий.

В заключение следует отметить, что грамматические метафоры-глаголы встречаются преимущественно в художественной и разговорной речи. Риторика исключает глагольные метафоры в речи ораторов. Классический пример употребления глаголов римским полководцем Юлием Цезарем, жившим в I в. до н.э. — *Пришел, увидел, победил*. Глаголы не подвергаются метафоризации, а выступают в своей типичной роли, свойственной им в повествовании — в форме прошедшего времени совершенного вида.

Итак, оратор не должен забывать о грамматических средствах выразительности речи. Грамматические метафоры, возникающие при употреблении в переносном значении тех или иных грамматических категорий существительных, числительных, местоимений, глаголов придают речи особую экспрессию. Умелое использование именного или глагольного типа речи свидетельствует о профессиональном мастерстве оратора.

Глава 10

Понятие текста

В ораторской речи грамматические средства играют различную роль — в зависимости от содержания и стиля выступления. Современная риторика учитывает предложенную еще античными авторами классификацию типов речи. Изучение текста расширило и уточнило эту типологию. Наблюдения над стилистическим использованием грамматических средств в речи обязывают нас сделать экскурс в современную теорию текста.

Текстом (от лат. *textum* — связь, соединение) называется речевое произведение, выражающее определенную информацию и обладающее структурной целостностью. По объему и содержанию тексты могут быть разными.

1. Простое предложение: *Это дорога к храму.*

2. Сложные предложения: *Я знаю, что эта дорога приведет к храму. Эта дорога ведет к храму, и мы выбрали ее без колебаний.*

3. Соединение нескольких предложений: *Я, игемон, говорил, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины. Сказал так, чтобы было понятнее (Булг.).*

4. Сложное синтаксическое целое (межфразовое единство), совпадающее обычно с абзацем: *Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже и думать о чем-нибудь и мечтаешь*

только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет (Булг.).

5. Глава: в цитированном произведении это, например, *глава 2 «Понтий Пилат»*.

Более сложный по объему текст включает в себя и более крупные части: главы объединяются в разделы и могут составить повесть, роман, эпопею из нескольких томов. Столь сложные композиционные структуры текста не представляют интереса для риторики, исследующей ораторские речи. Однако деление их на сложные синтаксические целые или фрагменты из нескольких предложений весьма важно, так как грамматические средства в них могут использоваться по-разному. Например, начало упомянутой главы романа Булгакова отличается обилием именных частей речи (*В белом плаще с кровавым подбоем...*) — на 27 знаменательных слов только один глагол! От именного типа текста отличается глагольный, представленный во втором абзаце той же главы, включающей 15 глагольных форм. И хотя они не могут количественно преобладать над именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, но «глагольность» речи выполняет определенную стилистическую функцию, что так важно для изучения стилистической роли грамматических средств — частей речи, их форм, синтаксических конструкций. Остановимся на этом более подробно.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ РЕЧИ

Описание

Важнейшую функцию в текстах разных стилей и жанров выполняет описание, в котором называются важнейшие черты и свойства предметов, явлений, событий, существующие (или происходящие) в одно и то же время.

Описания, в которых перечисляются все детали, привлечшие внимание автора и определившие обилие однородных членов предложения, выраженных именами существительными и прилагательными, ценят писатели. В их произведениях описания нередко составляют важную часть сюжетной линии. Вспомним, например, в «Записках охотника» И.С. Тургенева рассказ «Татьяна Борисовна и ее племянник».

...Погода прекрасная; кротко синее майское небо; гладкие молодые листья ракиц блестят, словно вымытые; широкая, ровная дорога вся покрыта той мелкой травой с красноватым стебельком, которую так охотно шиплют овцы; направо и налево, по длинным скатам пологих холмов, тихо зыблется зеленая рожь... За небольшим прудом, из-за круглых вершин яблонь и сиреней, виднеется тесовая крыша, некогда красная, с двумя трубами; кучер берет вдоль забора налево и при визгливом и сиплом лае трех престарелых шавок въезжает в настежь раскрытые ворота... Мы у Татьяны Борисовны.

Здесь нет случайных, ненужных деталей, все подробности художественно оправданы. Последовательное нанизывание картин создает сценичность описания: читатель словно едет вместе с автором по этой широкой дороге, любуется природой, подъезжает к барскому дому и «останавливается наконец перед крылечком темного домика со светлыми окнами».

Продолжением рассказа служит описание самой помещицы.

Татьяна Борисовна — женщина лет пятидесяти, с большими серыми глазами навывкате, несколько тупым носом, румяными щеками и двойным подбородком. Лицо ее дышит приветом и лаской. Она когда-то была замужем, но скоро овдовела. Татьяна Борисовна весьма замечательная женщина...

Такие описания природы, обстановки, портрета персонажей в художественных произведениях выполняют важную эстетическую функцию, они живо, наглядно, образно рисуют предметы, явления, людей; показывают атмосферу, в которой разворачиваются события. В зависимости от содержания описания делятся на портретные, пейзажные, событийные. В художественных текстах описания могут даваться через восприятие персонажей, но неизменно являются компонентами словесно-художественной ткани произведения.

Этот функционально-смысловой тип речи представлен и в выступлениях ораторов, но принципиальное отличие его в достоверности описываемого. Если в художественном тексте образ автора условный, его слова отражают настроение героев, то оратор должен стремиться к документально точному изображению обстановки, персонажей, событий, которые он хочет описать. Это особенно важно в судебных речах юридических лиц, на которых лежит большая ответственность за каждое сказанное слово.

Иллюстрируем описание отрывком из защитительной речи П.А. Александрова, которая изучается в риторике как образец ораторского искусства.

Легко вообразить, как провела Засулич эти лучшие годы своей жизни... В стенах Литовского замка и казематах Петропавловской крепости. Полное отчуждение от всего, что за тюремной стеной. Два года она не видела ни матери, ни родных, ни знакомых... Ни работы, ни занятий. Кое-когда только книга, прошедшая через тюремную цензуру.

Возможность сделать несколько шагов по комнате и полная невозможность увидеть что-либо через тюремное окно. Отсутствие воздуха, редкие прогулки, дурной сон, плохое питание. Человеческий образ видится только в тюремном стороже, приносящем обед, да в часовом, заглядывающем время от времени в дверное окно, чтобы узнать, что делает арестант. Звук отворяемых и затворяемых замков, бряцание ружей сменяющихся часовых, мерные шаги караула да уныло-музыкальный звон часов.

Оратор мастерски строит речь на выразительном перечислении имен существительных (хотя ту же картину можно было бы нарисовать и с помощью глаголов: *Заклученная не могла ни работать, ни чем-либо*

заняться, только читала... Она не могла увидеть... плохо спала, слышала лишь звуки открываемых и закрываемых замков, да когда открывали и закрывали замки, да когда бряцали ружья...).

Именной характер речи особенно показателен для текста такого типа: существительные и прилагательные в роли точных определений придают речи особую выразительность: они акцентируют внимание на наиболее важных, существенных деталях, расположение их при перечислении помогает представить целостную картину. При этом описываются не только внешние черты изображаемого, но и скрытые от наблюдения факты, способные пролить свет на причины поведения, поступков героя.

Однако не все описания носят именной характер речи. Выбор имен или глагольных форм зависит от содержания текста. Сравним два отрывка.

В пространстве между морем и небом носился веселый всплеск волн, взбегавших на пологий берег песчаной косы. Все было полно живой радости: звук и блеск солнца, ветер и соленый аромат воды, жаркий воздух и желтый песок. Узкая, длинная коса, вонзаясь острым шпилем в безграничную пустыню играющей солнцем воды, терялась где-то вдаль, где знойная мгла скрывала землю. В такой день даже чайки истомлены зноем. Они сидят рядами на песке, раскрыв клювы и опустив крылья, или же лениво качаются на волнах.

Море жило своей широкой жизнью, полной мощного движения. Стаи волн с шумом катились на берег и разбивались о песок, он слабо шипел, впитывая воду. Взмахивая белыми гривами, передовые волны с шумом ударялись грудью о берег и отступали, отраженные им, а их уже встречали другие, шедшие поддержать их. Обнявшись крепко в пене и брызгах, они снова катились на берег и били его в стремлении расширить пределы своей жизни. От горизонта до берега — на всем протяжении моря — рождались эти гибкие и сильные волны и все шли, шли плотной массой. Тесно связанные друг с другом единством цели... Солнце все ярче освещало их хребты у далеких волн, на горизонте они казались кроваво-красными.

Оба текста представляют собой описания, но первый рисует статическую картину, а второй — динамическую. Естественно, что для изображения движения волн нужны глаголы. Однако в описаниях такого типа все глаголы не с о в е р ш е н н о г о в и д а, они рисуют действия, происходящие в одно время, а не последовательный ход событий. В этом отличие описания от повествования. По замечанию академика В.В. Виноградова, «прошедшее время несовершенного вида не двигает действия. Оно описательно, а не повествовательно. Оно не определяет последовательности действий в прошлом, а ставит их все в одной плоскости»¹.

Глагольная речь в описаниях может строиться и на формах настоящего времени, употребленного в значении прошедшего, что оживляет изображение той или иной картины. Такой прием использования

¹ Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947. С. 437.

настоящего исторического времени глаголов несовершенного вида можно иллюстрировать примером из уже цитированной речи Александрова:

Проходят пять дней. Засулич сидит в пересыльной тюрьме с полной уверенностью скорого освобождения... На пятый день задержания ей говорят: «Пожалуйста, Вас сейчас отправляют в город Крестцы». «Как отправляют? Да у меня нет ничего для дороги...»

Переносное употребление формы времени глагола — грамматическая метафора — словно приближает к нам этот эпизод. Но важно, что и в этом случае действие описательно, а не повествовательно.

Однако описания, особенно динамические описания, в тексте обычно включаются в другие функционально-речевые типы, представляя фрагмент в развитии сюжетной линии в тексте. Так, Александров, показав в процитированных частях речи бесчеловечное отношение к В. Засулич, рассказывает далее, как развивались события. А для этого используются уже иные речевые приемы, иные грамматические средства.

Повествование

П о в е с т в о в а н и е — это такой способ изложения материала, при котором рассказ о событиях, явлениях ведется во временной последовательности. Вспомните известный афоризм: *Пришел, увидел, победил* — слова Юлия Цезаря о победе над понтийским царем Фарнаком в 47 г. до н. э. Эти слова часто цитируют по-латыни: *veni, vidi, vici*. Можно привести немало примеров повествования о военных походах русских самодержцев, так как изображение событий во временной последовательности обращает писателя именно к этой функционально-смысловой форме речи.

В речах адвокатов повествование обычно используется при изложении биографических данных подзащитных. Вот как, например, Александров рассказывает о жизни подсудимой до совершения ею преступления.

Вам сообщены уже о В. Засулич некоторые биографические данные: они недлинные, и мне придется остановиться только на некоторых из них. Вы помните, что с семнадцати лет, по окончании образования в одном из московских пансионов, после того как она выдержала с отличием экзамен на звание домашней учительницы, Засулич вернулась в дом своей матери. <...>В небольшой сравнительно промежуток времени семнадцатилетняя девушка имела случай познакомиться с Нечаевым и его сестрой. Познакомилась она с ней совершенно случайно, в учительской школе, куда она ходила изучать звуковой метод преподавания грамоты. Кто такой был Нечаев, какие его замыслы, она не знала, да тогда еще никто не знал его в России; он считался простым студентом, который играл некоторую роль в студенческих волнениях, не представлявших ничего политического.

В защитительной речи адвокат обращает внимание на то, что встреча с Нечаевым — известным террористом, приговоренным в 1873 г.

к двадцати годам каторги, которую он отбывал как раз в то время, когда судили Засулич, — была случайной, с его сестрой они вместе ходили на занятия. Защитник подчеркивает, что никто не знал Нечаева как организатора тайного общества «Народная расправа». Кстати, о его преступной деятельности Александров не случайно умалчивает. Таким образом, в повествовании такого рода речей отбираются факты, хотя они должны быть документально проверены.

Художники слова ценят в повествовании детали, которые помогают создать его предметно-образную конкретизацию. Покажем это на примере трагического эпизода из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

...Юрий Алексеевич перешел на поляну к телу убитого им молодого белогвардейца. На красивом лице юноши были написаны черты невинности и все простившего страдания. «Зачем я убил его?» — подумал доктор.

Он растегнул шинель убитого и широко раскрыл ее полы. На подкладке по каллиграфической прописи, сделанной старательно и любящей рукою, наверное, материнскую, было вышито: Сережа Ранцевич, — имя и фамилия убитого.

Сквозь пройму Сержиной рубашки вывалились вон и свесились по цепочке наружу крестик, медальон и еще какой-то плоский золотой футлярчик или тавлинка с поврежденной, как бы гвоздем вдавленной крышкой. Футлярчик был полуоткрыт. Из него вывалилась сложенная бумажка. Доктор развернул ее и глазам своим не поверил. Это был тот же девяностый псалом, но в печатном виде и во всей своей славянской полноте.

В это время Сережа застонал и потянулся. Он был жив. Как потом обнаружилось, он был оглушен легкой внутренней контузией. Пуля на излете ударилась в стенку материнского амулета, и это его спасло.

Подробности в такого рода повествованиях художественно значимы, они отличают сценический способ изображения картин от эпического, в котором дается обобщенный рассказ о произошедших событиях. Эпическое повествование используют репортеры, журналисты как в небольших газетных публикациях, так и в пространственных статьях.

Повествование как рассказ о событиях, явлениях, действиях людей может быть включено в тексты самые различные и по содержанию, и по стилистической принадлежности, и по жанрам. Оно присутствует в наших бытовых разговорах, в частных письмах. В публицистике так строятся информационные материалы, хроникальные сообщения; в научной речи — рассказы об экспериментах, исследованиях и судьбах ученых; в официальных документах — протокольные записи о различных происшествиях и т.д. в художественной литературе повествование — самый необходимый способ изложения, именно он служит изображению событий в развитии, описанию явлений, сменяющих друг друга. Даже в поэтических произведениях повествование занимает значительное место, если автор избирает эпические жанры. Так, в «Евгении Онегине» легко найти примеры повествования:

LI

Онегин был готов со мною
 Увидеть чуждые страны;
 Но скоро были мы судьбою
 На долгий срок разведены.
 Отец его тогда скончался.
 Перед Онегиным собрался
 Заимодавцев жадный полк.
 у каждого свой ум и толк:
 Евгений, тязбы ненавдия,
 Довольный жребием своим.
 Наследство предоставил им,

Большой потери в том не видя
 Иль предузнав издалека
 Кончину дяди старика.

LII

Вдруг получил он в самом деле
 От управителя доклад,
 Что дядя при смерти в постеле
 И с ним проститься был бы рад.
 Прочтя печальное посланье,
 Евгений тотчас на свиданье
 Стремглав по почте поскакал...

В прозе повествование составляет основную часть авторской монологической речи. Однако ни писатели, ни ораторы, как правило, не ограничиваются лишь использованием одного этого функционально-смыслового типа речи. Повествование, как и описание, обычно соединяется с другими функционально-смысловыми типами речи, образуя вместе с ними сложную структуру текста. Например, в приведенном выше отрывке из романа «Доктор Живаго» второе предложение первого абзаца построено как описание, третье иллюстрирует рассуждение. В двух строфах из «Евгения Онегина» в повествование вклинивается объяснение. В защитительной речи Александрова последнее предложение в процитированном тексте также содержит комментарий, которым адвокат хотел показать, что Засулич не знала о том, что среди ее знакомых есть преступники, которые старались вовлечь ее в террористическую деятельность.

Рассуждение

Р а с с у ж д е н и е — это такой функционально-смысловый тип речи, в котором автор стремится доказать или опровергнуть какое-либо утверждение, развить и обосновать какую-нибудь мысль. Вот характерный пример рассуждения.

Существует хотячее представление, будто бы материальная бедность общества отражается, и притом прямо, и на его духовной бедности. И наоборот: материальное изобилие влечет — или обязано влечь за собой — также и духовное богатство.

Объективные исторические наблюдения не подтверждают этого тезиса. <...>

Я был бы очень заинтересован, если бы кто-нибудь сумел убедительно показать мне, что перечисленные общества, достигшие высокого уровня общего материального благосостояния, как-то: Швеция, Голландия, Швейцария, — проявили одновременно также и подлинное духовное богатство. Правда, что они вносили и вносят кое-что в мировую науку и технику, но наука, как и техника, относится в основном к ряду не духовных, а интеллектуальных ценностей. С самого начала следует делать различие между этими двумя рядами явлений. Умностроение определенного типа, весьма ныне распространенного, не отличает духовного от интеллектуального. <...>

Если понять и усвоить это различие двух родов явлений, духовного и интеллектуального, тогда станет ясно, что духовное богатство находится отнюдь не в прямой

зависимости от богатства материального. Дурно отражаются на духовной деятельности только две крайние степени материального достатка: нищета и роскошь. Первая заставляет тратить все силы на борьбу за существование, вторая ведет к погоне за умножением богатств либо к пресыщенности, к опустошению, к затягиванию психики душевным салом (*Д. Андреев. Роза мира*).

В первом абзаце дан исходный тезис. Далее идет авторское рассуждение в отрицательной форме. Следующий абзац обосновывает высказанную мысль в обобщенной категорической форме¹.

Рассуждения, как правило, отличаются серьезным философским содержанием, они формируют наши знания об окружающем мире, заставляют задуматься над поставленной проблемой и подсказывают (или доказывают) правильный вывод.

В защитительной речи Александрова рассуждение обратило внимание судей и заседателей на то, как в частном случае — выстреле В. Засулич — отразился протест высоконравственного человека против унижения, оскорбления личности, глумления над политическим арестантом, которого высекли розгами. Вот отрывок из этой части речи.

Лишение всех прав и каторга — одно из самых тяжелых наказаний нашего законодательства... Разбойник, поджигатель, распространитель ереси, наконец, государственный преступник могут быть без явной несправедливости уравнены постигающим их наказанием.

Но есть сфера, которая не поддается праву. Куда бессилён проникнуть нивелирующий закон, где всякая законная уравнительность была бы величайшей несправедливостью. Я разумею сферу умственного и нравственного развития, сферу убеждений, чувствований, вкусов, сферу всего того, что составляет умственное и нравственное достояние человека.

Высокоразвитый, полный честных нравственных принципов государственный преступник и безнравственный, презренный разбойник или вор могут одинаково тянуть долгие годы заключения, могут одинаково нести тяжкий труд рудниковых работ, но никакой закон, никакое положение, созданное для них наказанием, не в состоянии уравнивать их во всем том, что составляет умственную и нравственную сферу человека. Что, потому, для одного составляет ничтожное лишение, легкое взыскание, то для другого может составить тяжелую нравственную пытку, невыносимое, бесчеловечное истязание.

Анализ использования частей речи в таких текстах убеждает в том, что в них господствующее положение занимают имена, причем существительные здесь преимущественно отвлеченные, в которых отражается философское содержание текста. Он лишен динамичности, поэтому глаголы не играют важной стилистической роли. Эмоциональную напряженность речи создают предложения, осложненные причастными оборотами, нагромождением однородных членов, в частности определений, выраженных прилагательными, несущими большую смысловую и эмоциональную нагрузку.

¹ Пример и комментарии из кн.: *Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003. С. 88.*

Объяснение

В теории текста выделяется объяснение как самостоятельный функционально-смысловой тип речи. Объяснение используется как способ изложения материала преимущественно в текстах учебного назначения (и прежде всего таких, которые ориентированы на детское и юношеское восприятие). Здесь рассуждение, как правило, чередуется с объяснением. Так, замечательный историк А.Ф. Петрушин в «Рассказах про старое время» рассуждает о причинах стрелецких бунтов и заговора царевны Софьи. А это требует экскурса в историю, и автор дает объяснение вражды бояр Милославских и Нарышкиных.

В то время русские цари не женились на иноземных царевнах, а всегда на русских боярышнях и дворянках. Женившись, царь держал женину родню около себя, в почете и милости. Но если приводилось царю овдоветь и потом опять жениться, то родня второй жены оттирала от него родню первой, и это не обходилось без смут и раздоров. Когда царь Алексей Михайлович женился в первый раз, родня царицы, Милославские вошли в силу; а когда царица умерла и царь взял другую жену, то на первое место при нем вышли Нарышкины. После смерти Алексея Михайловича на престол сел старший сын Федор, и Милославские опять вошли в милость и почет. Поэтому когда царь Федор умер и патриарх благословил на царство малолетнего Петра, государством приходилось править его матери, Наталье Нарышкиной. И Нарышкины становились на место Милославских. Милославские стали думать, как бы дело поправить... За это взялась молодая царевна Софья Алексеевна, дочь царя Алексея от Милославской, первой царицы»¹.

Для оратора объяснение представляет большой интерес, так как оно дает возможность воздействовать на восприятие речи аудиторией, ведь среди слушателей найдутся и такие, которым нужно растолковать ту или иную мысль, помочь оценить определенную ситуацию. Так, Александров счел необходимым объяснить трагизм положения своей подзащитной, совсем юной девушки, обреченной проводить свои лучшие годы в Петропавловской крепости.

...Для девицы годы юности представляют пору расцвета, полного развития; перестав быть дитятею, свободная еще от обязанностей жены и матери, девица живет полною радостью, полным сердцем. То пора первой любви, беззаботности, веселых надежд, незабываемых радостей, пора дружбы; то пора всего того дорогого, неуловимо-мимолетного, к чему потом любят обращаться воспоминаниями зрелая мать и старая бабушка.

Легко вообразить, как провела Засулич эти лучшие годы своей жизни, в каких забавах, в каких радостях провела она это дорогое время, какие розовые мечты волновали ее в стенах Литовского замка и казематах Петропавловской крепости. Полное отчуждение от всего, что за тюремной стеной.

Объяснение, как правило, сопутствует другим речевым формам. Покажем, как объяснение завершает повествовательную часть текста,

¹ Русская история для детей и юношества. Курск, 1996. С. 302—303.

являясь заключительным и самым сильным аккордом в изображении трагических событий — суда над Сократом, — оставивших след в памяти всего человечества.

...В самой демократической Древней Греции шесть черных фасолин, означающих шесть голосов против, подписали смертный приговор Сократу, величайшему философу всех времен и народов. Демагогия, клевета, крикливость лжецов и обманутых, коварство завистливых перевесили чашу весов справедливости (Ю. Бондарев).

Глава 11

Синтаксические средства экспрессивной речи

ЭМФАТИЧЕСКАЯ ИНТОНАЦИЯ ОРАТОРА

Русский синтаксис обладает богатейшими средствами создания эмоциональной речи — э м ф а т и ч е с к о й и н т о н а ц и и о р а т о р а. Э м ф а з а (от греч. *emphasis* — указание, выразительность) — это эмоциональное, взволнованное построение ораторской и лирической речи. Различные приемы, создающие эмпатическую интонацию, свойственны преимущественно ораторскому искусству, поэзии и почти не встречаются в эпических произведениях, причем рассчитаны не на зрительное, а на слуховое восприятие текста, позволяющее оценить повышение и понижение голоса, темп речи, паузы, т.е. все оттенки звучащей фразы. Знаки препинания способны лишь условно передать эти особенности экспрессивного синтаксиса.

Выступления талантливых ораторов, например судебные речи русских адвокатов, позволяют нам представить, как звучали их слова в зале, каков был синтаксис их речей. Возьмем для примера отрывок из выступления Ф.Н. Плевако, известного юриста и адвоката (1842—1909), красноречие которого остается примером и для современных ораторов. В.В. Вересаев вспоминает об одной из судебных речей Ф.Н. Плевако, когда тот защищал священника за преступление, которое сам подсудимый не отрицал. Речь адвоката состояла всего из нескольких фраз, которые он произнес взволнованно:

— Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил и в них сознался. О чем тут спорить? Но я обращаю внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпущал на исповеди все ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех?

Адвокат отошел к своему месту и сел. Священника оправдали¹.

¹ Вересаев В.В. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1948. С. 446—447.

Каковы особенности синтаксиса этой речи? Прежде всего обращает на себя внимание интонационное разнообразие текста — восклицания, вопросы; короткие предложения в начале абзаца, что позволяет оратору «держаться паузы» (как это делают актеры); два сложных предложения в конце речи, за которыми угадывается интонация нравоучения, которое, видимо, и прозвучало как обращение к совести, к милосердию присутствующих. Так синтаксические особенности ораторской речи, усилившие ее содержательную сторону (даже при отсутствии тропов и других экспрессивных лексических средств), помогли автору выразить свои мысли убедительно и эмоционально.

РИТОРИЧЕСКИЕ ВОСКЛИЦАНИЯ И РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Эмфатический синтаксис отличают риторические восклицания, которые заключают в себе особую экспрессию, усиливая напряженность речи. Например, у Н.В. Гоголя: *Пышный! Ему нет равной реки в мире!* (о Днепре). Таким восклицаниям часто сопутствует гиперболизация, как и в приведенном примере. Нередко они сочетаются с риторическими вопросами: *Тройка! Птица-тройка! Кто тебя выдумал?.. Риторический вопрос* — одна из самых распространенных стилистических фигур, характеризующаяся замечательной яркостью и разнообразием эмоционально-экспрессивных оттенков. Риторические вопросы содержат утверждение (или отрицание), оформленное в виде вопроса, не требующего ответа: *Не вы ль сперва так злобно гнали / Его свободный, смелый дар / И для потехи раздували / Чуть затаившийся пожар?* (Л.)

Совпадающие по внешнему грамматическому оформлению с обычными вопросительными предложениями, риторические вопросы отличаются яркой восклицательной интонацией, выражающей изумление, крайнее напряжение чувств; не случайно авторы иногда в конце риторических вопросов ставят восклицательный знак или два знака — вопросительный и восклицательный: *Ее ли женскому уму, воспитанному в затворничестве, обреченному на отчуждение от действительной жизни, ей ли не знать, как опасны такие стремления и чем оканчиваются они?!* (Бел.)

Античные ораторы очень любили этот синтаксический прием и нередко в речи нанизывали риторические вопросы, как это сделал, например, Цицерон: *О чем же мне раньше взывать? Или откуда начать свою речь? Какой или чьей просить помощи? Бессмертных богов или римский народ о заступничестве? Или вас, от которых сейчас все зависит?*

В этом примере один из видов риторических вопросов: оратор задает их для того, чтобы обозначить последовательность своего вы-

ступления, ход мыслей. В античной риторике такая фигура называлась **г и п о ф о р о й**.

Выделялся и **д е л и б е р а т и в н ы й** вопрос, который говорящий задает самому себе, словно раздумывая, о чем и как повести речь. Эту риторическую фигуру использовал С. Есенин в «Письме от матери»: *Чего же мне / Еще теперь придумать, / о чем теперь / Еще мне написать? Передо мной / На столике угрюмом / Лежит письмо, / Что мне прислала мать.*

Современные ораторы прибегают к риторическим вопросам, если по каким-либо причинам не хотят или не могут сказать о чем-то прямо. В таком случае оратор надеется, что аудитория сама догадывается, каков должен быть ответ. Так, академик Д.С. Лихачев на **I съезде народных депутатов СССР** сказал: *Вчера в обеденный перерыв я ходил в реставрационные мастерские Кремля, лазил по железной приставной лестнице на чердачное помещение. Интересно, кто из министров культуры ходил в эти мастерские? Я думаю, что и забраться туда им было трудно.*

Не говорить прямо Лихачева вынудила его высочайшая интеллигентность. И вместо обвинений он прибегнул к практически объективной оценке, со спокойной, взвешенной интонацией. Именно так должен говорить воспитанный человек, владеющий ораторским искусством.

Риторические восклицания в сравнении с риторическими вопросами менее употребительны в ораторской речи, к ним прибегали революционеры на митингах, на демонстрациях. И.А. Бунин цитирует их речи с отвращением.

Вечерел темный, короткий, ледяной и мокрый день поздней осени, хрипло кричали вороны. Москва, жалкая, грязная, обесчещенная, расстрелянная и уже покорная, принимала будничныи вид.

Поехали извозчики, потекла по улицам торжествующая московская чернь. Какая-то паскудная старушонка с яростно-зелеными глазами и надутыми на шею жилами стояла и кричала на всю улицу:

— Товарищи, любезные! Бейте их, казните их, топите их!
Я постоял, поглядел — и побрел домой¹.

В иных случаях риторическим восклицанием выражается сомнение в значении положительного по форме высказывания: *От тебя услышишь правду! Как же, любит он ее! Дождешься от тебя помощи!*

СМЕЩЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ И ЕЕ НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ

Эмфатическую интонацию создают различные случаи нарушения замкнутости предложения. В стилистике рассматривается с м е щ е н и е с и н т а к с и ч е с к о й к о н с т р у к ц и и. Сущность этого стилистиче-

¹ Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990. С. 168.

ского приема заключается в том, что конец предложения дается в ином синтаксическом плане, чем начало. Например: *Священники, мечети — их совсем незаметно на бойком фоне новых зданий, зеркальных витрин, кино-реклам* (Кольц.) (вместо ожидаемого после первых слов предложения: *...они совсем незаметны...*); *Лица людей — у турок и турчанок спокойный, нормальный, без резких черт, европейский склад лиц* (там же).

Поэты ценят эту риторическую фигуру, когда стремятся показать волнение своих героев, приводя их прямую речь. Так, в «Евгений Онегине» Пушкина: *А мне, Онегин, пышность эта, / Постылой жизни мишура, / Мои успехи в вихре света, / Мой модный дом и вечера, / Что в них? Я променять бы рада...* Другой пример: *Те пламенные речи, те призраки, что увлекали нас, давно их нет!* (Пол.)

Смещение синтаксических конструкций случается в речи современных журналистов, ораторов, когда они обращаются к эмфатическому синтаксису. Например, М. Жванецкий говорит:

— Очень тяжело переживаю разочарование в людях. Писательница наша великая, самая лучшая писательница живет в Америке... *Ну кушает лучше, ну, может быть, дети, образование, я не знаю.* Говорить об этом — тяжелые муки. Это и есть разочарование в людях. Они потратили много сил, чтобы произошла эта революция, чтобы победила эта свобода, и вот сейчас, воспользовавшись этим, они отвалили и сидят там, и транслируют сюда по радио и что-то говорят: «...мы страдаем, наш народ. Мы до сих пор не можем никак выкарабкаться...» Кто мы? Вы-то выкарабкались уже. Как вы можете говорить?! *Любимые мои Коротич или Надеин.* Как это вы не выкарабкались? «Мы не можем, у нас такая ментальность...» Я уже не могу все это слушать, для меня это разочарование. Как для меня глубокое разочарование — это когда люди, попав в парламент, начинают занимать места не по характеру, а по свободным местам. Есть свободное место сволочи. Вот он занимает. Свободное место мерзавца — занимает. Свободное место колеблющегося, свободные стулья. Роли... (Разочарования)¹.

В этой миниатюре М. Жванецкого представлены и другие приемы создания эмфазы — риторические вопросы, восклицание, прямая речь, неполные предложения.

К смещению синтаксической конструкции близка ее *н е з а в е р ш е н н о с т ь*, по античной терминологии *а п о с и о п е з а* (*а п о с и о п е з и с*): *Любимые мои Коротич или Надеин... Роли...* За такими номинативами можно предположить богатый подтекст, но оратор представляет его домыслить слушателям. Эту риторическую фигуру можно встретить и в русской классической прозе. Например: *Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать — и пройти мимо* (Т.).

Незавершенность синтаксической конструкции в устной речи дополняется *ф и г у р о й у м о л ч а н и я* с характерной для нее интонацией. Вспомним «Стихи о советском паспорте» В. Маяковского: *К любым чертям с матерями катись любая бумажка. Но эту...*

¹ Цит. по кн.: Александров Д.Н. Риторика, или Русское красноречие. М., 2003. С. 105.

Умолчание может быть вызвано разными причинами: нерешительностью говорящего, который должен сказать то, о чем не принято говорить (*Нет, я хотел... быть может, вы... я думал, / Что уж барону время умереть — П.*), или неумением точно сформулировать мысль:

Я знаю, никакой моей вины
 В том, что другие не пришли с войны,
 В том, что они — кто старше, кто моложе —
 Остались там, и не о том же речь,
 Что я их мог, но не сумел сберечь, —
 Речь не о том, но все же, все же, все же...
 (А.Т. Твардовский)

В ораторской речи прием умолчания может создать неясность, поэтому пользоваться им нужно очень осторожно. В то же время следует подчеркнуть, что умолчание представляет собой прекрасный повод для того, чтобы заинтриговать слушателей. В античной риторике умолчание рассматривалось среди фигур убавления. Обращение к этой риторической фигуре рекомендовалось в следующих случаях:

а) для того чтобы слушатели сами восстановили то, что не сказано: *Власть уже столько своих обещаний не выполнила... (опущено: скорее всего, не выполнит и это);*

б) для того чтобы напомнить известное высказывание, афоризм, поэтический пример, но без полного его цитирования;

в) для того чтобы выразить намек или угрозу;

г) для того чтобы привлечь внимание тех, кто невнимательно слушает оратора.

Прервать свою речь и начать говорить о чем-то другом — это достаточно эффективный прием, который иногда срабатывает в ситуации, когда оратор вынужден долго говорить¹.

Следует также заметить, что иногда оратор сообщает слушателям, что не станет говорить о том или ином факте, но тут же называет его. Например: *Я не буду говорить о том, что вы невоспитанны и ведете себя непристойно. Замечу лишь, что в этой ситуации надо уметь сдерживаться...* Такой ораторский прием некоторые авторы риторик также называют «фигурой умолчания» «в более широком смысле». Однако с таким употреблением этого термина согласиться нельзя. Подобные высказывания не могут быть отнесены и к фигурам убавления.

Фигурой, противоположной апопсиопезису, является пропсиопезис — пропуск начальных слов высказывания, цитирование известных афоризмов, пословиц не с начала, а с середины. Например: *А бес в ребро; Родись счастливым; Люби и саночки возить* (заголовки). Такие фигуры стимулируют интерес читателя к материалам, которые предла-

¹ Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика. С. 254.

гает автор публикации. Однако в устной речи эта риторическая фигура не оправдана: аудитория предпочитает услышать всю фразу целиком, требуя ясности речи от оратора.

Из других фигур убавления назовем *а п о к о й н ы́* — свойственное разговорной речи объединение двух предложений в одно высказывание, содержащее общий член (*Там сидит человек вас ждет*).

Особый интерес в экспрессивной речи представляет *э л л и п с и с* — пропуск какого-либо члена предложения, который легко подразумевается. Например: *Дан приказ ему на запад, ей — в другую сторону* (Ис.); *Пороша. Мы встаем, и тотчас — на коня* (садимся), / *И рысью по полю при первом свете дня* (скачем) (П.). Обычно опускается сказуемое, что придает речи динамизм, помогает изобразить стремительные действия: *Татьяна — ах! Медведь за ней* (П.); *Мужики — за топоры* (А.Т.).

Из других фигур убавления назовем еще *з е в г м у* — синтаксический прием экономии языковых средств, состоящий в том, что слово, образующее однотипные сочетания с несколькими разными словами, фигурирует в высказывании только один раз — в начале, в середине или в конце высказывания. Соответственно различают *протозевгму* (*Один ведерком черпает, другой — шапкой, третий горстями*), *мезозевгму* (*Один — ведерком, другой шапкой черпает, третий — горстями*) и *гипозевгму* (*Один — ведерком, другой — шапкой, третий горстями черпает*)¹. Чаще всего используется протозевгма: *Конечно, проще всего было пойти деканату навстречу: двоек не ставить совсем, троек минимум, четверок и пятерок по требованию* (И. Грекова).

Зевгма обладает широкими изобразительными возможностями, передавая концентрацию мысли на определенных ключевых моментах, заостряя на них наше внимание: *Ах, как тоскует по пахоте плуг, / Пашня — по лугу, / Море — по Бугу, / По северу — Юг, / Все — друг по другу* (Паст.).

ФИГУРЫ ПРИБАВЛЕНИЯ

В отличие от фигур убавления, в античной риторике выделялись **фигуры прибавления**, объединяющие различные синтаксические приемы усиления эмоциональности речи. Начнем их изучение с самых распространенных — *о д н о р о д н ы х ч л е н о в п р е д л о ж е н и я*. Обращение к ним может быть обусловлено различными целями автора, поэтому не всегда перечисление создает эмфатическую интонацию. Однако в ораторской речи, в художественном тексте нанизывание однородных членов всегда экспрессивно. С помощью этого синтаксического приема А. Куприн старался объяснить своему собеседнику понятие Родины:

¹ Солганик Г.Я. Практическая стилистика. М., 2006.

— Родина? Она вот что... — сказал я и на минуту задумался. — Родина — это первая испытанная ласка, первая сознательная мысль, осенившая голову, это запах воздуха, деревьев, цветов и полей, первые игры, песни и танцы. Родина — это прелесть и тайна родного языка. Это последовательные впечатления бытия: детства, отрочества, юности, молодости и зрелости. Родина — как мать. ...Почему так радостно и гордо делается на душе, когда наблюдаешь, понимаешь и чувствуешь, как твоя Родина постепенно здорoveет, богатеет и становится мощной. Нет, я все-таки говорю не то, что нужно. Чувство Родины — это необъяснимое. Оно — шестое чувство. Детские хрестоматии учили нас, что человек обладает пятью чувствами.

Зрением, слухом, обонянием, осязанием и вкусом, — подсказал матрос.

— Так. Ну, а вот родина — это шестое чувство, и природа его так же необъяснима, как и природа первых пяти¹.

Нанизывание однородных сказуемых-глаголов отражает последовательность действий, как в рассказе чеховского героя, который сравнивает чтение лекций с действиями дирижера.

Хороший дирижер, передавая мысль композитора, делает сразу двадцать дел: *читает* партитуру, *машет* палочкой, *следит* за певцом, *делает* движение в сторону то барабана, то валторны и проч. То же самое и я, когда читаю. Предо мною полтора лица, непохожих одно на другое, и триста глаз, глядящих мне прямо в лицо. Цель моя — победить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имею ясное представление о степени ее внимания и о силе разумения, то она в моей власти.

Нанизыванием однородных членов можно отразить быструю смену картин: [*Татьяна*] *летит, летит, взглянуть назад / Не смеет. Мигом обежала / Куртины, мостики, лужок, / Аллею к озеру, лесок. / Кусты сирень переломала, / Летя по цветникам к ручью...* (П.) Отсутствие союзов определяет особую интонацию: отрывистое произнесение слов, придающее речи динамизм.

В эмоциональной ораторской речи прием перечисления ключевых слов также усиливается другими риторическими фигурами.

Покажем это на примере защитительной речи П.А. Александрова, доказывающего нравственную чистоту своей подзащитной террористки.

С чувством *глубокого, непримиримого* оскорбления за нравственное достоинство человека отнеслась Засулич к известию о позорном наказании Боголюбова.

Что был для нее Боголюбов? Он *не был для нее родственником, другом*, он *не был ее знакомым*, она *никогда не видела и не знала его*. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть *сестрой, женой, любовницей*? Для Засулич Боголюбов был политический арестант, и в этом слове было для нее все: политический арестант *не был для Засулич отвлеченное представление, вычитываемое из книг, знакомое по слухам, по судебным процессам*, — представление, возбуждающее в честной душе *чувство сожаления, сострадания, сердечной симпатии*.

Употребление однородных членов в устной речи (в данном случае в выступлении оратора) влияет на интонационный рисунок фразы,

¹ Юность. 1988. №3. С. 43.

создавая особую гармоничность звучания текста, упорядоченность в расположении сопоставленных слов. Это ценили писатели, придающие эстетическое значение звучанию речи, стремясь к т р е х ч л е н н ы м построениям сочиненных рядов. Например: *Странный, резкий, болезненный крик раздался вдруг...* (Т.); *Наступила дождливая, грязная, темная осень* (Ч.).

В иных случаях обращение к однородным членам усложняет, «отяжеляет» синтаксические конструкции, что нежелательно для фоники устной речи, но в художественном произведении это может стать выразительным средством — отразить тягостное впечатление изображенных картин. Это можно проиллюстрировать описанием подземных игровых залов в переводе романа Алена Роб-Грийе «Проект революции в Нью-Йорке». Живописны здесь тропы, помогающие читателю представить завсегдатаев этих «увеселительных» мест и гнетущую их атмосферу (первые два абзаца), а нанизывание однородных членов предложения передает растерянность, подавленность человека, случайно оказавшегося в этом страшном месте (третий абзац).

Мертвенно-бледный свет неоновых ламп завершает их сходство (людей) с большими или наркоманами; кожа белых и негров приобрела почти одинаковый металлический оттенок. В большом зеленоватом зеркале на одной из витрин возникает мое собственное точно такое же изображение.

При этом у молодых и старых есть одна общая отличительная черта, а именно чрезвычайная замедленность всех движений — небрежно-напускная разболтанность у одних, чрезмерно-тяжелая неповоротливость у других — из-за чего каждую секунду возникает опасение, что они могут упасть в окончательную и бесповоротную неподвижность. Вдобавок здесь поразительно тихо: ничто — ни крики, ни слишком громкие голоса, ни любой другой шум — не пробивает ватного безмолвия, нарушаемого только клацанием рычагов и сухим потрескиванием цифр, показывающих набранные очки.

Ибо эта подземная зала, по-видимому, целиком отведена для игр: с каждой стороны широкого центрального прохода располагаются большие холлы, где длинными рядами стоят автоматы кричащих расцветок: машины, глотающие и извергающие монеты, чьи таинственные щели разрисованы таким образом, чтобы придать им как можно большее сходство с женскими половыми органами; аппараты для азартных игр, позволяющие проиграть за десять секунд и несколько центов тысячи воображаемых долларов; механический раздатчик познавательных фотографий, изображающих сцены войн или совокуплений; электрический бильярд со световым табло, где представлены виллы и роскошные автомобили — они вспыхивают пламенем после каждого удачного удара по стальному шару, летящему в лузу; тир, в котором из ружья со световым лучом расстреливаются попавшие в кадр прохожие, гуляющие по улице; мишень для оперенных дротиков, представляющая собой обнаженную красивую девушку, распятую на заборе в виде креста Святого Андрея; автомобильные гонки, электрический бейсбол, волшебный фонарь для просмотра фильмов ужасов и т.п.

В юмористическом тексте возможно употребление в качестве однородных членов несопоставимых предметов: *Лев Саввич Турманов, дюжинный обыватель, имеющий капиталец, молодую жену и солидную плешь, как-то играл на именинах у приятеля в винт* (Ч.); или родовых и видовых понятий: *Его любили домашние хозяйки, домашние работни-*

цы, вдовы и даже одна женщина — зубной техник (И. и П.). Этот прием был известен и в античной риторике под названием «к а л а м б у р - а м ф и б о л и я» (*Пил чай с лимоном, с женой и с удовольствием*).

Напомним еще некоторые хорошо известные синтаксические средства, используемые в стилистических целях. К ним относятся слова, грамматически не связанные с членами предложения — о б р а щ е н и я (*Милая, старая, добрая, нежная, с грустными думами ты не дружись. — Ес.*); в в о д н ы е с л о в а [*Но, к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша* (П.); *И, кроме свежесмытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо* (М.)]; в с т а в н ы е к о н с т р у к ц и и [...*Быть может / лестная надежда! / Укажет будущий невежда / На мой прославленный портрет / И молвит: то-то был поэт!* (П.); *Глянул — в ней неразрезанная узда, а к узде привязанный — о ужас! волосы его поднялись горю!* — *кусок красного рукава* (Г.)].

В античной риторике вводные слова, словосочетания, вставные предложения объединялись в одной фигуре — п а р е н т е з е. Сущность ее заключалась в том, что плавное течение речи прерывалось вставкой. Это создавало впечатление живого мышления, придавало речи оратора разговорные интонации. Например: *Когда нам льстят, то хвалят наше русское гостеприимство, когда нас бранят — а когда нас не бранят? — про нас говорят, что единственно хорошую нашу сторону — гостеприимство — мы разделяем с племенами, стоящими на низкой ступени культуры* (А.Ф. Кони).

Парентеза может отразить неуверенность автора в точности сообщаемого: *И каждый вечер, в час назначенный (Иль это только снится мне?) девичий стан, шелками схваченный, в туманном движется окне* (Бл.). В иных случаях парентеза — это способ дать дополнительные пояснения к сказанному, его эмоциональную оценку, выразить одобрение или удивление. Эта фигура обогащает речь интонационно, придавая ей дополнительную экспрессивную окраску.

Разговорные интонации в речи создают п р и с о е д и н и т е л ь - н ы е к о н с т р у к ц и и, т.е. такие, в которых к основной мысли присоединяются дополнительные замечания, образующие уточняющий ассоциативный ряд. Например: *Я признаю роль личности в истории. Особенно если это президент. Тем более президент России¹; Действовать, действовать надо. Плакать потом. Ночью. Когда-нибудь* (Н. Ильина). Такие присоединения возможны и в составе одного предложения, тогда они употребляются с союзами: *да и, но и, как и, и чтобы, и притом* и др. Например: *Нет, я его не видел, да его и видеть нельзя* (Т.); *Деточки мои милые, какие же вы все молоденькие, да худые, да как же мне вас всех*

¹ Известия, 1997. 29 января.

жалко (Г.-М.). Такие «синтаксически несамостоятельные отрезки текста, но предельно самостоятельные интонационно, оторванные от породившего их предложения, приобретают большую выразительность, становятся эмоционально насыщенными и яркими»¹.

Отличие от присоединительных конструкций, которые всегда постпозитивны, на первом месте стоит **и м е н и т е л ь н ы й п р е д с т а в л е н и я** (и з о л и р о в а н н ы й н о м и н а т и в), называющий тему последующей фразы и призванный пробудить особый интерес к предмету высказывания, усилить его звучание: *Москва! Как много в этом звуке / Для сердца русского слилось, / Как много в нем отозвалось!* (П.) При чтении такой фразы первое слово отделяется от остального текста эмфатической паузой.

Преимущественно в поэтической речи используется **п а р ц е л ь я** (от лат. *particula*) — стилистический прием расчленения фразы на части или даже на отдельные слова, которые произносятся отрывисто, с повышением интонации. Например, в комедии Грибоедова «Горе от ума»: *Губители карманов и сердец! / Когда избавит нас творец / от шляпок их! чепцов! и шpileк! и булавок! / И книжных и бисквитных лавок!*; у П.А. Антокольского: *И снова. Гулливер. Стоит. Сутулясь*. Выделение каждого слова или словосочетания в отдельное предложение придает им исключительную силу.

Для интонационного и логического подчеркивания выделяемых предметов используется выразительная стилистическая фигура — **м н о г о с о ю з и е** (полисиндетон). Повторяются обычно сочинительные, соединительные союзы *и, ни*: *Перед глазами ходил океан, и колыхался, и гремел, и сверкал, и угасал, и уходил куда-то в бесконечность...* (Корол.). Большую выразительность обретают строки, в которых рядом с многосоюзием применяется противоположный ему стилистический прием — **б е с с о ю з и е** (асиндетон): *Был тиф, и лед, и голод, и блокада. / Все кончилось: патроны, уголь, хлеб. / Безумный город превратился в склеп, / Где гулко отдавалась канонада* (Шенг.). Отсутствие союзов придает высказыванию стремительность; вспомним пушкинские строки: *Мелькают мимо будки, бабы, / Мальчишки, лавки, фонари, / Дворцы, сады, монастыри, / Бухарцы, сани, огороды, / Купцы, лачужки, мужики, / Бульвары, башни, казаки, / Аптеки, магазины моды, / Балконы, львы на воротах / И стаи галок на крестах*. Этот отрывок из «Евгения Онегина» рисует быструю смену картин, предметы поистине *мелькают!* Но возможности бессоюзия и многосоюзия разнообразны, эти приемы использовал поэт, описывая динамику Полтавского боя: *Швед, русский — колет, рубит, режет, / Бой барабанный, клики, скрежет, / Гром пушек, топот, ржанье, стон, / И смерть, и ад со всех сторон* (П.). Вспомним еще один яркий пример сочетания различных

¹ Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1991. С. 199.

функций многосоюзия (к тому же и «многопредложия») и бессоюзия у Пушкина: *В глуши, во мраке заточенья / Тянулись тихо дни мои / Без божества, без вдохновенья, / Без слез, без жизни, без любви.* Здесь бессоюзие и многопредложие передают замедленное течение жизни, ее однообразие. А в следующих строчках — *Душе настало пробужденье, / И вот опять явилась ты, / Как мимолетное виденье, / Как гений чистой красоты. / И сердце бьется в упоенье, / И для него воскресли вновь / И божество, и вдохновенье, / И жизнь, и слезы, и любовь* — многосоюзие снимает представление о монотонности жизни, подчеркивая ее яркость, разнообразие.

Среди других фигур прибавления заслуживают внимания такие, в основе которых употребление синтаксических структур. В поэтической речи встречается п а р а л л е л и з м — одинаковое синтаксическое построение соседних предложений или отрезков речи:

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.

(А.С. Пушкин)

Синтаксический параллелизм нередко усиливают риторические вопросы и восклицания, например: *Бедная критика! Она любезности училась в девичьих, а хорошего тона набиралась в прихожих: удивительно ли, что «Граф Нулин» так жестоко оскорбил ее тонкое чувство приличия?* (Бел.); *Базарову все эти тонкости непонятны. Как это, думает он, готовить и настраивать себя к любви? Когда человек действительно любит, разве он может грациозничать и думать о мелочах внешнего изящества? Разве настоящая любовь колеблется? Разве она нуждается в каких-нибудь внешних условиях места, времени и минутного расположения, вызванного разговором?* (Пис.)

Параллельные синтаксические конструкции нередко строятся по принципу а н а ф о р ы (единоначатия). Так, в последнем из примеров видим анафорическое повторение слова *разве*, в стихотворном пушкинском тексте единоначатия — *в синем небе... в синем море.* Классический пример анафоры являют лермонтовские строки: *Я тот, которому внимала / Ты в полуночной тишине, / Чья мысль душе твоей шептала, / Чью грусть ты смутно отгадала, / Чей образ видела во сне. / Я тот, чей взор надежду губит; / Я тот, кого никто не любит; / Я бич рабов моих земных, / Я царь познания и свободы, / Я враг небес, я зло природы...*

Риторическая фигура х и а з м (от греч. *chiasmus* — крестообразное расположение в виде греческой буквы «хи») заключается в том, что в двух соседних предложениях или словосочетаниях, построенных на синтаксическом параллелизме, второе строится в обратной последовательности. Например: *Поэзия грамматики и грамматика поэзии* (Р. Якобсон). Форму хиазма имеют знаменитые афоризмы: *Вы живете,*

чтобы есть, а я ем, чтобы жить; Вы работаете, чтобы жить, а я живу, чтобы работать (А. Вергинский); *Шути любя, но не люби шутя; Не говори всего, что знаешь, но знай все, что говоришь*. Хиазм может усилить и речь юриста: *Доказательства смерти без самой смерти — это намного сложнее, чем сама смерть без доказательства* (ТВ).

А н т и т е з а — риторическая фигура противопоставления — описана нами в общих чертах при анализе стилистических функций антонимов. Однако в античной риторике к антитезе относились и другие случаи противопоставления взаимоисключающих друг друга понятий, действий, отражающие отношение оратора к окружающей действительности. Такую антитезу использовал А.И. Солженицын в речи при вручении ему премии «Фонда Свободы» в Америке.

В такой ситуации, как сегодня, легче всего поддаться декламации о мрачных пропастях тоталитаризма и восхвалению светлых твердынь западной свободы. Гораздо трудней, но и плодотворней посмотреть критически на самих себя. Если область свободных общественных систем на Земле все сужается и огромные континенты, недавно как будто получавшие свободу, утягиваются в область тираний, то в этом виноват не только тоталитаризм, для которого проглатывать свободу есть функция естественного роста, но, очевидно, и сами свободные системы, что-то утерывшие в своей внутренней силе и устойчивости.

Подобные противопоставления часто встречаются у писателей, например: *Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник* (Т.); *Вузовская жизнь, как и всякая другая, имеет две стороны: действительную и мнимую, реальную и бумажную* (И. Грекова).

Антитеза — это прием, используемый автором для разъяснения, уточнения своей мысли, его рассматривают как «способ разворачивания мысли»: *Наука химия похоронила алхимию, наука астрономия — астрологию, как вообще подлинная наука вытесняет лженауку, как разум побеждает мракобесие* (Д. Заславский).

Параллельно с антитезой в античной риторике рассматривались «похожие» стилистические фигуры, одна из них — **а м ф и т е з а** — сочетание двух контрастных качеств, которые приписывают одному и тому же предмету, лицу:

Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время, — век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы; это была весна надежд, это была стужа отчаяния. У нас было все впереди, у нас впереди ничего не было, мы то витали в небесах, то обрушивались в преисподнюю... (Ч. Диккенс)

Другая разновидность антитезы — **д и а т е з а**, в которой предмет оценивается на основании исключения противоположных качеств: *Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так* (Выс.). Классический прием диатезы находим у Гоголя: *В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод*.

Выделялась и **п а р а д и с т о л а**, которая заключается в противопоставлении близких по значению слов, в которых автор подчеркивает различные смысловые оттенки: *Реформа завязла, но не остановилась; Это бедность, но не нищета — жить можно!* При этой разновидности антитезы противопоставляться могут и синонимы: *Уста и губы — суть их не одна. / И очи вовсе не гляделки! / Одним доступна глубина, / Другим — глубокие тарелки* (Марк.).

Д и а ф о р а (д и с т и н к ц и я) — самая крайняя разновидность этой группы антитез: она заключается в противопоставлении одного и того же слова: *Есть компромиссы и компромиссы; Война — войне* (Ленин); *Сила силе доказала. / Сила силе не ровня. / Есть металл прочней металла. / Есть огонь сильнее огня* (Твард.); *Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал* (Выс.).

Выделяются и **г р а м м а т и ч е с к и е а н т и т е з ы**, которые заключаются в противопоставлении грамматических категорий, например временных форм глагола: *Наша жизнь проходила в постоянной борьбе за выживание. Не проходила, а проходит! Ведь пропасть между богатыми и бедными все увеличивается.*

В античной риторике такие противопоставления внутрикатегориальных грамматических значений имели особое назначение, это **а л л е о т е т ы**¹. Например: *О светлый, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал ее* (Дост.); *Однажды Мгеладзе (городничий) забрался к жене местного казначея... но был застигнут ревнивецем-мужем. Произошла баталия, во время которой Мгеладзе не столько сражался, сколько был сражаем* (С.-Щ.); *у него изъято пятьдесят с лишним тысяч ворованных рублей. Собирал, собирал, все мечтал остановиться, да так и не смог — остановили.* (Из зала суда.²)

Близкую антитезе фигуру — **а н т и ф р а з и с** (употребление слов в противоположном значении) мы также описывали в разделе лексики. Однако эта риторическая фигура используется и как синтаксический прием, и тогда уже не отдельные слова, а предложения, сложные синтаксические целые и даже вся речь по способу выражения мысли и по отношению ее к предмету, ее содержанию должны пониматься «с точностью до наоборот»: за выражаемым автором уважением скрывается презрение, за серьезностью — насмешка, за утверждением тех или иных событий — их отрицание. И во всей речи сквозит ирония, которая передается соответствующей интонацией. Синтаксический прием, рассматриваемый античными риториками как фигура антифразис, иллюстрируем примером речи римского оратора Антония.

¹ Хазагеров Г.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов н/Д. 1994. С. 93. (Примеры авторов.)

² Известия. 1986. № 238.

А н т о н и й: Друзья, сограждане, внемлите мне. / Не восхвалять я Цезаря пришел, / а хоронить. Ведь зло переживает / Людей, добро же погребают с ними. / Пусть с Цезарем так будет. Честный Брут / Сказал, что Цезарь был властолюбив. / Коль это правда, это тяжкий грех. / За это Цезарь тяжко поплатился. / Здесь с разрешения Брута и других, — / а Брут ведь благородный человек, / И те, другие, тоже благородны, — / Над прахом Цезаря я речь держу. / Он был мне другом искренним и верным, / Но Брут назвал его властолюбивым, / а Брут весьма достойный человек. / Гнал толпы пленников к нам Цезарь в Рим, / Их выкупом казну обогащая, / И это тоже было властолюбием? / Стон бедняка услыша, Цезарь плакал, / а властолюбие жестче и черствей; / Но Брут назвал его властолюбивым, / а Брут весьма достойный человек. / Вы видели, во время Луперкалий / Я трижды подносил ему корону, / И трижды он отверг — из властолюбия? / Но Брут назвал его властолюбивым, / А Брут весьма достойный человек. / Что Брут сказал, я не опровергаю. / Но то, что знаю, высказать хочу. / Вы все его любили по заслугам, / Так что ж теперь о нем вы не скорбите? / О справедливость! Ты в груди звериной, / Лишились люди разума. Простите. / За Цезарем ушло в могилу сердце. / Позвольте выждать, чтоб оно вернулось.

П е р в ы й г р а ж д а н и н: в его словах как будто много правды. / В т о р о й г р а ж д а н и н: Выходит, если только разобраться, / Зря Цезарь пострадал. / Т р е т и й г р а ж д а н и н: а я боюсь, / Его заменит кто-нибудь похуже. / Ч е т в е р т ы й г р а ж д а н и н: Вы слышали? Не взял короны Цезарь; / Так, значит, не был он властолюбив.

П е р в ы й г р а ж д а н и н: Тогда они поплатятся жестоко (Перевод М. Зенкевича).

По приведенным здесь же репликам граждан Рима, оценивающим речь Антония, видно, что антифразис был правильно понят: они разобрались в том, какова же истинная оценка происшедшего события и самого Цезаря, который оказался жертвой «звериной» злобы и напрасно доверял Бруту.

К фигурам противоречия следует отнести к о р р е к ц и ю, состоящую из трех компонентов: 1) утверждения; 2) отрицания выдвинутого положения или выражения сомнения по поводу его; 3) усиленного утверждения первого высказывания. Например: *Он любил ее! Нет, это нельзя назвать любовью, иначе он не поступил бы так жестоко с любимой женщиной. Но он давно раскаялся и просит ее вернуться... Да, он любил ее и до сих пор любит самозабвенно!* (Из речи в суде.)

Еще один любопытный пример:

Украина стала *независимой и богатой* державой. Какая независимость? *Она полностью зависит* от российского Газпрома! Какие богатства, если *все полезные ископаемые из ее недр были расхищены* в советские времена? Нет, своего газа им хватит для бытовых нужд, а для обеспечения промышленности они могут получать его и из Туркменистана. И хотя много угля и других ископаемых из Украины давно вывезено, но теперь у них открыты месторождения алмазов, которые не уступают богатейшим африканским алмазным рудникам. Так что *независимость и богатство Украины — это не призрачные мечты, а реальность!* (Из газ.)

Эта риторическая фигура особенно выразительна в устной речи, благодаря соответствующей интонации, передающей утверждение, отрицание, убежденность.

Интонация играет важнейшую роль и при использовании г р а д а ц и и — одной из важнейших риторических фигур. Ее мы иллюстрировали, показывая стилистические функции синонимов; теперь мы

рассмотрим градацию на синтаксическом уровне — как в ы с к а з ы в а н и е, в к о т о р о м п о с л е д о в а т е л ь н о п р и в о д я т с я д а н н ы е, у с и л и в а ю щ и е (и л и о с л а б л я ю щ и е) о с н о в н у ю м ы с л ь. Так, в защитительной речи П.А. Александрова по делу Засулич градация помогает адвокату убедить аудиторию в недопустимости наказания розгами политического заключенного.

Человек, по своему рождению, воспитанию и образованию чуждый розги; человек, глубоко чувствующий и понимающий все ее позорное и унижительное значение; человек, который по своему образу мыслей, по своим убеждениям и чувствам не мог без сердечного содрогания видеть и слышать исполнение покорной экзекуции над другими, этот человек сам должен был перенести на собственной коже всеподавляющее действие унижительного наказания.

Указывая на нагнетение эмоционального напряжения при градации, античные риторы употребляли термин *к л и м а к с* (подъем), а отмечая ослабление, — термин *а н т и к л и м а к с* (спуск). Вторая разновидность градации встречается реже, приведем ее пример из художественных произведений: *Мне завещал отец, во-первых, / Угождать всем людям без изъятия: / Хозяину, где доведется жить, / Слуге его, который чистит платья, / Швейцару, дворнику, во избежанье зла, / Собачке дворника, чтоб ласкова была* (Гр.); *Рыбу ловят в океанах, морях, реках, прудах, а под Москвой также в лужицах и канавах.* (Ч.)

Журналисты с помощью нарастающей градации показывают масштабность описываемых событий: *Внезапный хаос первоиздания расширил, увеличил, сделал громадным старинный дом* (о Таврическом дворце), *вместил в него всю Революцию, всю Россию* (М. Кольцов).

Градацию ценят и поэты, вспомним пушкинские строки — объяснение Онегина с Татьяной:

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый, —
То, верно б, кроме вас одной
Невесты не искал иной.

В этом тексте интересна не только градация, но и другие риторические фигуры. Повторение слов в начале каждого придаточного предложения — это анафора, а все сложноподчиненное предложение — классический пример периода.

ПЕРИОД И ДРУГИЕ РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ

П е р и о д о м называется гармоническая по форме сложная синтаксическая конструкция, характеризующаяся особой ритмичностью

и упорядоченностью частей, а также исключительной полнотой и завершенностью содержания. А.П. Квятковский, называет в качестве примеров периода классические произведения: «Когда порой воспоминанье...» Пушкина (26 строк), «Когда волнуется желтеющая нива...» Лермонтова (16 строк), «О, долго буду я, в молчанье ночи тайной...» А. Фета (12 строк) и его же «Когда мечтательно я предан тишине...» (20 строк), — и утверждает: «Стихотворение, написанное в форме периода, свидетельствует о широте поэтического дыхания автора и о большом зрелом мастерстве», позволяющем «совладать со сложной аппаратурой стиха, включающей в себя несколько строф»¹.

Учение о периоде как о средстве эмфатической интонации разрабатывалось еще в античной риторике. Своим названием период обязан интонации в сложной синтаксической конструкции: вначале голос плавно поднимается, как бы описывая кривую линию, затем достигает высшей точки на главной части высказывания, после чего резко снижается, возвращаясь к исходной позиции, замыкая линию (п е р и о д — от греч. *periodos* — обход). Композиционно период распадается на две взаимно уравновешенные части: первая характеризуется повышением интонации, вторая — понижением, что определяет гармоничность и интонационную завершенность периода. По содержанию период представляет одно целое, развивает одну тему, раскрывая ее с известной полнотой и разносторонностью. Основное положение в периоде передается расчлененно, что позволяет осмыслить его разные стороны, оттенки. (Вспомните стихотворение А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Это период.) Музыкальность и ритмичность периода достигаются его структурой: он состоит из нескольких однотипных, соразмерных синтаксических единиц, часто имеющих одинаковые союзы, сходное грамматическое построение, приблизительно одинаковый размер. Повторение их создает ритмический рисунок речи.

Чаще всего период строится как сложноподчиненное предложение с однородными придаточными, которые стоят вначале. Например:

Когда он в первый день, встав рано утром, вышел на заре из балагана и увидел сначала темные купола, кресты Новодевичьего монастыря, увидел морозную росу на пыльной траве, увидел холмы Воробьевых гор и извивающийся над рекой и скрывающийся в лиловой дали лесистый берег, когда ощутил прикосновение свежего воздуха и услышал звуки летевших из Москвы через поле галок, и когда потом вдруг брызнуло светом с востока, и торжественно выплыл край солнца из-за тучи, и купола, и кресты, и роса, и даль, и река, — все заиграло в радостном свете, — Пьер почувствовал новое, неиспытанное чувство радости и крепости жизни.

(Л.Н. Толстой. Война и мир)

В периоде употребительны придаточные времени, условия, причины, образа действия, сравнительные и др. Приведем пример периода с уступительными придаточными: *Как ни тяжело было княжне Марье выйти*

¹ Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966. С. 209.

*из того мира уединенного созерцания, в котором она жила до сих пор, как ни жалко и как будто совестно было покинуть Наташу одну, — заботы жизни требовали ее участия, и она невольно отдалась им (Л.Т.). Реже в композицию периода вовлекаются те или иные распространенные члены предложения, например деепричастные обороты, выполняющие функцию обстоятельств времени: *Явившись к полковому командиру, получив назначение в прежний эскадрон, сходявши на дежурство и на фуражировку, войдя во все маленькие интересы полка и почувствовав себя лишенным свободы и закованным в одну узкую неизменную рамку, Ростов испытал то же успокоение, ту же опору и то же сознание того, что он здесь дома, на своем месте, которые он чувствовал и под родительским кровом (Л.Т.).* Периодическая речь Л.Н. Толстого неизменно привлекает исследователей, потому что изучение ее дает ключ к пониманию особенностей стиля великого писателя. А.П. Чехов восхищался «силой периодов» Льва Толстого.*

Стиль каждого писателя скрывается в своеобразии его периодов. Нельзя спутать эти синтаксические построения у Толстого и Пушкина, даже если Пушкин обращался к периоду в прозе.

Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частью устремились на блестящие безделки; когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности; когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие, — с чувством глубокого уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительно труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига (о переводе «Илиады» Гомера).

Возможность использовать в периоде разнообразные стилистические фигуры всегда привлекала и будет привлекать художников слова.

Использование стилистических фигур, разнообразных синтаксических средств создания эмфатической интонации у больших поэтов обычно сочетается с употреблением тропов, оценочной лексики, ярких приемов усиления эмоциональности, образности речи.

Как видно из наших примеров, в периодической речи часты анафоры, хотя эта риторическая фигура может выступать и самостоятельно; достаточно сослаться на классические строки «Демона» М.Ю. Лермонтова.

Он нередко «удваивал» риторические фигуры: в «Демоне» у него анафора усилена антитезой:

Клянусь я первым днем творения,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством,
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящей разлукой...
Клянуся небом я и адом,

Земной святыней и тобой;
 Клянусь твоим последним взглядом,
 Твоею первую слезой...
 Я отрекся от старой мести...
 Хочу я верить добру.

Анафора используется и в прозе, придавая речи автора убедительную силу: *Мы хотим жить, мы хотим знать, мы хотим быть людьми. Мы хотим насытить алчущий дух наш всею мудростью земли. Мы хотим всего, что уже есть, мы хотим создать то, чего еще нет* (М. Мудрец); *Опять наступила весна, своя в нескончаемом ряду... Опять с грохотом и страстью принесло лед... и Ангара освобожденно открылась, вытянулась в могучую, сверкающую течь. Опять на верхнем мысу бойко зашумела вода... Опять запылала по земле и деревьям зелень* (Расп.).

Риторическая фигура, противоположная анафоре, — э п и ф о р а (концовка). Так в античной риторике называли повторение последних слов предложения, что также усиливает эмфатическую интонацию: *Для чего уничтожат самостоятельное развитие дитяти, насилуя его природу, убивая в нем веру в себя и заставляя делать только то, чего я хочу, и только так, как я хочу, и только потому, что я хочу?* (Добр.)

Эпифора придает лиризм тургеневскому стихотворению в прозе «Как хороши, как свежи были розы...»; этот стилистический прием любил С. Есенин, вспомним его эпифоры! — *Отцвела моя белая липа, Отзвенел соловьиный рассвет... Ничего! Я споткнулся о камень, / Это к завтраму все заживет!; Глубое сердце, не бейся; Залегла забота в сердце мглистом. Отчего прослыл я шарлатаном? Отчего прослыл я скандалистом?.. Прояснилась омусть в сердце мглистом. Оттого прослыл я шарлатаном, Оттого прослыл я скандалистом.* Как видно из последнего примера, автор может отчасти обновлять лексику эпифоры, варьировать ее содержание, сохраняя при этом внешнее подобие высказывания. Нельзя не согласиться с тонким наблюдением над использованием этих фигур в речи: «Так же, как и анафора, эпифора фиксирует внимание на определенном отрезке высказывания... Анафора фиксирует внимание на условии, причине, предпосылке, начале. Эпифора — на следствии, результате, итоге, конце. Анафора более пригодна для передачи положительных эмоций, она окрашена в светлые тона, эпифора больше подходит для передачи отрицательных эмоций, темных тонов»¹.

Риторика классифицирует и другие фигуры, представляющие собой различные повторения. Так, сочетание анафоры и эпифоры называется э п а н а ф о р о й, или с и м п л о к о й, которая встречается чаще всего в поэзии: *Во поле березонька стояла, / Во поле кудрявая стояла*

¹ Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Ростов н/Д, 1994. С. 89.

(народная песня); *Всегда и всюду двое так идут / И думают — всё мирозданье тут. / Всё — только руку протяни — всё тут. / Всё — только пристальной взгляни — всё тут. / Всё — только крепче обними — всё тут. / И соловьи поют...* (Луг.)

Эта риторическая фигура усилила выразительность защитительной речи П.А. Александрова, на которую мы уже ссылались выше. Вот как оратор соединил эти два повтора: *Теперь стал позорен тот солдат, который довел себя до наказания розгами, теперь смешон считается бесчестным тот крестьянин, который допустил себя наказать розгами...*

С. Есенин мастерски использовал эту риторическую фигуру в нескольких стихотворениях из цикла «Персидские мотивы». Например:

*Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чаши.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.*

В других стихотворениях эпанафоры образуют строчки *Шаганэ ты моя, Шаганэ; Тихо розы бегут по полям; В Хороссане есть такие двери* и т.д.

Повторение слов или словосочетаний на границе смежных отрезков речи в античной риторике называлось *акрограммой*, или *анадиплозиом*¹, а в русской поэтике это — *подхват*, или *стык*: *О, весна, без конца и без краю / Без конца и без краю мечта!* (Бл.); *Скользят стрижи в лазури неба чистой. / в лазури неба чистой горит закат, — / в вечерний час как нежен луч росистый! — Как нежен луч росистый, и пруд, и сад!* (Бальм.)

С.Есенин показал оригинальный вариант этой фигуры — подхват, разделенный повторяемым компонентом всего стихотворения: *Шаганэ ты моя, Шаганэ! Потому, что я с севера, что ли, / Я готов рассказать тебе поле, / Про волнистую рожь при луне. / Шаганэ ты моя, Шаганэ / Потому, что я с севера, что ли, / Что луна там огромней в сто раз...* В каждой следующей строфе повторяются строчки первой, разделенные кольцевым повтором.

Криторическим фигурам стилисты добавляют и экспрессивное повторение слов. в поэзии строки-повторы отражают необычную напряженность изображаемого. Например, у А.Т. Твардовского в поэме «Василий Теркин»:

*И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...*

¹ Использовался и термин эпаналепсис.

Повторение акцентирует ключевое слово в песне: *Не надо, не надо, не надо! Возвращаться к прошлому не надо...* (Песня.)

В прозаическом тексте автор передает повторами интенсивность чувства: *Не могу молчать, и не могу, и не могу* (Л.Т.). Этот прием используют и ораторы, обращаясь к такой же фигуре прибавления для усиления эмоциональности речи. Вспомним монолог Сатина из пьесы Горького «На дне», пронизанный ораторскими интонациями.

Человек — свободен... Он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум, — человек за все платит сам, и потому он — свободен! Человек — вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они — нет! Это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... В одном... Это — огромно! в этом все начала и концы... Всё — в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и мозга! Че-ло-век! Это великолепно! Это звучит...гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью ... уважать надо! Выпьем за человека ... Хорошо это ... чувствовать себя человеком!..

В устном народном творчестве речевая избыточность всегда была выразительным средством. Это отразилось в пословицах и поговорках: *Век живи — век учись; За добро добром и платят* и т.п.

Плеоназмы — *море-окиян, путь-дороженька, грусть-тоска* — были всегда достоянием фольклора, в разговорной речи плеонастические сочетания служат средством усиления. Например, они показывают возбуждение персонажей Чехова в рассказе «Налим»: *Тащи-ка корягу, добрый человек... Кверху, а не к низу!* Сравните плеоназм у К. Симонова: *Надо взять к утру языка. И живого, а не мертвого!* Вспоминается и обращение Маяковского к Пушкину: *Я люблю вас, но живого, а не мушю* (Юбилейное).

В античной риторике выделялся и плеонастический оборот *п р о л е п с* — употребление местоимения, дублирующего впереди стоящее существительное: *Правда — она ведь всегда выяснится; Ивану — ему я не верю.*

Тавтологические повторы придают высказыванию особую убедительность: *Победителю-ученику от побежденного учителя* (Жуковский — Пушкину). Как источник выразительности тавтология особенно действенна, если однокоренные слова сопоставляются как синонимы (*Горит, разгорается пожар любви*), антонимы (*Когда мы научились быть чужими? Когда мы разучились говорить?* — Евт.), паронимы («*О гордости и гордыне*», «*Служение, а не служба*» — заголовки газетных статей).

У юмористов речевая избыточность становится средством создания комического звучания речи: *Позвольте вам этого не позволить* (Г.); *Писатель пописывает, а читатель почитывает* (С.-Щ.). Этот прием обыгрывается в названии фильма «*Я знаю, что ты знаешь, что я знаю*»; в юмористическом изображении комической ситуации:

Очень важно уметь вести себя в обществе. Если, приглашая даму на танец, вы наступили ей на ногу, и она сделала вид, что не заметила этого, то вы должны сделать вид, что не заметили, как она заметила, но сделала вид, что не заметила (ЛГ).

Журналисты тоже ценят повторение слов, обращаясь к этому приему в ироническом контексте:

...Он тогда работал в *секретной* лаборатории над созданием *секретной* форсунки для *секретнейшего* космического корабля.

Но поскольку все уже перестали понимать, где на экране настоящий прокурор, а где — нет, диктор выразился осторожно: «Сегодня утром человек, *похожий* на прокурора, почерком *похожим* на прокурорский, написал бумагу, *похожую* на заявление об отставке, человеку, *похожему* на президента». (Из газ.)

Никто, кроме нашего народа, *не может* так долго *терпеть* правительство, которое *он терпеть не может*. (Из газ.)

Смысловую функцию выполняет лексический повтор с **распространением**:

Когда Алексей Александрович появился на скачках, Анна уже сидела *в беседке* рядом с Бетси, *в той беседке*, где собиралось все высшее общество (Л.Н. Толстой).

Такие портреты — плод не одного мастерства, но живой, творящей, очеловечивающей мир мысли художника, *мысли*, воплощенной в образах реальных людей, наших *современников*. (Из газ.)

Цель такого повторения — выделить, подчеркнуть важное по смыслу слово; при чтении оно усиливается логическим ударением.

Такой повтор расчленяет и одновременно связывает две части высказывания, длина предложения увеличивается, но возвращение к предмету мысли способствует усилению внимания на выделенном понятии, закрепляет в памяти все большее предложение.

Расчленяют высказывание и вопросно-ответные конструкции в монологической речи, привлекая внимание к какой-либо части предложения. Например: *...Сравнивая эти явления, мы убеждаемся в несправедливости вашего поведения. Почему оно нам кажется несправедливым? — Да потому, что факты — упрямая вещь и они свидетельствуют против вас.*

Вопрос, который неожиданно прерывает рассуждение автора, стимулирует восприятие текста. Этот прием используют и ораторы, и журналисты:

Наши ученики — «телевизионные дети». Они смотрят содержательные литературные передачи. А приходят на уроки, и начинается пересказ содержания, разбор «по образам». Поэтому скука, засушенные сухари. А хочется бури, музыки, жизни! *Что же можно предложить?* Ответ прост: в каждой школе должен быть ведущий литератор. (Из газ.)

В заключение следует заметить: общее для всех рассмотренных нами экспрессивных синтаксических конструкций (присоединительных, парцеллированных, лексических повторов и повторов

с распространением, вопросно-ответных реплик) заключается в том, что они по частям дают ту информацию, которую можно было бы представить в виде единой синтаксической структуры. Однако ораторы не случайно предпочитают целостной синтаксической конструкции разделенные, потому что «во всех случаях расчлененности повышается интонированность текста: прочтение текста, даже внутреннее, становится более прерывистым, количество логических акцентов увеличивается»¹.

Самые разнообразные риторические фигуры и прежде всего повторы широко используют ораторы, придавая речи экспрессивность и демонстрируя твердую уверенность в правоте, в истинности приводимых фактов. Такова яркая речь А.И. Солженицына, которую он произнес в Америке при вручении ему премии «Фонда Свободы».

...Я осмелюсь обратить ваше внимание не на некоторые аспекты свободы, о которых не модно говорить, но от этого они не перестают быть, значит, и влиять.

Понятие свободы нельзя верно охватить без оценки жизненных задач нашего земного существования. Я сторонник того взгляда, что жизненная цель каждого из нас — не бескрайнее наслаждение материальными благами, но: покинуть Землю лучшим, чем пришел на нее, чем это было определено нашими наследственными задатками, то есть за время нашей жизни пройти некий путь духовного усовершенствования. (Сумма таких процессов только и может называться духовным прогрессом человечества.) Если так, то внешняя свобода оказывается не самодовлеющей целью людей и обществ, а лишь подсобным средством нашего неискаженного развития; только *возможностью* для нас — прожить не животным, а человеческим существом; только *условием*, чтобы человек лучше выполнил свое земное назначение. И свобода — не единственное такое условие. Никак не меньше внешней свободы нуждается человек — в незагрязненном просторе для души, в возможностях душевного сосредоточения.

Увы, современная цивилизованная свобода именно этого простора не хочет оставить нам. Увы, именно за последние десятилетия само наше представление о свободе снизилось и измельчилось по сравнению с предыдущими веками, оно свелось почти исключительно к свободе от наружного давления, к свободе от государственного насилия. К свободе, понятой всего лишь на юридическом уровне — и не выше.

Свобода! — принудительно засорять коммерческим мусором почтовые ящики, глаза, уши, мозги людей, телевизионные передачи, так чтоб ни одну нельзя было посмотреть со связным смыслом. Свобода! — навязывать информацию, не считаясь с правом человека не получать ее, с правом человека на душевный покой. Свобода! — плевать в глаза и души прохожих и проезжих рекламой. Свобода! — издателей и кинопродюсеров отравлять молодое поколение растительной мерзостью. Свобода! — подростков 14—18 лет упиваться досугом и наслаждениями вместо усиленных занятий и духовного роста. Свобода! — взрослых молодых людей искать безделья и жить за счет общества. Свобода! — забастовщиков, доведенная до свободы лишать всех остальных граждан нормальной жизни, работы, передвижения, воды и еды. Свобода! — оправдательных речей, когда сам адвокат знает о виновности подсудимого. Свобода!..

Разоблачительную силу этого выступления Солженицына увеличивают восклицания, антитеза, градация, нанизывание однородных членов предложения, парцелляция, смещение синтаксической конструкции. Таким образом, анализ стилистических приемов в приведен-

¹ Солганик Г.Я. Практическая стилистика. М., 2006. С. 237.

ном тексте убеждает нас в том, что риторические фигуры не преданы забвению и в наше время. А поэтические примеры, рассмотренные выше, свидетельствуют о том, что в русской литературе всегда находили применение выразительные средства, уходящие корнями в античную риторику.

Глава 12

Фонетические средства выразительности речи

ЗВУКОПИСЬ

В современной стилистике русского языка есть раздел «Фоника», изучающий звуковую сторону речи. В античной риторике фонетические средства выразительности рассматривались как *дискретны* и *фигуры*, в состав которых входили звукоподражательные и паронимические фигуры. Мы остановимся на звуковой организации экспрессивной речи в данной главе.

Различные приемы усиления выразительности звуковой стороны речи основаны в первую очередь на звуковых повторах (на *звуковой инструментовке*). Повторение одинаковых или сходных согласных звуков называется *аллитерацией*. Такими звуковыми повторами богаты произведения Гомера, Гесиода, Горация, Вергилия и других античных поэтов. Но в переводах звуковые повторы редко удается передать, поэтому мы будем иллюстрировать звуковую инструментовку примерами из произведений русских авторов.

С наибольшей определенностью наш слух улавливает повторение согласных, стоящих в предударном положении и в абсолютном начале слова:

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и глсят.
(Ф. Тютчев)

Мы замечаем повторение не только одинаковых согласных, но и сходных по какому-либо признаку (по месту образования, участию голоса и т.д.). Так, возможна аллитерация на [д—т], [з—с] и подобные, а также на губные, сонорные и т.д.:

Гой ты, *Русь* моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосёт глаза.
(С. Есенин)

Надеюсь,
 верую: во веки не придёт
 ко мне
 позорное благоразумие.
 (В. Маяковский)

Аллитерация — самый распространенный тип звукового повтора. Это объясняется доминирующим положением согласных в звуковой системе русского языка.

Повторение начальных согласных в словах называется а н а ф о р о й: *Задремали звезды золотые, / Задрожало зеркало затона* (Ес.). При смежной анафоре созвучные слова стоят рядом (как в приведенном примере), а при раздельной они не следуют непосредственно друг за другом, например: *Друг! Не ищи Меня! Другая мода! Меня не помнят даже старики* (Цв.).

Повторение конечных звуков в словах называется э п и ф о р о й: *Шумели, сверкали и к дали вели, и гнали печали, и пели вдали* (Бальм.).

А с с о н а н с о м называется повторение гласных: *Пора, пора, рога трубят* (П.). В основе ассонанса обычно оказываются только ударные звуки, так как в безударном положении гласные часто значительно изменяются. Поэтому ассонанс иногда определяют как повторение ударных или слабо редуцированных безударных гласных. Так, в строках из «Полтавы» А.С. Пушкина ассонансы на [а] и [о] создают лишь выделенные гласные: *Тиха украинская ночь. Прозрачно небо. Звезды блещут. Своей дремоты превозмочь не хочет воздух...* И хотя во многих безударных слогах повторяются варианты этих фонем, переданные буквами а, о, их звучание не влияет на ассонанс.

В тех случаях, когда безударные гласные не подвергаются изменениям, они могут усиливать ассонанс. Например, в другой строфе из «Полтавы» звучание речи определяют ассонанс на [у], поскольку качество этого звука не меняется и в безударном положении: *Но в искушеньях долгой кары, / Перетерпев судеб удары, / Окрепла Русь. Так тяжкий млат, / Дробя стекло, кует булат.* (В последних двух строчках ассонанс на у соединяется с ассонансом на а.)

В одном и том же тексте различные звуковые повторы часто используются параллельно. Например: *Мело, мело по всей земле во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела* (Паст.). Здесь и ассонанс на е, и аллитерации на м, л, с, в; в первых двух строчках повторяются губные; в звуковой «переключке» участвуют сочетания согласных *мл, вс — св*. Особое мастерство поэта заключается в том, что он может построить эпифору не только с помощью согласуемых членов предложения, как это сделал, например, Б. Пастернак.

О, если бы я только мог, хотя отчасти,
 Я написал бы восемь строк о свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,
 Бегах, погонях,
 Нечаянностях впопыхах,
 Локтях, ладонях.
 Я вывел бы ее закон,
 Ее начало,
 И повторял ее имен
 Инициалы.

Как и анафора, эпифора может быть смежной и отдельной. При смежной эпифоре созвучные слова обычно грамматически зависимы: *Вечером синим, вечером лунным был я когда-то красивым и юным* (Ес.).

Особую музыкальность стихотворной речи придает соединение анафоры и эпифоры: *Май жестокий с белыми ночами! Вечный стук в ворота: Выходи! Голубая дымка за плечами, неизвестность, гибель впереди!* (Бл.)

Один из стилистических приемов звукописи состоит в ограничении и даже в исключении из текста слов с теми звуками, которые могли бы разрушить создаваемый художником образ. Так, А.С. Пушкин, описывая танец балерины, почти не употребляет звук [р]:

Блистательна, полувоздушна,
 Смычку волшебному послушна,
 Толпою нимф окружена,
 Стоит Истомина; она,
 Одной ногой касаясь пола,
 Другою медленно кружит...

Особенности звуковой организации этих строк объясняются тем, что в русской фонике согласный *р* воспринимается как резкий, грубый звук. Стилистически оправдано его употребление в следующей строке, которая подчеркивает смену описываемых движений балерины: *И вдруг прыжок, и вдруг летит...* Но все-таки «полет» в танце изображают слова, в которых опять-таки нет *р*: *Летит, как пух от уст Эола*.

Еще Г.Р. Державин, чтобы показать свойственные русскому языку «изобилие, гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований»¹, написал десять стихотворений, в которых старался не использовать слов со звуком [р].

В греческом языке «некрасивым» звуком считалась «сигма», ее старались избегать античные авторы.

Эстетическая оценка звуков, конечно, может носить и отпечаток субъективного восприятия. Однако проведенные в последние годы исследования убеждают в том, что эмоциональная окраска звуков воспринимается одинаково говорящими на одном языке. Фонетическую

¹ Державин Г.Р. Полн. собр. соч.: в 9 т. Т. 7. СПб., 1872. С. 512.

значимость «создает некий туманный ореол» вокруг признаковой оболочки. Это очень неопределенный аспект знания, который нами почти не замечается, и лишь в некоторых словах мы чувствуем «давление» звучания (*хрыч, мямля, балалайка, репей, арфа, лилия*)¹.

Нам кажутся неблагозвучными причастия *тащащийся, скрежещущий, морщащийся* и т.п. Мы стараемся не употреблять такие формы, как *тощайший* (от *тощий*), *тщедушный* и т.п. Напротив, «музыкальные» звуки — гласные, сонорные, звонкие согласные — придают речи напевность, красоту звучания. Сонорные согласные в русском языке часто начинают слово или оказываются перед ударным слогом, определяя звучание речи: *роза, рано, море, милый, лодка, лебедь, нега, новый, нива, нить* и под.

Выразительным средством звукописи может стать благозвучие и неблагозвучие. Например, как музыкальны строки: *Я навек за туманы и росы полюбил у березки стан, и ее золотистые косы, и холщовый ее сарафан.* (Ес.)

Неблагозвучие поэтической речи нередко подчеркивает сложность и драматизм описываемых явлений, отсутствие в них гармонии, красоты. Например, у Есенина затрудненные артикуляции слов, приглушенное звучание стиха, отсутствие песенных интонаций отличают строки, в которых рисуется враждебный лирическому герою образ «железного гостя»: *Видели ли вы, как бежит по степям, в туманах озёрных кроась, железной ноздрей храпя, на лапах чугунных поездов?..*

В лирических стихотворениях поэты обычно избегают скопления труднопроизносимых согласных, «некрасивых» созвучий. Но в особых случаях труднопроизносимые стечения согласных могут выполнять в стихотворной речи изобразительные функции (*Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая* — П.). В иных случаях неприятные сочетания звуков отражают эмоциональную оценку поэтом изображаемых картин. Например, у М.Ю. Лермонтова: *Быть может, за хребтом Кавказа / Укроюсь от твоих пашей, / От их всевидящего глаза, / От их всеслышащих ушей.* Употребление причастий, скопление шипящих (отнюдь не в целях звукоподражания) подчеркивают отрицательное отношение поэта к названным явлениям российской действительности.

Поэты искусно выбирают нужные им неблагозвучные слова и вводят их в речь с определенной стилистической установкой. Например, у В.Маяковского эстетически мотивировано труднопроизносимое сочетание слов в стихотворении «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»: *Я недаром вздрогнул. Не загробный вздор.* У Высоцкого в песне «Смерть истребителя» изобразительно-выразительную роль играет звуковой подбор слов в строчке о гибели пилота: *Терпению машины бывает предел, и время его истекло. Но тот, который во мне сидел, вдруг ткнулся лицом*

¹ Подробнее об этом см. в кн.: Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1981.

в стекло. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением одного из исследователей, что звуки некоторых слов могут передавать ритм движения. Изобразительные свойства присущи словам *прыг, кувырк, скакать* и подобным¹.

В слове *споткнулся* стечение согласных *ткн* передает нарушение плавности в движении: язык при произнесении этих звуков будто сам «спотыкается», так как заднеязычный звук *к* находится между двумя переднеязычными *т* и *н*. в слове *столкновение* наблюдается подобная же «игра» звуками благодаря стечению *лkn*.

С целью усиления выразительности звучания речи поэты могут строить предложения из очень коротких слов или, напротив, использовать необычные в стихотворной речи многосложные, длинные слова. Так, о строках из басни И.К. Крылова — *Со всех лягушки ног в испуге пометались, кто как успел, куда кто мог* — В.А. Жуковский писал: «В последнем стихе красота состоит в искусном соединении односложных слов, которые своею гармониею представляют скачки и прыганье»². Сам Жуковский в одной из баллад, стремясь передать впечатление тяжести, подчеркивая мрачный колорит всей строфы, употребил длинное слово: *Но в железной броне он сидит на коне; / Наточил он свой меч боевой; / И покрыт он щитом; / И топор за седлом / Укреплен двадцатифунтовой.* Выразительность многосложного слова несомненна и у А.С. Пушкина — *Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа:* «длинное» определение подкрепляет образность речи не только в звуковом, но и в графическом выражении мысли. Этим приемом пользовались многие поэты. В. Маяковский «сверхдлинным» эпитетом нарисовал *гремучую в двадцать жал змею двухметроворостую*; у Марины Цветаевой многосложное причастие помогает представить огромное расстояние, разделяющее двух близких людей: *Целую вас через сотни разъединяющих верст.*

Выразительные средства фонетики в поэтической речи обычно дополняют, усиливают друг друга, соединяясь с иными средствами экспрессии.

ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ

З в у к о п о д р а ж а н и е — это употребление слов, которые своим звучанием напоминают слуховые впечатления от изображаемого явления. Например: *Партер и кресла — все кипит. / в райке нетерпеливо плещут, / И, взвившись, занавес шумит* (П.).

В этом отрывке из «Евгения Онегина» звуковые повторы в первых двух строках передают нарастающий шум в театре перед началом пред-

¹ Журавлев А.П. Звук и смысл.

² Жуковский В.Л. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.; Л. С. 416.

ставления, в последней строке аллитерации на длительные согласные, среди которых особенно выразительны свистящие и шипящие, создают звуковое подобие шума поднимающегося занавеса.

Поэты стремятся передать средствами фоники самые различные слуховые впечатления. И хотя звуки человеческой речи не могут быть совершенно тождественны реальным «голосам» природы, язык выработал свои приемы для отражения этих слуховых впечатлений.

Есть немало слов, которые своим звучанием напоминают называемые ими действия (*шуришать, шипеть, охать, чирикать, цокать, тикать, бренчать*). Такие слова, возникающие на основе звукоподражания, называются о н о м а т о п е я м и (от греч. *onomatopei* — словотворчество). Одни ономатопои передают звучание человеческого голоса (*ахать, хихикать*); другие — звуки, издаваемые животными (*каркать, мяукать*); иные же имитируют «голоса» неживой природы (*дребезжать, скрипеть, хрустеть, шелестеть*). По своей грамматической природе ономатопои представляют собой существительные и глаголы, нередко образованные от междометий типа *бац, бух, хлоп*. Ономатопои довольно точно передают разнообразные слуховые впечатления: *тихоструйное треньканье балалайки* (Г.); *Как зенькал звоночек, тарабарил с деревьями гром* (А.Б.).

Звучание ономатопои в художественной речи усиливается их фонетическим окружением: обычно звуковую выразительность слова подчеркивают соседние аллитерации, например: *Вот дождик вкрадчиво прокранил* (Твард.). Повторение созвучия *кр* напоминает постукивание дождевых капель по железной крыше. В подобных случаях звукопись строится на сочетании ономатопоэтического слова с фонетически подобными ему словами. Так, в поговорке: *От топота копыт пыль по полю летит* главное звукоподражательное слово *топот*, его фонетическая выразительность усиливается аллитерациями на *т—п*.

Наибольший стилистический эффект звукоподражание дает в том случае, если звуковое сближение слов подчеркивает их образность. Когда звукоподражание рождается из самой темы, оно воспринимается как естественное и необходимое выражение мысли. Например: *А Петербург неугомонный уж барабаном пробужден; Довольный праздничным обедом, сосед сопит перед соседом; Бренчат кавалергарда шпоры; летают ножки милых дам* (П.).

Стремясь средствами фоники передать характер звучания, писатели подбирают очень яркие ономатопои, которые способны вызвать различные предметно-смысловые ассоциации — *И хруст песка, и хrap коня* (Бл.); *Ему отвечает лишь хруст хвороста да бульканье по болоту* (А.Б.); *Морозом выпитые лужи хрустят и хрупки, как хрусталь* (Сев.); *Не задущена вашими тушами душа* (Цв.).

С целью звукоподражания используются не только ономатопои, но и з в у к о о б р а з н ы е с л о в а. Различие звукоподражательных и звукообразных слов состоит в том, что первые имитируют звуки,

характерные для называемых ими явлений, действий, а вторые сами выразительны по звучанию и благодаря этому способствуют образной передаче движений, эмоциональных состояний, физических и психических явлений. Так, *шушукаться* — звукоподражательное слово, а *шаши*, *шушера*, *шиш* — звукообразные.

Русский язык располагает большим количеством слов, которые могут выступать в поэтической речи как звукообразные. Одни из них произносятся энергично (*бой, крик, рвать, резко, грубо*), другие — мягко, нежно (*льнуть, таять, нега, лебедь, дева, милый*), третьи напоминают шепот (*чу, слышишь, молча, тише*). На эти слова и опирается звукопись. Движения стремительные, динамические в поэтической речи часто рисуются словами, которые произносятся особенно энергично — *Так бей же по жилам, кидайся в края, бездомная молодость, ярость моя!* (Багр.) Напротив, слова нежные, ласкающие слух, создают впечатление покоя: *Руки милой — пара лебедей — в золоте волос моих ныряют. Все на этом свете из людей песнь любви поют и повторяют* (Ес.).

Органическая связь звукописи с содержанием, единство слова и образа придают речи яркую экспрессию.

В русской фонике сложились свои традиции образного осмысления различных звучаний. В таких случаях надо говорить не о звукоподражании, а о выразительно-изобразительной функции звукописи.

В русской литературе есть примеры звукописи и в прозаической речи. Звукоподражание можно встретить у Льва Толстого. Например:

Эти дымы выстрелов и, странно сказать, звуки их производили главную красоту зрелища. *Пуфф!* — вдруг виднелся круглый, плотный, играющий лиловым, серым, молочно-белым цветами — дым, и *Бумм!* — раздавался через секунду звук этого дыма. *Пуфф!* — поднимались два дыма, толкаясь и сливаясь, и *Бум-бум* подтверждали звуки то, что видел глаз.

У А.П. Чехова в этом отношении интересен рассказ «Каштанка». Приведем отрывок из него и выделим особенно выразительные своей фонетикой части.

В комнатке было *тихо, темно и очень душно*. Кусались блохи. Тетка раньше никогда не боялась *потемок, но теперь почему-то ей стало жутко и захотелось лаять*. В соседней комнате громко *вздыхнул хозяин*, потом, немного погодя, *в своем сарайчике хрюкнула свинья, и опять все смолкло* [...]/ *Вдруг раздался странный крик*, который заставил ее (Тетку) *вздрагнуть и вскочить* на все четыре лапы. Это крикнул Иван Иванович, крик его был *не болтливый и убедительный, как обыкновенно, а какой-то дикий, пронзительный и неестественный, похожий на скрип отворяемых ворот*. [...]/ Тетка почувствовала еще больший *страх и проворчала*:

— *Rrrrrr...* [...]/ *И вдруг опять раздался пронзительный крик.*

— *К-ге! К-ге-ге!* — крикнул Иван Иванович.

Но вот послышалось шарканье туфель, и в комнату вошел хозяин в халате и со свечой.

И.С. Тургенев как тонкий стилист тоже ценил эстетическую роль звукописи. У него звуковые повторы иногда выполняют композиционную функцию — оттеняют в описании смену картин. Например:

На темно-сером небе кое-где мигают звезды; / влажный ветерок изредка набегаем легкой волной; / слышится сдержанный, неясный шепот ночи; / деревья слабо шумят, облитые тенью.

Для фоники первой части этого отрывка характерно повторение гласных *е-о*; описание ветра оттеняет анафора согласного *в* и повторение созвучий *ок-ка-га-ко*: неясный шепот ночи доносят аллитерации на свистящие и шипящие; в сочетании *деревья, облитые тенью*, объединительную функцию выполняют созвучия *де-ит-те*.

А в иных случаях писатель обыгрывает звукоподражание. Например:

«Прежде чем лечь спать, я каждый вечер делаю маленькую прогулку по двору.

Вчера я остановился и начал прислушиваться. Вот различные звуки, услышанные мною:

Шум крови в ушах, и дыхания.

Шорох — неумолкаемый лепет листьев.

Треск кузнечиков; их было четыре в деревьях на дворе.

Рыбы производили на поверхности воды легкий шум, похожий на звуки поцелуя. /.../

Вот глухой звук... что это? Шаги по дороге? Или шепот человеческого голоса?

И вдруг тончайшее сопрано комара, которое раздаётся над вашим ухом».

Стилистическое использование фоники можно наблюдать в прозе К. Паустовского и других писателей.

Небезынтересно указать примеры намеренной ритмизации речи и обыгрывания рифмы в отдельных отрывках повествовательного текста, которые писатели хотят выделить «звуковым курсивом». Так, в романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов» ритмическая организация речи, неожиданная рифма отражают лирическое настроение героя, его особое восприятие действительности: *Уже вставало солнце. Лавиния спала, и недоумение на ее осунувшемся лице говорило, что сон ее захватил внезапно. За окнами кудрявилась сирень, кричал петух протяжно и легко. До Петербурга было далеко — до прошлого рукой подать, да лень... Мятлев вышел из комнаты.*

Журналисты ценят смысловую функцию звукописи, подкрепляя аллитерациями и ассонансами выразительные заголовки статей: *Врач-вредитель, Поток патоки, Фонтаны Федоровки, Роса на рассвете, Планета Плутон, Лечение в заключении, Как мы катались по Юкатану*. Реже звукопись обыгрывается в самом тексте статьи: *Ужасы в угрюмом запущенном саду забытой Богом усадьбы продолжались.* (Из газ.)

Писатели-сатирики прибегают к ритмизации прозы как к стилистическому приему создания юмористической окраски речи. Например: *Глазам Морозова младого открылось зрелище стола. Отменный поросенок с кашей среди тонких вин там возлежал* (ЛГ). Ритмическая организация речи и высокая архаическая лексика придают пародийное звучание этим строкам. Иногда сатирики сочетают ритмизацию речи с рифмой: *В процессе сочинения, утрясания и увязывания документ согласовали с физиками и финансистами, химиками и экономистами, лириками и юристами. Его оглаживали по линии социологии и статистики, филологии и лингвистики* (ЛГ).

НЕДОЧЕТЫ В ЗВУКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧИ

Фоника может сыграть «злую шутку» с ораторами, публицистами, не желавшими придавать речи пародийную окраску: она может возникнуть против желания автора. Не покажется ли издевкой, например, такое сообщение по радио? — *Дружно мы на выборы в этот день все прибыли.*

Составители реклам нередко слишком увлекаются звукописью, особенно эпифорой: *Мальчик повесил на шею кулон — больше в толпе не теряется он!*; *Пусть про пиво пенное знает вся вселенная!* Рифмованные рекламы заполнили наш эфир. Эти издержки применения фоника свидетельствуют о том, что ее значение в экспрессивной речи осознано, однако не всякому автору этот прием выразительности дается. Талантливое использование звуковой стороны речи было известно давно, о чем свидетельствуют пословицы, поговорки, отличающиеся выразительным звучанием: *Федот, да не тот; Береженого Бог бережет; Терпенье и труд всё перетрут; Шерочка с машерочкой...*

Для ораторов фоника не имеет столь важного значения, как для поэтов и писателей. Выступающие могут, конечно, цитировать совершенные по звучанию поэтические строки или пословицы, поговорки, привлекающие своей фонетической выразительностью, но не это определяет экспрессию звучащего слова ораторов. Им важнее всего остерегаться ошибок в звуковой организации речи. Предупредим такие ошибки.

Восприятию речи мешают случайные звуковые повторы: *Необходимы замеры размеров; После разборки коробки; Нужно обильно облить водой пораженное место, на место ожога нельзя накладывать мази, вазелин, который некоторые считают полезным.* Фонетическая близость подчеркнутых слов делает предложения похожими на скороговорки, затрудняя их произнесение.

Нежелательна случайная эпифора: *Чили вручили... Мали провели...* Рифмы придают речи в таких случаях неуместный комизм.

Благозвучие речи нарушает повторение служебных слов — предлогов, союзов: *За монологами, за диалогами, за репликами скрывается неумение...* Предлог может быть омонимичен приставке, и тогда происходит столкновение одинаковых слогов: *При приеме пищи... поблагодарить за заботу... По показателям... До достижения... При применении... Взгляд из-за занавески... Об обобществлении скота не идет речи.*

Большой недостаток фонетической организации речи — столкновение одинаковых звуковых комплексов: слогов, частей слова, похожих по звучанию слов: *Удостоен приза за завоеванную победу...*; *Это такое время суток, когда сутолока достигает предела.* Из-за случайных созвучий, незамеченных автором, иногда проступает нежелательный смысл, возникают неуместные ассоциации. По поводу предложения *Он писал стихи, хитроумно подбирая рифмы, ловко жонглируя пустыми словами* М. Горький заметил: «Автор не слышит в своей фразе хихиканья, не замечает «мыло»¹.

Таким образом, звуковая организация речи тесно связана с ее смысловой стороной. Небрежность в звуковом подборе слов лишает речь точности.

Причиной повторения звуков в речи может быть употребление однокоренных слов и повторение лексических единиц в одном предложении или в соседних фразах. Например: *Многие говорят о консервативных обычаях в консерватории. В субботнике приняли участие участники Каракумского пробега, работавшие на машинах, которые участвовали в пробеге.* Этот недочет фоники более заметен, чем одиночные звуковые повторы. А. П. Чехов, придававший звуковой стороне речи большое значение, писал: «...Надо заботиться об ее (фразы) музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом стала и перестала»².

Из-за невнимания журналистов к фонике в печать проникает немало неблагозвучных сочетаний однокоренных слов: *Вначале начальнику он сделал замечание... В сложившейся сложной ситуации... Приобщиться к общественным делам... Число отчисленных увеличилось... Служба обслуживания... Большие упуцения допущены* и т. д.

В некоторых случаях однокоренные слова значительно отличаются по смыслу, и тогда столкновение их в речи менее заметно. Например: *Запасы боеприпасов представляют опасность.* Однако и в этом случае лучше было бы избежать тавтологии. Могут в речи сталкиваться слова с общим историческим корнем, сходные в звучании, но утратившие смысловую близость: *Молодой, а молодец! Наверно, неверно; Краю крайне необходимы средства...* В таких случаях нет основания говорить о тавтологии, здесь

¹ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 24. С. 414.

² Чехов А. П. Собр. соч.: в 20 т. Т. 17. С. 168.

серьезным недостатком стиля является лишь несовершенство фоники. Ошибки в звуковой организации речи особенно недопустимы в радио- и телепередачах. Например: *У меня мнение не менее категорично; Отслужив положенное, положительно важно, чтобы солдат снова вернулся в цех.* Как можно заметить по этим примерам, произносившие такие «корявые» фразы вообще не отличались культурой речи, они не избегали и других ошибок.

Глава 13

Литературное произношение и ударение

Наука о литературном произношении и ударении называется о р ф о э п и е й (гр. *orthos* — прямой, правильный и *epos* — речь). Важнейшая особенность этой науки — ее мягкий, уступчивый характер: она не только указывает правила литературного произношения, но и устанавливает допустимые границы их нарушения (в зависимости от условий общения). Для речи ораторов, докладчиков, выступающих перед большой аудиторией, существуют одни правила, для дружеской беседы — другие. Если на торжественном собрании вы зачитываете приказ о награждении премией вашего сотрудника, *Александра Александровича Нечаева*, его имя и отчество нужно проговорить полностью. А после собрания, в тесном кругу за чашкой чая, вы назовете его *Сан Санычем*. Все это будет правильно.

СТИЛИ ПРОИЗНОШЕНИЯ

Полный и неполный стили произношения зависят от темпа речи: если мы говорим медленно, то проговариваем звуки отчетливо, внятно. В этом случае артикуляция звуков очень четкая. Такое произношение звуков мы наблюдаем каждый день, слушая дикторов радио, телевидения. При быстром темпе речи наблюдается менее отчетливое произнесение звуков, сильное редуцирование — это черты неполного стиля произношения.

Различаются также в ы с о к и й (а к а д е м и ч е с к и й) стиль произношения, которому свойственна особая эмоциональность, и р а з г о в о р н ы й, используемый в спокойной речи. Полный и высокий стиль произношения — неотъемлемое условие ораторского искусства. Но есть еще и н е й т р а л ь н ы й стиль, который характерен для устной литературной речи. При быстром темпе речи произношение в нем часто неполное.

ПРОИЗНОШЕНИЕ БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

В безударных слогах гласные подвергаются изменениям в результате ослабления артикуляции. Качественная редукция — это изменение тембра звучания гласного; количественная редукция — это уменьшение его долготы и силы. Гласные, находящиеся в первом предударном слоге, изменяются незначительно, в большей степени редуцируются гласные остальных безударных слогов.

В первом предударном слоге на месте букв *a* и *o* произносится звук [Λ]. От ударяемого [a] он отличается меньшей продолжительностью. Например: тр[Λ]ва, с[Λ]сна.

В остальных безударных слогах на месте букв *a* и *o* обычно произносится краткий звук, средний между [ы] и [a], обозначаемый в транскрипции знаком [ɔ̆]. Например: тр[ɔ̆]вяной, з[ɔ̆]лотой, школ[ɔ̆], выз[ɔ̆]в.

В начале слова безударные [a] и [o] произносятся как [Λ], например: [Λ]зот, [Λ]бладать.

Особые правила определяют произношение буквы *a* после шипящих. После твердых шипящих [ж] и [ш] в первом предударном слоге произносится как [Λ], например: ж[Λ]ргон, ш[Λ]гать, но перед мягкими согласными произносится звук, средний между [ы] и [э], например: ж[ɨ]леть, лош[ɨ]дей.

После мягких согласных в первом предударном слоге на месте букв *e* и *я* произносится звук, средний между [и] и [a], например: в[ɨ]сна, ч[ɨ]сы.

В остальных безударных слогах на месте букв *e* и *я* произносится очень краткий [и], в транскрипции обозначаемый знаком [ɨ̆], например: в[ɨ̆]ликан, п[ɨ̆]тачок, вын[ɨ̆]сти, выт[ɨ̆]нуть.

На месте сочетаний букв *aa*, *ao*, *oa*, *oo* в предударных слогах произносятся гласные [aa], например: з[aa]сфальтировать, з[aa]дно, п[aa]нглийски, в[aa]бразить.

ПРОИЗНОШЕНИЕ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

В конце слов и в их середине перед глухими согласными звонкие согласные оглушаются, например: ястре[л̥], разбе[к̥], запа[т̥], бага[ш̥], тра[ф̥]ка, ска[с̥]ка.

На месте глухих согласных перед звонкими (кроме *в*) произносятся соответствующие звонкие, например: [з]бежать, о[д]бросить, во[з]лал.

В ряде случаев согласные, стоящие перед мягкими согласными, произносятся мягко. Например: [з'д']есь, гво[з'д']и, е[с'л']и, ку[з'н']ец, пе[н'с']ия. Встречаются два варианта произношения некоторых слов, например: [з'л']ить и [зл']ить, по[с'л']е, по[сл']е.

Двойное произношение наблюдается в сочетаниях с губными согласными, например: [д'в']ерь и [дв']ерь, [з'в']ерь и [зв']ерь. Первые варианты звучат все реже.

Двойным согласным буквам соответствует долгий согласный звук обычно тогда, когда удвоение падает на предшествующий слог, например: гру[*лн*]а, ма[*сс*]а, програ[*мм*]а. Если же ударение падает на последующий слог, то двойные согласные произносятся без долготы, например: а[*к*]орд, ба[*с*]ейн, гра[*м*]атика.

Звуковой системе русского языка свойственно упрощение сочетаний согласных и сокращение групп одинаковых согласных. В сочетаниях букв *зн*, *стн*, *нтск*, *стск*, *стл*, *рдц*, *ндш* не произносится *д*, *т*: по[*зн*]о, нена[*сн*]ый, гига[*нск*]ий, слави[*сск*]ий, сча[*сл*]ивый, се[*рц*]е, ла[*нш*]афт. Не произносится согласная *в* в сочетании *вств*: чу[*ств*]во, здра[*ств*]уй — и *л* в сочетании *лнц*: со[*нц*]е.

При стечении трех одинаковых согласных они сокращаются до двух: ра^с+ссора^ть — ра[*сс*]орить, Одес+сский — Оде[*сс*]кий.

Действующие в современном языке звуковые законы иногда приводят к полному уподоблению некоторых согласных звуков следующим за ними согласным. Сравните: *написание* — *произношение*

разжечь — ра[*жж*]ечь
 расшить — ра[*шш*]ить,
 от вас шел — от ва[*ш*] шел
 отрез шерсти — отре[*ш*] шерсти

Знание звуковых законов русского языка необходимо для того, чтобы освоить нормы литературного произношения, которому придается особое значение при оценке культуры речи.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

В словах иноязычного происхождения, не окончательно освоенных русским языком, буква *о* произносится четко: [о], т.е. без редукции: б[о]а, [о]тель, кака[о], ради[о]. Иногда допускается двоякое произношение: п[о]эт — п[Λ]эт, с[о]нет — с[Λ]нет и др.

Перед гласным, обозначаемым буквой *е*, во многих иноязычных словах согласные произносятся твердо: а[тэ]лье, ко[дэ]кс, ка[фэ], Шо[нэ]н. Чтобы не ошибиться, следует заглядывать в словарь литературного произношения.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ ИМЕН И ОТЧЕСТВ

В публичных выступлениях, как и в бытовой речи, нередко возникают затруднения в употреблении мужских и женских имен и отчеств. В их произношении имеются особенности, которые следует учитывать. Достаточно вспомнить, как обычно в беглой речи произносятся имена и отчества типа *Павел Павлович (Пал Палыч)* или *Марья Ивановна (Марь Иванна)*.

Многие из этих произносительных особенностей, свойственных разговорному стилю, в последнее время закрепляются и в речи публичной. Вместе с тем необходимо учитывать обстановку, уместность или неуместность сокращенного произношения имен и отчеств. Так, в личной беседе, непосредственно обращаясь к человеку, мы говорим: *Михаил Иванович, садитесь, пожалуйста*. Но в официальной речи скажем: *Вечер, посвященный памяти Федора Ивановича Шаляпина*. Полное, максимально приближенное к написанию произношение находим также в чтении официальных документов, указов о награждении граждан нашей страны орденами и медалями, о присвоении им почетных званий и т.д.

Полное произношение распространяется на иноязычные имена и отчества, например: *Фридрих Карлович* (не *Карлыч*), *Гуго Брунович* (не *Бруныч*).

Имя, произносимое без отчества, читается полностью: Михаил.

Своеобразная экономия времени и усилий выражается и в том, что мужские имена с ударением на основе при их употреблении вместе с отчествами в устной речи обычно не изменяются по падежам, например: *был у Сергей Ивановича, обратитесь к Степан Петровичу, беседовал с Максим Семенычем; речь шла о Федор Палыче*, хотя на письме передается и склонение имен: у *Сергея Ивановича*.

В мужских отчествах от имен на твердый согласный на месте безударного суффикса *-ович* произносится *-ыч*, например: *Антоныч, Богданыч, Демьяныч, Платоныч, Семеныч, Степаныч, Тихоныч, Федорыч, Федотыч* и т.п.

Вместо *Александрович* обычно звучит *Алексаныч* (реже *Александрыч*). Само имя *Александр* при сочетании с отчеством, начинающимся с согласного звука, обычно произносится без конечных согласных: *Алексан Петрович, Алексан Николаич*. В просторечии вместо *Александр Александрович* встречаем *Сан Саныч*.

В мужских отчествах от имен на ударяемый *-ей* и *-аи* на месте суффикса *-евич* произносится *-ич*, например: *Алексеич, Андреич, Евсеич, Еромолаич, Николаич*.

В мужских отчествах от имен на безударное *-ии* на месте суффикса *-евич* обычно произносится *-ич*, например: *Анатолич, Арсенич, Василич, Аркадич, Игнатич*.

Иногда неправильно произносят некоторые имена, например неверно ставят ударение в имени Алексий — его древнее звучание отличается ударением на последнем слогое.

Женские отчества от имен на *-ей* произносятся со стяжением — одним гласным на месте сочетания *ее*, например: *Андревна, Алексевна, Матвевна, Сергевна*. Однако отчества от более редких имен могут произноситься без стяжения: *Дорофеевна, Евсеевна, Евстигнеевна, Корнеевна, Патрикеевна*. Женское отчество *Николаевна* произносится со стяжением — *Николавна*.

Сочетание *-ов* во многих отчествах не произносится: *Владиславна, Вячеславна, Святославна, Ярославна*.

В женских отчествах от имен на *н* и *м* безударный слог *-ов*, следующий непосредственно за ударяемым слогом, не произносится: *Антонна, Богданна, Демянна, Иоанна, Акимна, Ефимна, Трофимна, Максимна*.

Женское отчество *Александровна* произносится как *Алексанна. Михайловна* — как *Михална, Павловна* — как *Пална*.

Более употребительные женские отчества от имен на *-ий* обычно произносятся без *-ев*: *Васильна, Анатольна, Савельна, Арсеньна, Евгеньна, Аркадьна, Афанасьна, Григорьна, Юрьна*.

Менее распространенные женские отчества от имен на *-ий* могут сохранять сочетание *-ев*: *Валерьевна, Корнельевна, Меркурьевна, Геннадьевна*.

ЛИТЕРАТУРНОЕ УДАРЕНИЕ

Многие односложные имена существительные мужского рода имеют в косвенных падежах единственного числа ударение на окончании, например: *бинт — бинтá, штрих — штрихá, зонт — зонтá*.

В винительном падеже единственного числа существительные женского рода имеют ударение то на окончании, то на корне — ср.:

- 1) *весна́ — весну́, нора́ — нору́, стопа́ — стопу́;*
- 2) *гора́ — го́ру, доска́ — до́ску, цена́ — це́ну, шека́ — ще́ку.*

С ударением на окончании произносятся некоторые имена существительные женского рода при употреблении с предлогами *в* и *на* в обстоятельственном значении: *на груди́, на двери́, в ночи́, в сети́, в чести́*.

В родительном падеже множественного числа произносятся:

- 1) с ударением на основе: *ме́стностей, по́честей, при́былей;*
- 2) с ударением на окончании: *ведомостéй, крепостéй, новостéй, повестей, скатертей, четвертей.*

Различается произношение *ступе́ней* (в лестнице) и ступене́й (ступень развития чего-либо).

Иногда предлоги принимают на себя ударение, и тогда следующее за ними существительное (или числительное) оказывается безударным. Чаще всего ударение перетягивают на себя предлоги *на, за, под, по, из, без*, например:

на: *на́ воду, на́ ногу, на́ руку, на́ спину, на́ душу, на́ зиму, на́ стену, на́ голову, на́ сторону, на́ берег, на́ год, на́ дом, на́ нос, на́ ухо, на́ день, на́ два, на́ шесть, на́ сто;*

под: *по́д ноги, по́д руки, по́д гору, по́д нос, по́д вечер;*

по: *по́ морю, по́ полю, по́ лесу, по́ полу, по́ два, по́ сто, по́ двое;*

из: *и́з лесу, и́з дому, и́з носу, и́з виду;*

без: *бе́з вести, бе́з толку, бе́з году неделя.*

Во многих глаголах прошедшего времени в форме женского рода ударение стоит на окончании:

Бралá, былá, взялá, вилá, внялá, вралá, гналá, далá, донялá, дралá, жилá, задалá, занялá, звалá, лилá, нажилá, нанялá, началá, пилá, плылá, понялá, прибылá, принялá, рвалá, раздалá, слылá, снялá, спалá и др.

У многих страдательных причастий прошедшего времени ударение стоит на основе, кроме формы единственного числа женского рода, в которой оно переносится на окончание, например: *взят — взятá — взято — взяты; принят — принятá — принято — приняты; продан — проданá — продано — проданы; прожит — прожитá — прожито — прожиты* и т.д.

В разговорной речи часто наблюдаются отступления от литературных ударений в кратких формах прилагательных и причастий. Однако если вы вдруг засомневаетесь, как правильно произнести — *пра́вы* или *правы́*, вспомните лермонтовские слова: *Безумец я! Вы пра́вы, пра́вы!..*

Составитель словаря-справочника «Культура русской речи» профессор Л.И. Скворцов, отмечая, что «социальные сдвиги нашего времени», изменения в структуре общественно-политического строя, смена форм собственности и состава «активных участников коммуникации (включая «новых русских») приводят к известному расшатыванию традиционных литературных норм»¹. И это особенно заметно в нарушении орфоэпических правил. «Расхожим анекдотом, бродячей шуткой» назвал автор этого словаря-справочника ошибочные ударения в ряде слов — *нАчать, прИнять, углУбить, средствА, облЕгчить, обеспЕчение, упрочЕние, внЕсенный, Эксперты, бОязнь, прИрост* и др., а также произносительные ошибки типа *будуЮщий, инциНдент, прецеНдент, констаНтировать, компромеНтировать* и т.п. Проверьте себя: не делаете ли вы таких ошибок? И почаще заглядывайте в Словарь литературного произношения и ударения. Его краткий вариант приведен в конце данного пособия.

¹ Скворцов Л.И. Культура русской речи: словарь-справочник. М., 1995. С. 5.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ УДАРЕНИЙ И ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

- А**
авиамоделѝзм [дэ]
автобус
автозаводский
авторалли
автостоп
автограф
агѝнт
агѝнтство [нств]
агонѝя
агрѝссия
агронѝя
адаптер [тэ]
адекватный [дэ]
аденоиды [дэ]
академия
акварель
акселерация
алкоголь
алфавит
амѝба
ампѝр, *род. мн.* ампер
аналог
анатом
анестезѝя [нэ; тэ]
аноним
антѝнна [тэ]
антитѝза [тэ]
апартаменты *и* апартаменты
апартеѝд [тэ]
апелляция
апѝкриф
апострѝф
апофеоз
аппендицит
арбуз
аргумент
арѝст
аристократия
арпѝджио [йо] *и* арпѝджо [жо]
асбѝст
асбестоцемент
асимметрия
астероид [тэ]
астроном
- атеизм [тэ]
атеист [тэ]
ательѝ [тэ]
атлас (собрание географических карт)
атлас (ткань)
атлет
атомный
афѝра
азѝробика
- Б**
байховый (чай)
балованный
баловать
балюстрада
бассейн [*не сѝ*]
бахчевой
бѝдный, *мн.* бѝдны *и* бѝдны
бѝзвѝстный [сн]
бѝзвластный [сн]
бѝзвозмѝздный [зн]
бѝзмѝлвствовать [лств]
бѝзрадостный [сн]
бѝзудержный
бѝз ѝмолку
бенефѝс
бензопровод
берѝста *и* берѝста
бѝскорѝстный [сн]
бѝспрецедеѝтный
бѝсстрастный [сн]
бѝсхребѝтный [нэ]
бинт, бинта
благостный [сн]
блѝкнуть
блеф
близкий, *мн.* близки *и* близки
блокировании
блокировать
боа [бо]
бѝдрый, *мн.* бѝдры *и* бѝдры
бомбардировать
бомбовый
бѝязнь
братание

брататься
 бриллиант *и* брильянт
 броня (закрепление чего-н. за кем-н.)
 броня (защитная облицовка из стали)
 брошюра [шу]
 будничн^ый *и* буднишн^ый
 бунгало
 бунт, *мн.* бунты (стихийное восстание)
 бунт, *мн.* бунты (связка, кипа)
 буржуазия
 бурить, бурит
 бытие
 бюрократия

В

валовой
 ва́жный, *мн.* ва́жны (существенны)
 и ва́жны (напыщенны)
 варить, варю, ва́ришь
 ватерли́ния [тэ]
 ватерпо́ло [тэ]
 ватт, *род. мн.* ватт
 ва́хтер (содержатель судового
 имущества)
 вахтёр (дежурный сторож)
 ваяние
 ваятель
 введённый
 ве́домость, *род. мн.* ведомостей
 ве́рба
 ве́роиспове́дание
 вертеть, верчу́, ве́ртишь
 вертящий
 ветерина́рия
 вза́шей *и* вза́шей
 взбодрить
 взрывно́й
 ви́дение (способность видеть)
 ви́дение (призрак)
 вира́ж, вира́жа (поворот с креном)
 вира́ж, вира́жа (раствор)
 вкла́инить *и* вкла́инить
 вку́сный, *мн.* вку́сны *и* вкусны́
 вла́стный [сн]
 внесённый
 возра́стной [сн]
 волшебство
 во́льт, *род. мн.* вольт
 во-пе́рвых
 вор, вора, *мн.* во́ры
 воробушек *и* воробышек
 воро́та
 во́семь, *тв.* во́сьмью *и* во́семью
 воскресе́ние (возрождение)
 воскресе́нье (день недели)

вперегонки
 вперить
 воспроизведённый
 вре́дный, *мн.* вре́дны *и* вредны́
 временщик
 всегда́шний
 всплеск
 вто́ргнуться
 втридешева
 втридорога
 вундеркинд [дэ]
 вы́сокий, *мн.* вы́соки *и* высо́ки
 высококвалифи́цированный
 (*не* высококвалифи́цированный)

Г

гази́рованный
 гази́ровать *и* газировать
 газопровод
 ганте́ль [тэ]
 гастроно́мия
 гегемо́ния
 гекта́р
 ге́незис
 геоде́зия [дэ]
 герб, герба́, *мн.* гербы́
 гербовый
 гли́ссер
 глубокий, *мн.* глубо́ки *и* глубо́ки
 го́дный, *мн.* го́дны *и* годны́
 голо́дный, *мн.* голо́дны *и* голо́дны
 гоня́щийся
 го́рдиев узел
 го́рестный [сн]
 горчи́чник [шн]
 госпи́тальный
 гофри́рованный
 гравёр
 гравиро́ванный
 гренадёр
 гриб, *род. ед.* гриба́
 гро́зный, *мн.* гро́зны *и* гро́зны́
 гротёск [тэ]
 грубоше́рстный [сн]
 грузить, грузу́, гру́зишь
 гру́зный, *мн.* гру́зны *и* грузны́
 гру́стный, *мн.* гру́стны *и* гру́стны́ [сн]
 грязный, *мн.* грязны *и* грязны́
 губчатый
 гусеница
 густо́й, *мн.* гу́сты *и* гу́сты
 густоше́рстный [сн]
 гусь, гуся́

Д
 давни́шний
 да́вящий *и* да́вший
 далёкий, *мн.* далеки *и* далёки
 далеко *и* далёко
 дать, *прош.* да́ло *и* далó
 двоюродный
 двухме́стный [сн]
 дебарка́дер [дэ, дэр]
 дезинфе́кция [*не* дэзы]
 де́ка [дэ́]
 деликатёс [тэ́]
 де́лящий *и* де́лящий
 демарш́ [дэ́]
 демокра́тия
 денационализа́ция [дэ́]
 департа́мент
 дерматин
 де́спот
 деспот́я
 детекти́в [дэ, тэ́]
 де-фа́кто [дэ́]
 дефис
 дециме́тр
 де-юре́ [дэ, рэ́]
 де́ятельность
 диа́гноз
 диало́г
 диети́а [иэ́]
 диоптри́я
 дипломи́рованный
 дис́кант
 диспансе́р [сэ́]
 диспле́й [лэ́]
 дистилли́рованный
 дли́нный, *мн.* дли́нны (стихи
 дли́нны) *и* дли́нны (рукава дли́нны)
 до́блестный [сн]
 добросо́вестный [сн]
 до́брый, *мн.* до́бры *и* до́бры
 добы́ча
 доведённый
 довезённый
 до́гмат
 догово́р, *мн.* догово́ры
 догово́ренность
 дозвони́ться, дозвоню́сь, дозвони́шься
 докуме́нт
 до́ллар
 донéльзя
 допечённый
 дости́гнувший *и* дости́гший,
 драматурги́я
 дре́вко

дремо́та
 дрессиро́ванный
 дружи́ть, дружу́, дру́жишь
 дру́жный, *мн.* дру́жны
и дру́жны
 дурно́й, *мн.* ду́рны *и* дурны́

Е
 единовла́стный [сн]
 единопле́менный
 еди́нство
 ёмко́стный [сн]

Ж
 жа́дный, *мн.* жа́дны *и* жа́дны
 жа́лостливый [сл]
 желе́зоплавильный
 же́лтый, *мн.* желты́ *и* же́лты
 жел́чный *и* же́лчный
 же́мчуг, *мн.* жемчу́га
 жизнеобеспе́чение
 жизнера́достный [сн]
 жи́рный, *мн.* жи́рны *и* жи́рны

З
 забелённый
 заброниро́вать (закрепить что-н.
 за кем-н.)
 заброниро́вать (покрыть броней)
 завезённый
 заведённый
 завидно
 завистли́вый [сл]
 завро́жённный
 завсегда́тай
 загово́р
 загово́рщик
 заголо́вок
 загры́зённый
 задолго
 за́дорого *и* задо́рого
 зады́млённый *и* зады́мленный
 заём
 зазвони́ть, зазвони́ю, зазвони́шь
 зазубри́ть, зазубри́т *и* зазубри́т
 зайндеветь *и* зайндеве́ть
 заклéить
 закли́нить *и* закли́нить
 заку́порить
 заслони́ться
 замаски́ровать
 замедле́нный
 заме́нённый
 замкнутый

заморённый
 занесённый
 занятой (человек)
 заня́тый (дом)
 заостри́ться
 заперши́сь
 заплёсневе́лый *и* заплесневе́лый
 запломбирова́нный
 запломбирова́ть
 заржа́веть *и* заржаве́ть
 заряже́нный *и* заряже́нный
 заселе́нный
 засне́женный
 засоре́нный
 за́суха
 звёздный [зн]
 звони́ть, звони́ю, звони́шь
 здра́вствовать [аств]
 злоба
 значимо́сть
 зубча́тый

И

идентичный [дэ]
 иероглиф
 изба́, *вин.* изба́ *и* избу́
 избало́ванный
 избалова́ть
 избра́нный
 изваяние
 изве́стный [сн]
 изгна́нный
 изгры́зенный
 издавна
 изда́лека *и* изда́лёка
 изнеможе́нный
 изобре́тение
 изредка
 иконопись
 иллюстри́рованный
 импорт
 импульс
 ина́че *и* ина́че
 индекс [дэ]
 индустрия́ (*реже* индуст́рия)
 инноплеме́нный [*не* мё]
 инструме́нт
 интервие́ние [тэ]
 интервьё́ю [тэ]
 интерна́т [тэ]
 интере́ёр [тэ]
 инциде́нт
 ирис (растение, нитки)
 ири́с (сорт конфет)
 искра

искренне *и* йскренно
 искри́стый *и* йскристый
 искри́ться *и* йскри́ться
 йсподво́ль
 йсподни́зу
 йспоко́н (веку)
 иссе́чь, *прош.* иссе́к
 иссу́шенный
 истекши́й
 истерия́
 исчерпа́ть

К

кака́о [ао]
 ка́мбала
 каменнотуго́льный
 и каменнотуго́льный
 ка́мешек *и* ка́мушек
 камфа́ра *и* ка́мфора
 камфа́рный *и* ка́мфорный
 капри́ччио [йо] *и* капри́ччо [о]
 каньон [ньё]
 капу́стник [сн]
 карто́н (*не* кардон)
 каре́ [рэ]
 катало́г
 катастро́фа
 каучу́к
 кафе́ [фэ]
 кафете́рий [тэ]
 кварта́л
 кедровый
 кета́ *и* кета́
 киломе́тр
 кинематогра́фия
 кирзовый *и* кирзо́вый
 китовый (ус)
 ки́читься
 кладби́ще
 кладова́я
 класть, *прош.* клал, кла́ла
 кле́ить, кле́ю, клеи́шь
 ко́клюш
 ко́лледж (в Англии и США)
 ко́ллеж (во Франции)
 ко́лосс
 комбайне́р *и* комбайне́р
 ко́мпас
 ко́мплекс
 компромети́ровать
 компью́тер [тэ]
 конё́чно [шн]
 контра́стный [сн]
 конфетти́
 коротки́й, *мн.* ко́ротки *и* коротки́

корте́ж [тэ]
 коры́стный [сн]
 костюми́рованный, *устар.*
 костюми́рованный
 котте́дж [тэ]
 крапи́ва
 краси́вее
 кра́шенье (*не* краше́нье)
 кре́пость, *род. мн.* крепосте́й
 креме́нь
 кристаллизи́ровать
 и кристаллизовать
 кроённый
 кувыркну́ться
 кулина́рия *и* кулина́рия
 купе́ [пэ]
 ку́хонный (*не* кухо́нный)

Л

ла́зер [зэ]
 ласо́
 легкоатле́т
 ле́жбище
 лексико́граф
 лени́ться
 ле́стный [сн]
 ле́стница [сн]
 летарги́я
 летосчисле́ние
 лифтово́й *и* лифтовый
 лозунго́вый
 ломо́та
 ломо́ть
 лубо́чный
 лягуша́чий *и* лягу́шечий

М

магази́н
 мальчи́ковый
 манёвры
 мани́ть, мани́о, мани́шь
 мани́щий
 маркирова́ть
 мартён [тэ]
 масли́чный (дающий масло)
 масли́чный (*от* маслина)
 масте́рский
 масте́рство
 масшта́б [ашт]
 медикаме́нты
 медальо́н [льё]
 ме́льком
 ме́стничество [сн]
 ме́стность, *род. мн.* ме́стностей

ме́стный [сн]
 металлурги́я (*реже* металлур́гия)
 метеоро́лог
 мизе́рный
 ми́нусовый *и* минусо́вый
 моде́ль [дэ]
 мокро́та (слизистые выделения)
 мокрота́ (сырость)
 молодё́жь
 моноло́г
 монуме́нт
 морковь
 моте́ль [тэ]
 му́скулистый *и* мускули́стый
 му́тный, *мн.* му́тны *и* мутны́
 муштра́
 мы́каться
 мыта́рство
 мяго́нький *и* мяко́нький

Н

на́бело
 наве́рное
 наве́рх
 наголо́ (остричь)
 наголо́ (держать шашки)
 на́говор
 надзвёздный [зн]
 надолго́
 надоуми́ть
 нае́здник [зн]
 наиско́сь
 накова́льня
 нало́говый
 нало́женный (плате́ж)
 наме́рение
 наме́стник [сн]
 нанесе́нный
 наотма́шь
 наро́чно [шн]
 насе́чь
 небезызвёстный [сн]
 некроло́г
 немота́
 ненави́стный [сн]
 неподалёку
 непревзойде́нный
 несессе́р [нэ, сэ, сэ]
 несча́стный [сн]
 нефтепрово́д
 нефтя́ник
 новорождённый
 нормирова́ть *и* норми́ровать

О

обезу́мьт
 обеспéчение (*не* обеспéчение)
 обеспéнить
 обетовáнный
 областнóй [сн]
 облегч́ить
 обменённый
 обнару́жение *и* обнаруже́ние
 ободр́ить
 обостр́ить
 обронённый *и* обрóненный
 обходнóй (лист, мост, путь) *и*
 обходнóй (манёвр)
 община *и* община (палата общин;
 крестьянская община)
 обы́денный
 огу́лом
 одолж́ить, одолж́у, одолж́ишь
 озв́учить
 озлобленнóй
 окисл́ить
 окрестнóсть [сн]
 олигáрхия
 омоложённый
 опе́ка
 опери́ться
 оптов́ый
 ортопéдия
 осведоми́ть
 осведомлённый
 осёдл́ый
 острогá (рыбное орудие)
 отбыв
 отбывши́й
 оценённый
 очистнóй [сн] *и* оч́истный [сн]

П

пáкостный [сн]
 пáмятуя (*не* пáмятýя)
 парашю́т [ут]
 партёр [тэ]
 пáсквиль
 пáхота
 пенснэ́ [нэ]
 переведённый
 перевезённый
 переводнáя (картинка)
 переводнóй (балл, роман)
 переводнóе (экзамены)
 переводнóй (бланк)
 переноснóй (радиоприемник)
 пересéчь, *прош.* пересéк

перенóсный (переносное значение)
 переходнóй (мост, тоннель; балл)
 переходнóй (возраст; глагол)
 петля *и* петл́я
 планёр
 плéсневеть
 побелённый
 погру́женный (на платформу)
 погру́женный (в воду, в мысли)
 подбодр́ить
 подвижнóй (состав)
 подви́жный (ребенок)
 подзаго́ловок
 подметённый
 поднесённый
 подогну́тый
 подро́стковóй
 подсвэ́чник [шн]
 поздно́ [зн]
 пористýй
 портфэ́ль
 поручни́
 посóленный
 постамент
 постнóй [сн]
 поутру́
 похороны́, на похоро́нах
 почталё́н [льэ́]
 пра́чечная [шн]
 предвосх́итить
 предчу́вствие [уств]
 премиро́вание
 премиро́ванный
 премиро́вать
 прэ́сса [*не* рэ]
 пресéчь, *прош.* пресéк
 претендэ́нт
 прецедэ́нт
 прибли́женный (к чему-л.)
 прибли́женный (близкий)
 при́быль, *род. мн.* при́былей
 приведе́нный
 привезённый
 приговóр
 принесённый
 принуд́ить
 принцип
 приня́ть, *прош.* приня́л
 приободр́ить
 приобретённый
 прирóст
 приручённый
 проведённый
 проё́кт [эк]
 произведённый

простыня́, *род. мн.* про́стынь
и простыне́й
процент
проясниться (очиститься от туч)
проясниться (стать немым)
псевдо́ним
психоло́г
пустя́чный [шн]
путепровод

Р

ра́дио [ио]
ра́достный [сн]
разведённый
развито́й (ребенок)
развита́я (промышленность)
разви́тый (в умственном отноше-
нии; развита́я нами деятель-
ность)
разви́тый (раскрученный;
развитые волосы; развитый
конец верёвки)
размину́ться
разогну́тый
разомкну́тый
ра́курс
рассерди́ться
рассе́чь, *прош.* рассёк
расщеплённый
револьве́р
ретиро́ваться
ржаветь *и* ржаве́ть
руководи́ть, руковожу́, руководи́шь
рыси́стый

С

са́жень *и* саже́нь, *род. мн.* са́жен
и саже́ней
салютова́ть, салюту́ю,
салюту́ешь
самочу́вствие [уств]
сантиме́тр
свезе́нный
свёкла
сви́тер [тэ]
сёпис [сэ]
се́рдце [рц]
сечь, *прош.* сёк, секла́, секло́
си́нтез [тэ]
сирота́, *мн.* сироты́
скве́рный, *мн.* скверны́ *и* скве́рны
скворе́чник [шн]
скло́нен (в чем-н.)
склонён (перед кем-н.)
скреплённый

ску́чно [шн]
сло́женный (из деталей)
сло́женный (обладающий тем
или иным телосложением)
случа́й
сметли́вый
соболе́знование
соверше́нный (достигший
совершенства)
соверше́нный (сделанный)
со́вестливы́й [сл]
со́вестно [сн]
совреме́нный
согбе́нный (*не* со́гбенный)
согну́тый (*не* согну́тый)
созво́ниться, созво́нимся
созы́в
со́лнце [онц]
со́льфеджио [ио] *и* со́льфеджо [жо]
сосредото́чение
сочу́вствовать [уств]
спринте́р [тэ]
сре́дство, *мн.* сре́дства
стаби́льный
ста́тус
ста́тут
ста́туя
стеногра́фия
столя́р
строга́льный
строга́ть *и* струга́ть
ступе́нь, *род. мн.* ступе́ней
(у лестницы) *и* ступене́й
(степень развития, этап)
су́дно
сце́пленный
сча́сливы́й, сча́слив [сл]

Т

та́ндем *и* та́ндем
тво́рог *и* твóрог
те́ма [не тэ]
те́мбр [тэ]
те́мп [тэ]
тенде́нция [тэ; дэ]
те́ндер [тэ; дэ]
те́ннис [тэ]
те́нт [тэ]
те́плиться
теплопрово́д
те́рмин [*не* тэ]
те́рмос [тэ]
те́сный, *мн.* те́сны *и* тесны́
те́фтели *и* тефтели́
тигровы́й

тира́ния
тире́ [рэ]
то́лстый, *мн.* то́лсты *и* толстѣ́
тонкоше́рстный [сн]
то́пливный
тошнота́
тя́гостный [сн]

У

уведѣ́нный
увезѣ́нный
углуби́ть
уго́ль, *род.* у́гля *и* углѣ́
уго́льный (от уго́ль)
уго́льный (от уго́л)
украи́нский
умѣ́рший
унесѣ́нный
унт, унта́, *мн.* унтѣ́, унто́в
и у́нта, у́нты, *мн.* у́нты, унт
упро́чение
упро́щённый
усугуби́ть
ути́ль, ути́ля
утолще́нный
уце́ненный
ушко́ *и* ушкó

Ф

факси́миле
фарва́тер [тэ]
фарфо́р
фе́ерия [э́р]
фейерве́рк
фельдшер [льш]
фено́мен
фети́ш
фила́нтро́пия
фили́стер
фольга́
фонѣ́тика [нэ]
форми́рова́ть
фортепи́ано *и* фортепья́но
фо́рум
фреза́
фунда́мент

Х

ха́нжеский
ха́нжество
характе́рный (человек)
характе́рный (поступок)
хвастну́ть [сн]
хиру́ргия
ходатайствоват́ь

хо́зяева
хо́лений *и* хо́лёный
хо́лодный, *мн.* хо́лодны
и хо́лодны́
хребѣ́т
христиа́нин
хроно́граф
хроно́метр

Ц

цейтнóт
це́мент
це́нтнер
цитаде́ль [дэ]

Ч

ча́рдаш *и* ча́рдаш
ча́стный [сн]
че́рпать
че́стный [сн]
честь, в че́сти
чи́нить (карандаш, препятствие)
чти́ть, *мн.* чтя́т *и* чтут

Ш

шасси́
шевели́ть, шевелю́, шевели́шь
шимпанзе́ [зэ]
шриф́т, шриф́та
ште́мпель [тэ]
ште́псель [тэ]

Щ

шавѣ́ль
щелочно́й
шепо́тка

Э

экза́льтирова́нный
э́кскурс
э́ксперт
э́кспорт
эпи́граф
эпи́лог

Ю

ю́ркнуть *и* ю́ркну́ть
ю́рта

Я

языко́вой (относящийся
к словесному выражению
мыслей)
языко́вый (относящийся
к органу в полости рта)

Рекомендуемая литература

1. *Аннушкин В.И.* Первая русская «Риторика». (Из истории риторической мысли). М., 1989.
2. *Аристотель.* Риторика. Поэтика. М., 2002.
3. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
4. *Бельчиков Ю.А.* Лексическая стилистика. М., 1977.
5. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959.
6. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
7. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
8. *Вишнякова О.В.* Паронимы в русском языке. М., 1974.
9. *Вомперский В.П.* Риторика в России XVII—XVIII вв. М., 1988.
10. *Галь Н.* Слово живое и мертвое. М., 2001.
11. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1988.
12. *Голуб И.Б.* Стилистика русского языка. М., 2008.
13. *Граудина Л.К.* Русская риторика: хрестоматия. М., 1996.
14. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы изучения. М., 1987.
15. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
16. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М., 1983.
17. *Кохтев Н.Н.* Ораторская речь: стиль и композиция. М., 1992.
18. *Кохтев Н.Н.* Риторика. М., 1994.
19. *Кузнецов И.Н.* Риторика. Мн., 2003.
20. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Т.7. М.; Л., 1952.
21. *Михальская А.К.* Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996.
22. *Одинцов В.В.* Стилистика текста. М., 1980.
23. *Платон.* Собрание сочинений: в 3 т. М., 1970.
24. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь трудностей русского языка. М., 1976.
25. *Розенталь Д.Э.* Практическая стилистика русского языка. М., 1977.
26. *Солганик Г.Я.* Практическая стилистика русского языка. М., 2006.
27. *Толковый словарь русского языка конца XX века: языковые изменения.* СПб., 1998.
28. *Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б.* Риторика. Ростов н/Д, 2004.
29. *Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.
30. *Ширяев Е.Н.* Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Учебное издание

Голуб Ирина Борисовна
Неклюдов Владимир Дмитриевич

РУССКАЯ РИТОРИКА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Учебное пособие

Ответственный за выпуск *Э.Б. Шейхуллина*
Корректор *Т.Б. Слизун*
Компьютерная верстка *И.В. Кравченко*
Оформление *А.П. Ероховой*

Подписано в печать 30.09.2011. Формат 60х90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 20,5.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательская группа «Логос»
123104, Москва, Б. Палашевский пер., д. 9, стр. 1

**По вопросам приобретения литературы
обращаться по адресу:**

111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31
Тел./факс: (495) 645-89-24

Электронная почта: universitas@mail.ru

Дополнительная информация на сайте: [http:// www.logosbook.ru](http://www.logosbook.ru)